

Мика Ртуть

ЗОВИ МЕНЯ СМЕРТЬ

Интермедия

614 г. от основания империи (18 лет назад). Суард.

По спящей улице мчался всадник. Лицо его скрывал капюшон, спина пучилась горбом под плотным плащом. Усталый конь, роняя хлопья пены, остановился на центральной площади, между двух одинаково темных громад с высокими шпилями.

Всадник оглядел попеременно оба храма, пытаясь понять — который из них Сестры, а который — Брата? Но не обнаружил ни одной подсказки, оба храма в темноте выглядели одинаково. Зато в тишине особенно отчетливо слышался цокот копыт — пока еще далеко, за несколько кварталов от храмов.

— Сестра, сохрани!

Осенив лоб малым окружьем, всадник скинул плащ. По плечам рассыпались светлые волосы, а горб за спиной оказался мягкой корзиной, из которой высовывалась детская голова.

Человек спешил и снял со спины корзину. Вынул малыша, закутал в шаль и направился к дверям ближайшего храма — того, что был слева. Опустившись на колени, осторожно уложил спящего ребенка на крыльцо и провел над ним руками, роняя золотые искры. Малыш завозился во сне, улыбнулся, но не проснулся. И исчез.

Стук копыт приближался.

Человек вскочил, закинул корзину за спину, прикрыв сверху плащом. Взлетел на лошадь и поскакал прочь.

Едва горбатая фигура скрылась за поворотом, на площадь выехала пятерка всадников, закутанных в плащи с капюшонами. Первый молча поднял руку, призывая всех остановиться. Так же молча спрыгнул с коня и направился к дверям правого храма. Поднялся по ступеням и постучал.

— Благословенны будьте, путники. Что привело вас в обитель Светлой Сестры? — улыбнулся заспанный седобородый настоятель. — Проходите, помолимся рассвету.

— Где ребенок?

Настоятель пожал плечами.

— Вам только что оставили ребенка. Где он?

— Простите, но никакого ребенка нам не оставляли. Приют не здесь.

— Отдайте. Это сын нашего господина. Его похитили. Отдайте.

— Сочувствую вашему господину, но ребенка здесь нет. Прошу, зайдите в храм, посмотрите сами.

Халлир Белый, настоятель храма Светлой Райны, распахнул обе высокие двери, выпуская в уходящую ночь янтарный свет фейских груш и тонкий аромат шафрана. Отпихнув его, гость встал на пороге и осмотрел белые каменные стены, украшенные резьбой и мозаиками, круглый камень посередине единственного зала, пустые деревянные лавки. Не говоря ни слова, он развернулся и быстрым шагом направился к четырем неподвижным фигурам. Вспрыгнул на лошадь, махнул рукой — и кавалькада с места в карьер покинула площадь Близнецов.

Глава 1. Упыри и романтика

632 г. от основания империи. 1-й день каштанового цвета, Риль Суардис, Шуалейда шера Суардис.

Просыпаться рядом с любимым — что может быть прекраснее! Когда тебя обнимают сильные руки, когда ты чувствуешь тепло мужского тела, ощущаешь дыхание на своих волосах, прижимаешься к любимому так тесно, что и лезвия не просунуть между вами. Когда, уловив твое первое сонное шевеление, он улыбается и шепчет:

— Светлого утра, моя Гроза.

А ты лениво, не открывая глаз, потягиваешься, ощущая бедром всю крепость его любви, так же тихо отвечаешь:

— Утра, мой светлый шер, — и оборачиваешься, на ощупь тянешься за первым, самым сладким поцелуем...

Едва коснувшись горячих и нежных губ, открываешь глаза и понимаешь, что обнимаешь не любовника, а спящую рысь.

— Мр-ряф? — недоуменно спросила Морковка, мол, с чего такие нежности, хозяйка? И лизнула Шу мокрым и шершавым языком в нос.

— Брысь!

Спихнув рысь с кровати, Шу прикрыла глаза, пытаясь удержать остатки сладкого сна.

Постель все еще пахла морем, соснами и самую капельку оружейным маслом. Даймом. Даже хранила его призрачное тепло. Правда, блаженное спокойствие сна уже рассеялось, и ему на смену явилась сотня вопросов. Первым из которых был: чем же закончился вчерашний бал? Все ли хорошо с отцом? Когда она засыпала, ему было лучше, но с тех пор прошло... сколько? Почему Дайм ничего не рассказал?

Припомнив подробности сна, Шу залилась жаром. Вообще-то им обоим было не до разговоров. Совсем-совсем. И сейчас Шу с удовольствием бы повторила все то, что ей приснилось, только наяву...

— Ментальное воздействие пятого уровня, — мечтательно глядя на цветущий за окном каштан, сказала Шу. Вслух. Сама себе. Или тому полковнику Магбезопасности, который вполне мог ее сейчас слышать. — Ты должен сам себя арестовать, Дайм шер Дюблайн.

Полковник МБ не ответил. Наверное, ему вовсе не было стыдно за нарушение закона. Вместо него ответила Морковка.

— Мрр-ау! — зевнула она во всю пасть и потянулась, выпустив когти и прогнув спину.

А Шу вскочила с постели, призвала какую-то одежду (кажется, свою, а может быть, и Каetano) и как была босиком, помчалась искать Дайма... то есть, конечно же, узнавать самые последние новости!

Добежала она ровно до столовой, откуда доносились тихие голоса, звон столовых приборов и вкуснейшие запахи.

— Кай, так что вчера... О, герцог...

— Светлого утра, ваше высочество. — Альгредо встал и поклонился Шу.

Все мужчины, присутствующие за завтраком — Зако, Мануэль, Энрике и Кай — последовали его примеру. А сидевшая между Альгредо и Каем девушка, судя по фамильному сходству — дочь Альгредо, уставилась на Шу во все глаза. Красивые, черные и полные шаловливых искр глаза. Вообще Таис Альгредо Шу понравилась. Никакого жеманства, никаких лицемерных ахов по поводу мужских штанов, надетых на Шу, зато море любопытства. Ну и воздушный дар, да. Небольшой, едва-едва на третью категорию, но он был. Что, без сомнения, существенно облегчало понимание между Шу и ее будущей фрейлиной.

— Я уж думал, ты будешь спать до ужина, — подмигнул Шуалейде Кай и указал на место рядом с собой.

— И не надейся, — хмыкнула Шу и уселась за стол. — Я голодна, как стая упырей.

Морковка, которую к столу не звали, устроилась рядом. В засаде. Хотя Шу была твердо уверена, что в отличие от нее рысь уже позавтракала, и, возможно, не раз.

— Упырям несвойственно собираться в стаи, — неописуемо занудным тоном сообщил Энрике.

Шу, а следом за ней Кай с приятелями рассмеялись. Таис покосилась на них с еще большим любопытством. Чего такого смешного сказал капитан Магбезопасности?

Шу и сама бы не ответила на этот вопрос. Просто... ну... это была такая обыденная, такая привычная шутка! Энрике, любимый учитель «стратегических маневров», читай шалостей и отмазок, изображает зануду, это же... да, это смешно! И прекрасно! Как будто вчера на балу никого не убили, никого не обвинили в измене... Как будто жизнь по-прежнему легка и спокойна.

— Энрике как-то водил нас на охоту за упырями, — пояснил для Таис Кай. — Это было очень весело.

Весело? После вчерашнего Кай считает, что упыри — это весело?!

— Я бы не отказалась от такого развлечения, — кокетливо похлопав ресницами, сказала Таис и покосилась на отца. — Конечно, в хорошей компании. А того упыря, что вчера выл, уже поймали?

Вот тут Шу поняла, что она ровным счетом ничего не понимает. И брат, и Таис так легко говорят об упырях, словно вчера ничего не произошло. Она же сама видела, как Дайм вошел в зал с телом Саламандры на руках и привел еще живого упыря. Они все видели!

«Энрике, что происходит?!» — мысленно позвала она.

«Шера Альгредо не помнит», — кратко, по существу, но совершенно непонятно ответил капитан МБ.

«А Кай? Зако и Мануэль? Сам герцог Альгредо?»

«Герцог помнит, остальные — нет. И предупреждая твой вопрос, его величество Тодор тоже не помнит. Поверь, так для него намного лучше».

«Для него — да, а вот для Кая — нет».

«Ну извини, накрыло всех, кто присутствовал в зале».

«Чем накрыло? И тебя тоже?»

«А я как раз относил тебя спать, так что ничего не видел и ничего не знаю».

«Энрике, что за чушь!»

«Это не чушь, а приказ начальства. С него и спрашивай».

«В смысле... это Дайм почистил память сотне гостей и слуг?!»

«Не знаю и знать не хочу, кто и как это сделал. И тебе не советую допытываться. Пусть тайны Магбезопасности останутся тайнами».

«Ширхаб их нюхай, все эти ваши тайны! Где полковник Дюбрайн?»

«А ширхаб его знает», — усмехнулся Энрике и включился в общий разговор о веселой жизни в Сойке.

Шу постаралась последовать его примеру, так и не решив, хочет немедленно рассказать брату о вчерашнем или не хочет портить ему настроение. В конце концов, все уже закончилось, Саламандра мертва, Люкрес вот-вот уедет из Суарда...

Наверное.

Надо срочно, немедленно найти Дайма и все у него узнать!

— Так что ты думаешь? — вырвал ее из размышлений Кай.

— А... ничего я не думаю, — пожала плечами Шу. — Паштет очень вкусный.

Кай нахмурился.

— Только не говори, что ты сейчас гредишь о его высочестве Люкресе.

Над столом мгновенно повисла тишина. Очень нехорошая, недоверчивая тишина. И все взгляды

обратились к Шу.

О боги! Неужели Кай поверил вчерашнему представлению?

Шу перевела взгляд на герцога Альгредо — но встретила все ту же настороженность. И в глазах Зако, Мануэля, Бален... Энрике... Энрике?!

— Вы что, серьезно? — Шу от возмущения даже вилку отложила, чтобы ненароком в кого-нибудь ей не кинуть. — Кто-то верит, что я влюбилась в самовлюбленного, истеричного мошенника?!

От всеобщего облегченного выдоха, кажется, даже люстра покачнулась. Одна лишь Бален по-прежнему смотрела настороженно. И явно не по поводу Люкреса.

— Ваше высочество были вчера очень убедительны, — дипломатично увилинул от ответа Альгредо.

— Еще бы мое высочество не было убедительно, — Шу прямо глянула ему в глаза, — когда речь идет о безопасности моей семьи.

Шу сама не понимала, обидно ей, что даже Кай поверил спектаклю, или она гордится своими способностями к притворству. Наверное, и то, и другое.

— Если ты хотела, чтобы о твоей будущей свадьбе с кронпринцем судачила вся Валанта, ты этого добилась, — все еще с нотками недоверия сказал Кай.

— Нет, я хотела, чтобы об этом судачила вся империя, — огрызнулась Шу. — И будь добр продолжать верить в мое любовное помешательство до тех пор, пока его высочество не отбудет восвояси. Без меня.

— Вот уж точно помешательство, — буркнул Кай. — Редкий индюк.

— Лучше скажите мне, Альгредо, как себя чувствует отец?

— На удивление хорошо. Вы вчера очень ему помогли, ваше высочество. Но если ваша сестра продолжит давить на него, то все может измениться.

— Ты бы слышала, как наша сестра сегодня утром орала на Бастерхази! — злорадно усмехнулся Кай. — Нашего придворного мага грозились отлучить от постели и выслать обратно в Метрополию, прямо в лапы Темнейшему Пауку.

— А почему темный шер должен этого бояться? — наплевав на этикет, спросила Таис.

Кай что-то ответил, явно красуясь перед Таис, но Шуалейда не очень-то расслышала, что именно. Ее затопило. При упоминании Бастерхази и его Темнейшего учителя все то, что ей вчера рассказала и показала Саламандра, поднялось в памяти мутной волной. На несколько мгновений Шу показалось, что это ее страх, боль и беспомощность. Что насиловали и унижали не Бастерхази, а ее саму, и пряталась по темным углам, мечтая о мести и тщетно ища безопасности, она сама... Ох, злые боги, да что с ней такое?.. Ее не касается, что там происходило с Бастерхази, когда ее самой на свете не было, она вообще не желает о нем помнить!

Все. Хватит. Она менталистка или где? Она может просто забыть обо всем этом. Не думать и не вспоминать. Надо только чуть-чуть постараться.

— Не портите мне аппетит разговорами о... — Шу запнулась, не в силах даже произнести этого имени.

— О темном ублюдке, — продолжила за нее Бален.

Вот теперь настороженность из ее тона пропала. И хорошо. И отлично! Еще не хватало рассориться с единственной подругой из-за какого-то... ширхаб его нюхай... Все. Забыли о прошлом, живем настоящим, здесь и сейчас.

— Думаю, вашему аппетиту поспособствует известие о том, что их высочество Люкрес отказались от участия в сегодняшней прогулке по окрестностям Суарда, — с едва заметной усмешкой сообщил Альгредо. — Их высочество дурно спали и желают тишины и покоя.

— То есть сегодня никаких торжественных мероприятий? — обрадовалась Шу.

Можно будет провести вечер с Даймом! Прогуляться в Лес Фей, поговорить о том и о сем... не только поговорить... И не вспоминать ни о кронпринце, ни о Саламандре, ни о всяких прочих гадостях. У нее обязательно получится.

— Увы, гости уже приглашены, включая послов Сашмира и баронств. Но прелесть прогулки в том,

что вашим высочествам не обязательно общаться с гостями постоянно.

— И когда мы должны исполнить долг перед подданными? — с напускной печалью спросил Кай.

— Все соберутся к двум пополудни. Обед планируется на берегу, гильдия речников устраивает парад и представление на воде. Уверен, вам понравится.

Под обсуждение водного представления Шу наконец-то позавтракала. Тошнить перестало, жизнь снова показалась прекрасной, а еще было ужасно забавно наблюдать за Каем и Таис. Эти двое определенно нашли друг друга! Наверное, потому что Таис не висла на наследнике престола, не льстила и не изображала из себя томную лань, а искренне интересовалась их детскими проделками и готова была хоть сейчас сменить парадное платье на удобные штаны и полезть вместе с мальчишками куда-нибудь в болото за особо голосистыми жабами.

Пожалуй, с такой фрейлиной Шу и в самом деле будет чувствовать себя в родном дворце гораздо лучше! Ну и Таис явно не будет претендовать на внимание Дайма. Для нее полковник МБ слишком взрослый. А вот мальчишки — в самый раз.

Цветы принесли, когда герцог Альгредо с дочерью откланивались. Расставались они ненадолго — Шу официально пригласила Таис на придворную службу, причем прямо сегодня. Раз уж Каю так нравится ее общество, пусть наслаждается им на прогулке.

— Цветы для вашего высочества, — объявил ужасно важный лакей, не умеющий скрыть отчаянного любопытства. Как же, он впервые так близко видел настоящую сумрачную колдунью! Ту самую, что победила зургов и приворожила самого кронпринца! Сегодня ему точно будет о чем рассказать на кухне.

— Отнесите в кабинет, — велела Шу.

Опасливая восторженность лакея сегодня вызвала лишь снисходительную улыбку. Кажется, она начала привыкать к жизни в родном доме и даже находить в ней некую прелесть.

Вот, к примеру, цветы. Две корзины роз, алых и белых. Безо всякой магии, просто свежие розы, и в каждой корзинке — записка. Очень мило. Правда, не очень понятно от кого. Вчера на балу она не успела даже толком ни с кем познакомиться, слишком занятая своим августейшим женихом. Вряд ли эти розы от него, слишком скромны. От Люкреса ей приносили корзину раз в пять больше и с бантами гербовых цветов императорской семьи, бирюзово-золотыми. А тут — обычные плетеные корзинки и свежие цветы, даже с каплями росы.

Очень мило.

И Кай сегодня же пошлет цветы Таис, он тоже перехватил ее задумчивый взгляд. Словно она размышляла: каково это, когда тебе дарят цветы? Хотя наверняка ей-то цветов дарили много и часто, она — завидная невеста. Одна из самых завидных невест королевства.

Распрощавшись с Альгредо и пообещав не влипнуть ни в какие приключения, Шу понеслась в кабинет. Надо же было выяснить наконец, от кого розы! Может быть, от Дайма? Наверное, вот эти, белые...

Сунув нос в полураспустившиеся бутоны и вдохнув сладкий запах варенья, Шу от удовольствия прикрыла глаза. Интересно, откуда Дайм знает, что она любит варенье из розовых лепестков? Неужели Энрике ему даже такие подробности докладывал?

Надо будет спросить. Потом. А сейчас — достать записку, квадратик плотной белой бумаги с ровными строчками... стихов? Ох... Дайм написал ей стихи!

Прежде чем их прочитать, Шу на миг прижала записку к сердцу. Просто... ну... ей никто раньше не дарил стихов. А потом медленно, наслаждаясь каждым словом, прочитала:

«Как роза прячется в траве, Так бриллиант горит в алмазе. О нашем грезе волшебстве, Шепните: Рональд Ба...»

— Бастерхази! — закончила она, отшвыривая прочь записку вместе с розами, и утерла злые, невесты откуда взявшиеся слезы.

— Что опять натворил этот мерзавец? — спросила влетевшая в кабинет Бален и обняла Шу.

— Он... он... — Шу не могла говорить, ее душили слезы.

— Он обидел тебя? Угрожал?..

— Он... стихи...

— Стихи? Шу, с тобой все хорошо? — Бален заглянула ей в глаза. — Какие еще стихи?

— Написал мне стихи... и розы... — Сказать что-то еще Шу не смогла, горло перехватило.

— Да пошел он, — зло прошипела Баль и, отпихнув ногой опрокинутую корзину роз, отвела Шу к дивану, усадила. — Этот негодяй не стоит твоих слез. Поверь мне, мы справимся...

«С чем справимся?» — хотела спросить Шу, но голос по-прежнему не слушался.

Она сама не понимала, почему рыдает. Ведь ее больше не тошнит, и она больше не вспоминает отвратительные рассказы Саламандры. Ей почти все равно. Почти совсем все равно! Просто...

Просто все это так несправедливо! Почему ее первый поцелуй — с Бастерхази? Ее первые стихи — от Бастерхази? Даже ее первый любовник — Бастерхази... Ширхабом нюханный обманщик! Притворяется милым и заботливым, очаровывает и соблазняет, лжет в глаза, а потом... Что он приготовил для Шу? Клетку? Рабский ошейник? Или ей предназначено стать еще одним Эйты, безвольной куклой в руках черного колдуна? О да, ее сердце будет биться, ее губы — улыбаться и нежно шептать его имя. Но будет это она или еще одно мастерски сделанное умертвие? Или еще хуже, ей придется каждый день жалеть, что она жива, и продолжать улыбаться, не в силах даже умереть по своей воле?

Как же мама была права, когда предупреждала не верить темному шеру! А она, глупая девчонка, соблазнилась на красоту и силу...

И никогда, никогда больше эта до сумасшествия прекрасная тьма не коснется ее, не поглотит, не разольется по венам бурлящим потоком радости. Потому что стоит вспомнить его прикосновения — и она ощущает себя изнасилованной. Как говорила Саламандра? Темные могут сделать так, что жертве это понравится. Что жертва сама будет желать еще страха, боли и унижения, ненавидеть себя — но приходить снова и снова, пока не сойдет с ума.

Как сходит с ума она. Ведь она же понимает, что темный шер — лжец, манипулятор, насильник и убийца. Но не хочет в это верить. Ее затопляет жалость к несчастному юноше, которого в пятнадцать лет отдали в рабство и которого некому было защитить. Ведь он же не виноват, что стал таким... чудовищем...

Проклятье.

— Убери это, — хрипло попросила Шу, едва поток слез утих. — И скажи мне, от кого те, красные. Если от него же — выброси.

Белые розы вместе с корзинкой и запиской отправились в камин.

А Бален осторожно, словно в листьях могла прятаться ядовитая змея, заглянула в корзину алых роз и вынула вторую записку.

— От Дюбрайна, — сказала она, взглянув на две короткие строчки, и протянула записку Шу.

Алую розу Шу вынула из корзинки сама, задумчиво провела пальцем по краю плотного, покрытого каплями росы лепестка. Она пахла иначе — свежестью и нежностью с легкой ноткой горечи. Наверное, потому что Шу внезапно задалась вопросом: а где провел эту ночь Дайм? Что помешало ему прийти не только в ее сон, но и в ее постель? Явно не уважение к этикету и протоколу.

В записке ответа на вопрос она не нашла, зато нашла кое-что другое. Наверное, даже лучшее.

«Увидимся на прогулке. Люблю тебя. Дайм».

Что ж, прогулка так прогулка. А пока неплохо было бы навестить отца и узнать, что там поделявает августейший жених. Главное, не попасться ему на глаза.

Глава 2. О свободе, мечтах и реалиях

2-й день каштанового цвета, Риль Суарис, Рональд шер Бастерхази.

Посыльного от кронпринца Роне воспринял как божеское благословение. Потому что последнюю четверть часа чувствовал себя тигром в клетке, причем не просто тигром, а укушенным под хвост.

О, если бы Саламандра не была надежно упокоена, с каким наслаждением бы Роне поднял ее и убил! Голыми руками, медленно и мучительно!

Проклятая интриганка, чтоб ей возродиться навозным жуком, сумела провести великолепную партию. Всего полчаса беседы с Шуалейдой, а какой результат! Чтоб ей, чтоб ее!..

И что теперь делать? Все его старания — насмарку! Аномалия не просто перестала ему доверять, ее теперь тошнит от одного его вида. Еще бы не тошнило. Роне и самого тошнило, когда он вспоминал первые годы обучения у Паука. Но он-то давно это все забыл, ему даже удалось убедить себя, что тот беспомощный, униженный мальчишка сдох вместе с последним из пяти «старших товарищей». И что Роне Бастерхази на самом деле родился ровно в тот день, когда ему дали вторую категорию и должность полпреда. А все, что было раньше, не более чем кошмарный сон. Очень полезный кошмарный сон, потому что из банки с паучатами он вышел закаленным, умелым и сильным колдуном. Без нервов. Без сердца. Без совести и сомнений. Зато с четкой и понятной целью: свобода, любой ценой — свобода!

Свобода, вкус которой он уже успел почувствовать на губах. Вкус солнечного света и грозы. Дайм и Шуалейда, два ключа к его свободе и счастью.

И почему он не убил Саламандру четырнадцать лет назад? Знал же, что она не простит уведенной из-под носа должности полпреда. Знал, но решил разобраться с этим потом, чтобы ни на мгновение дольше необходимого не оставаться в Метрополии, в пределах досягаемости Паука.

Безмозглый моллюск! Мякотелый, тупой неудачник! Дубина! Единственный раз в жизни повел себя, как «нормальный человек», а не темный шер, и получил все, что полагается за милосердие. Идиот. Боги, какой же идиот... И что теперь делать? Полноценное единение возможно только при полном, безоговорочном доверии и тесной эмоциональной связи. С Дюбрайном у них наверняка все получится, но Шуалейда! Шуалейда...

Розы и стихи не сработали. А ведь в них Роне вложил все свое мастерство, все свое отчаянное стремление к свободе, можно сказать — кровь своего сердца. И ни-че-го! Да, Шуалейда не почувствовала воздействия, но его же по сути и не получилось! Вместо того чтобы успокоиться и снова открыться, она отвергла его! Несмотря на все то, что Роне сделал для нее.

Может быть, именно в этом ошибка? Он действует противно собственной природе, не как должно темному шеру. Паук бы на его месте не стал церемониться с девчонкой, скрутил бы ее в бараний рог, заставил влюбиться и отдать ему Линзу вместе с собственной жизнью. А Роне... Роне, словно какой-то светлый слизняк, пишет ей стихи, дарит фиалки, ведет душевные разговоры и учит выживать в дворцовом серпентарии. Ну не глупость ли?

Словно в подтверждение его мыслей, на каминной полке блеснул серебряный скорпион, подарочек от Паука. Колбы, которыми Роне его накрывал, неведомым образом падали и бились, как и любые тряпки, книги и даже ступка крепчайшего вулканического стекла. И куда бы Роне эту дрянь ни клал — дрянь неизменно возвращалась на каминную полку. Не иначе для лучшего обзора. Не зря же именно это место так любил Тюф.

Который, кстати, старался держаться от скорпиона подальше. Лучше — вообще в другой комнате.

Посыльный постучал в дверь башни Рассвета ровно в тот момент, когда Роне размышлял, а не отнести ли скорпиона в башню Заката и не подарить ли мертвой королеве Зефриде. Пусть она ненавидит Роне, но Паука она ненавидит еще сильнее. Вдруг да раздавит дрянь насмерть!

— Вашей темности следует незамедлительно явиться в покои его императорского высочества, — твердо и бестрепетно глядя в глаза взбешенному Роне, заявил лейб-гвардеец кронпринца.

— Незамедлительно? Отлично! — усмехнулся Роне... и исчез, оставив лейб-гвардейца хлопать глазами, а затем и удирать по всей башне Рассвета от заскучавшего Тюфа. Потому что дверь за его спиной куда-то делась, а окна жилища темного шера так просто не открыть.

В конце концов, хватит уже изображать из себя милого, безобидного светлого идиота. Он — темный шер, и точка. И Дюбрайн, между прочим, любит его именно таким, какой он есть...

Это Роне подумал перед самыми дверьми в покои кронпринца. Подумал — и замер на миг. Ведь Дюбрайн никогда этого не говорил. Ни слова о любви. Но... проклятье... Это просто есть. Дюбрайн любит его. Их единение будет настоящим и полноценным. Совсем не та профанация, которую практиковали темные идиоты времен Черного бунта. А когда они с Дюбрайном объединятся и получат Линзу — да плевать им будет и на Паука, и на императора, и на весь Конвент.

Главное, вернуть на место эмоциональную связь с Шуалейдой. Как угодно. Любым способом. И быстро, очень быстро. Потому что через шесть дней — ее полное совершеннолетие, аттестация на Цветную грамоту и официальное предложение от его высочества Люкреса, чтобы он покрывлся гнойными прыщами с ног до головы. А значит — Линзу она инициирует в течение пяти дней, чтобы выдать Люкресу полновесные шисовы хвосты вместо согласия на брак.

Хотя будь на ее месте Роне, инициировал бы Линзу прямо сегодня, пока Люкрес растерян и деморализован потерей Саламандры. И плевать, что это опасно. Линза или подчинится ей когда угодно, или не подчинится вообще. А все талмуды, написанные премудрыми шерами-исследователями, суть не более чем страшные детские сказки.

«Отец мой Хисс, прошу тебя, дай мне шанс! Линза нужна мне, как воздух. Больше воздуха. Линза, Дюбрайн и Шуалейда. Я ведь совсем немного прошу!»

Медленно выдохнув и нацепив на лицо маску жадного и трусливого моллюска, Роне сбросил пелену невидимости и жестом велел лейб-гвардейцам у дверей кронпринца открыть дверь.

— Счастлив служить вашему императорскому высочеству, — низко поклонился Роне, едва перешагнув порог.

— У вас будет такая возможность, темный шер, — без малейшей приветливости ответил Люкрес, даже не утрудившись сделать Роне знак, что можно разогнуться.

Высокомерный ублюдок.

— Ваше высочество уверены, что стоит доверять темному шеру? — таким же полным неприязни тоном осведомился Дюбрайн.

— Не просто темному шеру, а верному слуге Конвента и империи, — укоризненно поправил его Люкрес и наконец-то сделал жест «можно подняться».

— Благодарю, ваше императорское высочество.

Смотреть кронпринцу в глаза Роне не стал, трусливым моллюскам не полагается поднимать взгляда. Но эмоции принца отлично читались и без этого, как и эмоции Дюбрайна. Изумительно натуральное презрение на грани ненависти. И не скажешь, что именно этот полковник Магбезопасности проснулся сегодня в постели Роне совершенно довольным жизнью... М-да... Пожалуй, не стоит вспоминать подробности, у придворного лизоблюда не должно быть настолько счастливой морды.

— Надеюсь, замена шеру Лью прибудет незамедлительно, — буркнул Дюбрайн, склоняясь перед волей августейшего брата. — И все равно не понимаю, почему вашему высочеству недостаточно иметь рядом меня и лейтенанта Диена.

— Потому что ты всего один, брат мой. Ты нужен мне для другого дела. И вообще, к чему эта ваша вражда, благородные шеры? В империи хватит места и светлым, и темным.

— Просто помните, шер Бастерхази, что Магбезопасность не спустит с вас глаз.

— Об этом сложно забыть, полковник. — Роне «позволил» застарелой ненависти прорваться сквозь маску пресмыкающегося лстеца. — Если ваше императорское высочество изволит приказать, я немедленно займусь обеспечением безопасности.

— Займитесь, темный шер. Но ни слова о том, чтобы покинуть Суард. Мое дело слишком важно, чтобы отступить.

— Ничто не может быть важнее жизни вашего императорского высочества, — тоном сурового подхалима заявил Роне.

Дюбрайн поморщился с видом «ни единому слову не верю». В целом, судя по довольному виду Люкреса, сцена удалась. Не нужно ему знать, что два его лучших врага давно уже спелись и дружат против него. Ни к чему. Пусть разделяет и властвует всласть.

— Приятно видеть такую заботу, темный шер. Дюбрайн, займись формальностями, — милостиво отмахнулся от брата Люкрес. — И распорядитесь, чтобы мне наконец подали завтрак.

Отойдя к окну и сделав вид, что происходящее за спиной интересует его куда меньше парковых пейзажей, Люкрес наострил уши. Формальности, как же. Не полноценная присяга, которую Роне приносил Конвенту, потому что обязательств перед Конвентом с него никто не снимал, но близко к тому. Не причинять вреда кронпринцу, не разглашать конфиденциальной информации, беспрекословно исполнять приказы, не противоречащие приказам Конвента и обязанностям полпреда. Крайне неудобная штука не только для потенциального вредителя, но для честного слуги двух господ.

Была бы. Если бы они с Даймом не подготовились к спектаклю загодя. Так что клятву произносил не Роне, а Тюф — у него отлично получалось имитировать голоса и ауру. Кристалл с записью Роне с Даймом подготовили еще с утра и сейчас отлично отыграли каждый свою партию. Даже вспышку света и тьмы, сопровождающую каждую принятую клятву, изобразили. Достаточно достоверно, чтобы Люкрес поверил.

Его аура, кстати, снова сверкала и переливалась, как фальшивые бриллианты разорившейся светской старухи. В нее ухнула добрая половина энергетического запаса Дюбрайна, и если бы не ночь, проведенная рядом с Роне, сейчас он был бы пуст. Но по счастью Люкрес не дал себе труда задуматься, откуда в Дюбрайне столько сил, словно он вчера вечером не потратился вчистую. Да что там вчистую! На убийство Саламандры, создание иллюзий, напиток и успокоение Люкреса, а затем чистку и изменение памяти полтора сотням человек не хватило бы даже резерва Паука, не то что светлого шера второй категории! Их обоих, Роне и Дайма, спасло от полного магического истощения только то, что когда они рядом и не закрываются друг от друга — энергия образуется сама каким-то совершенно волшебным образом.

И слава Двуетидным, что Люкрес об этом не знает. С него бысталось попытаться наложить лапу на них обоих исключительно ради бездонного источника магии.

Свои первые указания Люкрес выдал Роне за завтраком. То есть их императорское высочество изволили вкушать паштет из маринованной форели и свежего шпината, а Роне с Даймом почтительно стояли рядом и внимали. Роне так и подмывало достать блокнотик и начать записывать «умные мысли для потомков», но переигрывать было нельзя. Категорически.

Так что они для начала выслушали напутствие жить дружно и работать сообща на благо империи — на что оба одинаково обожгли друг друга ненавидящими взглядами. Похоже, чуть перестарались, потому что полыхнувшую между ними энергетическую дугу заметил Люкрес. И явно сделал какие-то далеко идущие выводы.

Роне бы с удовольствием залез ему в мозги и узнал, какие именно, но вот беда — ментальные амулеты Люкреса делал сам Светлейший, и взломать их незаметно не стоило и надеяться.

А вот после напутствия им обоим выдали уже настоящие поручения. Роне — быть все время рядом, присматривать за сохранностью ауры-обманки и обеспечивать магическую безопасность. То есть — чтобы ни упырь, ни еще какая дрянь и близко не подошла к их императорскому высочеству. Потому что их императорское высочество были напуганы до мокрых штанов и до мокрых же штанов ненавидели всех шероу Суарда скопом, но прежде всего — собственную будущую невесту. И, о счастье, их высочество так и не поняли, что у них под носом завелась Линза, а списали все на неуравновешенную психику влюбленной девчонки.

В любовь Шуалейды Люкрес по-прежнему верил. Либо гениально притворялся — во что уже не очень-то верил Роне.

А вот выяснить, что за дерьмовая аномалия творится в Риль Суардисе и чем это может грозить августейшей заднице, поручили Дюбрайну. И продолжить очаровывать Шуалейду от имени брата.

— Ну там стихи, цветочки, сам знаешь, — небрежно махнул золотой вилочкой Люкрес. — Эти юные девы такая доука... Старшая нравится мне куда больше. Какая досада, что нельзя поменаться... А, не делай такое лицо, Дамиен. Ты же знаешь, твоя красавица не годится в императрицы.

У Дайма и в самом деле сделался такой вид... Если бы Роне увидел это лет несколько назад, когда тыкал полковнику в нос своей связью с Ристаной, у него случился бы бурный оргазм от одного только глубокого морального удовлетворения. Вот только Роне такого «тщательно упрятого» душевного страдания видеть не доводилось. И хорошо. А то сейчас, в свете его новых отношений с полковником, ему было бы стыдно.

— Не годится, ваше высочество, — склонил голову Дайм, наверняка подумав: «Какая досада, что ты сам не захочешь поменаться».

А Люкрес гнусно усмехнулся, но тут же вспомнил, что полковник МБ все еще нужен ему в верных сторонниках, а не протестующих рабах.

— Дамиен, Дамиен... мы же братья! Неужели ты думаешь, что я позову твою возлюбленную в

фаворитки, даже если она пробуждает во мне страсть своей красотой? Брайноны никогда так не поступают с друзьями и братьями.

— Я в этом не сомневаюсь, ваше высочество.

— Ну хватит, хватит этих формальностей. Шер Бастерхази — мой друг. Наш друг, Дамиен. Ты можешь по-прежнему называть меня братом, тебе совершенно нечего стесняться!

— Конечно, брат мой.

— Вот то-то же, — милостиво кивнул Люкрес, донельзя собой довольный. — Увидишь, вы прекрасно сработаетесь. Кстати, вчера у вас отлично получилось. Уверен, получится и дальше. Мне нужны по-настоящему сильные и верные друзья. Такие, как вы. Оба.

— Благодарю, ваше высочество, — с должной долей надежды на будущие преференции, возможно, даже место придворного мага при самом императоре Люкресе ответил Роне.

— И все же, брат мой, — продолжил занудствовать Дайм, — вам не помешало бы лично пообщаться с ее высочеством Шуалейдой. Юные девушки очень много значения придают вниманию.

Люкрес поморщился, и Роне тут же воспользовался моментом:

— Вы не правы, полковник. Ее высочество слишком неуравновешенна, личная встреча может быть опасна. Вы не можете гарантировать, что не возникнет новой аномалии.

— Скажите сразу, темный шер, что вам не по плечу защитить моего брата даже от такой мелочи, как упырь. Как вы вообще допустили, что в Риль Суардисе завелась нежить? Сдается мне, не без вашей помощи.

— Дамиен, Дамиен! Перестань, — велел Люкрес. — Это тебя вечно где-то носит, когда ты мне так нужен! Но ведь сейчас ты рядом, а значит — я в полной безопасности, не так ли?

— Разумеется. О чем я и говорю. Вам совершенно ничего не грозит, так что вы можете посвятить вашей будущей невесте вечер-другой. Это положительно скажется...

— Потом, Дамиен. Не сегодня. Я устал, все эти мероприятия... Могу я хотя бы здесь немного отдохнуть? Ты отлично справишься сам. В конце концов, общение через верных наперсников — это же классика любовных баллад. Вот, я знаю! Скажи ей, что она слишком прекрасна, и мое сердце не выдержит воздержания до свадьбы... короче, сам придумай. Ты умеешь, я знаю.

— Как скажете, брат мой. Но вы же не пропустите хотя бы завтрашний обед?

— Не пропущу, — тяжело вздохнул Люкрес. — Ладно, ладно. Уговорил. Завтра я уделю ей с полчаса. Но ты будь рядом!

— Разумеется, я буду рядом.

— А теперь ступай. И не оставляй ее без присмотра на прогулке.

— Вряд ли она заинтересуется кем-то кроме вас.

— Вот и не давай ей такой возможности. Мало ли кругом мошенников и негодяев!

— Ни один мошенник и негодяй не посмеет к ней приблизиться. Я за этим прослежу, — склонил голову Дюбрайн.

— Я доверяю тебе самое ценное, Дамиен. Не забывай об этом.

— Никогда.

Коротко поклонившись, Дайм ушел. Роне проводил его пристальным и недобрым взглядом — разумеется, не укрывшимся от Люкреса.

— А теперь поговорим серьезно, темный шер Бастерхази, — обернулся к нему Люкрес, едва за Даймом закрылась дверь. — Внимание Магбезопасности вам не нравится, не так ли?

— Я верно служу Конвенту, сир.

— Не сомневаюсь. Так вот, если вы будете верно служить мне, то о Магбезопасности можете забыть. Вы были правы, меня окружает слишком много лжецов и предателей, и мне нужен... хм... специалист по лжи и предательству. Кто-то, кто разобрался в вопросе досконально. Мне нужен истинно темный шер.

— Буду счастлив служить...

— Будешь. Потому что мне есть что тебе предложить, а ты — разумный человек.

— Ваше высочество очень добры.

— Слушай и не перебивай, — поморщился Люкрес. — Я не спрошу с тебя за смерть Мередит Лью только в одном случае. Если ты сделаешь так, чтобы сила Шуалейды досталась мне и только мне. Отговорки «не умею» и прочая чушь не принимаются. Ты — темный, ты — ученик Паука. И у тебя простой выбор. Или ты служишь мне, как самому Хиссу, или попадаешь в руки Дюбрайну. И поверь мне, в застенках Магбезопасности тебе будет вовсе не так сладко, как в постели Ристаны. Итак, мы хорошо друг друга поняли?

— Очень хорошо, сир.

— Что ж, я не сомневался в твоей разумности. А теперь слушай, что мне от тебя нужно прямо сейчас.

Глава 3. О луне и апельсинах

2-й день каштанового цвета, Суард, Дайм шер Дюбрайн.

Слава Двуетиным, Люкрес поверил. Но все равно у Дайма было стойкое ощущение, что их везение продлится недолго. Каким бы августейший брат ни был самовлюбленным павлином, отсутствием мозга он не страдал, и в любой момент мог раскусить их игру. И что будет тогда, Дайму не хотелось даже представлять. Возможно, потому что ему уже не раз приходилось «прибирать» за Люкресом там, где кто-то посмел идти против него или считать его дураком.

Однако предчувствия предчувствиями, но Дайм не собирался отступать. Да и поздновато. Он уже убил Саламандру и уже соблазнил Шуалейду — а ни того, ни другого Люкрес ему не простит.

И шис с ним. Проблемы стоит решать по мере их поступления. А самая ближайшая из них — инициация Линзы. Если что-то пойдет не так, обиды Люкреса перестанут иметь хоть какое-то значение просто потому, что обижаться уже будет некому. И не на кого. А значит, стоит сосредоточиться на насущном. Для начала выяснить толком, что же такого наговорила Саламандра Аномалии, что та даже на записку от Бастерхазиотреагировала слезами.

По счастью, Люкрес не изменил себе и предпочел в спорной и небезопасной ситуации отсидеться во дворце под защитой Конвента, а ухаживать за докучливой влюбленной девчонкой послал Дайма. Что и требовалось.

Ухаживания за Шу начал с «маленькой безделушки, только в этом сезоне вошедшей в столичную моду», преподнесенной в самом начале прогулки. Разумеется, на глазах любопытной толпы — чтобы Люкресу непременно донесли. По счастью, его шпионов Дайм знал наперечет, что сильно облегчало задачу.

— Какой прелестный веер! — восхитилась Шу жуткой конструкцией из павлиньих перьев. — Ах, его императорское высочество так добр! Так любезен! Но неужели его высочество не желает полюбоваться на окрестности Суарда? Я так надеялась...

— О да, мы так надеялись порадовать нашего августейшего кузена, — подпел ей Каetano.

На этом он счел свой долг гостеприимного хозяина исполненным и вернулся к охмурению юной шеры Альгредо. Из них вышла отличная пара, Светлейший был прав. И правильно, что Каetano не сказали о прогнозах Светлейшего на тему одаренных детей. Юный принц упрям, как все Суардисы, и с него стало бы упереться, потребовать свободы выбора и отказаться от собственного счастья из каких-то дурацких принципов.

— Готов спорить, и месяца не пройдет, как шера Альгредо станет невестой, — шепнул Дайм Шуалейде. — Тебе же она нравится?

— Нравится, — кивнула Шу с видом умудренной столетним опытом в любовных делах дамы. — Кай будет с ней счастлив.

И тут же кинула на Дайма лукавый, восторженный и такой горячий взгляд, что ему нестерпимо захотелось ее поцеловать. Прямо сейчас. Прямо здесь. Что ж, отличный момент, чтобы исполнить поручение брата.

— Шера Альгредо, без сомнения, прелестна. Но когда вы рядом, моя Гроза... я... мой августейший брат не видит никого другого.

— Ах... ваш брат... такой любезный кавалер...

— Мой брат страдает в разлуке с вами, считая минуты до того счастливого мгновения... — тут Дайм послал ей воспоминание об их свидании на балконе, — как сможет назвать вас своей.

Шу зарделась, и ноздрей Дайма коснулся сладкий и терпкий запах ее желания.

А Дайм продолжил — о мечте августейшего брата незамедлительно, прямо вместо прогулки уложить ее в постель. Получилось... ну что сказать, демонски убедительно получилось. Настолько, что они оба прокляли и соглядатаев Люкреса, и торчащую поблизости Ристану в сопровождении графа Сильво, и ни в чем не повинных гостей мероприятия, мешающих им хотя бы взяться за руки.

Правда, улучшить минутку затишья и поцеловать Шу — мысленно, всего лишь мысленно! — никто Дайму не помешал. И любоваться ее сияющими глазами, припухшими губами и порозовевшими скулами — тоже. Еще бы не приходилось время от времени поминать все августейшего брата так, чтобы всем было слышно, и оделять комплиментами собственную невесту (по версии Люкреса), то

получилась бы полнейшая идиллия.

Честно говоря, Дайм уже и забыл, когда ему удавалось так наслаждаться скучнейшими официальными мероприятиями. Но на этот раз все было иначе. Он словно сам стал шестнадцатилетним мальчишкой, для которого все внове, все ярко и интересно. Да что там, в свои шестнадцать он учился и тренировался, света белого не видя. Сначала восемь часов в Магадемии вместе со студентами-ровесниками, затем столько же индивидуальных и дополнительных занятий. Его учителями были и офицеры Магбезопасности, и лучшие педагоги Магадемии, но прежде всего — сам Светлейший. Он не давал Дайму вздохнуть, не то что сходить с приятелями в ближайшую таверну. А о симпатичных юных сокурсницах Дайм старался даже не думать, чтобы не провоцировать свою печать верности.

Поэтому соученики считали его то ли двинутым святошей, то ли тайным маньяком. Ведь за первые шесть лет обучения в Магадемии он ни разу не был замечен с девушкой! Это потом он научился в достаточной степени контролировать свои эмоции, чтобы притворяться душкой, очаровывать дам и кормить их враньем и иллюзиями ради поддержания репутации нормального мужчины. Ну и посещать бордели с мальчишками, потому что физиологические потребности никто не отменял, а если на них чихать — тут же получишь проблемы с даром и психикой.

ТЬфу. Даже вспоминать не хочется.

По сути, впервые он позволил себе испытывать какие-то чувства к женщине только с Ристаной. И то скорее было мечтой о любви, чем любовью.

С Шуалейдой же все иначе. С ней он — настоящий. Живой. С ней он наконец-то вспомнил, что на свете существует что-то важнее долга. Даже важнее свободы. Может быть, свобода любить и мечтать?..

Свобода украдкой целовать любимую девушку, говорить ей комплименты, рассказывать всякую забавную ерунду, красоваться перед ней и ловить ее восхищенные взгляды... Свобода предвкушать, как они останутся наедине, — и плевать на всех императоров и кронпринцев Тверди!

Предвкушать Дайму пришлось долго. Сначала принца Каетано с сестрами и высокими гостями — самим Даймом и послами Ледяных баронств, Сашмира и нескольких мелких восточных королевств — приветствовали главы торговой, речной и почему-то винодельческой гильдий. Разумеется, с поднесением подарков. Затем для них провели небольшую экскурсию по флагману имперского флота и даже пустили в сердце корабля: к аквариуму с шестью синими жемчужинами.

От песен жемчужин Шуалейда пришла в полный восторг. Не только она, все покидали корабль, словно пьяные, со счастливыми улыбками. Наверное, им тоже жемчужины обещали, что все получится и все будет хорошо, у каждого по-своему.

Дайму очень, очень хотелось в это верить. И сегодня даже получалось.

За обедом, накрытом на высоком берегу — так, чтобы августейшей семье и гостям было видно представление, — Дайм от имени Люкреса сказал речь о дружбе и сотрудничестве между всеми семью королевствами, процветании империи и прекрасном будущем, ожидающем Твердь под мудрым руководством Брайнонов. Ему восторженно поаплодировали, он раскланялся и «на бис» выдал гору витиеватых комплиментов мудрости короля Тодора, красоте его дочерей и уму наследника Каетано.

Разумеется, от Дайма не укрылось неестественное дружелюбие Ристаны. Старшая Суардис вела себя так, словно довольна уготованной ей ролью маркизы Дюбрайн, статс-дамы принцессы Шуалейды Брайнон. Дайм сделал себе пометку: выяснить, что опять замышляет Ристана Великолепная. В ее внезапно проснувшуюся сестринскую любовь и смирение перед императорской волей он не верил ни на ломаный динг. Особенно сильные сомнения одолели его, когда Ристана, сидевшая от него по левую руку (по правую сидела Шу), тихонько шепнула:

— Ты был прав, Дайм. Мне давно стоило пересмотреть свое отношение к брату и сестре. Они совсем не такие, какими я их представляла.

— Неужели они больше не позорят род Суардисов? — скептически поднял бровь Дайм.

Ристана пожала плечами и ожгла его взглядом, обещающим неземные наслаждения.

— Ничуть. Каетано будет непросто, но ведь ты позволишь мне помогать брату в делах. Я надеюсь, что отец не оставит нас в ближайшие годы и Каетано успеет многому научиться. Но сам же понимаешь, он очень юн.

— Я очень рад это слышать.

Особенно Дайм был бы рад это слышать, если бы ее слова шли от чистого сердца. Но чем нежнее был голос Ристаны, чем жарче ее взгляды, тем большую тревогу испытывал Дайм. Не может властная, жесткая принцесса Суардис вмиг стать кроткой овечкой. Ни одна, ни другая. И слава Двуетиным, что сейчас здесь нет Люкреса, даже у него от такого количества патоки бы все слиплось.

Впрочем, если Ристана еще пару-тройку дней будет милой, любящей и покорной императорской воле — этого хватит. Лишь бы она не провернула никакой аферы прямо сейчас, пока Шуалейда занята Линзой!

Боги, как же Дайму повезло, что Бастерхази на его стороне! На их с Шу стороне! Если бы сейчас он, упаси Двуетиные, переметнулся к Люкресу или продолжил играть в паре с Ристаной, все бы очень, очень осложнилось.

Вот только Шу... Ее слезы в ответ на стихи Роне, ее нежелание даже упоминать его имя — крайне некстати. Роне единственный из них всех понимает, как инициировать Линзу. Увы, Дайму приходилось лишь дважды зачищать последствия неудачных инициаций, и он точно знает, чего Шу делать нельзя ни в коем случае. Но что нужно? Без Бастерхази это будет игра в жмурки на выживание.

Немного игры — не в жмурки, а в маскарад — Дайм устроил по дороге обратно. На Суард уже опустилась ночь, гости мероприятия как один были под впечатлением от разыгранной флотом и торговцами морской баталии с маневрами, фейерверками и горящими кораблями. Так что никто не заметил, как исчезли из виду супруги Герашан, а через несколько мгновений подменили Дайма и Шуалейду. Сделанные Даймом личины смог бы распознать разве что Роне, и то не факт. Но Роне тут не было — полпред Конвента требовался их императорскому высочеству, чтобы не чувствовать себя одиноким и заброшенным в этой дикой провинции.

Мысли о Люкресе и прочей ерунде вылетели у Дайма из головы, стоило им с Шу пустить своих скакунов во весь опор — прочь от гомонящей толпы гостей, прочь от долга и обязанностей, к тихой и свободной реке.

Шу даже не спросила, куда они едут и зачем. Она просто просияла доверчивой улыбкой — и они помчались наперегонки. Сначала по твердой земле, а потом и по темной воде Вали Эр. Ощущение было совершенно волшебное. Черное небо, смыкающееся с черной водой, и звезды, сверху и снизу — звезды. Казалось, они летят в бесконечном пространстве, не ограниченные ничем, и можно взять в ладони любую из звезд, сорвать луну, словно налитый соком апельсин...

Правда, Дайм больше смотрел на Шу, чем на звезды. Здесь, на ночной реке, она наконец-то была самой собой. Стихией. Свободной, счастливой и прекрасной. Она сияла лиловым и голубым, с ее волос стекали искры и разбегались по невидимой поверхности воды, ее смех журчал речной водой на перекатах, она пахла летней грозой и смятыми ветром листьями эвкалиптов и цветами каштана... Наверное, если бы Дайм увидел ее сейчас впервые — он бы принял ее за случайно заблудившуюся во времени перворожденную дочь драконов. И ни за что не поверил бы, что сияющий в ее глазах восторг относится к нему. Даже когда она обернулась к нему и громко, на всю бесконечную ночь, шепнула: «Я люблю тебя, Дайм!» — он не до конца верил, что это взаправду. Что Шуалейда — его личное счастье. Вопреки всему и всем.

— Иди ко мне, — позвал он, протягивая ей руку.

Она вложила свою ладонь в его — без вопросов и сомнений. Позволила снять себя с химеры и обнять, сама обняла в ответ и прижалась щекой к его плечу.

— Они похожи на нас, правда? — спросила она, провожая взглядом белоснежного, словно лунный свет, Шутника и обозначенную лишь огненным силуэтом химеру по имени Муаре.

Зверюги, отпущенные погулять, так и не разошлись в разные стороны, а принялись играть во что-то свое, лошадиное, прямо на воде. Они то гонялись друг за другом, то поднимались на дыбы и ржали, то скалились и напрыгивали — и явно получали от игры несказанное удовольствие.

— Похожи, — согласился Дайм. — Никогда раньше не видел Шутника таким.

— Он же единорог?

— Безрогий, — улыбнулся Дайм, — но это не мешает ему бодаться.

— Знаешь, я никогда раньше не ходила на свидания. Мне нравится.

— Мне тоже. Я говорил тебе, что ты — самая прекрасная девушка на свете? Моя нежная Гроза...

Она покраснела и уткнулась ему в плечо. А Дайм осторожно вынул из ее волос шпильки, позволив им рассыпаться ночным шелком, и взял ее лицо в ладони, заглянул в глаза. Светящиеся волшебным лиловым светом, словно звездные фиалки.

И, забыв, что такое важное хотел ей сказать, поцеловал.

В первый миг его пронзило привычной болью, рожденной печатью, а в следующий он забыл и о печати тоже. Боль осталась где-то на заднем плане, совершенно неважная. А вот Шу... ее нежность и доверие, ее искреннее желание и жадность, с которой она отвечала на его поцелуй, прижималась к нему...

Кажется, он выбрал не лучшее место для серьезного разговора... еще бы вспомнить, какого именно разговора и зачем он вообще нужен... А, потом, все потом!..

Дайм чувствовал себя неуклюжим шестнадцатилетним мальчишкой, распутывая застёжки ее платья, изучая губами ее обнаженные ключицы и бьющуюся на горле жилку. Он впитывал ее нетерпеливые стоны, сам стонал от неловких касаний ее пальцев и ладоней. Они путались в ненужных одеждах и друг в друге, тихо смеялись над собственной неловкостью и снова целовались, и шептали какие-то глупые нежности. И ни одному из них не пришло в голову избавиться от одежды так, как это делают шеры. Почему? А, неважно, просто это было так... волшебное? Искренне? И до сумасшествия ярко и сладко. Именно так. Именно здесь, на крохотном островке посреди ночной реки. Именно с ней — невероятной, единственной...

До тех пор пока она, уже обнаженная, не потянула вниз последнее, что на нем осталось, и не остановилась в недоумении.

Проклятье. Как он мог забыть, что он только во сне — неутомимый любовник, а в реальности... Проклятье!.. Чтоб он сдох, этот любящий па...

Дайм покачулся от вспышки боли, и следующей — еще сильнее. Обвивающие его щупальца заклятий сжались, остановили сердце и дыхание. Он упал на колени, не в силах хотя бы что-то сказать.

От Шуалейды дохнуло недоумением и ужасом: она увидела, все увидела. И замерла, не понимая — что же делать...

Всего на миг, но за этот миг Дайм успел констатировать крайнюю степень собственного идиотизма и попрощаться с жизнью. Что ж, она была короткой, зато насыщенной, и заканчивается на ужасно глупом, но прекрасном моменте.

— Даже не думай, — зло оборвала его Шу, и щупальца печати разжались.

Сердце снова забилося. Дайм смог наконец-то вдохнуть. И шепнуть:

— Прости, я полный идиот, — и уткнуться лицом ей в живот.

— Это и есть твое проклятие, да? — тихо спросила она, тоже опускаясь на колени и заглядывая ему в глаза.

Больше всего на свете ему сейчас хотелось оказаться на Потустороннем континенте. Где угодно, лишь бы не испытывать этого отчаяния и унижения. Боги, какой же он идиот! Забыться и едва не сдохнуть на свидании с любимой, на это способен только полный анацефал.

Впрочем, у него по-прежнему все шансы сдохнуть. Ведь ответить на ее вопросы — это значит самому раскрыть тайну печати. А это — второе смертельное «нельзя» после нарушения прямого приказа императора.

— Я не могу тебе сказать. Ты же сама видишь... — ему даже говорить было трудно от стыда. — Я... я не могу, прости.

Прозвучало настолько откровенно — и точно, шис дери папочкину фантазию! — что сдохнуть захотелось почти нестерпимо. Признаться любимой женщине, что ты не способен ее любить...

— Перестань, мне трудно это держать, — тихо пожаловалась Шу.

Только тут Дайм решился поднять взгляд.

— Сейчас пройдет, — твердо пообещал он, усилием воли отрешаясь от эмоций. Всех эмоций. И отводя от себя ее руки. — Я... не должен был... проклятье!

— Это сделал твой брат?

Дайм покачал головой.

— Кто? Скажи мне, я...

— Убьешь его, если продолжишь расспросы, — прозвучал где-то рядом голос, похожий на рокот пламени.

Глава 4. Глаза Ургаша

Клянусь служить Тебе в жизни и смерти, Темный Хисс. Отныне я раб в воле Твоей, перчатка на руке Твоей и проводник душ Твоих.

Хотелось убивать. Долго, жестоко и кроваво. Шисов предатель рядом с проклятой сестренкой выглядел таким счастливым, что ей постоянно представлялось, как она вцепляется ногтями ему в лицо и срывает с него идиотский восторг вместе с кожей.

Как жаль, что нельзя этого сделать! Но когда-нибудь у нее получится. Обязательно получится. Не будь она Суардис!

Кинув поводья какому-то особо прыткому воздыхателю, Ристана спрыгнула с лошади напрямик в руки Сильво, отмахнувшись от фрейлин и быстрым шагом направилась к себе. Она не могла больше притворяться. Ни секунды. Тем более шисов ублюдок все равно ей не поверил, как она ни старалась.

Как он посмел? Как?.. Чего ему не хватало, сукину сыну? Разве она не красивее и не умнее сестры? А Бастерхази? Неужели он думает, что она верит в его наглую ложь? Он — такой же, как шисов ублюдок Дюбрайн. Увидел одаренную самку — и потерял последние мозги, словно весенний кот. И еще смеет уверять Ристану, что по-прежнему думает только о ней и действует только ради ее блага.

Мерзавец.

Сукин сын.

Наплевал на ее чувства, растоптал, унизил, оставил в одиночестве... а ведь она его любила! Любит до сих пор, будь он проклят!

Ристана кинула злой взгляд на графа Сильво, отворившего перед ней дверь будуара и отступившего в сторону. Деликатный, дери его Мертвый! Как будто ей поможет его шисова деликатность. Как будто ей нужна его скучная любовь.

Не утруждаясь улыбкой, Ристана сделала Сильво знак следовать за ней. И, швырнув веер и перчатки в шарахнувшуюся от нее камеристку, упала в кресло перед туалетным столиком. Большую часть его занимали не баночки и флакончики с притираниями, а зеркало. Старинное, в массивной бронзовой раме с прихотливыми завитушками.

— Все вон, — велела она камеристке и дежурной фрейлине и чуть мягче добавила: — А ты останься со мной, Сильво.

Не обращая больше внимания ни на кого, Ристана повернулась к зеркалу и принялась рассматривать свое отражение. Это успокаивало. Словно жгущая ее ненависть вытекала из нее и впитывалась в отражение, делая его еще прекраснее.

Погладив пальцами щеку и убедившись, что ее кожа нежна, шелковиста и упруга, Ристана облегченно выдохнула. Ее самый страшный кошмар — что она вдруг стала морщинистой бессильной старухой — опять отступил.

Отражение в зеркале тоже улыбнулось. Сыто и довольно. На Ристану снизошло спокойствие и умиротворение, головная боль, преследовавшая ее с самого вчерашнего бала, отступила. И разум очистился от всего лишнего вроде любви и ненависти. Какие, право, глупости, когда на кону стоит судьба ее страны и дело всей ее жизни! Очень жаль, что отец не внял ее словам и объявил наследником Каetano. Мальчишка погубит Валанту, даже если сумеет выжить и сесть на трон вопреки планам Люкреса.

Или Люкрес погубит. Его не интересует ничего, кроме собственного величия, а величие для него — исключительно в магическом даре. Боги, какая глупость! Иметь все, о чем только можно мечтать, но желать недоступного и совершенно ненужного. Несусветная глупость.

Вот Ристана не мечтает о даре. Нет его — значит, Двуетиным так угодно. Зато есть красота, ум и Валанта. Самое важное, единственное, что имеет значение. Процветание и могущество Валанты. И ради него она готова на все. Потому что это — ее долг. Это — судьба и путь настоящих Суардисов. А кроме того — это ее шанс...

— Скажи, что у нас все получится, — попросила она зеркало и погладила бронзовую, в завитушках, раму.

«У нас все получится!» — отозвался голос в ее голове. Голос, похожий и одновременно не похожий на ее собственный.

Ристана знала: то, что ей иногда снится — на самом деле не сны, а воспоминания. О другой жизни. Наверное, ее собственной, только не этой, а какой-то прошлой. Обычно люди не помнят, что было с ними раньше. Но она — не обычный человек. Она — Суардис. И если у нее нет стихийного дара, это не значит ровным счетом ничего. И она помнит. Смутно, обрывками. А иногда видит в зеркале то свое лицо, из прошлого. Тогда она тоже была красива, высокородна и любила самого лучшего человека на свете. И он ее любил.

Иногда он снился Ристане, и она просыпалась счастливой.

А иногда ей казалось, что она видит его наяву — в Роне Бастерхази. Наверное, поэтому она и влюбилась в него сразу, в первую же их встречу. Потому что в Роне было что-то от *него*.

То самое пламя, не стихийное, а пламя духа, словно он горит изнутри какой-то великой идеей.

Жаль только, проснувшись, она не могла вспомнить ни имени, ни лица своего возлюбленного. Но когда-нибудь она вспомнит и найдет *его*. Где угодно. В любом обличье. И неважно, что в той прошлой жизни она была истинной шерой — и *он* тоже был шером. Великим шером. Зато она — принцесса, почти королева. Королевская власть открывает массу возможностей. Будучи королевой, она не только найдет *его*, но и подарит *ему*... безопасность? Счастье? Возможность воплотить *его* мечту? Неважно. Ристана просто знала, что ей нужна и корона, и процветающая Валанта. Может быть, потому что когда-то они вместе мечтали о мире и счастье для всех...

И у них все получится. Сначала — у нее.

Ведь у мамы тоже не было стихийного дара, однако она получила то, что хотела. Стала королевой, родила и воспитала достойную дочь. И если бы не проклятая Зефрида Тальге, никто бы не усомнился в праве Ристаны на власть и корону.

Но мама, даже умерев, позаботилась о ней. Оставила ей родовой талисман. Она знала, что ее дочь — не обычная девочка и ей нужны будут необычные средства. И сейчас пришло время его использовать.

Ристана долго надеялась, что ей больше не придется этого делать. Ведь мама предупреждала, что талисман слишком силен и опасен, и потому его следует прятать ото всех, особенно — от Конвента и Магбезопасности. Пока он хранится на своем месте, никто не сможет его обнаружить, даже сам Светлейший.

Мама была права. Конечно, Светлейший не бывал в ее будуаре и не смотрелся в ее зеркало, но вот Роне и Дюбрайн бывали — и ровным счетом ничего не заметили, слава Двуетиным.

Нажав на одну из завитушек на раме и услышав тихий щелчок, Ристана аккуратно вынула из открывшейся ниши маленькую шкатулку. Открывать ее она не стала. Ей хватило увидеть талисман всего однажды и едва не ослепнуть от заключенного в нем пламени. Возможно, пламени самой Бездны. Хотя мама говорила, что это пламя звезды, когда-то упавшей на землю. Но какая разница? Талисман однажды помог Ристане влюбиться в себя шера Кельмаха и убедить его избавиться от Зефриды Тальге и ее отродья.

Но шер Кельмах оказался слаб и не сумел довести дело до конца.

У Ристаны было огромное искушение дать коснуться талисмана Роне, но она была достаточно умна и осторожна, чтобы ему не поддаться. Роне намного сильнее Кельмаха, вдруг талисман не смог бы сломить его волю мгновенно. А быть может, она слишком любила Роне, чтобы пожертвовать им. Шер Кельмах, коснувшись талисмана, изменился. Очень сильно изменился. А потом и вовсе погиб.

Ристана не хотела, чтобы Роне тоже сгорел. Роне был слишком похож... не *он*, но...

Нет, она не будет думать о Роне Бастерхази.

Может быть, потом. Когда она станет королевой. Ей же понадобится помощник в ее поисках... и не только помощник... А потом, когда она найдет *его*, все как-нибудь образуется. Обязательно.

А пока...

— Валентино, — позвала она, не отрывая взгляда от шкатулки.

Без защиты древнего артефакта, выполненного в виде зеркала, содержимое шкатулки манило и притягивало, требовало немедленно открыть крышку, взять в руки алый камень и впустить в себя... Ристане даже думать не хотелось о том, что именно впустить и что станет с ней, если она дотронется до талисмана. Нет уж. Долгие годы талисман служил ей, а не она — ему, и пусть так остается и впредь.

— Что вы желаете, моя королева? — Сильво опустился на одно колено возле ее кресла.

— Помнишь, мы с тобой говорили о крайних мерах?

— Я храню в сердце каждое ваше слово.

— Я тоже, Валентино. И ты был прав, нам придется это сделать. Тебе сделать.

— Ради вас...

Повернувшись к любовнику, Ристана коснулась его губ пальцами.

— Ради нас, Валентино. И помни, ты ни в коем случае не должен сам открывать эту шкатулку. Ты нужен мне живым и здравомыслящим.

— Увы, с моим здравомыслием в вашем присутствии дело плохо, — шепнул Сильво, лоя и целуя ее пальцы. — Я отправлюсь немедленно.

— Ты отправишься завтра утром, Валентино. — Ристана погладила его по губам, нежным и горячим. Почти как у того, кто снился ей в самых прекрасных снах. Почти как у Роне. — Не оставляй меня сегодня одну.

— Я люблю вас, моя королева.

Поставив шкатулку на стол, Ристана прикрыла глаза и позволила Сильво себя поцеловать, а затем и отнести на постель. Видеть лицо Сильво она не хотела — он был слишком похож на ублюдка Дюбрайна и совсем не похож на Роне.

Впрочем, если она нечаянно назовет Сильво чужим именем — он все равно не заметит. Счастливый влюбленный идиот. Как бы она хотела быть такой же! Хотя бы этой ночью.

20-й день холодных вод, Суард (некоторое время назад). Себастьяно бие Морелле по прозвищу Стриж.

Раскаленный воздух жег горло, нестерпимо хотелось пить. Словно насмехаясь, в сквере перед банком журчал фонтан. Нырнуть бы в него, напиться и смыть с себя клейкий запах жертвы! Но останавливаться было нельзя. Во всем Суарде не нашлось ни единой щели, где Стриж мог бы отсидеться до заката: охотник находил его везде. Чужл, гаденыш.

Вдалеке над рекой показался край темной тучи. Разморенные жарой горожане расходились на сиесту по домам и прохладным кофейням. Лавочники уносили столики с товаром. Только мальчишка в желтом берете размахивал листками и орал:

— Последние новости со всей империи! Наследник трона возвращается в столицу! Чудесное воскрешение в графстве Ландеха!

На обгоняющего редких прохожих Стрижа газетчик не обратил внимания — чумазые подмастерья газет не покупают. Зато пристал к вышедшим из ресторации купцам:

— Новые налоги! Совет проголосовал за новые налоги! Покупайте утренний выпуск!

Не замедляя бега, Стриж проскочил под носом у газетчика. Тот дернулся, дюжина печатных листов вспорхнула над улицей.

— Забери тебя Ургаш!

Стриж скользнул взглядом по отражению газетчика в витрине — и, не успев понять, что не так, резко вильнул в сторону, чуть не под колеса извозчику. Пригнулся, закрылся рукой...

Грохот, звон: витрина разлетелась вдребезги, осколок вонзился Стрижу в предплечье, другой задел бок, еще несколько пролетели выше и царапнули извозчицкую кобылу. Та заржала и понесла, закусив удила. Стриж еле успел откатиться с дороги, — на мостовой остался кровавый след, — вскочил, вытряхнув из руки осколок, оттолкнул замершего газетчика и припустил прочь, зажимая рану.

Позади завизжала женщина, кто-то из купцов закричал, призывая полицию. Из модной лавки вылетел торговец с деревянной меркой, попытался стукнуть удирающего «хулигана» — но Стриж поднырнул под палку, проскользнул меж нескольких благородных шеро, выскочивших из

ресторации со шпагами наголо. Шеры не обратили внимания на какого-то подмастерья, кинулись к разбитой витрине, а Стриж метнулся в узкую расщелину проулка.

Длинного. Извилистого. Все двери заперты, окна — второй этаж. Единственный балкончик в самом устье проулка оплетен виноградом. Мгновенье Стриж потратил на ложный след: подобрал испачканный кровью камешек и кинул в проулок. Облизал руку, останавливая кровь, и забрался на балкончик. Снова зажал рану ртом, чтоб быстрее затягивалась, и прислушался.

Скандал набирал силу. Жалобно кричала кобыла, извозчик причитал и клялся убить хиссово отродье. Отродье ловили всей улицей, орали, ругались, требовали целителя для дамы и полицию. А все это столпотворение заглушало биение крови в ушах: в такт неслышным шагам охотника.

Стриж нащупал рядом бутыль, пахнущую стоялой водой, выхлебал все, что было — едва четверть — и, удобнее перехватив горлышко, приник к полу. На миг его догнал страх, вспомнились мелькнувшие в стекле волчьи глаза, запах смерти — если б Стриж промедлил, валялся бы сейчас с располосованным горлом. Какого шиса, это ж должна была быть безопасная игра! Какой клоп и кого укусил? И что делать?..

Подумать толком он не успел. В проулок заглянул парень лет шестнадцати, ровесник Стрижа. Одет в небеленую рубаху и короткие штаны, бос, как и всякий подмастерье по жару. Сутулится, неуверенно крутится на месте, словно детский волчок: за эту привычку и получил прозвище. Волчок, воплощенная безобидность. Только в кармане степная оса с ядовитой иглой, а в горсти зеленые сливы, твердые, как камень. Такими не только стекла можно бить.

Волчок всмотрелся в извилистый проулок, приняхался... В его глазах мелькнула твердая решимость убивать, а не играть по правилам. Шис его!..

Стриж сжал горлышко бутылки: сейчас Волчок поднимет взгляд, увидит тень на балконе, бросит свои сливы — двойным веером, как звездочки. И тогда бутылка — Волчку в голову, прыгнуть сверху, и плевать на правила, выжить бы...

Где-то в глубине проулка стукнула рама. Волчок замер. Плеснула вода, затем послышались шаги — Волчок сорвался с места, помчался на звук.

Стриж выдохнул. Слава Хиссу, ему не придется никого убивать! По крайней мере, прямо сейчас.

Выждав, пока Волчок скроется за углом, Стриж замотал руку оторванной от подола рубахи полосой и неслышно спустился на узкую клумбу под стеной. Едва он коснулся земли, острое чувство опасности подбросило его и отшвырнуло прочь. В прыжке Стриж развернулся, приземлился на обе ноги, рука сама собой метнулась к поясу — и наткнулась на пустоту. Ножей, любимых ножей с пробковой рукояткой и залитой в лезвие ртутью не было. Проклятье.

Словно соткавшийся из воздуха чернявый парень, на пару лет старше и на полголовы выше Стрижа, покачал головой. Узкие губы на породистом горбоносом лице скривились в усмешке.

— Беги, Стриж, беги, — сказал горбоносый громко и внятно, отступил и махнул рукой в сторону улицы.

Этот подмастерье — свои прозвали его Угрём за скользкий характер — был одет в латанные штаны с рубахой и перепачканный мукой фартук. Смуглое лицо тоже пятнала мука, отвлекая внимание от тонких черт и хищного взгляда.

Второй «подмастерье пекаря» возник рядом так же неслышно и незаметно. На Угря он походил лишь одеждой и мастью: высокий, крепкий, чернявый, с чуть раскосыми глазами кочевников, весь плавный и текучий. Орис бие Морелле по прозвищу Шорох. Родной сын Мастера Ткача. Брат.

Шорох скользнул взглядом по забинтованной руке Стрижа, по пятнам крови на рубахе. Закаменел лицом и прошипел:

— Не лезь не в свое дело, Угорь!

Стриж напрягся: брат бросил Угрю вызов. В тину игру, в тину приказ Мастера обойтись без жертв, если брат дерется — Стриж на его стороне. Всегда.

Но Угорь лишь повел плечом и фыркнул. Его дело было сделано: Волчок за углом услышал и побежал обратно. За дичью.

Не тратя проклятий попусту, Стриж припустил прочь. Мерзлые иглы страха кололи лопатки, в ушах отдавалось «Беги, Стриж, беги!». И Стриж бежал: мимо украшенных мозаиками белых стен, мимо витрин и резных дверей — к закрытому вазоном с оливой узкому лазу в подвал Винодельческой Палаты.

Вытащив из кадки с оливой отмычку, он втиснулся в лаз, вернул катку на место и, спрыгнув на пол, помчался вдоль ряда дубовых бочек. Босые ноги касались камней неслышно, отмычка сама легко скользнула в замочную скважину — и тяжелая дверь распахнулась ровно в тот момент, когда Волчок спрыгнул в подвал.

В следующем зале Стриж задержался: запер низкую дверь и сломал отмычку в замке. Конечно, надолго это охотника не задержит — но хоть несколько мгновений.

Лабиринт винных подвалов был темен и тих, лишь скреблись по углам крысы, посверкивая на незваного гостя красными глазами. Стриж неслся по переходам, пригибаясь под арками и безошибочно вписываясь в повороты: дорогу в подземельях столицы он мог найти с закрытыми глазами. Когда до зала, из которого можно выбраться на нужную улицу, оставалось два десятка шагов, закрипела дверь.

Стриж нырнул за стеллаж с пыльными бутылками.

— ...погрызли, проклятые. Только зря зелье потратил, — слышалось ворчанье. По залу метнулись длинные тени от жучиного фонаря, по полу засквозило. — Эй, кто тут?

Кладовщик поднял фонарь и, бормоча под нос что-то о крысах, принялся заглядывать под стеллажи.

Стриж замер, слившись с тенями. Рвущиеся с языка проклятья он проглотил: толку от них! Надо или обходить, или переждать.

«Или убить», — насмешливо прошуршали крысиные лапки.

«Без жертв!» — прозвучал в ушах строгий голос Мастера.

— ...найду на вас управу, Хиссовы дети! — продолжал кладовщик. — Я знаю, вы там. Слышу вас, твари... порожденья тьмы, место вам в Бездне...

Стриж закусил губу. Попадать в Бездну прямо сегодня не хотелось, и никакого понимания простой данности, что все подмастерья-ткачи уже принадлежат Хиссу, не спасало. Хотелось жить. Долго. Счастливо. Но чтобы жить — надо не дать Волчку себя поймать. А лучше — убить его. Первым.

От этой мысли Стрижа пробрала дрожь. Он не боялся проиграть: укол ядовитой иглой неприятен, но от яда степной осы не умирают. И ночь в городской канализации среди крыс-упырей — подумаешь, что он, крыс не ловил! Но нарушить прямой приказ Мастера?! Это хуже, чем Бездна. Если б он мог справиться с Волчком, не калеча и не убивая!

Только ввязываться в драку слишком рискованно. Оставить в живых равного соперника, когда он твердо намерен тебя убить, шансов нет. Шис бы забрал внезапно затеянную Мастером игру и Волчка!

— Эй, есть тут кто! — слышался далекий голос: кто-то звал кладовщика.

Погрозив пальцем стеллажам, старик зашаркал обратно. Едва дверь за ним закрылась, Стриж рванул прочь: направо, вниз по лестнице, налево, под арку — и за рядами бочонков светится путь на свободу. Шаги охотника эхом отдаются под сводами, все ближе...

Вспрыгнув на бочку, Стриж ухватился за подоконник, подтянулся и выскочил наружу. Под ногами звякнула ржавая решетка, некогда прикрывавшая оконце. Стриж оглянулся: переулок был безлюден, зато широкая аллея бурлила народом.

«Ско-ро пол-день, пол-день!» — разносились по городу, звали на молитву Светлой Сестре звонкие голоса колоколов.

Поток горожан тек к площади Близнецов. Серебряный шпиль разбрызгивал блики по лицам, благоухали гортензии, бегонии и розы у подножия храма Райны. Люди улыбались, глядя на облитую солнцем, устремленную в небо светлую громаду, и отводили глаза от второго храма, темного и молчаливого.

Утерев с лица подвальную пыль, Стриж влился в толпу, вытащил из корзины какой-то горожанки полосатый платок, повязал на голову, чтобы скрыть редкую среди южан светлую масть. Никто не обратил внимания на его маневр. Ремесленники и благородные шеры, кокетливые девицы и их строгие компаньонки смотрели мимо, словно он был тенью. Зато сам Стриж в радостном людском гомоне слышал шаги такой же тени. Шаги убийцы.

«Врешь, не возьмешь! Всего шесть часов до заката. Продержусь!»

Стриж бы себе поверил, но перед глазами стояло закаменевшее лицо брата. Когда Волчок догонит Стрижа и попытается убить, Шорох не останется в стороне, и Угорь не останется. Выживет ли хоть кто-то в драке четырех подмастерий-ткачей?

«Нельзя попадаться, вот и все. Надо продержаться до заката. Надо!»

«Надо-надо!» — звенели в ушах колокола, дразнили безопасностью Светлого храма.

«Спрятаться там, под юбками Райны? Смешно... но где еще спрятаться от Хиссова отродья? Если только...»

Стриж словно впервые глянул на храм Хисса: гладкие серые стены, такие же, как у храма Райны, только в нишах не духи света с лебедиными крыльями, а демоны Ургаша — покрытые чешуей, с акульими зубами и крыльями нетопыря. И шпиль черный, не серебряный. Эбеновые двери плотно закрыты — горожане входят в другие двери, белые, а сюда стараются не смотреть.

Темный храм манил и пугал, в голове вертелись слова священного договора: «Клянусь служить Тебе в жизни и смерти, Темный Хисс. Отныне я раб в воле Твоей, перчатка на руке Твоей и проводник душ Твоих». Если бы можно было ступить на тропу тени сегодня, сейчас! Не дожидаться испытаний и посвящения, а призвать Хисса. Все равно Ургаша не миновать, но если бы Хисс принял, не покарал дерзкого безумием... Мастер говорил, призвать Хисса без ритуала — верная смерть.

И не призвать — смерть.

Нет смысла гадать, почему Волчок попытался убить Стрижа. Но раз попытался один раз, то не отступит. А значит, придется рискнуть.

«Хисс любит дерзких», — прошелестели ветви старого платана.

Стриж вздрогнул, оглянулся: кто?! Но толпа текла мимо, люди улыбались, шутили и сплетничали, никто не глядел на замершего от страха парнишку. Ноги сами понесли его к темному храму, вопреки жгучему желанию спрятаться, исчезнуть, умереть — лишь бы не сделать того, к чему готовился всю жизнь.

Не веря в собственную смелость, Стриж сглотнул ком в горле и шепнул:

— Темный Хисс! Услышь меня!

«Я помогу тебе. — Каменный демон в нише храма усмехнулся кривоватой, тягучей усмешкой Шороха, сверкнули чуть раскосые глаза, так похожие на глаза Мастера Ткача, но веселые и родные. — Если хорошо попросишь».

Тишина упала на площадь Близнецов. Замерли горожане, зависли в небе ласточки. Тень черного шпиля вытянулась, легла под ноги тропой: «Иди ко мне, слуга мой!»

Стрижа бросило в жар, задрожали руки, виски свело болью от взбесившихся мыслей... Хисс ответил ему, счел достойным! Хисс предлагает помощь подмастерью, который и так принадлежит ему? Сумасшествие или ловушка? Но Хиссу нет смысла ловить Стрижа, он и так его. Нет, здесь точно подвох. Но иначе — смерть. И как же брат?! Нельзя оставить брата одного...

Стриж обернулся. Нашел в замершей толпе стремительную даже в неподвижности фигуру Волчка. Ему наставник дал осу и велел догонять Стрижа. А Стрижу — бежать и прятаться, не заходить в жилье, не пользоваться оружием и вернуться домой не раньше заката. И обоим — не убить друг друга и обойтись вообще без жертв. А кто нарушит волю Мастера Ткача, будет отвечать перед самим Хиссом.

Позади Волчка в полусотне шагов замерли Шорох и Угорь. Наблюдатели. «Не выпускать из виду, не вмешиваться, что бы ни случилось». Угорь и не вмешивался. Шакал.

От Угря и Волчка несло смертью и ненавистью. Ради власти над тропами тени оба готовы были убивать без сомнений и колебаний. Истинные ткачи. Почему же Темный Хисс помогает не им? И чего Хисс захочет за свою помощь от Стрижа, если душа и тело подмастерья-ткача и так принадлежат ему?

А неважно. Сейчас надо выжить, чего бы это ни стоило. Стриж не имеет права оставить брата одного.

Он глубоко вдохнул пахнувший тленом воздух и, едва не подавившись, выпалил:

— Да! Прошу тебя, помоги!

«Верный выбор, мой мальчик, — рассмеялся каменный демон. — Готов сыграть?»

От слова «мой» сердце оборвалось, к горлу подкатила тошнота. То, о чем Стриж не желал думать, явилось само, и уже никуда не деться. Пути назад нет, да и не было никогда.

«Ступи в тень и позови. Но не здесь. Пусть это останется нашим с тобой маленьким секретом».

Бездна в последний раз обдала Стрижа ледяным дыханием, и живой солнечный свет брызнул в глаза, а ноги сами понесли его прочь с площади Близнецов.

Яростная безнадежность вытеснила сомнения, за спиной словно выросли призрачные крылья из легенд о Воплощенном. Все внутри дрожало, казалось, он летит с обрыва — в омут...

«Радуйся, Себастьяно бие Морелле. Ты жив. Твой брат Шорох жив. Темный Хисс принял тебя. Без испытаний! Ты ж об этом мечтал, — твердил себе Стриж, успокаивая рвущий кишки ужас перед Бездной. — Радуйся, шисов дысс! Просился в Ургащ, так не замочи штаны на пороге!»

«Пол-день, пол-день!..» — насмешливо пели колокола.

«В тину! Я — жив!»

Обернувшись, Стриж показал Волчку шисовы хвосты из трех пальцев, коротко засмеялся и понесся к Чистому рынку. Волчок побежал следом, все еще уверенный, что он — охотник, а не дичь. Едва Стриж вынырнул из толпы, послышался цокот копыт по булыжнику: наперерез выехал патруль.

— А ну, стой, отребье! Куда? — заорал стражник на кауrom жеребце.

Остальные разъехали, перегораживая улицу. Стриж рванул быстрее и, пригнувшись, проскочил под брюхом лошади. Удивленные стражники замешкались, Волчок проскользнул следом, но сержант успел огреть его хлыстом. Шорох с Угрем отстали. Стриж нырнул в рыночный водоворот, побежал по рядам мимо наваленных грудami абрикосов и корзин первой черешни, мимо горшков и ковров. Волчок дышал в затылок азартом и ненавистью.

Не сбавляя скорости, Стриж обломанным концом отмычки ткнул первого попавшегося осла. Тот взревел, взбрыкнул и помчался прямо на Волчка, таща за собой вцепившегося в упряжь селянина и связку ярких тряпок.

Волчок отвлекся — всего на миг, но этого мига хватило, чтобы влететь в тень от навеса и выдохнуть, пока страх не вытеснил азарт схватки:

— Хисс!

Вопли, сумятица, паника и злость вокруг Стрижа загустели. Нахлынула и отступила волна запахов: специи, пот, пыль. Поднялись до резкого визга голоса и тут же упали, завязли басовым урчанием. Все вокруг выцвело, подернулось дымкой и замедлилось. Холод пробрал до костей. Привычный мир стал плоским, как стекло, а поверх него изморозью соткались силуэты демонов.

— Хисс, Хисс... — Они шипели и тянулись к нему, скалились и били крыльями. Ледяной ветер рвал волосы, смеялся и звал: — Сюда... здесь... останься!

— Договор! Я хочу заключить договор с тобой, Темный Хисс! — срывая связки, закричал Стриж.

— Договор? Не боишьс-ся?

Тень смеялась, но за смехом не было веселья, только голод и пустота.

— Боюсь. Но клянусь служить тебе в жизни и смерти, Темный Хисс! — Голос словно тонул в вате.

— Я всегда забираю свое, Себастьяно бие Морелле по прозвищу Стриж. Не забывай. Ты — мой!

— Я — твой слуга, Темный Хисс, — в отчаянной надежде на чудо Стриж отозвался совсем не теми словами, что полагались по ритуалу.

— Добро пожаловать в Ургащ, мальчик. — Божество усмехнулось, не обратив внимания на робкую попытку своего нового раба что-то изменить.

С последним словом Темного Брата холод отступил, затих ветер и растаяли демоны. Стриж остался один посреди серых людских силуэтов.

Дальше все было просто.

Он вернулся назад, к неподвижному Волчку, вытащил из его кармана осу с иголкой, уколол Волчка в руку. Прицепил насекомое к рубахе. Отошел на сажень.

И сделал шаг — из Тени домой. В живой мир.

Шаг — краски вернулись, вернулись запахи и звуки. Вернулись свет и тепло.

Почти вернулись.

Глава 5. О хрупкости доверия

2-й день каштанового цвета, остров посреди Вали Эр, неподалеку от Суарда, Рональд шер Бастерхази.

— Убьешь его, если продолжишь расспросы.

Роне шагнул к Шуалейде и накрыл ее своим плащом. В глаза Дайму он не смотрел — ему и так хватит унижения. Проклятье. Надо было показаться раньше, не ждать до последнего. Но естественный научный интерес пересилил. Увидеть, как действуют наложенные Светлейшим и Темнейшим путы, разве можно упустить такой шанс?

Наверное, нужно было упустить шанс, но не допустить вот этого...

Проклятье.

— Не смей прикасаться ко мне, — прошипела Шуалейда, сдергивая с себя плащ Роне и вскакивая на ноги. Уже одетая, разумеется.

— Как будет угодно вашему высочеству, — усмехнулся Роне, провоцируя ее злость.

— Нашему высочеству угодно, чтобы ты убрался! Ты! Это все... ненавижу! Ты знал, да? Знал!..

Дюбрайн, которому хватило пары секунд, чтобы справиться с собственными эмоциями и привести себя в приличный вид, шагнул к ней. Обнял за плечи.

— Роне не знал. — Дюбрайн развернул Шуалейду к себе, благородный придурок, принимая на себя ее гнев. — Тебе не за что...

— Знал, — перебил его Роне. — Но тебе надо было увидеть все самой.

Шуалейда и Дюбрайн синхронно метнули в него полные ярости взгляды, с рук сумрачной девчонки заструились лиловые молнии, ее растрепанные волосы зашевелились ядовитыми змеями — вот-вот начнут плевать острыми синими искрами. Если б она знала, как прекрасна, когда злится! Стихия, чистая стихия!.. Впрочем, сейчас его восхищение неуместно.

«Прошу тебя, не вмешивайся хоть пару минут, — мысленно попросил он Дюбрайна. — Я знаю, что делаю».

«Ты Хиссов сын, Бастерхази».

Дюбрайн приоткрылся лишь на миг, но Роне хватило, чтобы еще раз обозвать себя идиотом. Ведь он сам прекрасно знает — каково это, оказаться униженным и беспомощным. Обманутым. Преданным. И то, что Дюбрайну сейчас больше всего на свете хочется его убить — понятно и логично. Но... больно.

«Несомненно», — ответил Роне вместо «прости». Наверное, потому что если бы он сказал «прости», все оказалось бы зря. Сейчас не место и не время выяснять отношения с Даймом, сейчас важнее всего — хоть что-то сделать с ядом, кипящим в Шуалейде.

— Убирайся, Бастерхази, — выплюнула она, не замечая даже, как вокруг нее завиваются потоки взбаламученной стихии, готовые вот-вот превратиться в ураган. — Тебя тут не ждали!

— И чем же я так не угодил вашему высочеству? — Роне приблизился к ней еще на полшага, преодолевая отчетливое сопротивление воздуха и не отрывая взгляда от светящихся мертвенно-лиловым глаз.

— Чем?! Ты обманул меня! Ты лгал! Ты притворялся! Ты... что тебе нужно от меня, Бастерхази? — Голосу Шуалейды вторил свист ветра в кронах деревьев. — Хочешь мою Линзу?!

— Ну что ты, я хочу гораздо большего.

— Треснешь!

— Мне нужна ты вся. Вы оба, целиком и полностью. — Тут Роне позволил себе короткий, на половину мгновения, взгляд на Дайма.

Девчонка на миг опешила от его наглости, почти отступила — и уперлась лопатками в Дюбрайна. О, Роне прекрасно видел, какого труда полковнику МБ стоило продолжать доверять темному шеру! И в полной мере оценил это невозможное чудо.

Шуалейда тоже оценила, правда, совсем не так, как оно того стоило. Она обернулась к Дюбрайну, ища поддержки и такого же, как ее собственное, возмущения намерениями Роне, натолкнулась на хмурый взгляд и ментальные щиты...

И взорвалась. Наконец-то.

Она кричала, обвиняя Роне Мертвый знает в каких прегрешениях и собственных страхах, она швыряла в него заклинаниями и потоками чистой силы, она плакала и проклинала его — и не замечала ничего кругом. Ни разразившейся над рекой грозы. Ни шквала, ломающего деревья на островке. Ни дюжины поглотителей вроде тех, что установлены в зале совещаний Конвента — их невесть откуда достал и разбросал вокруг Дюбрайн. Ни самого Дюбрайна, который буквально врос в землю и гасил разбушевавшуюся стихию, проводя ее через себя наподобие громоотвода — мощности магопоглотителей явно не хватало.

Роне мимолетно отметил, что недооценивал Магбезопасность. Без Дюбрайна они бы уже снесли несчастный островок до основания. И Шуалейду тоже недооценивал. Во-первых, ее силу, а во-вторых — способность выходить из берегов. А, и еще ментальный талант Саламандры, чтоб ей в Светлых Садах икалось.

Из несвязных криков, а главное, выплеснутых на него эмоций и картинок Роне уловил главное: диверсия Саламандры упала на благодатную почву. Темных шеров и Роне лично ненавидели чуть ли не все, кто окружал Шуалейду с детства. И Зефрида, и полковник Бертран, и капитан Герашан, и его рыжая жена... Оказывается, именно его назначили виновным в том, что лесная ире попала в рабство. Глупости какие. Роне всего лишь делал и продавал некоторые артефакты, но уж точно не он выманивал рыжую дуру из леса и надевал на нее рабский ошейник!

Именно это он Шуалейде и сказал. Не только это, конечно. Он тоже орал и ругался, отражая ее атаки и одновременно стараясь ее не покалечить, благо подобные танцы не раз танцевал с любимым учеником Паука. Прямо хоть благодари старого упыря за науку!

Она выдохлась резко, прямо посреди очередной фразы. Кажется, обвиняющей Роне в попытке убить Каетано. Или в том, что он спелся с Ристаной и мечтает прибрать к рукам корону Валанты. Будь Роне младше и глупее лет на полсотни, его бы все это очень задело. После того как он дважды спас ее от сумасшествия, обвинять его во всей этой несусветной чуши...

Но, по счастью, ему уже не шестнадцать лет, чтобы эмоции захлестывали с головой и напрочь отключали мозги. Он — взрослый, опытный темный шер, и ему плевать, что за ерунду несет легковерная и неблагодарная девчонка.

Да. Плевать. Он здесь, чтобы получить свое. Как угодно. Любым способом. И он свое получит.

Вот только выдохнет, успокоится, выдохнет еще раз... Ему совсем-совсем не хочется убить и неблагодарную девчонку, и шисова Дюбрайна, который ни словом не возразил на ее глупые обвинения... Да что там, он был совершенно согласен с тем, что Рональд Бастерхази — кровожадное беспринципное чудовище...

Проклятье.

Выдохнуть.

Свернуть ревущие огненные потоки.

Присесть рядом с Даймом, держащим на руках рыдающую девчонку.

Вспомнить о том, что она — маленькая. Он сам в шестнадцать ни шиса не понимал в жизни. Но она вырастет и поумнеет. Он сам ее научит смотреть на мир иначе. Разумно. Они с Даймом вместе научат. Вот прямо сейчас и начнут.

Там же и тогда же. Шуалейда.

Ей было отчаянно стыдно. Опять она сорвалась! Никакого самоконтроля, никакого! И плакать тоже было стыдно. А уж посмотреть в глаза Дайму или Роне... у...

Поэтому, когда Роне сел на землю рядом с ней, Шу только крепче прижалась к Дайму и спрятала лицо у него на груди.

— Ты Хиссов сын, Бастерхази, — тихо и устало сказал Дайм, продолжая гладить Шу по голове.

— Уж какой есть, — так же устало отозвался Бастерхази.

— Это, по-твоему, называется откровенный разговор?

— Именно. У нас нет времени на танцы вокруг да около. У Люкреса обострение паранойи, он не верит никому и убежден, что все кругом его обманывают.

— Какая потрясающая чуткость восприятия, — хмыкнул Дайм. — Что он хочет от тебя?

— Чтобы я раскрыл заговор, который затевает против него Каetano, и представил доказательства. Ну не считая того, что ему просто нужен кто-то, кто будет делиться силой и служить мальчишкой на побегушках. И, само собой, он обещает мне защиту от тебя, место при его дворе и прочие драконьи крылья. Но только если моя служба будет достаточно ценна.

Шу слушала их разговор, позабыв про слезы. Как-то это было странно — убедиться в собственной правоте. В том, что темный и светлый шер — друзья. Больше чем друзья. И что они действуют вместе, на одной стороне.

— И ценность эта будет выражаться?..

— В основном в тайнах Паука. Твой брат хочет силу Шуалейды и уверен, что я могу ее вынуть и ему передать. Перевязанную ленточкой.

— Шакалий потрох, — буркнула Шу, изворачиваясь в объятиях Дайма. — Шисов дысс ему, а не мою силу.

Хмыкнув, Дайм помог ей удобно сесть у себя на коленях и снова обнял.

— О, ваше высочество успокоились и нашли правильный объект для ненависти?

В голосе Бастерхази проскользнули отзвуки того ревущего пламени, которое только что едва ее не сожгло. Честно говоря, она сама не понимала, почему не сожгло. Она такого ему наговорила... Боги, зачем? Как она могла настолько утратить самоконтроль и чувство самосохранения?..

— Я не испытываю ненависти к вам, темный шер, — дипломатично отозвалась она... и поняла, что сказала чистую правду.

Ненависти больше не было. Выгорела. Вся, дотла. Правда, ничего другого не было тоже, даже почти привычного сожаления о не случившейся любви.

И хорошо. У нее достаточно проблем и без пустых сожалений.

— Роне, перестань, — поморщился Дайм.

И Бастерхази, о чудо, вздохнул, склонил голову и сказал:

— Прости. Мне тоже непросто это все...

— Это все — что? — переспросила Шу.

— Все — это все, о наша прекрасная Гроза. — На этот раз в тоне Бастерхази почти не было насмешки, но была... нежность? — Мне тоже хочется убить тех, кто сделал...

— Роне, — предостерегающе оборвал его Дайм.

Шу тоже почувствовала, как завибрировали нити его проклятия, правда, не поняла — почему.

— Эм... — поправился Бастерхази, — кто сделал рабский артефакт для Грозы.

— Рабский?.. — переспросила Шу, удивляясь собственному равнодушию. Впрочем, Дайм ее уже предупреждал, что такое очень вероятно.

— Артефакт в виде брачного браслета, — хмуро пояснил Роне. — Разумеется, Люкрес его не показывал, он не страдает излишней откровенностью. Но найти браслет было несложно, а опознать мастера и того проще.

— Саламандра уже мертва, — сказал Дайм, прижимая к себе Шуалейду так, словно она могла куда-то исчезнуть.

— Ей повезло, — нехорошо усмехнулся Бастерхази. — Но не будем о мертвых. Лучше я расскажу вам сказку. Старую, не имеющую никакого отношения к реальности сказку о королевском бастарде и его клятвах. Хотите послушать, ваше высочество?

— Очень, — кивнула Шу и потерлась щекой о плечо Дайма.

— Итак, в далекой стране когда-то очень давно правил мудрый и справедливый король, и было у него три бездарных сына и один бастард, истинный шер...

Слушать «сказку» оказалось непросто. То есть — сидеть на месте и дышать ровно, не усугубляя ситуацию. Потому что добавить Дайму еще унижения и сочувствия, после того что с ним сделали император и Конвент — это было бы слишком. Шу и так не знала, как теперь смотреть ему в глаза. И тем более — как она сможет смотреть в глаза Люкресу, который все это знает и беззастенчиво использует.

И собирается надеть контролирующий артефакт на нее саму.

Шакал. Трусливый, жадный, подлый шакал. Вот кто достоин рабского ошейника.

— А где же финал вашей сказки, шер Бастерхази? — спросила она, когда темный шер замолк на самом интересном месте.

— У этой сказки есть несколько финалов, моя прекрасная Гроза. Первый годится для детских книг. Прекрасный финал, где принцесса вышла замуж за принца-наследника, растопила его сердце своей любовью, и принц освободил бастарда от той части клятвы верности, которая причиняла боль и не позволяла делать детей. А бастард, благодарный брату, женился на сестре принцессы, жил с ней долго и счастливо, и до самой смерти служил брату, а затем и его детям. Но во мне этот финал вызывает какое-то недоверие.

Шу только фыркнула. Всего лишь недоверие? Ну-ну.

— А какой финал бы написал ты, мой темный шер? — спросил Дайм.

— О, я бы ввел в сказку еще одного персонажа. Мудрого волшебника, которому не понравилось, как король поступил со своим одаренным сыном. Зато понравились сам бастард и прекрасная принцесса, и он помог им обрести счастье и свободу.

— Запросив за это сущую безделицу, не так ли, мой темный шер?

— Ваше высочество не правы. — Бастерхази прямо посмотрел Шу в глаза, и она вздрогнула: бушующее в них пламя манило и обжигало, обещая испепелить дотла и подарить счастье. — Колдун не запросил никакой платы, но обрел свободу вместе с ними. Они втроем провели один древний, очень могущественный ритуал, сливший их судьбы в одно целое и подаривший им невероятную силу. Единственную силу, способную разрушить связывающие бастарда клятвы.

Шу сама не заметила, как вжалась в Дайма. Древний могущественный ритуал, значит. Вроде того, что творил Ману Одноглазый.

— Звучит как цитата из «Трактата о свободе», — озвучил ее мысли Дайм.

Правда, в его тоне не было ни страха, ни неприятия. Скорее сомнение.

— Я рад, что ты знаком с первоисточником, мой свет, — криво усмехнулся Бастерхази. — И знаешь, что я прав. Три шера-зеро с собственной Линзой уж как-нибудь справятся с тем, что сотворили другие два шера-зеро. Хотя я предполагаю, что все лишнее отвалится в процессе. Двуетиные, видишь ли, не любят, когда их детей делают рабами.

— То есть ты предлагаешь сделать то...

— ...что не удалось даже Ману Одноглазому, — кивнул Бастерхази.

— Я восхищен твоей наглостью, мой темный шер.

— Не сомневаюсь, — поклонился Бастерхази.

— С чего ты взял, что у нас получится? И что это вообще за ритуал такой? — вмешалась Шу.

— Получится. Единение — это очень просто, моя Гроза. Ты же любишь Дайма и хочешь для него свободы?

— Разумеется, хочу, но ты не ответил.

— Это и есть ответ. Наше общее желание и доверие. Искреннее, без сомнений и колебаний.

— Доверие? Не уверена, что у меня получится.

То есть Шу была уверена, что не получится. Доверять темному шеру искренне, без сомнений и колебаний? Такое вообще возможно?

— По крайней мере, ты уже не боишься сказать о недоверии вслух. Но, видишь ли, моя Гроза, от этого зависит и твоя свобода, и судьба твоих близких. Ты же не забыла о Линзе?

— Не забыла. — Шу поежилась.

— Бастерхази, вмешивать во все это Линзу — плохая идея. Линза принадлежит Шуалейде и только ей.

— Ты иногда такой светлый, мой светлый шер, что мне страшно делается, — поморщился Бастерхази. — Никто не собирается ничего и ни у кого отнимать. Но Линзу надо инициировать — и чем раньше, тем лучше. И если мы с тобой поможем Шу, шансы на благополучный исход резко возрастут.

Шу очень хотелось верить ему. Очень-очень. Но не получалось. Все равно она чувствовала какой-то подвох. О чем-то Бастерхази недоговаривал. О чем-то важном.

— Расскажи мне о Линзе, — потребовала она. — Все, что ты знаешь.

— Само собой. Я тебе даже кое-что покажу, — кивнул Бастерхази и жестом вызвал в воздухе схематичное изображение башни Заката и пронизывающих ее потоков. — Как видишь, это Линза до контакта с владельцем. Она стабильна и закуклена сама в себе, но при этом накрепко связана со стихийными потоками той местности, где возникла. Эта картина тебе знакома, не так ли?

— В целом... — пробормотала Шуалейда, разглядывая модель, похожую на ту, что рисовал ей дру Бродерик, но гораздо более подробную. — А это что за черные пятна?

— Это особенность твоей Линзы. Два десятка смертей так и остались внутри, и пока Линза спокойна, ты их и не увидишь. А теперь смотри, что происходит дальше, когда ты отпираешь башню.

Разноцветные потоки в модели Линзы ожили, задвигались, начали выходить за пределы башни, потеряли стройность, зато налились яркими цветами, и все это плыло, мерцало, вызывало головокружение и слепило...

— Ой, больно! — вскрикнула Шу, когда один из лучей попал ей в глаз, и зажмурилась.

— Это состояние Линзы сегодня днем, — неохотно пояснил Дайм. — Если ее не инициировать в ближайшие десять дней, то лучше эвакуировать весь Суард прямо сейчас.

— Десять — это крайний срок, я бы сказал — шесть. Думаю, тебе стоит показать Шуалейде, во что может превратиться неудачно инициированная Линза.

— Ну, если схематично... Посмотри, это не опасно, но так ты лучше поймешь тенденцию.

Открыв глаза, Шу уставилась на магическую аномалию. Да, схематично, но даже так — страшно. Стихийные потоки переплелись, словно щупальца бешеного осьминога, выплеснулись далеко за пределы Линзы, проросли очагами мутаций вокруг нее, по всему городу и дальше, тут и там вспыхивали стихийные возмущения, окрашенные в какие-то совершенно неудобоваримые грязные цвета. А рядом с эпицентром темнела неопределенной формы черная дыра, втягивающая в себя грязные потоки, и было заметно, что хаос уже начал приобретать спиральную форму вокруг дыры, словно образовался гигантский водоворот. Весь этот ужас был накрыт прозрачным куполом, уходящим в землю. Интересно, насколько большим?

— Внутренний купол сферический, диаметром в четыре тысячи локтей, — вслух ответил Дайм. — Второй барьер временный и не замкнутый сверху, четверть лиги от эпицентра.

— Временный?

— Лет на пятьдесят, не больше. А внутренний схлопнется сам, когда Пасть Ургаша закончит свою работу.

— Пасть Ургаша, — повторила Шу, передернув плечами. — То есть если у меня не получится, на месте Суарда будет вот такое?

— Нет. Туда Магбезопасность пришла слишком поздно. Аномалия успела расползтись. К тому же там не было Леса Фей, который сам по себе может погасить любую аномалию, — ответил Дайм таким тоном, которого Шу раньше никогда не слышала. И куда только делся галантный светлый

шер и нежный возлюбленный! Сейчас рядом с ней был жесткий, ширхаба съевший на ликвидации последствий маганомалий полковник МБ. Совершенный незнакомец. — Но главное, Линзу инициировал необразованный идиот. Ему даже в голову не пришло позаботиться о безопасности окружающих.

— И как о ней можно позаботиться? — совсем тихо спросила Шу: что-то ей стало совсем страшно.

— Для начала вызвать Магбезопасность и представителя Конвента, — хмыкнул Бастерхази. — Затем изучить явление, запастись магопоглотителями, выставить якорные точки и антимагический барьер, эвакуировать западное крыло дворца, вознести молитвы Двуетиным — и тогда только приступать.

— С такими познаниями тебе прямая дорога на службу в МБ, мой темный шер.

— Барьер? Якорные точки?.. О боги...

Шуалейде очень хотелось, чтобы сейчас ее разбудило сердитое мяуканье голодной Морковки и оказалось, что все это ей приснилось: и Линза, и Люкрес, и темный и светлый шеры, рассуждающие об антимагических барьерах. Она бы никогда больше не сетовала, что отец отправил ее в захолустье! Никогда! Она бы по десять раз на дню говорила ему спасибо за то, что уберег ее от ужаса и кошмара. Милый, добрый, заботливый папа, вот бы он оставил ее в Сойке навсегда!

— Отставить панику, — по-военному скомандовал Дайм.

Шу вздрогнула, так это было похоже на полковника Бертрана. Да уж. Как-то ей раньше не приходило в голову задуматься, что это значит — полковник МБ.

— Я не... я не паникую. Просто мне страшно.

— Мне тоже, — совсем другим тоном признался Дайм. — Одно дело — разбираться с последствиями чужих экспериментов, и совсем другое — когда речь идет о самых близких и дорогих мне людях. Но если мы позволим себе бояться, кто будет делать дело?

— Так что придется самим, моя Гроза, — поддержал его Роне. — Но ведь ты не одна, а вместе справиться с Линзой — пара пустяков.

— Ты обещал рассказать, как это сделать.

— Я и рассказываю. Собственно, сама инициация формально довольно проста. Тебе надо создать треугольник равновесия: свет, тьма и сумрак, соединенные в единое целое, и заякорить на равном удалении от центрального потока. В нашем случае это не проблема, нас трое, и тебе не придется самой удерживать все три стороны. Обычно именно в этом самая большая трудность. Светлые уделяют слишком мало внимания тьме, темные — свету, все поголовно забывают про сумрак, система перекашивается и рушится.

— Ладно, про сумрак я не забуду, — через силу улыбнулась Шу. — А дальше?

— А дальше ты останешься наедине с самой собой. Лицом к лицу. Потому что Линза — это стихийное отражение тебя, твоей сути. Ну, с некоторыми нюансами. Насколько ты сумеешь принять себя, настолько же тебе покорится Линза. Если же твои кошмары окажутся сильнее тебя... мы с Даймом подстрахуем и попробуем успокоить Линзу. Вероятно, у нас вдвоем получится. Но вот спасти тебя — уже вряд ли.

— И что со мной будет?

— Все будет хорошо, ты справишься. — Дайм обнял ее, и только тогда Шу поняла, что снова дрожит всем телом. — Мы вместе справимся.

— Вместе, Шу. — Роне обнял ее поверх рук Дайма и поцеловал в макушку. — Двуетиные не просто так свели нас втроем. Свет, тьма и сумрак. Мы нужны друг другу, и вместе мы справимся с чем угодно.

— Роне, правда, что Паук отобрал Линзу у одного из учеников? — зажмурившись на всякий случай, спросила Шу.

На мгновение Роне напрягся, но тут же выдохнул и ответил:

— Правда.

— Ты видел?

— Не сам процесс, это было до моего рождения. Я видел результаты и дневник наблюдений.

Учитель очень дотошен и бережет свои исследования для потомков.

— И ты можешь сделать это сам? Если у меня не получится...

— У тебя получится. Нет ничего, что может тебе помешать, Шулейда, кроме тебя самой.

— Но я...

— Ты — сильнее твоих сомнений и страхов, — поддержал его Дайм. — Ты — целая, а любые страхи или сомнения — лишь часть тебя.

— Наверное... наверное, ты прав. Я не думала...

— Ты — маг разума, твоя сила — в изменении мнений и точек зрения, Шу. Твое мнение зависит только от твоего выбора. Понимаешь? В центре — ты сама. Твой выбор. Твое решение. Твои эмоции и реакции зависят только от тебя, они не даны свыше. Ты можешь сама решать, что чувствовать и что думать, и этим ты изменяешь реальность. Своим желанием, понимаешь? Не потоками, не заклинаниями или артефактами, а только осознанным желанием.

— Если все так просто, почему ты до сих пор... — Шу осеклась, вспомнив о «втором смертельном запрете».

Но вместо нее продолжил Бастерхази:

— Потому что всему свое время. Истинный шер может изменить мир, но лишь тогда, когда ему есть ради чего это делать. Не так ли, мой светлый шер? Тебе есть ради чего двигать горы?

— Есть. — Шу почувствовала в тоне Дайма улыбку, а вместе с этим — внезапно горячее касание сильного, надежного мужского тела. — У меня есть ты, Шу. Вы оба.

— У меня тоже. Вы оба, — шепнул Бастерхази, плотнее прижимаясь к ней, и на этот раз Шу ему поверила. Без сомнений и колебаний.

— Значит, мы можем... — она проглотила «избавить Дайма от проклятой печати», — ...прямо сейчас? Ведь можем?

Сейчас она верила — да, у них все получится. Прямо сейчас. Потому что они вместе, втроем. Без сомнений и колебаний. И... ей нечего больше скрывать от Дайма и от Роне. Они нужны ей оба, это хорошо и правильно.

Глава 6. Недетские игры

...принесут достойные угодную жертву, войдут в храм Брата, и услышит Брат слова священного Договора. Станут достойные служить Ему, как рука служит человеку, а слабые ввергнутся в Ургаш.

Хосе бие Морелле по прозвищу Волчок, 20-й день холодных вод, Суард.

Все тело ломило и жгло, мышцы не слушались. Волчок не мог даже моргнуть.

— Эй, что с тобой? — сквозь всполохи боли пробился ненавистный голос Стрижа.

«Со мной? Как?» — Мысли путались, в голове никак не укладывалось, что белокрысый гаденыш вывернулся.

Темнота рассеялась до сумерек. Прямо перед полными слез глазами появились шесть зеленых крылышек на мохнатом тельце — насекомое в руке Стрижа трепетало, словно живое.

— Светлая! Откуда тут степная оса? — притворно удивился белокрысый. — Волчок!

— Эй, с дороги, отребье! — рявкнул жирный бас.

— Простите, моего друга укусила оса, — оправдывался белокрысый. — Вот она, живая степная оса!

Любопытствующие, увидев «живую» осу, разбежались: никому неохота после укуса валяться куском мяса. Остались только двое бездельников, жующих краденые финики. Оба выглядели так, словно ошивались на базаре с самого утра, а не обежали половину Суарда вслед за младшими подмастерьями.

— Ну же, вставай! — Стриж потряс Волчка и обернулся к бездельникам. — Что уставились? Помогите, что ли.

— Да врешь ты! Живую осу ни один дурень в руки не возьмет, — громко, на публику протянул Угорь. — Покажь!

— Дай сюда! — встрял Шорох. — Сдохла, жаль.

Насекомое перекачало в карман Шороха, лишая торговцев последних проблесков любопытства.

— В «Кружку», — предложил белокрысый. — После укуса осы нужно молоко.

«Все равно убью, — подумал Волчок. — Подлиза проклятый».

Болтая о всякой ерунде, втроем подмастерья доволокли Волчка до рыночной таверны, чуть не успев до дождя. Весенний ливень обрушился на них в паре шагов от дверей. Волчка усадили за столик в дальнем углу, прислонили к стене. Стриж сбегал на кухню, принес кувшин молока.

— Ты слышал, чтоб я мычал? — Угорь презрительно поднял бровь.

— Не нравится — не пей, — ответил Стриж, наливая полную кружку.

Шорох, ни слова не говоря, подставил свою. Как всегда! Что бы ни вытворил один, второй сделает вид, что так и надо. Как будто и вправду братья. Только какие уж братья, если у Диего бие Морелле только один родной сын, Орис по прозвищу Шорох, а прочие шесть — приемные, сироты. Ах, вот благодать-то! Соседи плачут от умиления, какой чадолюбивый этот Морелле! Читает заветы Светлой, сыновья все почтительные и благовоспитанные, никогда не забудут поклониться, особенно беленький мальчик, ну такой славный.

Знали бы они, кем умиляются! Прилип к сыну Мастера, зовет братом и стелется под него, как шлюха. Жаба бледная. За каким шисом Мастер его взял, его же в любой толпе видно — на весь Суард северян по пальцам перечесть.

Внутренности болезненно сжались и булькнули. Проиграть бледной жабе, проклятье!

Стриж тем временем поднес кружку с молоком к его рту. Волчок с трудом глотнул, по подбородку потекло. Больше всего ему хотелось выплеснуть молоко в бесстыжие буркалы, этой же кружкой разбить бесцветную физиономию, а осколком перерезать глотку. Заботливый, шис его дери. Улыбается. Прямо монах милосердный, а не убийца.

Волчок глотал молоко, глядя в синие глаза прилипалы и твердя про себя умно отрешения. Будем улыбаться (мы же братья!), пока не придет время испытаний или не подвернется другой случай

придавить гаденыша.

В таверну тем временем набивался мокрый, жаждущий пива и жареных колбасок народ. Подавальщица сбивалась с ног, таская к столикам выпивку и снедь.

Едва Волчок успел выпить полкружки, дверь распахнулась и с грохотом ударилась о стену. Отряхиваясь, как мокрый пес, в таверну ввалился верзила в серо-красном мундире муниципальной стражи.

— Стоять! — распорядился он с порога.

Подавальщица от неожиданности замерла, чуть не уронив подносы.

— Пива, бегом марш! Жаркого, окорока, пирога! — потребовал сержант и со скрежетом отодвинул стул от стола, где уже расположилось полдюжины его подчиненных. — Разленились, шисово семя!

«Надо убираться, пока не началась драка», — подумал Волчок, с трудом сводя раздвоенное пятно в одного сержанта.

Паралич отступал, оставляя после себя дрожь и тошноту, мысли скакали блохами. До Волчка долетали обрывки разговоров. Не в силах сосредоточиться на чем-то одном, он то проваливался в воспоминания и сны, то всплывал и снова слышал:

— Всем на стр-роевую! Будем встречать наследника во всем, кар-рамба, блеске! — наливаясь пивом, рычал сержант.

— Да говорю же, поднимут налог на пеньку, — слышались споры торговцев.

— ...железную дорогу! Его величество знает, что делает.

— ...не могла младшая принцесса его воскресить, она ж темная, вот те окружье!

— А я говорю, чудо было, чудо! Кузина моего шурина своими ушами слышала, как дворецкий графа...

Разговоры в таверне, как весь последний месяц, вертелись вокруг грядущего приезда в столицу младших детей короля. Все неприятности, от подскочивших цен на зерно до пожара в порту, валили на принцессу-колдунью.

«Негоже ткачу верить слухам! — вспомнились слова Мастера. — Ваше дело самим пускать слухи, а не дрожать и перешептываться, как бабки на базаре».

Образ Мастера подействовал лучше всякого молока. В голове начало проясняться, а перед глазами перестало двоиться. Правда, тошнота не проходила. Из-под прикрытых век Волчок вглядывался в Стрижа: что-то с ним было не так. Слишком спокоен? Нет, он всегда как снулая рыба. Любой на его месте бы радовался и рассказывал, как ему удалось обойти соперника, а этот молчит, пакость замышляет. Вон, побледнел, аж позеленел. Жаба и есть.

Волчок поморщился. Мысли снова расползались. Сотни жал по всему телу твердили: опасность, убей! Но случай был упущен.

— Пора. — Угорь кивнул в сторону пьяного сержанта, выискивающего, с кем подраться. — Давай поднимайся.

Шорох со Стрижом тоже смотрели на него, готовые снова подхватить и нести, как бурдюк с требухой. От холодно-деловитого взгляда белобрысого Волчку было мерзко. Неуютно. Оказаться бы подальше отсюда! А еще лучше — свернуть ему шею.

На всякий случай Волчок отвел глаза. Хоть Мастер и выучил подмастерьев не показывать истинных чувств, рисковать не хотелось.

Путь через кухню и черный ход дался тяжело. Ноги не слушались, каждый шаг отдавался горячим, чавкающим ударом в висках. На свежем воздухе Волчку полегчало. Но стоило представить, что придется идти через весь Старый город, как накатила тошнота, а внутренности попытались выплеснуться наружу.

— Мы, пожалуй, не будем торопиться, — неожиданно пришел на выручку Угорь.

Рука старшего подмастерья жестко держала за плечо, не позволяя возразить. Возражать и не хотелось. Волчок с удовольствием остался бы в переулке позади таверны до завтра — все лучше, чем ловить крыс в лабиринте канализации.

Шорох с прилипалой без единого слова развернулись и пошли прочь. Выждав, пока неразлучная парочка скроется из виду, Угорь подмигнул Волчку:

— Пошли. Я знаю, что тебе поможет.

Гадать, что нужно старшему подмастерью, Волчок не стал. Сам скажет.

Десять лет назад, когда Мастер только привел Угря, Волчок сразу понял: этот заносчивый шерский щенок подерется с сыном Мастера. Так и получилось. Поначалу Угорь говорил по-благородному и смотрел на остальных подмастерьев, как на поганных крыс, снисходя лишь до Шороха. Но сын Мастера не принял предложенного союза. Угорь быстро научился вести себя по-простому, перестал замечать Шороха в упор, поставил себе целью во всем его превзойти — и этой цели добился. Почти. Уложить Шороха в рукопашной ему удавалось два раза из пяти, на шпагах — три из четырех, а в бою без правил они были равны.

Волчок был уверен: представься случай, Угорь бы убил наставникова сына. Но Шорох оказался слишком осторожен, так что случая не представлялось. Никому.

Особое положение Шороха пришлось не по нутру не только Угрю. Хоть Мастер со всеми ученикам был одинаково строг и холоден, все понимали, кого он готовит себе на смену. До недавних пор Волчка это не особо волновало. Он, сын умершей от лихорадки нищей прачки и безымянного матроса, не был настолько честолюбив, чтобы мечтать о черной повязке Мастера. Шорох, Угорь, да хоть зуржий шаман! В тину ответственность за стаю воров и убийц. Ему достанет богатства и неуязвимости Хиссовой тени.

Все изменилось на прошлой неделе, когда Угорь оставил выглядывать из-под матраса ту тетрадь. Дневник мастера теней, Седого Барсука. Оставил нарочно для Волчка — надо быть полным ослом, чтобы поверить в забывчивость и неосторожность убийцы.

Разумеется, Волчок прочитал. Между утренней тренировкой и завтраком забежал в общую спальню, просмотрел все сорок страниц, сунул дневник обратно и вернулся. А ночью, когда подмастерья уснули, с потолка читал по памяти о том, как Барсук стал Седым.

Вот и сейчас ровные строчки стояли перед глазами, заслоняя мокрые дома и купающихся в лужах птиц.

«...сегодня вечером отправляемся в Кардалону. Вернусь — напишу об испытаниях. Или не вернусь».

Седой вернулся и написал.

«Из пяти подмастерьев убиты трое. Один остался в храме, Хисс сделал его Безликим. Наверное, это лучше, чем смерть. Я единственный выжил, прошел ритуал и заключил договор...»

Испытания. Не сегодняшняя игра в сову и мышь. Даже не полная крыс-упырей городская канализация, где придется провести ночь и выловить живьем дюжину чудищ. Крысы или сова по сравнению с сотней воров, грабителей, контрабандистов и просто жадных наемников, вышедших на охоту за головами подмастерьев — фиалки. А грабители и контрабандисты — фиалки по сравнению со своим же братом подмастерьем, которого впервые коснется Хисс. Коснется и потребует крови. Не чьей-то там, а крови других подмастерьев.

Об этой маленькой подробности Мастер умолчал. Про законы гильдии рассказал, про ритуал посвящения и опасность призвания Хисса без ритуала и договора рассказал. А о том, что подмастерья, едва ступив за пределы храма, проваливаются на тропы тени и начинают резать друг друга — нет. Немудрено. Он же воспитал из белобрысого верного пса сына. Стриж за «брата» глотку перегрызет, скорее сам утопится, чем навредит Шороху. Любит, шисов дысс, ближнего своего, как повелела Светлая. И Шорох пса своего в обиду не даст, прикроет и уж точно не станет резать, если только Мастер не прикажет прямо. И то вывернется, сам же Мастер учил не выполнять приказы тупо, а прежде подумать о благе гильдии и воле Хисса.

Сам же и истолковал Канон Полуночи во благо Хисса и гильдии, читай, Мастера Ткача. Закон не запрещает учить подмастерьев работать в паре, вот он и учил. Только Шороха и Стрижа. Остальные подмастерья не умеют в бою думать ни о ком, кроме себя. Ткачу не нужно никого защищать: пришел, убил, исчез. Напарник ему — лишь помеха, на тропы тени ходят по одному.

Проклятье. Надо было убить белобрысого, как угодно убить, и плевать, что ткач, убивший другого ткача, отвечает перед Темным Братом. Хисс не казнит своих слуг попусту. Хиссу нужны ткачи, умеющие постоять за себя и исполнить его волю, а не барашки на закланье.

Волчок покосился на шагающего рядом Угря. Молчит, словно и не было того дневника. Но — был. Перед игрой был. Потому что ни Волчок, ни Угорь не обязаны умирать на испытаниях ради того, чтобы сын Мастера получил свои ножницы. Не зря Хисс дал ткачам закон, запрещающий жениться

и иметь детей. Службы Темному достойны самые лучшие, а не чьи-то там сынки.

Прогулка завершилась около ипподрома, в «Хромой Кобыле». Рябой трактирщик протирал кружки засаленным фартуком.

— Вам чего? — буркнул он, едва Волчок и Угорь подошли к стойке.

Оглядев рябую рожу с глазами навывкате, Волчок пожал плечами. В «Хромой кобыле» можно делать незаконные ставки, продавать краденое, покупать дурь и нанимать дешевых головорезов, но нельзя ничего есть. Буркало — прирожденный отравитель, от его стряпни даже крысы дохнут.

Угорь выразительно глянул трактирщику за спину и велел:

— Кардалонского и гоблиновой травки.

Буркало расплылся в подобострастной ухмылке и проводил гостей в заднюю комнату. Маленькая и душная, она выглядела куда приличнее общего зала: застеленные коврами низкие ирсидские диванчики, чистый столик, на нем блюда с фруктами и сладостями. Через минуту трактирщик принес пучочек сизой травы, жаровню с угольками, трубку и бренди.

Набив длинную трубку и прижав угольком, Волчок с опаской сделал первую затяжку. Вспомнилась соседка, «знахарка-травница», и докеры с мутными глазами и слюнявыми губами, неверными руками отсчитывающие медные динги. Мать тоже курила травку, когда приходилось совсем худо.

Волчок сморгнул мерзкую картину. Чтобы стать полудурком, надо курить годами. А он не такой осел! Всего пару затяжек, чтобы прошла боль.

После первой он почувствовал себя много лучше. После второй — почти нормально. Собирался затянуться в третий раз, но, взглянув на Угря, отложил трубку. Тот кивнул и отставил бокал — почти полный.

— Рассказывай.

Волчок согласно склонил голову и, прикрыв глаза, мысленно вернулся на рынок, за минуту до того, как Стриж исчез.

Угорь слушал не перебивая. Только когда Волчок закончил, велел вернуться еще раньше и припомнить все подробности, вплоть до количества улетевших у газетчика листков. К концу допроса Волчок чувствовал себя оливкой после маслодавили: так дотошно его не выспрашивал даже наставник. Но от предложенной трубки отказался — пусть в голове снова муть и отбивают полдень десятки Кукольных Часов, бывало и хуже, переживем.

Тем временем Угорь завел разговор о традициях. Мол, гильдия Ткачей существует полтысячи лет, с самой Мертвой войны, и держится только на законе. Если б не Канон Полночи, воины Хисса давно бы выродились в шайку воров и мошенников.

Волчок пил горячий травяной настой и поддакивал. Осторожно поддакивал, со своим мнением не лез — мало ли зачем Угорь затеял беседу. Может, дневник — приманка и сейчас наставник их слушает, вон тень в углу слишком уж темная...

А может, и не наставник. Может, Седой Барсук. Не сам же Угорь нашел записи.

Про дневник Угорь молчал. Зато всячески намекал, что подмастерьям стоит держаться вместе, внимательно читать толкования к Канону Полночи и не развешивать уши. Видимо, для большей убедительности он пустился в откровения. Историю о том, как семья Угря погибла от рук темного шера Бастерхази, а сам он по чистой случайности не сгорел вместе с домом, Волчок пропустил мимо ушей. Он давно знал, что Угорь ненавидит придворного мага и служит Хиссу лишь ради возможности отомстить. Да и страшных историй о темных магах ходит множество еще со времен Ману Проклятого, кому они интересны!

— Кстати, прихвати с собой гоблинову травку и вечером натришь, — резко сменил тему Угорь и замолк.

Волчок вопросительно поднял бровь.

— Это не суеверие. От гоблиновой травки крысы теряют направление, дуреют и не хотят жрать. Не ты один ночевал в канализации. — Угорь дернул щекой, обозначая усмешку. — Все, иди. Наставник заждался.

Сунув в карман остывшую трубку, Волчок поднялся и молча пошел прочь. Лишь краем глаза ухватил темный угол: снова померещились очертания плотного мужчины с короткой белой косицей, носом уточкой и смазанными чертами. Все же Седой Барсук, слава Хиссу. Быть может, пока щуки

дерутся, ершу удастся ускользнуть.

Бенедетто бие Морелле по прозвищу Угорь. Там же и тогда же.

Узнав все, что хотел, Бенедетто бие Морелле, урожденный шер Эспада, выпроводил Волчка:

— Все, иди. Наставник заждался.

С тщательно скрываемой завистью он наблюдал, как тень в углу комнаты сгущается, темнеет и приобретает очертания человека среднего роста, крепкого мужчины с короткой белой косицей, одетого просто, но добротно. Нос уточкой, округлое лицо — обычное, безобидное и незапоминающееся.

— Годится. Поговори с Волчком через неделю. Осторожно. — Седой Барсук был сегодня на редкость разговорчив.

— Как скажете, мастер. — Угорь поклонился, сложив руки у груди.

Он заворуженно смотрел в глаза Руке Брата, только вышедшему из Тени: ледяная чернота манила, обещала неуязвимость и скрытность, быстроту и смертоносность. Силу и власть. А еще обещала месть — тому, кто топтал жизни и крал души, не задумываясь и не сожалея. Обещала дорожку к его порогу и дальше, к сердцу. Если, конечно, у темных шеров есть сердце.

Никогда бы Угорь не связался с гильдией Ткачей, если б сам был истинным шером, хоть светлым, хоть темным. Как в древние времена, когда каждый шер владел стихиями. Отец его, потомок ирсидских беженцев, был шером лишь по званию, но не по дару. А материнскую третью категорию унаследовала только старшая сестра. Толку-то от нее? Чуть больше удачи и здоровья, немножко предвидения... и не помогло это предвидение ни матери, ни сестре.

Угрю было безразлично, сколько драгоценных традиций нарушил наставник и что по этому поводу думают еще пять Мастеров. И большое самолюбие Седого Барсука, мечтающего взвалить на себя обузу управления ордой вора и мошенников, Угря не трогало.

Будь его воля, он бы собственноручно прирезал и Мастера Ткача, и всех убийц, начиная с Седого и заканчивая крысятами, и всех цеховиков от контрабандистов до карманников. Воздух Суарда определенно стал бы чище без гильдии Ткачей. А если ядовитые гады перекусают себя сами — тем лучше. Только бы помогли добраться до шера Бастерхази и утащить с собой в Ургаш. Туда, куда шер Бастерхази отправил всю семью Эспада, потому что шер Эспада посмел косо на него глянуть. Повезло выжить одному лишь Угрю — тогда семилетнему, полному наивного благородства мальчишке. И когда Мастер Ткач подобрал его, избитого нищими оборванцами и умирающего в канаве, ему все еще казалось, что выжить — это везение.

Сейчас же он точно знал — это было не везение, а судьба. Он получит свои ножницы, чтобы обрезать жизнь шера Бастерхази. А потом... что будет потом — неважно. Но Угорь совершенно точно не станет таким же, как Седой Барсук или Мастер Ткач. Уж лучше он уйдет служить в храм Хисса, Безликим. Говорят, Безликим дарован покой.

Но сначала — месть. То, ради чего Бенедетто шер Эспада отказался от собственного имени и стал Угрем. Просто Угрем. Скользкой ядовитой тварью, вором и убийцей без чести и совести.

— На тренировках не вздумай трогать Стрижа, — расщедрился Седой Барсук на советы. — И Волчку скажи, пусть остынет, не спешит к Хиссу. Он свой шанс упустил.

Тихий голос мастера теней проникал в сознание, подчиняя и пресекая на корню все возможные возражения, совсем как полгода назад...

...когда Угорь возвращался к наставнику с добытым из дома графа Сильво свитком и был остановлен мягким приказом:

— Малыш, иди-ка сюда.

Он обернулся, готовый убить наглеца. Но не обнаружил на площади никого, кроме каменного мантикора, изливающего в бассейн струю воды из пасти.

— Хм. Не туда смотришь.

Угорь снова крутанулся на месте — никого. И ни звука, кроме шелеста ветвей и журчания фонтана. Только чуть заметное сгущение темноты у ближнего платана, словно лунный свет обтекает нечто...

— Мастер?

— Плохо вас Мастер учит. Никуда не годится.

Темнота шагнула вперед, оказавшись Седым Барсуком.

— А провожу-ка я тебя. Заодно и познакомимся.

Пожалуй, так страшно Угрю не было, даже когда он вместо родного дома увидел пятно жирной сажи посреди нетронутых жаром деревьев и ровную шестиконечную звезду, нарисованную поверх гари ручейками живого пламени. Темный шер Бастерхази, придворный маг Валанты, не давал себе труда скрываться. Весь Лас-Беньяс знал, что именно он вырезал семейство Эспада. Знал — и трусливо молчал.

Теперь же Угорь словно встретился с самим Хиссом: в глазах Седого Барсука не было ничего человеческого. Но страх быстро прошел. Мановение ресниц, и вместо порождения Бездны перед Угрем был немного рассеянный, рано поседевший горожанин, хорошо известный любителям собачьих боев заводчик, за единственного друга почитавший страшного кобеля ольберской породы.

Желание Седого Барсука познакомиться было очень подозрительно: до сего момента Седой успешно делал вид, что подмастерьев Ткача в природе не существует. Ничего хорошего внимание Седого не сулило, но выбора не было.

Угорь рассказал все, что тот хотел услышать: как ведет себя Мастер с каждым из учеников, что и как говорит, каким тоном отдает распоряжения жене, притворяющейся экономкой. На удивление Седой не ограничился вопросами и приказами. Он беседовал с подмастерьем почти как с ровней. Бенедетто шер Эспада рассмеялся бы ему в лицо и отослал на конюшню, поучиться почтительности к благородным шерам, но Угорь мог бы гордиться такой честью. И гордился бы, если бы не ощущение холодной стали у самого сердца. Одно неверное слово, одно неосторожное движение, и Седой убьет его.

Слава Хиссу, обошлось. Седой счел его достаточно полезным и молчаливым, чтобы оделить ролью доносчика и мальчишки на побегушках. Лишь спустя пару месяцев Угорь понял, сколь выгодно ему внимание Седого. Тот не ставил Угря в известность о своих намерениях, но задавал множество вопросов. По его вопросам и по обрывкам разговоров цеховых старшин Угорь понял — в гильдии затевается мутная игра. И если Угорь сыграет правильно — это приблизит его к цели. Всего на шаг, один шаг из тысячи — и Угорь сделает их все.

И быть может, когда-нибудь снова сможет назваться шером Эспада. Хотя бы один раз! Ему всего-то и надо, что прийти на место, где когда-то стоял родной дом, и сказать: я отомстил за вас. Я, Бенедетто, достойный сын шерре Эспада.

Глава 7. О гильдии и не только

2-й день каштанового цвета, остров посреди Вали Эр, Шуалейда.

В ответ на ее мысли — или эмоции, или шис знает что еще — Дайм поцеловал ее. В губы, нежно и жадно. А Роне коснулся губами шеи и притиснул за бедра к себе, огладил горячими ладонями... Дайм тоже, прямо поверх руки Роне. И сквозь зажмуренные веки Шу увидела золотое сияние. Словно они втроем оказались внутри солнечного луча, невесть откуда взявшегося посреди ночи.

Это сияние грело и слепило, вызывая слезы на глазах, и Шу хотелось остаться в этом солнечном луче навечно, всегда ощущать эту близость, родство, любовь... Она отвечала на поцелуй Дайма, вцепившись в его плечи, поглощая его боль и возвращая ему собственное наслаждение... не только собственное. Она ощущала и эмоции Роне — кипящую, готовую выплеснуться лаву желания под тонким, уже трескающимся слоем сдержанности, и наконец-то не боялась этого огня, а готова была гореть вместе с ним. Вместе с ними обоими. Вот только проклятие Дайма по-прежнему связывало его, грозило в любой момент остановить его сердце.

«Вместе у нас получится все, что мы захотим, — раздался внутри головы голос Роне. — Нет такого проклятия, чтобы было сильнее нас».

«Но как, я не понимаю», — не то подумала, не то сказала она, оторвавшись на мгновение от губ Дайма и заглянув в мерцающие штормовой бирюзой глаза.

Боль и наслаждение, любовь и ненависть, отчаянная решимость идти до конца окатили ее кипящей волной, и она на мгновение увидела себя его глазами. Себя — великолепную необузданную стихию, едва-едва удерживающуюся в хрупкой человеческой оболочке. Себя — прекрасную мечту, нежную принцессу. Себя вместе с Роне, шторм и лесной пожар.

— У нас все получится, — сказал Дайм, — я верю.

Да. Да! У нас — все, что мы захотим, все!

— Я тоже верю тебе... вам обоим, — внезапно пересохшими губами шепнула она.

И почувствовала, как обнимающая ее тьма проникает внутрь, сливается с ней самой, с ее стихийной сутью, и мир становится четким и прозрачным, словно нарисованные Роне схемы. Только на этот раз перед ней не схема, а Дайм. Живой и настоящий. И пронизывающие его серые нити на глазах наливаются всеми цветами радуги, утолщаются, впитывают в себя золотой свет... Сжимают его сердце, заполняют собой легкие, раскаляют кровь в его жилах, и от его боли ее собственное сердце готово остановиться... И если она сейчас же не прекратит — он сгорит в агонии, он уже не может дышать...

«Никогда не останавливайся на половине пути. Ты — Гроза, а не трусливая овечка! — пророкотало вулканическое пламя, текущее сквозь нее. — Делай то, что намеревалась сделать! Сейчас!»

Да, она... она не остановится. Нельзя останавливаться. Только не сейчас.

Они вместе, и вместе у них все получится! Прямо сейчас!

Стоило ей согласиться, — искренне, без сомнений и колебаний, — как нити проклятия разом вспыхнули, оглушив и ослепив ее. Вспыхнули — и исчезли. Сгорели.

На мгновение повисла тишина. Волшебный золотой свет погас, и под зажмуренными веками лишь мельтешили цветные пятна.

А потом... потом она начала чувствовать снова. Сначала — неровный стук собственного сердца, затем — тепло обнимающих ее мужчин, их дыхание и биение их сердец. И наконец услышала тихое и удивленное:

— Вы сумасшедшие, оба.

— От нормального слышу, — так же тихо парировал Бастерхази и, погладив Дайма по щеке, добавил: — Мой свет.

Шу не видела, как он это сделал, ведь ее глаза были закрыты. Она это почувствовала. Как будто ее пальцы коснулись прохладной, покрытой испариной кожи. Как будто ее кожа ощутила касание твердых, чуть шершавых пальцев.

И от этого касания снова родилась золотая искра, разрослась, заполнила собой все вокруг,

растворила все лишнее... Или не все? Между ней и Даймом, между ней и Роне все еще было что-то ненужное. Одежда, всего лишь глупая одежда, мешающая ей почувствовать их целиком.

Ведь теперь можно, правда же? Теперь Дайму не больно.

Дайму не больно! И... он хочет ее, она чувствует, как в нее упирается твердая, горячая плоть! О боги, у них правда получилось!

Кажется, от радости она завизжала. Громко. А Дайм и Роне сначала расхохотались, а потом... потом они все трое повалились на невесту откуда взявшееся шелковое покрывало, подозрительно похожее на любимый плащ Роне. И вместе, в шесть рук, принялись раздевать друг друга. И целоваться. И...

Никакой боли!

А еще... еще они были разными. Шу трогала их обоих, изучала и ласкала, позволяя трогать и ласкать себя, и стонала от сумасшедше ярких ощущений.

А еще... еще ей было совсем чуть-чуть, самую капельку стыдно. Как будто Дайм застал ее с Роне... Но ведь он сам этого хочет, правда же? Он не станет ревновать?.. Или станет?..

— Маленькая дурочка, — шепнул Дайм.

А Роне, Хиссов сын, на мгновение оторвался от нее — и вместо его губ низ ее живота накрыла ладонь Дайма.

— Маленькая дурочка, — в тон ему шепнул Роне прямо ей в живот и потерся щекой о руку Дайма, а потом поцеловал ее горящую от смущения и предвкушения кожу.

Шу хотела ответить, что она не маленькая и не дурочка, но не смогла. Из ее горла вырвался невнятный стон, а когда Дайм скользнул ладонью ниже, к самому чувствительному местечку, и следом за его пальцами Шу ощутила язык Роне... о боги...

Последние глупые мысли вылетели из ее головы, оставив лишь расплавляющий жар желания и легкость, сумасшедшую легкость бытия — словно она рождена, чтобы быть здесь, с этими двумя мужчинами, чтобы отдаваться им обоим, брать их и любить их. Свет и тьму...

Лишь на миг она почти вернулась в реальность, когда Роне отодвинулся от нее — ей стало почти больно от того, что его губы больше не ласкают ее, а его пальцы не проникают в нее. Но тут же Дайм накрыл ее собой, поймал ртом недовольный стон — и вошел плавно и глубоко, заполнил ее всю, целиком, так что ей на мгновение показалось, что они стали единым целым — не только телами, но и душами, самой сутью. А потом она кричала от переполняющего ее наслаждения и от ощущения нежного пламени, ласкающего ее... нет, их обоих. Ее и Дайма. Вместе. Они оба принадлежали сейчас Роне, а Роне — им, весь, целиком...

Это было странно до ужаса и удивительно прекрасно, и до сумасшествия ярко, и невозможно отделить себя от него, от них обоих, невозможно не видеть себя их глазами...

Потом. Она подумает об этом потом. Потому что сейчас не существует ничего, кроме их единого, на троих, нереального наслаждения. Яркого, как взошедшее в полночь солнце. Как извержение вулкана. Как ураган.

Этот ураган унес ее куда-то... то ли в Светлые Сады, то ли в Бездну Ургаш, честно говоря, ей было все равно куда. Лишь бы вместе. С ними обоими, Даймом и Роне. Ее тьмой и ее светом. И ей было совершенно все равно, кто из них поднимает ее на руки, а затем укладывает на себя, а кто — ложится рядом, обнимая обоих.

— Я люблю тебя, — донесся до нее чей-то голос сквозь гул крови в ушах, а может быть, сквозь шелест ветвей или шум волн.

Она не поняла, кто это сказал и кому, но это было и неважно. Совершенно неважно. Потому что...

Она не успела додумать эту несомненно важную, но непередаваемо тягучую мысль. Потому что прямо в ухо вонзился отвратительно пронзительный звон, словно на каменный пол упало разом полсотни тарелок.

— Проклятье... чтоб ты сдох... — пробормотал кто-то, лежащий под Шу. Кажется, Роне. И попросил: — Тихо, вас тут нет.

Сама не понимая, как ей это удалось, Шу пошевелилась, выпуская Роне, но оставаясь в объятиях Дайма. И тем более не понимая, как это удастся Дайму, влила свои потоки в поставленный им щит. Наверное, непроницаемый с другой стороны, ей-то все было отлично видно.

Медные кастрюли продолжали надрываться, но Роне не особо торопился. То есть, наверное, торопился, но все равно ему пришлось не только одеться, но и каким-то непостижимым образом изменить эмоциональный фон. Словно он поверх счастья и неги накинуд плащ, сотканный из деловито-озабоченной хмари. И только тогда активировал артефакт связи.

— Где тебя носит, дубина?! — тут же послышалось из туманного облака.

Шу непроизвольно вздрогнула, такой тяжелой, опасной тьмой повеяло от этого голоса.

— Куда вы послали, там и носит, учитель, — ответил Роне, склоняясь перед проекцией щуплого лысого старикашки с жидкой раздвоенной бороденкой и узкими глазами.

— И чем это ты занимаешься?.. — Старикашка приняхался, узкие глаза сверкнули мертвенно-синим пламенем.

— Слушаю вас, учитель! — тоном придворного лизоблюда отозвался Роне.

— Нахал и тупица, — выплюнул старикашка, и от брызг его слюны камзол на Роне задымился, отчетливо запахло кислотой. — Из-за тебя я выгляжу полным идиотом. Какого екая ты не доложил о смерти Саламандры? Мне пришлось выдумывать Мертвый знает что прямо на внеочередном заседании! Дубина!

— Простите, учитель, — еще ниже склонил голову Роне, — я послал вам письменный отчет. Моя вина, не учел силы аномалии. Видимо, отчет затерялся.

— Почему-то отчет Дюбрайна не затерялся, а попал прямиком на стол к Светлейшему. Или твой отчет попал туда же, а, дубина?

Темнейший прищурился, и воздух наполнился гнилостными болотными запахами, от которых Шу чуть не раскашлялась. А Темнейший, наоборот, скрипуче засмеялся и кинул в Роне чем-то мокрым и шевелящимся, что Роне перехватил в полете и заставил зависнуть прямо перед собой. Кажется, это была живая гадюка.

— Единственное, что я слал Светлейшему, было письмо от его императорского высочества с требованием замены Саламандре. Видят Двоединые.

На этих словах гадюка зашипела и растаяла туманом, после чего Роне с омерзением вытер ладонь о камзол.

— Ну-ну, — еще более гадостно ухмыльнулся Темнейший. — Изворачивайся, да не поскользнься. По требованию высочества Конвент вызывает тебя в Метрополию. Дай-ка припомню... м... что-то про упырей, опасность августейшему здоровью... и еще кое-что любопытное... что ты опять прощелкал, баклан!

— Моей вины в этом нет, учитель.

В следующий миг Шу чуть не заорала от страха, потому что мерзкий старикашка вдруг вырос, заслонив собой звезды, и зашипел, словно демон Ургаша:

— У тебя осталось шесть дней, чтобы добыть мне девчонку и Линзу. Шесть! Тупиц-ц-ц-ца...

И всего на мгновение Шу увидела, как то же самое происходит с Роне — он вырастает, за его спиной разворачиваются черные шипастые крылья, взмахивают лапы с кривыми когтями-лезвиями, из зубастой пасти вырывается пламя...

Ужас и шипение прекратились в один миг. Со вспышкой огня, сжегшей артефакт связи. И громким, от всего сердца:

— Чтоб ты провалился, шисов дысс!

Добавив еще несколько коротких экспрессивных выражений, Роне обернулся к Шу и Дайму, несколько мгновений шарил взглядом по «пустой» поляне, пока Дайм не вспомнил, что маскировочные чары надо бы снять.

— Вызов в Конвент, мой темный шер, это крайне плохо, — сказал Дайм, поднимаясь и подавая Шу руку.

Они оба снова были одеты, от счастья и неги не осталось и следа. Да что там, от нежного, искреннего Роне, с которым Шу только что занималась любовью, тоже. Перед ней стоял незнакомец, пять десятков лет служивший вот этому кошмарному старику. Обещавший добыть ему «девчонку и Линзу». И ее снова тошнило от одного только его вида, словно она опять дышала болотными газами. А может быть, она просто увидела наяву чудовище из сна. То самое чудовище,

которое сожгло заживо ее мать, королеву Зефриду.

— Значит, девчонка и Линза, — повторила вслух Шу, пытаясь хоть как-то отогнать кошмарный образ.

— Да. Девчонка, которую я прятал от него почти четырнадцать лет и скорее сдохну, чем отдам сейчас, — твердо сказал Бастерхази. Никаких крыльев, когтей и пламени из пасти у него, разумеется, не было. Выглядел он как обычно, разве что усталым и потрепанным. — У нас всего пять дней, чтобы инициировать Линзу и провести ритуал единения.

Выдохнув и постаравшись унять тошноту и страх, Шу кивнула. Ей ни за что не хотелось признаваться себе, что она рада — то, что они сделали сегодня, не было ритуалом единения. Потому что тогда... а что тогда? Проклятье, ей надо понять, что с ней будет после ритуала.

— Мы успеем, Роне. Только не сегодня, прошу.

— Дайм поможет тебе избавиться от яда, — с грустью кивнул Бастерхази, явно ощутивший все ее чувства и мысли.

— Яда? Какого яда?..

— Паучьего, — скривился Бастерхази. — Он отравляет все, на что посмотрит.

Он перевел взгляд на дырки, прожженные в его камзоле плевками Паука и до сих пор дымящиеся. Шу передернулась от омерзения, словно это ее плоть разъедала кислота, но потянулась к Бастерхази — залечить его раны.

— Он такой всегда? — спросила она, касаясь его плеча и стараясь не отводить взгляда. — Как тебе удалось прожить рядом с ним столько времени и не сойти с ума?

— Удалось ли, — побормотал Дайм, кладя свою ладонь поверх руки Шу. — Мне не нравятся его намеки. И я не уверен, что Паук нас не почувял.

— Даже если почувял, это ничего не меняет. Пока Светлейший не отменил запрета шерам-зеро появляться в Валанте, мы в относительной безопасности. И у нас шесть дней. То есть — максимум пять.

С последними словами Роне опять раздался какой-то странный посторонний звук.

— И если не ошибаюсь, мой августейший брат желает меня видеть прямо сейчас. Проклятье. — Дайм вынул из кармана нечто, похожее на карманное зеркальце с крышкой. Нечто вспыхивало зелеными всполохами, а выгравированный на крышке кугуар разевал пасть и тихо, но грозно рычал. — И тебя тоже.

— Проклятье, — отозвался Роне, вынимая из кармана такой же артефакт, даже вспыхивающий одновременно с артефактом Дайма.

— Отвечай первым, мне отбрехаться проще, — велел Дайм, с отвращением сунув гудящий и рычащий артефакт обратно в карман.

— До завтра, моя Гроза, — кивнул Шуалейде Бастерхази, окутался чернильной тьмой с огненными прожилками, отвратительно похожей на крылья демона, и шагнул в разверзшуюся перед ним пустоту.

Шу опять вздрогнула. На этот раз — от понимания, какой силой нужно обладать, чтобы вот так перейти с острова посреди Вали Эр напрямик в Риль Суардис. Она сама могла так шагнуть разве что в соседнюю комнату, и то не всегда. А Роне... Боги, рядом с ним она — жалкий котенок, а никакая не Гроза.

— Муаре... — тихо позвала она, не в силах сейчас смотреть даже на Дайма.

Дайм любит Роне. Он доверяет Роне. От того, сможет ли довериться Шу, зависит жизнь и свобода Дайма. Еще бы понять, что Роне нужно на самом деле. Ведь во времена Черного Бунта темные шеры очень много говорили о свободе, справедливости и братстве, но все их сладкие обещания заканчивались одинаково — сумасшествием и гибелью светлых шеров, согласившихся на ритуал. Или принужденных к ритуалу.

Но ведь сегодня Роне не принуждал ее, хотя мог бы. Сегодня она была согласна на все что угодно, лишь бы избавить Дайма от проклятия! И у них получилось. Как она могла забыть, ведь Дайм теперь свободен! В ее силах дать свободу Роне. Он заслужил свободу от Паука, она должна...

— Чуть меньше думай о том, что и кому ты должна, Шу.

От тихого голоса Дайма она вздрогнула и подняла взгляд, встретила с грустными и понимающими бирюзовыми глазами.

— Я люблю тебя, Дайм, и сделаю все для твоей свободы.

— Я тоже люблю тебя, Шу.

Шагнув к ней, Дайм привлек ее к себе, склонился к ее губам, коснулся... От вспышки его боли Шу вздрогнула и тут же отстранилась, взглядела в Дайма, не понимая...

— Почему? Откуда это взялось? Дайм! Как? Ведь Роне сказал, что мы справимся!

— Вы справились, Шу. Но Светлейший никогда не пренебрегает дублирующими контурами и запасными вариантами. Ты же не думаешь, что я сам не пытался что-то с этим сделать?

— Не думаю, но ведь ее не было! Вот только что!

Дайм пожал плечами.

— Это Роне у нас гений теоретической магии, я — практик, Шу. А практика показывает, что навсегда сломать то, что сделал шер-зеро, может только другой шер-зеро.

— Значит, мы проведем ритуал завтра же и станем зеро. Все трое.

— Ты — настоящая Гроза, — улыбнулся Дайм. — Я люблю тебя.

— Но сейчас нам пора, да? Ненавижу Люкреса. Он — упырь.

— Практика показывает, что еще ни один упырь не уходил из рук Магбезопасности, — подмигнул ей Дайм. — Позвольте помочь вашему прекрасному высочеству сесть на лошадь.

— Мы... мы могли бы вернуться так же, как Роне?

— Могли бы, но не будем. Мы приедем с прогулки, как нормальные шеры второй категории, а не воплощение Хисса.

— Почему?

— Потому что нам обоим нужно успокоиться, слить излишки энергии и не сиять на весь Суард, как стая взбесившихся болотных духов.

Шу только вздохнула. Дайм очень тактичен. Успокоиться и перестать сиять надо ей, вон, вокруг так и пляшут... феи? О боги... откуда тут феи?!

Маленькие ире, окружившие ее, со звонким смехом прыгнули в стороны, и до Шу внезапно дошло, что весь остров мерцает, словно обсыпанный крохотными звездочками.

— Дайм, что происходит? Откуда тут ире?

Но вместо Дайма ответил крылатый человечек, зависший прямо перед ее носом:

— Мы будем тут жить! Передай старшему из Суардисов благодарность волшебного народа! — Он поклонился, взмахнув ярко-зеленой шляпой с растущим на ней желтым цветком. — Приходите еще. Вы двое. Без темного.

Дайм хмыкнул и подставил человечку со стрекозиными крыльями ладонь. Шу не совсем поняла зачем и почему фей тяжело вздохнул, а потом кому-то махнул рукой. Впрочем, не понимала она недолго. Примерно пару секунд, пока к ним не полетела целая вереница фей. Каждая на мгновение зависала над рукой Дайма и сыпала в нее что-то — то из шляпы, то из ведерка, то из цветочного лепестка. Парад фей закончился, лишь когда горка мерцающей пыли перестала помещаться в ладони.

— Это фейская пыльца? — тихо-тихо, чтобы не спугнуть чудо, спросила Шу.

— Она самая, — так же тихо ответил Дайм. — Добудь какой-нибудь фиал, только осторожно.

Завороженно глядя на невесомое сокровище и краем уха улавливая смех фей, потешающихся над неуклюжими людьми, Шу призвала две колбы с притертыми крышками. А потом осторожно, чтобы не потерять ни крупинки, они с Даймом пересыпали драгоценную пыльцу. Правда, часть все равно прилипла к перчатке намертво. Кажется, даже пустила там корни.

— Благодарю волшебный народ за щедрый дар, — поклонился Дайм куда-то в сторону эвкалипта, мерцающего всеми цветами радуги: на ветвях его висели разнокалиберные фонарики — от малюсеньких, с орех, до огромных, больше самой большой тыквы.

В ответ слышались переливы смеха и совиное уханье. А еще — ржание. И между Шу и Даймом просунулась белая лошадиная морда с хитрющими янтарными глазами, покосилась на Дайма и... длинным розовым языком облизала его перчатку.

Тут же к ним сунулась и вторая морда, черная с фиолетовыми глазами, и повторила фокус, при этом отпихнув белую морду. Феи, кружащиеся над Шу и Даймом, опять засмеялись, сверху посыпалась еще пыльца — в ночной темноте она светилась и переливалась, словно крупинки солнечного света.

Обе зверюги, не обращая больше внимания на хозяев, принялись ловить пыльцу разинутыми пастьями и облизывать друг друга — там, где фейская пыльца оседала на черную и белую шкуры.

— Приходите к нам еще! Вы нам нравитесь! — зазвучало со всех сторон вместе с переливами смеха. — Чувствуйте себя как дома!

— Но не забывайте, что в гостях, — ворчливо добавил кто-то снизу, и Шуалейду что-то толкнуло под колено.

Опустив глаза, она обнаружила огромный гриб. Именно его шляпка ее толкала. Или не шляпка? О боги, на грибных шляпках не бывает дымовой трубы и слухового оконца! И балкончики, балкончики на толстой как бочонок грибной ножке!..

— Идем-ка скорее, — потянул ее к себе Дайм.

Это было так смешно! Так смешно! Что Шу не выдержала, расхохоталась — и из ее рта полетели радужные пузыри, тоже с окошками и дымовыми трубами...

— О боги... А ну прекратить безобразие! — рыкнул Дайм, и с эвкалипта посыпались листья, один из которых прилип к носу Шу и никак не желал отлепляться, сколько она на него ни дула.

— А мы что, а мы ничего, — защебетали мыльные пузыри, отращивая крылышки и упархивая куда-то вверх. — Не бейте, дяденька!

Под залиvistый смех фей Дайм закинул ничего не понимающую Шу на спину Муаре, — которая недовольно ржала и пыталась дотянуться зубами до ближайшего мыльного пузыря, — и велел:

— Домой, быстро!

Глава 8. Луч солнца золотого

...жизнь и верность принадлежит Темному Брату. Нет для Руки Его другой жены, кроме службы Ему, и нет другого сына, кроме приказа Его.

21-й день холодных вод (некоторое время назад), Суард, Рональд шер Бастерхази.

В каждом городе есть улочка, не обозначенная ни на одной карте. Безымянный тупик.

Ветхие дома здесь жмутся друг к другу, нависают над мостовой разномастными балкончиками. Стены словно припорошены пылью забвения, тусклые окна слепы. Солнце никогда не заглядывает в Безымянный тупик, здесь не кричат дети и не лают собаки. Сюда не забредают случайные прохожие, а местных жителей никто и никогда не видел. Говорят, в Ночь между годами тупик полон призраков: раз в год Темный Хисс выпускает своих мертвых слуг из Бездны напиться света зеленой луны и собрать долги — обещанные ему души. Еще говорят, что, ступив однажды на древние камни этой мостовой, будешь приходить сюда снова и снова, пока не отдашь Хиссу все тепло своего сердца и не превратишься в холодного упыря. Много историй, одна другой страшнее, ходит про Безымянный тупик — улочку, которая есть в каждом городе. Улочку, которую может найти любой, если ему будет чем заплатить гильдии.

Рональд шер Бастерхази в страшные истории не верил — он творил их сам. Иногда.

Но не сегодня.

Ради сегодняшнего визита он надел новый образ: толстопузый ирсидский торговец в полосатых шальварах и круглой шапочке с кистями, смуглый до черноты и жадный до изумления. Полпред Конвента, призванный блюсти законность и благолепие, регулярно навещал ткацкую лавку, но ни разу не появился здесь в собственном облике, ибо не пристало благородным шерам иметь дело с ткачами.

С любопытством разини «торговец» разглядывал отвалившуюся мозаику и выщербленные булыжники мостовой, пыльные витрины и кем-то забытую посреди мостовой телегу без колес. Остановившись напротив мануфактурной лавки, такой же ветхой и заброшенной, как все в Безымянном тупике, он толкнул дверь под облупившейся вывеской, на которой только и можно было разобрать, что грубо нарисованные портняжные ножницы. Звякнул колокольчик. Торговец, ловко обходя спрятавшиеся в полумраке груды ящиков, тюки и рулоны, направился к конторке, освещенной фонарными жуками в стеклянном шаре.

Смуглый, выдубленный ветрами ирсидец за конторкой мало походил на мирного торговца мануфактурой. В его длинной косице седых прядей было больше, чем черных, кисть левой руки заменял протез гномьей работы, а левую бровь наискось пересекал шрам, приподнимая уголок глаза и придавая лицу недоверчивое и недоброе выражение. Но главной достопримечательностью его был не шрам, а глаза. Такие черные, что невозможно было различить зрачков. Знающие люди говорили, что если заглянуть бие Махшуру в глаза, в ответ на тебя посмотрит Ургаш.

Когда-то бие Махшур был гробовщиком, затем — лучшим убийцей во всей Валанте, а при нынешнем Мастере Ткаче ведал казной и служил управляющим.

— Приветствую, достопочтенный соотечественник! Да пребудет благословение Двуетиных над вашим славным домом! — с гортанным ирсидским акцентом поздоровался гость и, разумеется, прямо посмотрел бие Махшуру в глаза. Ему всегда было интересно, посмотрит ли Бездна на него или дождется личной встречи.

Не посмотрела. Глаза как глаза. Никакой печати Тьмы и прочих так любимых беллетристами эффектов, разве что застарелая усталость и пустота, свойственная всем убийцам.

Едва кинув взгляд на «торговца», Махшур встал и поклонился — как благородному шеру. Роне давно интересовало, как Хиссовы слуги распознают шеров под личиной. Среди ткачей не бывает одаренных, первый из ритуалов посвящения Хиссу магов то ли убивает, то ли сводит с ума. Но ведь распознают! Даже Дюбрайна, даром что шер-дуо, можно обмануть, но не этих. Как-нибудь надо поймать одного ткача и изучить, наверняка результаты будут более чем интересными.

— Приветствую, уважаемый. Я доложу Мастеру о вас.

— Не утруждайтесь, любезный, — отмахнулся Роне.

Обогнув конторку и благополучно миновав все ловушки, поставленные Махшуром исключительно для поддержания навыка, Роне толкнул неприметную дверь и спустился по истертой за века темной

лестнице.

Диего бие Морелле, Мастер Ткач. Там же и тогда же.

Диего бие Морелле, владелец преуспевающей конторы перевозок «Морелле и сыновья», узнал о госте, едва тот ступил на выщербленную мостовую Безымянного тупика. Страницы тома Хроник Мертвой Войны, которые Диего привычно читал перед обедом, подернулись рябью, и сквозь строки проступило единственное слово: «Заказ».

Вдохнув доносящийся снизу аппетитный запах паэлья, Диего крикнул:

— Фаина, не садитесь без меня, я скоро!

Снизу отозвались недовольным, но понимающим звоном кастрюль. А Диего бросил печальный взгляд на залитый солнцем абрикосовый сад за окном и, прихватив том Хроник, шагнул за дверь-картину. Фонарные жуки почуяли человека и зашуршали в колбах по стенам, освещая винтовую лестницу и подземный ход, соединяющий респектабельный двухэтажный особняк на улице Серебряного Ландыша с замшелой развалюхой. Триста двадцать три быстрых шага, едва слышный скрип механизма, отодвигающего стенную панель, и Мастер Ткач оказался на месте.

В серой холодной комнате без окон не было мебели, кроме двух каменных стульев и каменного же стола между ними. Пустого стола, если не считать письменного прибора, массивного бронзового колокольчика и таких же портновских ножниц. На дальней от двери стене тускло светился сдвоенный треугольник Хисса, прямо в середину его были вделаны простые портняжные ножницы с обернутыми кожей кольцами. Собственно, больше никаких украшений в комнате и не было.

К приходу гостя Мастер как раз успел вынуть из кармана домашней куртки черную ленту с бессмысленными загогулинами и повязать на лоб, сесть на демонски неудобный каменный стул с высокой спинкой и раскрыть книгу. В книге под словом «заказ» уже проступило имя заказчика и сумма, которую следовало с него спросить. Все прочее, кроме денег, Темный Брат брал сам.

Гость по старой традиции явился в новой личине и по той же традиции не дал себе труда постучать в дверь. Что ж, эта комната принадлежит Брату, а не Мастеру Ткачу, и если темному шеру не угодно выказать Брату уважение — достопочтенного Ткача это не касается.

— Светлого дня. — Диего неторопливо встал и отвесил поклон, словно купец купцу. Гость едва уловимо поморщился. Мастер про себя усмехнулся и предложил, жестом указывая на второй демонски неудобный стул. — Не желаете ли шамьету?

— Благодарю, не стоит, — традиционно отказался гость.

Его паранойя давно и прочно вошла в столичные легенды. Хотя предполагать, что придворного мага отравят шамьетом в конторе гильдии Ткачей, право слово, было смешно. Тем более что шамьет всегда удавался Махшуру просто на диво.

— Как вам будет угодно, — кивнул Мастер, позвонил в колокольчик и сел обратно на свой каменный стул с предусмотрительно положенной на него вышитой подушечкой. — А я, пожалуй, выпью.

Придворный маг смерил его нечитаемым взглядом и вольготно расположился на своем стуле — без подушечки, но так, словно вместо каменного пыточного инструмента под его сидением было намягчайшее кресло.

— И что же привело столь занятого человека в нашу скромную контору? — дождавшись явления безмолвного Махшура с чашкой шамьета, спросил Диего.

— Одно небольшое дело и один неофициальный вопрос. Пожалуй, начнем с дела, достопочтенный Мастер.

— Внимательнейшим образом вас слушаю, — кивнул Диего и положил ладонь на раскрытую книгу.

Придворный маг сделал замысловатый жест пальцами, над столом повисло изображение — объемное, в цвете, — обернулось вокруг оси и растворилось.

— Узнаете?

— Разумеется.

— Эта вещь нужна мне в течение пяти дней.

— Принято. С вас... — Мастер заглянул в книгу, где уже был записан предмет заказа, и назвал сумму.

На стол прямо из воздуха упал кошель с золотом: ровно столько, сколько было запрошено.

Диего привычно подавил желание придушить темного шера и утопить в ближайшей сточной канаве вместе с его же золотом, прибавив тройную цену заказа, чтобы соблюсти закон гильдии. Но как бы ему ни хотелось избавить Суард от заразы, Мастер очень хорошо знал пределы собственных возможностей. А в этом деле Брат вряд ли станет помогать своей Руке — не против собственного потомка, темного шера.

— В течение пяти дней заказ будет у вас, — ровно ответил Диего.

Придворный маг усмехнулся и закинул ногу на ногу. Со дна его глаз полыхнуло алым, личина словно бы потекла, позволив проступить истинному облику: благородного красавца с ястребиным профилем. Он наслаждался застарелой ненавистью Мастера и даже не думал этого скрывать.

— Ну-с, а теперь ответьте мне, достопочтенный Мастер, какого екая ваша гильдия нарушает закон империи и берет заказы на членов королевской семьи?

Удержать каменное лицо оказалось непросто. Не столько потому, что гильдия нарушила условия договора, подписанного три с лишним сотни лет назад с императорской семьей Брайнон, сколько потому, что Мастеру сообщил об этом придворный маг. А значит, раскол в гильдии — не плод его паранойи, а самая реальная реальность. И необходимо срочно, немедленно что-то с этим делать.

Вопрос в том — что? Если по букве закона ячейки гильдии в других городах Валанты подчиняются не ему, а лишь воле Брата, и столичный Мастер — лишь первый среди равных? Ох уж эти теологические диспуты и неоднозначные толкования! Как будто без них ткачам недостаточно увлекательно живется.

— Все в воле Брата, — невозмутимо ответил Диего и с удовлетворением отметил почти неуловимую глазом алую вспышку в глазах гостя. Темный шер в гневе, и это прекрасно. — Гильдия не обязана отчитываться перед светской властью, это — во-первых. Во-вторых, заказа на королевскую кровь не было в *его* книге. — Диего выразительно погладил ладонью открытую страницу Книги Теней. — В-третьих, даже если заказ был взят Мастером... допустим, Кардалоны, лишь Брат решает, чью нить обрезать.

— Не сомневаюсь, что вы можете процитировать закон гильдии целиком, Мастер. — Ноздри хищного носа раздулись, черные глаза с алыми угольками на дне прищурились. — А я могу вам так же процитировать закон империи, гражданином которой вам повезло быть. Но давайте опустим формальности и посмотрим на суть дела. Итак. Вас обошли и подставили, Мастер. Кто и как — вам виднее. Заодно подставили гильдию, и если я дам делу ход, вполне возможен пересмотр договора и, как следствие, гильдия может оказаться вне закона.

— Сомневаюсь, что Конвент решится спорить с Братом, мой темный шер.

— Спорить с Братом — вряд ли, но трактовать его волю — легко.

— Что ж, цену вы озвучили. И что же вы желаете получить от гильдии такого, что не оплачивается золотом?

— Не от гильдии. От вас лично, — тонко улыбнулся придворный маг. — Сущую малость, Диего бие Морелле. Всего лишь одно «да», когда оно мне понадобится.

На этот раз удержать маску невозмутимости было еще сложнее. Конечно же, Брат дарует своим Рукам защиту от светской власти и неприкосновенность частной жизни, но, видимо, не в этот раз. И наверняка об имени Мастера, данном ему при рождении, придворному магу сообщил кто-то из гильдии. Впрочем, Мастер даже догадывался, кто именно.

Придется предпринимать срочные меры. Жаль. Он хотел дать мальчикам еще немного времени, но Брат явно указывает, что времени больше нет.

— Да уж, сущая малость, — одними губами усмехнулся Диего. — Но вы ее не получите. Гильдия предпочтет общаться с Конвентом напрямую, а не через его представителя в Валанте.

— Но перед этим вам придется объяснить Мастерам Ткачам остальных шести королевств, как так получилось, что вы лично нарушили закон гильдии. Не думаю, что вы предпочтете лишиться одного из сыновей... Орис бие Морелле — весьма многообещающий молодой человек. Он так похож на свою мать, Фаину. — Придворный маг с притворным сожалением покачал головой. — Бедняжка, вы

так на ней и не женились. Нехорошо называть мать своего сына домоправительницей.

Мастер выслушал придворного мага все с тем же непроницаемым лицом. Что ж, если темный шер знает его имя — логично, что знает и остальное... Впрочем, раз он упомянул лишь Ориса, в самом деле родного сына Мастера, но не Себастьяно — знает он далеко не все. Темный Брат надежно хранит по-настоящему важные тайны. И пока Брату угодно, эта тайна таковой и останется.

А оба сына, равно родные Мастеру, останутся с ним.

— Как вам известно, темный шер, у меня шесть сыновей, и все — приемные, с благословения Брата, — сказал Мастер.

— О, ваши сложные отношения с Братом и законом гильдии меня не интересуют, достопочтенный, — сыграл в отступление придворный маг. — Как и отношения гильдии с Конвентом. Я готов сделать вам одолжение в обмен на такую же маленькую любезность в будущем. Исключительно по-родственному, ведь мы с вами оба так или иначе принадлежим Брату и выполняем его волю.

Придворный маг коснулся двумя пальцами левой стороны груди, горла и правой стороны груди — ритуальный треугольник, знак уважения Брату. Мастер повторил его, снова положил ладонь на Книгу Теней и почувствовал отчетливое тепло. А опустив глаза, прочитал новую строчку:

«Заказчик: Рональд шер Бастерхази. Объект заказа: личная услуга от Диего бие Морелле. Оплата: личная услуга от Рональда шера Бастерхази. Принято».

— Вы правы, темный шер, — подняв глаза, без улыбки сказал Мастер. — Все мы исполняем волю его. Сделка, видит Брат.

— Сделка, видит Брат.

На мгновение ласковая тьма укутала Мастера, подтверждая: он все сделал правильно. Сделка выгодна Брату.

— С вами всегда приятно иметь дело, Мастер, — кивнул придворный маг, на сей раз с едва заметной, но искренней улыбкой: прикосновение божественной воли грело его так же, как и Мастера. — До встречи.

Мастер лишь склонил голову в знак согласия. Да, до встречи, темный шер. Гильдия по-прежнему к вашим услугам и по-прежнему не берет заказы на вас. Такова воля Брата, но вам об этом знать не обязательно.

Рональд шер Бастерхази. Там же и тогда же.

Из Безымянного тупика Роне выходил насвистывая. День определенно удался. Сделать должником самого Мастера Ткача — дорогого стоит, и плевать, что Роне пока понятия не имеет, для чего ему пригодится только что купленная услуга. Спасибо тебе, Темный прародитель, от всего шерского сердца!

И пожалуй, стоит прямо сегодня заглянуть в Алью Хисс, побеседовать с его настоятелем Риллахом Черным. Мудрейший человек. Или не человек. Говорят, оба настоятеля — Риллах Черный и Халлир Белый — суть отражения Брата и Сестры. Тем более стоит побеседовать. Роне сейчас как никогда нужна подсказка, на правильном ли он пути. Нет, не знамение и не многозначительная цитата из священной книги. Всего лишь подсказка — вроде того нежданного озарения...

Ведь это было озарение, а не насмешка Брата? О, кому, как не темным шерам, знать, как прихотливо и непостижимо бывает чувство юмора их божественного прародителя!

Глава 9. Мышь в горшок, или о пользе здорового образа жизни

21-й день холодных вод, Суард, Диего бие Морелле.

В кабинете на втором этаже скромного особняка по улице Серебряного Ландыша пахло свежими бушами. Как всегда, Фаина испекла их к обеду.

Внизу стукнула входная дверь. Диего бие Морелле отложил потрепанный том Хроник и прислушался: вернулись, оба. Молодцы.

— Мальчики, идите обедать! — раздался с кухни голос Фаины.

Диего улыбнулся, словно наяву увидев ее: статную, округлую, с теплой, как только что вынутые из печи буши, улыбкой. Когда Фаина радовалась, светились карие глаза в сетке морщинок, яркий широкий рот и ямочка на левой щеке.

Восемнадцать лет назад он впервые отошел от Канона Полуночи: оставил при себе наивную, добрую Фаину, беременную его сыном. С тех пор путь Мастера Ткача все больше расходился с буквой закона. Хотелось бы верить, что путь этот угоден Хиссу. Но даже если нет, Диего был готов платить за краденое счастье. Лишь бы платить пришлось ему самому.

— А где наставник? — послышался голос Стрижа.

— У себя, — ответила Фаина. — Быстро на кухню, обед стынет.

Зазвенели тарелки и ложки, пахнуло острой бараньей похлебкой. Подождав, пока сыновья поедят, Мастер направился вниз. По правилам надо расспросить Стрижа, но достаточно того, что он вернулся живым. Теперь же следует удалить его от прочих учеников, время открытой драки не пришло. Пусть сходит к оружейнику, заодно научится еще чему-нибудь полезному.

Около кухни Мастеру попался Игла, младший из подмастерьев. От него несло разочарованием: ставил на Волчка, а выиграл Стриж.

Мастер мысленно поставил напротив его имени жирный минус. Игла — неудачный ученик. Слишком зависим от чужого мнения, легко поддается на манипуляции. Еле выжил при первом Взгляде Хисса и наверняка не сумеет сохранить разум, когда Хисс коснется его всерьез. Шорох, Ласка и Угорь — сохраняют. Их можно хоть сейчас отправлять на испытания. Простак бы смог, но не раньше чем через год, пока же — еще один минус. С ним Мастер не ошибся.

А вот Стрижа бы он сам не взял в подмастерья ни за что. Мальчишка совершенно не ткаческой породы — если на первый взгляд. Такие, как он, или ломаются сразу, или умирают при первом Взгляде Брата.

И кто знает, что было бы со Стрижом, если бы Темный Брат взглянул на него в десять лет — именно так становятся подмастерьями гильдии Ткачей. Но по попущению Риллаха Черного Стриж этого ритуала и не проходил.

«Ни к чему гневить Брата. Он однажды выразил свою волю, и этого достаточно», — сказал Риллах Черный, когда Мастер привел Стрижа в храм для прохождения ритуала.

Пятнадцать лет назад. Суард, площадь Близнецов.

Затушив светильники, си-алью Риллах устало потянулся и раскрыл двери храма. Предраассветное бдение завершилось, с улицы доносились звуки просыпающегося города: гвалт базара за углом, топот коней, скрип телег — время Темного закончилось. Пустая площадь блестела мокрым после ночного дождя булыжником, олеандры и розы вокруг храмов расцвечивали ее кармином и золотом.

Шагнув с порога на широкие вытертые ступени, Риллах запнулся и чуть не упал. Помянув шиса треххвостого, остановился и посмотрел под ноги. На верхней ступени обнаружился сверток. Узорная шерстяная шаль зашевелилась, засопела, и из вороха ткани показалась любопытная синеглазая рожица.

— Вот так подарочек. И откуда ты взялся? — Настоятель присел, высвобождая заспанного годовалого малыша. — Задери меня вурдалак, если не тебя искали эти...

Риллах скривился, вспомнив ночной разговор брата с темными всадниками.

— А ведь не увидели. Любопытный ты человечек... и я об тебя споткнулся. Кто таков будешь?

Человечек в ответ улыбался и лепетал на своем детском языке. Пушистые белые волосики и светлая кожа указывали на северную кровь подкидыша. Но больше ничего — ни записки, ни монограммы на одежде — Риллах не обнаружил. Разве что серебряный круг Райны, подвешенный на шнурке под рубашкой, был слишком хорош, не по карману тем бездомным, что время от времени подкидывают младенцев к порогу соседнего храма. Да и синяя с белым узором шаль явно была родом не из Валанты.

— Ледяные баронства или Ольбер, значит, — бормотал Риллах, поднимая мальчика на руки и рассматривая узор. — Кто ж тебя определил Хиссу... как тебя звать-то, малыш? Гуу... — передразнил он кроху, заинтересованно тянущего его за седую прядь. — И куда тебя девать?

Занося ребенка в широкие черные двери, Риллах обернулся. Белые двери напротив еще не открылись, и луч восходящего солнца окрашивал резьбу желтым и розовым. Кивнув своим мыслям, Риллах улыбнулся и скрылся в полумраке.

Там же и тогда же. Мигель бие Морелле.

В дверь дома, принадлежащего Диего бие Морелле, постучали через два часа после рассвета, когда сам почтенный Диего и пятеро его приемных сыновей заканчивали завтрак.

Открывать пошел самый старший из них, Мигель по прозвищу Седой Барсук.

— Светлое утро, си-алью. — Седой поклонился высокому человеку в черном одеянии с капюшоном, из-под которого виднелась лишь аккуратная, абсолютно белая борода. — Для нашего дома большая честь принимать вас. Проходите, я доложу Мастеру.

— Светлое утро, Мигель. — Си-алью прошел в предупредительно распахнутую для него дверь.

Следом за настоятелем в дверь прошел человек в темно-сером балахоне, лицо его полностью скрывал глубокий капюшон. От него Седой непроизвольно отшатнулся и с большим трудом подавил желание заглянуть под капюшон. Нет, он знал, что лица в любом случае не увидит. Служители Темного Хисса отказываются от лиц так же, как и от имен, а взамен обретают... покой? Хочется надеяться, что покой...

Но, может быть, он мог бы узнать того, с кем жил в одном доме шестнадцать лет и называл его братом, даже не видя лица? По походке, жестам, хоть как-то? Мог бы, но, наверное, не хотел. Поэтому Седой лишь скользнул взглядом по большому тряпичному свертку в руках Безликого и устоялся на си-алью.

Переступив порог, Риллах Черный скинул капюшон. Под ним обнаружилось смуглое горбоносое лицо без возраста: настоятелю храма Хисса можно было дать и сорок лет, и все сто, а если заглянуть ему в глаза — то и всю тысячу. На базаре поговаривали, что Риллах Черный и Халлир Белый служат в храмах Ближнецов с самого дня их постройки. О таких древностях Седой не задумывался, но точно знал: за все те годы, что Седой его знает, настоятель Риллах не постарел и не изменился ни на динг.

Проводив важного посетителя в гостиную, Седой помчался в столовую.

— Ну, что там? — спросил Мастер, неторопливо вставая из-за общего стола и промокая губы салфеткой.

В отличие от настоятеля, типичного южанина, Мастер был коренаст и круглолиц. Как и его предки-кочевники из Тмерла-хен, он брился наголо и смотрел на мир непроницаемо-черными раскосыми глазами. Как всякий мастер теней, при движении он сам казался текучей, размытой тенью, а стоило отвести взгляд — и его лицо стиралось из памяти, так что невозможно было сказать: высок он или низок, стар или молод.

Ученики Мастера тоже встали, коротко поклонились домоправительнице и сделали вид, что им вовсе не любопытно. Разумеется, никому из них в голову не пришло о чем-то спрашивать. С дисциплиной в этом доме всегда было хорошо.

За одним исключением, и что-то Седому подсказывало, что настоятель явился именно по этой

причине.

— К вам Риллах Черный, Мастер, — поклонился он.

Любой нормальный человек проявил бы хоть какие-то чувства, но не Мастер Ткач. Он лишь едва заметно кивнул, показывая, что услышал. И обернулся к своей домоправительнице — фигуристой, на голову его выше девке.

— Благодарю, Фаина. Все было очень вкусно. — Лицо Мастера осветилось скупой улыбкой, которой почти никогда не доставалось его ученикам.

— Подать вам чаю с бушами, Мастер, или, может быть, шамьет? — как всегда, залебезила перед хозяином девка.

— Не стоит, — ответил Мастер и направился из столовой в гостиную.

— Мама, бу! Бу! — Мелкое отродье, во время завтрака молча вертевшееся под ногами домоправительницы, настойчиво потянуло ее за юбку. — Оли хотя бу!

Седой позволил себе едва-едва улыбнуться. Так, чтобы Мастер не видел. Возможно, для Фаины бы это сошло за улыбку умиления, но на самом деле Седой очень надеялся, что сегодня же и так называемая домоправительница, и ее орущее слюнявое отродье исчезнут. И все снова пойдет так, как должно идти. Си-алью не допустит, чтобы Мастер Ткач дальше нарушал закон Хисса.

И, разумеется, последовал за Мастером — исключительно чтобы быть рядом, если тому что-то понадобится, а вовсе не за тем, чтобы подслушать его разговор с настоятелем. Впрочем, Седой в любом случае ровным счетом ничего не услышал, даром что ожидал возможных приказаний у щели между дверью и косяком.

Там же и тогда же. Диего бие Морелле, Мастер Ткач.

Улыбки своего старшего ученика Диего не видел, но ему это и не требовалось. Он и так знал, о чем думает Седой Барсук, всего полгода назад получивший ножницы и возомнивший себя взрослым, умным и опытным мастером теней.

Что ж, он сам сейчас думал примерно о том же. А именно — каким образом изменится его жизнь и жизнь его семьи с приходом Риллаха Черного. Что она изменится, Диего не сомневался ни на мгновение.

Хотя бы потому, что после единственного на его памяти визита Риллаха Черного в этот дом он сам стал главой столичной гильдии. Рано, очень рано. Ему тогда едва перевалило за тридцать, и он достаточно повзрослел, чтобы понимать: он слишком молод и неопытен для такой ответственности. Да и следующим Мастером Ткачом должен был стать не он, а Махшур — как самый старший и опытный в гильдии после наставника.

Однако Хиссу оказалось виднее.

О чем одиннадцать лет назад говорили наставник и Риллах Черный, Диего не знал. Подслушать не удалось — Хисс умеет хранить свои тайны. Не знал, но догадывался. Потому что на следующий день после визита си-алью наставник вызвал стряпчего и подписал дарственную на дом и все имущество на имя Диего бие Морелле, своего приемного сына. А потом, вручив Диего черную повязку с рунами и потрепанный том Хроник Мертвой Войны, похлопал его по плечу и сказал:

— Слушай Хисса сердцем. Только Хисса и никого больше.

А на рассвете ушел в неизвестность, не взяв с собой ничего, даже именных клинков, которые так и остались висеть на стене в тренировочном зале. Словно он мог в любой момент за ними вернуться.

И вот сегодня Риллах Черный вновь пришел в дом на улице Серебряного Ландыша.

— Приветствую. — Диего поклонился, едва войдя в гостиную.

— Приветствую, Мастер, — улыбнулся ему Риллах Черный из кресла у окна.

Чуть позади него стоял Безликий в надвинутом на глаза капюшоне и с большим свертком в руках.

— Чем обязан высокой чести?

Риллах Черный кивком указал Диего на второе кресло и знаком велел Безликому передать ему сверток. Лишь когда служка вышел, плотно прикрыв дверь, Риллах заговорил.

— Законы гильдии строги, друг мой. Строги и мудры. Но только один закон непреложен и один договор вечен. И мудр тот, кто понимает это.

Риллах замолчал и принялся разматывать слои ткани.

Диего наблюдал, гадая, что за неприятность приготовил Риллах. Но то, что показалось из-под невзрачной серой тряпки, заставило его усомниться в собственном здравом рассудке.

— Посмотри на этого мальчика, Диего. Я не скажу, что видел вещий сон или сам Хисс явился и повелел. За такими разговорами иди в другой храм. Это просто ребенок. И что из него получится, зависит от тебя. Хочешь — оставь себе, хочешь — продай, хочешь — скорми собакам.

— Зачем он мне?

— Понятия не имею. Сегодня утром я нашел его на ступенях Темного храма. Думаешь, это случайность?

— Вам виднее.

— Раз мне виднее, то забирай, не отдавать же подаренного Темному в приют Светлой. А в храме малышам не место.

— И вам не важно, что с ним будет?

— Я же сказал. Он принадлежал храму, а теперь тебе. Лично тебе, Мастер Ткач.

— Благодарю, ваше темнейшество. Но... — Диего бие Морелле, пожалуй, впервые в жизни растерялся.

— И не забудь пожертвовать храму двадцать империалов.

— За ребенка?

— За двух детей, — задумчиво улыбнулся Риллах Черный и погладил светловолосого малыша по пухлой щечке.

Диего согласно склонил голову. Он еще не до конца верил своей удаче, но уже точно знал: когда-нибудь ему придется дорого за нее заплатить. Намного дороже, чем какие-то двадцать империалов.

Предмет разговора по-прежнему тихо посапывал, сунув кулачок в рот. Малыша не волновала ни Тьма, ни Свет, ни решение его судьбы. Когда Диего взял мальчика из рук настоятеля, он на мгновение приоткрыл синие бессмысленные глаза, вынул кулачок изо рта, что-то пролепетал, улыбнулся и тут же уснул снова. Легкий запах гоблиновой травки объяснял причины столь необычной для годовалого малыша сонливости и покладистости.

Настоятель ушел, а Диего все сидел, разглядывая неожиданное приобретение. Предложение продать малыша или скормить собакам в свете выложенной на нужды храма суммы звучало не слишком заманчиво. А вот слова о договоре и двух детях позволяли надеяться, что Хиссу зачем-то нужен Мастер Ткач, слушающий сердце, а не Канон Полуночи.

К тому моменту, как встревоженная Фаина заглянула в гостиную, Мастер уже понял, для чего ему пригодится этот малыш.

— А, Фаина. Ну-ка, глянь сюда.

— О, какой маленький цыпленок.

Она заулыбалась и тут же потянулась потрогать светлые волосики.

— Будет Орису братик. Если возьмешь.

— Конечно, братик, — заворковала Фаина, беря малыша на руки. — Хороший мальчик, красивый мальчик... Диего, как его зовут?

— Хи... — Мастер хотел было сказать «Хисс его знает», но в последний момент передумал поминать своего бога. — Хм... Себастьяно. Его зовут Себастьяно бие Морелле.

— Вот и славно, Себастьяно, птенчик мой.

Улыбаясь, словно получила долгожданный подарок, Фаина унесла мальчика устраивать на новом

месте, в детской Ориса.

2-й день каштанового цвета, Суард. Шуалейда.

Она плохо помнила, как возвращалась домой. В памяти осталось только одно — было весело и очень здорово, а еще смешно. И скакать по ночной реке, и запускать в темные спящие окна иллюзорных бабочек и настоящих фей... или, наоборот, настоящих бабочек и иллюзорных фей? Да какая разница, когда на одной из крыш им повстречался удивительно грустный одноухий кот, и Шу стало так его жаль, что она подарила ему крылья! Коту понравилось, правда-правда! Он так мило кувыркался в воздухе и мяукал, только почему-то потом вцепился в трубу и никак не хотел ее отпускать, как Шу ни уговаривала его поохотиться на вкусных летучих мышей...

— Наверное, он плохо видит в темноте, бедный котик! Все потому, что мыши слишком серые. Давай сделаем летучих мышей... голубыми, да! И розовыми! И желтыми... в горошек!

Дайму тоже было весело и смешно, это она помнила совершенно точно. Ему очень понравилась ее идея, и они раскрасили не только летучих мышей, но и голубей, и ворон, и почему-то городских лис — в желто-зеленый горох. Получилось, правда, кривовато, но это все потому, что лисы не оценили идею и все время разбегались, словно какие-то крысы!

Стоит ли удивляться, что и крысам тоже досталось веселья полной мерой? Теперь у каждой городской крысы светились усы, чтобы бедняжкам не было так темно и скучно по ночам, а на спинке было написано название родной улицы — чтобы крысы не заблудились...

Удивительно лишь, как Шу и Дайм не заблудились и не приехали вместо Риль Суардиса куда-нибудь во дворец сашмирского раджи. Видимо, у полковников Магбезопасности лучше устойчивость к фейской пылице, чем у юных невинных принцесс.

В общем, юная невинная принцесса запретила полковнику МБ провожать себя до кровати, потому что...

— Ре-пы-та-ца... ре-ци-па... — не сумев выговорить ужасно смешное слово, Шу сделала *очень большие глаза* и приложила палец к губам. — Чш-ш! Никто не должен знать!

— Никто! — авторитетно подтвердил полковник МБ и предложил ее подсадить, а то вдруг юная принцесса сама не сумеет залезть на балкон.

И подсадил. И залезла. Правда, балкон оказался не тем — и на балконе почему-то обнаружился герцог Альгредо в ужасно смешном полосатом халате.

— Чш-ш! — убедительно сказал ему полковник МБ. — Ты нас не видел. Секретная операция.

— Разумеется, мой светлый шер. Крайне секретная операция, — согласился герцог Альгредо. — А давайте-ка я провожу ее высочество в ее покои.

— О, мои покои! Мои покои не тут... не здесь... — Шу всерьез задумалась. Да так крепко, что забыла перекинуть вторую ногу через перила балкона, так и сидела верхом.

— Шли бы вы к себе, полковник Дюблайн. Вам надо отдохнуть, — очень любезно предложил Альгредо. — Не беспокойтесь за ее высочество, я позабочусь...

— Я сама! — перебила его Шу. — Я не маленькая! Я... у меня... я теперь целая королева фей, вот! У меня есть свой остров. Поехали покажу!

Почему Альгредо отказался посмотреть остров фей, Шу так и не поняла, но когда Альгредо пожаловался на больную поясницу и старость, которая не радость, чуть не заплакала от сочувствия и, вытащив из-за пазухи колбу с пылью фей, протянула ему. От всей щедрой души.

— Лечитесь, дядюшка Урмано! Прекрасное, пате... панет... нто... па-тен-то-ванное средство!

У дядюшки Урмано сделались очень круглые глаза, но колбу он взял. Очень бережно. И правильно! Свежая фейская пыльца — это вам не... Что «не», Шу забыла.

А у Дайма снова зарычало в кармане. И Дайм сделал очень серьезное лицо, он же полковник МБ, а не какой-то там глупый мальчишка.

— Прошу прощения, герцог. Служба не ждет! — очень серьезно сказал он, доставая из кармана... почему-то розовую в горошек крысу.

Крыса обиженно запищала, извернувшись и попыталась цапнуть Дайма за палец, но не успела. Шу его спасла! Она тут же, немедленно, превратила крысу в мышку! Белую! В голубенький цветочек! И уже эту очумевшую мышку аккуратно вынул из рук Дайма дядюшка Урмано — за хвостик, двумя пальцами.

— Бедняжка, ей же, наверное, неудобно, — пожалела мышку Шу. — И скучно! Надо ей подруж...

— Не надо! — почему-то в один голос отозвались Дайм и герцог Альгредо, переглянулись, и Альгредо выпустил бедную мышку на балконные перила, откуда мышка незамедлительно удрала, только хвост мелькнул. Голубенький. С бантиком.

— Ладно, подружку она сама найдет, — покладисто согласилась Шу. — А что это вы делаете на моем балконе, дядюшка Урмано? У вас тут свидание?

Разузнать на тему свидания она не успела, потому что Дайм нашел наконец свое карманное зеркальце. Почему-то на шляпе, и почему-то оно никак не желало от шляпы отлипнуть, а когда Дайм его все же оторвал — то задрыгало в воздухе голыми белыми корешками.

— Дюбрайн на связи, — сказал полковник, знаком веля дядюшке Урмано молчать.

— Я начинаю сомневаться в твоей верности, брат мой, — донеслось из зеркала, и белые корешки тут же замерли, высохли и опали. — Где моя невеста? Что это за фокусы с подменами? Дюбрайн, неме...

Сердитый голос Люкреса сменился не менее сердитым шипением пара. Зеленого. Вонючего. В который превратилось испарившееся зеркальце.

— Твой брат — скотина невоспитанная, — заявила Шу. — Сам он невеста.

— Упс. Какой-то ненадежный артефакт. Альгредо, завтра жду от вас отчет, почему во вверенном вам королевстве портятся артефакты!

— Конечно, полковник, будет вам отчет. Вас, кажется, вызывали?

— Точно, вызывали... э... спокойной ночи, ваше высочество! — Дайм галантно склонился к руке Шу, а потом строго глянул на Альгредо: — В вашем возрасте, герцог, неприлично лазить на балкон к юной невинной принцессе. Да еще в халате.

— Я учту это в своем отчете, полковник.

— То-то же!

Погрозив Альгредо пальцем — очень грозно, Шу сама почти испугалась! — Дайм развернулся и ушел. Правда, немножко оступился, когда балкон закончился, но тут же достойно вышел из положения: щелкнул пальцами, и под его ногами затрепыхалась дорожка из крысиных спинок. Очень красивая, разноцветная! Прямо от одного балкона до другого!

Шу от восторга захлопала в ладоши, так это было красиво! Вот только цветов не хватало, да, цветов!..

Повинуясь ее желанию, с неба посыпались лепестки роз, фиалок, ромашек, бегоний, кувшинок... почему-то вместе с листьями и лягушками... А, какая разница, кваканье — тоже здорово!

— Кхм... Шуалейда, девочка моя! Шуалейда! — отвлек ее от сотворения неопишуемой красоты чей-то голос.

Обернувшись, она обнаружила рядом герцога Альгредо. В халате и со светящейся колбой в руке.

— Ой, дядюшка Урмано, — смутилась Шу и зачем-то спрятала руки за спину. — Это не я, честно-честно, не я!

— Конечно не ты, кто бы сомневался, — загадочно сказал дядюшка Урмано и заботливо предложил: — Пойдем, я отведу тебя спать. Ну, давай руку...

— Зачем? Я сама! — Шу отступила на шаг, почему-то предложение дяди Урмано казалось ей подозрительным. — Я... меня мама ждет.

— Тебя брат ждет. Идем к Каetano, он волнуется.

— Волнуется? А... что-то случилось? Я помогу! Я сейчас!..

Шу заозиралась, пытаясь понять, где Кай и какая помощь ему нужна, но ее снова тронул за руку Альгредо.

— Идем, я провожу тебя. Главное, не шуми, хорошо? Надо идти тихо-тихо... — И он потянул ее за руку к балконным дверям.

Шу послушно прошла несколько шагов, пока до нее не дошло, что она так и не рассказала маме про Дайма, про Роне и остров фей!

— Я сама! — Она вырвала руку и велела: — А вы ступайте к Каю и скажите, что все хорошо! Пусть ложится спать.

И, подхватив юбки, помчалась к маме — скорее рассказать ей...

Дядюшка Урмано что-то кричал ей вслед, но Шу не разобрала, что именно. Ее переполняли новости, и какие новости! Мама обязательно порадует за нее! Она стала совсем взрослой, у нее теперь два возлюбленных — Дайм и Роне, и свой остров, и еще она не будет императрицей!..

Глава 10. Безымянный тупик

...жизнь и верность принадлежит Темному Брату. Нет для Руки Брата другой жены, кроме службы Брату, и нет другого сына, кроме приказа Брата.

21-й день холодных вод (некоторое время назад), Суард, Себастьян бие Морелле по прозвищу Стриж.

Этот разлапистый граб Стриж заметил еще лет десять назад. Местечко было очень красивое, но совершенно глухое и безлюдное. Почему-то в эту часть леса никто не ходил. Берега узкой, холодной Циль заросли ивами, грабами и звездчатником — колючими лианами с крупными резными листьями и гроздьями бело-голубых цветов, похожих на звездочки. Мягкую от палых листьев землю укрывал ковер разнотравья с пятнами диких фиалок. И ни единой тропинки! Хотя до широких аллей Королевского парка было рукой подать, да и до скромных тропинок Королевского леса — тоже.

Это же место было где-то между парком и лесом. Дальше от дворца и ближе к Великой реке Циль одели в каменную набережную, украсили мостиками и ротондами, разбили вдоль нее бульвар — по левому берегу, принадлежащему Верхнему городу. Правый же берег, самое начало Нижнего города, был скромнее. Вместо пышного зеленого бульвара вдоль речушки выросли лавки, ресторанчики и мастерские. Не такие дорогие, как в Верхнем городе, но гораздо лучше тех, что ютились в Нижнем.

Не так давно бургомистр даже предложил выделить несколько кварталов близ речушки Циль в Средний город...

Впрочем, благоустройством города Стриж интересовался куда меньше, чем давно обжитым личным грабом, нависающим над диким берегом. Когда Стриж только начал обживать граб, Шорох подсмеивался над ним, мол, братишка вьет себе гнездо, скоро птенцов выведет.

Не то чтобы Шорох был совсем уж неправ насчет гнезда. Удобную развилку трех ветвей, похожую на трон какого-нибудь лесного барона, Стриж за десяток лет отполировал до блеска. И сейчас сидел в ней, любуясь королевским дворцом — расположенный на холме, он был отлично виден в просвет между ветвями.

В сумерках Риль Суардис походил на творение фей — резной, мерцающий самоцветами огней, оплетенный светящейся паутиной, словно драгоценным кружевом. А две дворцовые башни словно проросли в небо, одна огненным деревом с лилово-голубыми листьями, вторая — деревом белоснежным, оплетенным лианами всех оттенков неба: от прозрачной полуденной голубизны до бархатной сине-фиолетовой черноты южной ночи.

Иногда Стриж приходил сюда вместе с братом, и они смотрели на дворец вместе. Но не сегодня. Сегодня Стриж был здесь один — если не считать свирели, вырезанной собственноручно из найденной здесь же полую ветки, и русалок. Русалки всегда вылезали из воды, когда Стриж играл. Иногда они чесали зеленые и синие, уходящие в реку волосы перламутровыми гребешками-ракушками, иногда грелись в свете зеленой луны, а иногда пели. Голоса у них были тихими, похожими на плеск волн и шелест дождя по листьям, и завораживающе красивыми. Как и сами русалки.

Правда, Стриж ни разу не смог рассмотреть их вблизи — стоило ему спрыгнуть с дерева, как русалки со смехом и брызгами ныряли в речку, и смех еще долго звенел над берегом и переливался призрачными радугами.

Сегодня русалки не пели и не чесали волосы. Они даже не вышли на камни, поднимающиеся из реки. Лишь всплыли, и их слабо светящиеся отраженным лунным светом лица смотрели из реки — глазами глубокими и темными, как ночное небо.

Сегодня Стриж играл не для них, а для себя. Мелодия рождалась сама — как и все мелодии, живущие в Королевском парке. Нежная, прерывистая, словно последние всхлипы, и переливчатая, словно звон ручья на перекате, она летела над речкой и запутывалась в ветвях ив и грабов.

Летела — и затихла. Сама собой. Почему-то сегодня, после встречи с Хиссом, даже свирель пела как-то глухо, и королевский дворец казался не таким волшебным и прекрасным, как раньше. Но ведь ничего не изменилось! Стриж всегда принадлежал Хиссу! Сегодня он всего лишь стал мастером теней — тем, кем готовился стать, сколько себя помнил. Тем, кем мечтал стать. Они с братом мечтали, вместе.

Может быть, поэтому все так странно и неправильно, что учились — вместе, планировали — вместе, а Хисс заговорил только со Стрижом. И совсем не так, не там и не тогда, как обещал наставник...

Откинув голову на удобную ветвь, Стриж посмотрел сквозь листву на небо — стремительно темнеющее, с прокалывающими пока еще плотный небесный шелк иглами-звездами. Небо было такое же, как и всегда. Граб, река, русалки — все было таким же, как всегда. И никаких демонов, искушений, жажды крови и прочих детских страхов, которыми пугали друг друга ученики Мастера Ткача. Давно пугали, когда были совсем мелкими и глупыми.

Вот и нечего быть маленьким и глупым, пугаться невесть чего и воображать себе всякие ужасы. Ну подумаешь, Хисс с ним заговорил не так, как написано к Каноне Полночи. Так это же Хисс! Ему можно нарушать Канон — он сам его писал. Или не писал? Странная мысль... Если не Хисс — то кто?..

Нет, определенно сегодня со Стрижом что-то не то. Думает о всяком странном. Еще немного — и стихи писать начнет, как придурки-менестрели, зарабатывающие на ночлег и кружку пива кривыми виршами и косыми мелодиями. То есть, конечно, не у всех менестрелей мелодии косые, бывает и такое, что хочется слушать и слушать...

Стриж недоуменно глянул на свирель в собственных руках, хмыкнул и приложил ее к губам. Над лесом разнеслась задорная песенка про веселую вдову, ветви зашелестели ей в такт, а русалки внизу заплескались.

Вот. То-то же! Никаких стишат, никаких глупых рассуждений. Стриж рожден, чтобы быть Рукой Хисса — и нечего тут. Стишата и свирель — баловство. Приятное, забавное, но баловство! Seriously — это заботиться о брате, помогать ему, прикрывать спину. И если стишата и свирель в этом помогут...

Стриж отнял свирель от губ, и мелодия оборвалась.

Глупости это все. Вот если бы он был потомком Золотого Дракона, истинным шером, вот тогда свирель была бы лучшим оружием. Но мастера теней не бывают истинными шерами, а истинные шеры — мастерами теней. Так что сегодня — день рождения настоящего Стрижа. Взрослого. Понимающего, кто он есть. И день смерти глупого мальчишки, мечтавшего о чудесном обретении дара.

Не будет у него дара. Нет, не было и не будет. И шис с ним! Зато у него есть настоящая семья! Брат. Ни у кого из гильдии нет, а у Стрижа есть. Это лучше дара.

И вообще, пора бы уже идти к дру Ульриху, как наставник велел.

Сунув свирель за пояс, Стриж спрыгнул с граба, сорвал ночную фиалку и бросил в реку — русалкам. Его тут же обрызгали, точнее от души облили речной водой и засмеялись. А у него на голове что-то обиженно квакнуло и спрыгнуло на землю. Русалки снова засмеялись, и Стриж тоже. В конце концов, сколько можно страдать на пустом месте? Он же не менестрель, жалостливые песенки за кружку эля — не его репертуар.

По пружинящей под ногами лесной траве он шел, насвистывая все ту же «Веселую вдову» и не думая о всякой ерунде.

На него напали уже в Королевском лесу, у раздвоенного дуба на перекрестке трех дорожек. Сверху. С мерзким, душераздирающим карканьем на него налетел ворон и попытался выклевать глаз. Стриж отмахнулся, не желая убивать живую тварь, пусть и сбрендившую. Но ворон не отставал — бросался и бросался, даже умудрился клюнуть в руку до крови. Пришлось изловить ненормальную птицу и слегка стукнуть тупой головой о дуб. Ворон обмяк, но не издох, сердце по-прежнему билось. А мозги явно не страдают, за неимением оных.

И только когда мерзкое карканье стихло, Стриж различил в траве под дубом писк. Жалобный и скрипучий. А раздвинув траву — нашел вороненка. Мелкого, недавно оперившегося слетка. Вороненок попытался отскочить в сторону, но запутался неправильно оттопыренным крылом в стеблях вьюнка и опять жалобно запищал.

— Тихо, мелочь, — успокаивающим тоном велел Стриж и попытался взять птенца в руки.

Разумеется, сын сумасшедшей вороны оказался таким же придурком и укусил Стрижа за палец. Ну, хоть до глаз не дотянулся.

— Тихо, сказано тебе. Не ори.

Не обращая внимания на кровавый палец, Стриж завернул дурацкую птицу в собственную жилетку. Крыло явно было сломано, и вороненка милосерднее было бы придушить, чем оставлять здесь на поживу лисам.

Попросив Сестру, чтобы она надоумила бешеного родителя — или родительницу, не суть — заняться

другими птенцами, а не искать этого, Стриж побежал прочь из леса. Сестра Сестрой, а вороны упрямы и злопамятны, и если этот каркающий ужас сейчас очнется — опять попытается заклевать.

Стриж перешел на шаг только в самом Нижнем городе. Здесь, неподалеку от опушки, и располагалась мастерская дру Ульриха Иргвина, лучшего в городе оружейника.

— Все порядочные люди давно спят! — встретил его привычным ворчанием Ульрих.

— Так то люди, — пожал плечами Стриж. — А я вам подарок принес, дру.

Рыжие и мохнатые гномьи брови одобрительно пошевелились, и даже заплетенная в две косы рыжая же борода стала топорщиться не так сердито. Впрочем, суровости оружейника Стриж давно не верил. Была она сугубо напускной, и только ради авторитета. Среди гномов почему-то считалось, что настоящим мастером может быть только убеленный сединами, зрелый муж, а не молокосос вроде Ульриха. Всего-то девяносто лет! Совершенно несерьезный возраст! Вот лет через сто, быть может...

Примерно это Ульриху раз за разом заявляли гильдейские старшины, когда он раз за разом приносил свои работы (и внушительные взносы золотом) на их строгий суд и просил звания мастера. Раз этак на пятый, когда «Лет через двести» сменилось на благожелательное «Ладно, приходите лет через сто, юноша», Ульриху надоело.

Он плюнул старым пням в бороды, забрал золотишко вместе со свежеизготовленными клинками и заявил, что в тине он видел гномью гильдию! Он — вольный мастер, и по законам Валанты имеет право сам продавать свои изделия.

Старые пни пообещали, что клейма гильдии ему не видать как собственных ушей и что ни одного хорошего заказа он не получит даже через триста лет. И если посмеет поставить лавку в Верхнем городе — гильдия его засудит. Так что судьба ему ковать ржавое дерьмо для воров и нищих!

На что Ульрих показал им шисовы хвосты и пряником от старшин пошел в Безымянный тупик. Наверное, это был первый раз, когда в Безымянный тупик кто-то пришел не потратить денег, а что-то продать. Видимо, сам Хисс обалдел от подобной наглости, так что открыл Ульриху дорогу в ближайшей подворотне. А Мастер Ткач взял да и купил Ульриховы клинки.

«Два молокососа нашли друг друга, — смеялся Ульрих, рассказывая Стрижу эту историю. — Ваши-то Мастера, чтоб мне облысеть, тоже стояли на ушах. Мастер Ткач едва тридцати лет от роду, это ж скандал и попрание традиций. Ха! Традиции!»

Вопреки всем традициям Ульрих взял кредит в Первом Гномьем банке — благо хозяин его, дру Милль, приходился Ульриху троюродным дядюшкой — и поставил лавку на левом берегу Циль. Он купил королевский патент на собственное клеймо, выставил в витрине ржавый нож для чистки копыт и молочный бидон, назначил цены вдвое выше, чем у старшины гномьей гильдии оружейников... и в ус не дул, когда другие оружейники приходили выразить ему соболезнования и просто откровенно поржать над придурком, который на днях разорится.

С тех пор прошло больше десяти лет, ржать над Ульрихом перестали, зато дважды предлагали ему гильдейское клеймо.

«И гильдейские налоги. В тине я их видал! Мои шисовы хвосты намного лучше!»

В общем, теперь Ульрих был лучшим мастером-оружейником Валанты, сам мог приносить соболезнования коллегам из гильдии, но вот изображать из себя зрелого мужа — то есть ворчливого старого пня — не перестал. Привык.

Но Стриж и не жаловался. Все равно ворчал Ульрих недолго. А волшебное заклинание «подарок» действовало на него, как и должно действовать на молокососа, едва достигшего совершеннолетия.

— Ну-ка, ну-ка... — Глаза у Ульриха разгорелись. — Что там у тебя, птенчик?..

— Птенчик! — радостно сообщил Стриж, вручая Ульриху слабо трепыхающийся сверток. — Вы ж хотели что-нибудь этакое, милое и симпатичное. Вот оно. Ваше.

Ульрих принялся разворачивать сверток, едва Стриж переступил порог. И, разумеется, вороненок немедленно укусил его за палец и злобно зашипел. Стриж тут же накрыл его краем поклеванной и порванной когтями жилетки.

— Милое? — Ульрих потряс пальцем, с которого капала кровь. — Симпатичное?! Да на какой помойке ты подобрал эту дрянь!

— Это редкий, очень ценный ирийский ворон. Говорящий, между прочим, — тут же сочинил птенцу родословную Стриж. — Как только вы дадите ему имя и покормите, он признает вас хозяином.

— Ирийский, говоришь... — На этот раз Ульрих разворачивал вороненка намного аккуратнее, так что для начала из-под жилетки показался лишь один сверкающий обидой глаз.

— Кр-ра! — сказал вороненок, мотнув головой и скинув ткань. — Кр-ра!

— О, смотрите! — обрадовался Стриж. — Вы ему нравитесь. Говорит, красивый.

В подтверждение его слов вороненок еще раз каркнул и резким выпадом склонул с бороды Ульриха рубиновую бусину, а потом победно на него покосился.

— Хм... а ничего, вкус у него есть. Самую дорогую выбрал! — умилился гном.

— Вы даже не представляете, как дорого я за него заплатил.

«Собственной кровью, это куда дороже денег», — добавил про себя Стриж и украдкой потер укушенный палец.

— Конечно дорого, — кивнул гном, уже безбоязненно беря вороненка в руки: еще бы, опасный клюв был занят рубином, а в то, что кто-то добровольно расстанется с драгоценностью ради того, чтобы кого-то клянуть, Ульрих категорически не верил. Ибо это против природы. — Хороший птенчик... а что с крылом? Ох же! Кто посмел сломать моему птенчику крыло?!

Ульрих гневно глянул на Стрижа.

— Ну не я же. Что я, зверь какой? Но вы же знаете, ирийские вороны живучие, его только надо перевязать. Через неделю будет как новенький. Зато из-за крыла была серьезная скидка!

Скидка, ага. С дуба. Но зачем уточнять такие несущественные подробности!

На этот аргумент Ульрих понимающе кивнул. Дорогой подарок, купленный со скидкой, что может быть большим знаком уважения для гнома!

— Я назову тебя... — Ульрих задумчиво погладил вороненка по голове, и тот, чудное дело, позволил. — Назову тебя Алмаз. Тебе подходит.

— Очень подходит. Настоящий черный алмаз, — кивнул Стриж, про себя выдохнув: если уж Ульрих назвал птенца Алмазом, точно не выкинет. Не в природе гномов разбрасываться драгоценностями. — А теперь надо его покормить. Я не стал, он должен принять хозяином только вас.

Ульрих одобрительно хмыкнул и понес вороненка в столовую, на ходу крикнув куда-то в глубину дома:

— Драгоценная моя, накрывай ужин!

Драгоценная фру Иргвин — юная красавица такого же огненно-рыжего колера, но без бороды и напускной суровости — накрыла ужин с истинно гномьим размахом. За ужином поохала над бедненьким черным птенчиком с переломанным крылом и над маленьким беленьким птенчиком — таким худеньким, словно его год не кормили.

И только после ужина из шести блюд, сотни комплиментов драгоценнейшей фру и перевязанного вороньего крыла Ульрих вспомнил о деле.

— Ну-с, будешь смотреть?

И хоть шесть блюд заняли слишком много места даже в растущем организме Стрижа, он кивнул. Не только из вежливости. Каждая работа Ульриха в самом деле была сокровищем. К тому же Ульрих никогда не скупился на пояснения, а иногда даже пускал Стрижа в мастерскую и показывал то способы закалки, то приемыковки, а несколько раз даже позволил ему нарисовать эскизы. И, что Стрижа поразило в самое сердце, даже сделал клинки по тем эскизам и сказал, что Стриж отлично чувствует металл. Даже жаль, что не гном. Вот лет через сто из него вполне мог бы выйти мастер.

Над этим смеялись оба, а подмастерья Ульриха — молокососы лет под сто — ревниво топорщили бороды.

На этот раз в мастерскую они не пошли, по ночам даже гномы спят. В основном. И Стриж вволю поиграл с клинками здесь же, в столовой. И от души восхитился.

— Эти — для твоего братишки Шороха, птенец, — сказал по уши довольный Ульрих. — Как быстро

вы, люди, растете! Вчера только был мелким, как лягушонок, а сегодня, гляди-ка, уже в дверь не проходишь.

— Кто ж виноват, что ваши древние традиции велят делать такие маленькие двери? — ответил Стриж, притворно потирая лоб.

— Ай-ай, кто ж виноват, что вы, люди, такие дылды! — покачал головой Ульрих и велел: — А теперь пить чай.

Глава 11. Дела семейные

2-й день каштанового цвета, Риль Суардис, Шуалейда.

— Мама! Мама, ты где?.. — крикнула она, через распахнутое окно врываясь в башню Заката.

— Здесь, что ты так шумишь, малышка? — Мама поднялась с кресла, где сидела с вышиванием, и протянула руки к Шу. — Иди ко мне, я так соскучилась.

— Я тоже соскучилась! Я... — обняв маму, Шу уткнулась лицом ей в плечо и мимолетно удивилась: когда мама успела стать такой маленькой?

— Присядь, девочка моя, и Расскажи мне, что случилось, — велела мама.

Шуалейде стало внезапно так спокойно, так хорошо, словно ей по-прежнему было четыре года, а мир вокруг был добр, прекрасен и безопасен. Весь, кроме страшного темного колдуна Бастерхази... Вот глупости! Никакой он не страшный...

— ...он хороший, а еще он любит Дайма и меня тоже любит! — взалхлеб рассказывала Шу, уткнувшись в мамины колени и ощущая ее ласковую руку на своих волосах. — Он такой, такой... он огненный и золотой, и Дайм тоже золотой, только лазурный и серебряный... Они научили меня, как приручить Линзу, и мы занимались любовью, а потом прилетели феи, вот только Люкрес... мама, давай его прогоним, он гадкий!..

— Конечно прогоним, — согласилась мама. — И гадкого Бастерхази тоже прогоним, он жадный и злой, тебе он совсем не ну...

— Нужен! — Шу возмущенно подняла голову. — Мне нужен Роне, он... Он мой! Они оба мои! Я... я выйду замуж за них обоих! Это будет наша Линза, мама, это же так здорово!

Она мечтательно прикрыла глаза, вспоминая, как хорошо было ей с ними, с обоими, и почувствовала, как из нее опять изливается сила — рождающаяся в ней самой, где-то внутри, около сердца. Сила лилась и лилась: яркая, разноцветная, чистая. И Линза вокруг Шу откликалась, хаотичные потоки выстраивались вокруг нее, переплетались в красивые узоры, наполненные светом и тьмой, и казалось, вот-вот проступит вписанный в круг треугольник с тремя именами по углам. Шуалейда, Дайм и Роне.

Она почти увидела их, почти успела показать маме — смотри, как красиво.

— Нет, — строго сказала мама, и стихии замерли, а четкие линии треугольника поплыли. — Темного шера здесь не будет. Никогда.

— Но почему? Нам же так хорошо вместе!

— Потому что Бастерхази нужна не ты, а только твоя сила.

— Неправда, он хороший... мы... вместе мы сможем... — Шу всхлипнула, вспомнив боль Дайма, и сердито вытерла рукавом слезы. — Мы снимем с проклятие с Дайма. У нас получится!

— Разумеется, у тебя все получится, Шу. Ты иницируешь Линзу и снимешь проклятие с Дайма.

— Вместе с Роне, — радостно подтвердила Шу. — Мама, он такой... он невероятный! Он как ураган, как извержение вулкана, как... он...

— Сжигает все на своем пути, оставляя лишь пепел, — нахмурилась мама.

— Неправда. Роне добрый. Он помог мне, он помог Дайму!

— О боги, ты настоящая Суардис. Такая же упрямая, как твой отец, — в голосе мамы досада мешалась с гордостью. — Ну-ка Расскажи мне, что тебе наобещал темный шер.

— Мы вместе иницируем Линзу и проведем ритуал единения, станем шерами-зеро, снимем проклятие с Дайма и будем свободны и счастливы.

— Я понимаю, ты влюблена и веришь ему. Но подумай, Шу, просто подумай. Так, как учил тебя Энрике.

— Конечно, я все хорошо обдумала... — сказала Шу, но почему-то без особой уверенности. — Мне только надо довериться Роне. Мама, Роне никогда не обидит меня! Он меня любит!

— Он любит себя и только себя. Ты спрашивала его о сути ритуала, Шу?

— Конечно спрашивала! Это просто, надо только хотеть и доверять, без сомнений и колебаний.

Мама грустно покачала головой.

— Суть в другом, Шу. Связать дар и судьбу, подарить себя целиком и полностью.

— Ну да, именно, — закивала Шу. — Роне готов отдать себя, разве тут может быть что-то плохое?

— Для него — ничего. Даже для Дюбрайна. Но не для тебя.

— Я не понимаю. Почему?

— Потому что ты маленькая, наивная и неопытная девочка, а они — взрослые интриганы, им обоим почти по сотне лет! Они задавят тебя и не заметят, но главное, что этого не поймешь ты сама. Ты станешь послушной куклой без собственной воли и желаний, тебе будет казаться, что ты сама чего-то хочешь, но на самом деле для тебя останутся лишь отражения их желаний. Я не хочу для тебя такой судьбы.

— Не задавят, они не станут, — нахмурилась Шу.

— Бастерхази уже это сделал. Ему нужна Линза, и он убедил тебя ее отдать.

— Не отдать, а сделать ее нашей общей. Линзы не убудет от того, что нас будет трое!

— Дайм тоже так считает?

— Не совсем, но... при чем тут?

— При том, что ты можешь очень просто проверить, нужна Бастерхази ты сама или твоя Линза. Если он в самом деле любит тебя, он позволит тебе инициировать Линзу самой. И вот тогда, со своей Линзой, ты хотя бы приблизишься к нему по силе. Если будет так, радуйся моей ошибке и смело соглашайся на ритуал единения.

— Но... мама, я не понимаю...

— Все ты прекрасно понимаешь, Шу. Ты уже взрослая. Ты так быстро выросла, моя малышка... так быстро... — Мама прижала ее к себе и всхлипнула, но тут же вытерла слезы и продолжила: — Бастерхази говорил тебе о любви, свободе и равенстве. Если он говорил искренне и ничего не скрывал, то ему не нужна Линза. После единения он в любом случае получит свою свободу. А если ему нужна Линза, значит, он тебе лгал. Ты согласна?

— Да, это логично, — вздохнула Шу. — Но я боюсь. Вдруг я одна не справлюсь?

— Чушь! Это твой Источник, я берегла его для тебя. И я расскажу тебе, как сделать все правильно. Без Бастерхази!

— И без Дайма?

— Да. Ты должна сделать это сама. Одна. Что тебе рассказал Бастерхази об инициации Линзы?

— Нужен треугольник равновесия — свет, тьма и сумрак. Якоря. И... и все.

— И каким образом он сам необходим в этой схеме?

— Он же сам — тьма, а Дайм — свет, они помогут мне удержать якорные точки и равновесие системы.

— Чушь. Для инициации тебе потребуются всего лишь два артефакта, темный и светлый, либо два фиала с кровью темного и светлого шервов. А если ты допустишь сюда Бастерхази, он нарушит равновесие в свою пользу. Тогда ты и Дюбраин, два доверчивых идиота, окажетесь в его полной власти. Ты хочешь прожить несколько сотен лет куклой черного колдуна, чем-то вроде Эйты? Хочешь такой судьбы для Дюбрайна? Хотя он-то сам должен был сообразить, в его возрасте пора бы научиться думать головой, а не тем, что ниже.

— Мама!

— Что мама? Я не для того соглашалась на сумасшедший план Светлейшего, не для того отказывалась от карьеры в Конvente и не для того выходила замуж за твоего отца, чтобы какой-то темный прохиндей обдурил меня и украл то, что принадлежит моим детям!

— Какой план Светлейшего, ты о чем сейчас, мама?

От растерянности у Шуалейды закружилась голова, и она села прямо на пол, у ног матери. Та же, наоборот, вскочила с кресла и принялась расхаживать по комнате. Ее фигура подернулась разноцветным туманом, и теперь она куда больше походила на стихийный смерч, чем на живого человека. Впрочем, опьянение фейской пылью прошло, и Шу отчетливо понимала, что ее мать умерла много лет назад, и сейчас перед ней призрак, Хранитель Источника.

Которого, кстати, не было в схемах Бастерхази.

Возможно, потому что он не знал? Или Хранитель Источника просто не укладывается ни в какие схемы.

— Разумеется, не укладывается. Все эти схемы — чушь. И планы — чушь. — Мама остановилась рядом с Шу, опустила на пол и взяла ее за руки. — А я была наивной душой, когда доверяла Светлейшему.

— В чем доверяла, расскажи мне. Пожалуйста. Я должна знать!

— Конечно должна, девочка моя. И не должна быть послушной куклой в чужих руках. Такой, какой была я.

— Но ты же... Ты же любила папу!

— Я и сейчас его люблю. Тодор, Тео... — мама тяжело сглотнула и утерла глаза. — Тео — лучший из мужчин, он — мое сердце... Мне так жаль, что вам скоро придется расстаться! Но ты должна знать, Шу. Светлейший прислал меня в Суард, чтобы я родила королю Валанты детей. Он оказался прав, говоря, что это моя судьба. Я влюбилась в Тодора сразу же, с первого взгляда. А он — в меня. Я вовсе не думала, что стану королевой, нам обоим достаточно было только нашей любви. Его супруге было все равно, с кем Тодор проводит ночи, лишь бы ничто не угрожало положению Ристаны. И я думала, что так будет еще очень долго.

— Но королева погибла, да? Несчастный случай? — спросила Шу, уже понимая, что услышит совсем не тот ответ, который хочет услышать.

— С виду — несчастный случай. Зная полковника Дюбрайна достаточно близко, ты в это веришь?

— Это не Дайм! Он бы не стал... убивать...

— Прелестную любовницу своего брата, светлую шеру Лью, — с грустной улыбкой продолжила мама.

— Саламандра — это совсем другое... она хотела... — Шу поморщилась, не желая жаловаться маме на уже мертвую обидчицу. — Она в самом деле была твоей подругой?

— Нет. Мы не стали подругами, Саламандра слишком амбициозна, чтобы дружить с третьей дочерью захолустного графа, которая к тому же на два десятка лет ее младше. Зато когда я сделалась одной из любимых учениц Светлейшего, Саламандра тут же вспылала ко мне симпатией. Но не взаимно.

— То есть ты училась вместе с Даймом?

— Тоже нет. Дюбраин старше, и когда я поступила в Магадемию, он уже служил в МБ. Но мы нередко виделись, он же жил в доме Светлейшего и даже иногда вел занятия вместо него. И если ты хочешь спросить, знал ли он о планах Светлейшего в отношении нашей семьи, я честно скажу — наверняка. Но когда погибла королева Мариса, из офицеров МБ в Суарде был лишь лейтенант Герашан.

— Энрике?.. Ты думаешь, это он?..

— Уверена. Энрике моего возраста, — мама ностальгически улыбнулась, — на первых курсах у нас был роман. Ничего серьезного, но мы проводили много времени вместе, и Энрике был в меня слегка влюблен. Он приехал в Суард с каким-то дурацким поручением, в смысле официально, и вел себя... Ну ты же знаешь, он умеет выглядеть совершенно безобидным. Сделано все было очень аккуратно, даже я не сразу догадалась, что королева умерла не случайно.

— А Ристана обвинила в этом тебя. Или нет?

— Меня. И она права, хоть своими руками я Марису и не убивала. Но я должна была понимать, что интрига Светлейшего не заканчивается на рождении одаренных детей королевской фавориткой. Его цель — восстановление дара в королевской династии.

— А ты бы поехала в Суард, если бы понимала?

— Не знаю, Шу. Тогда — не знаю. Сейчас бы — да, поехала. Ради Тодора и ради вас с Каetano. Мы были счастливы совсем недолго, и я не знаю, что Светлейший спланировал неправильно. Но после того как Кельмах убил моего маленького Пепе... — Голос мамы опять сорвался, но она помолчала лишь мгновение и продолжила: — Я больше ни на динг не доверяю Светлейшему. И тебе не советую. Не доверяй никому, кроме себя, Шу. Даже Дюбрайну. Нет, особенно Дюбрайну! Ни ему, ни Бастерхази, ни в коем случае. Они оба — глаза и руки глав Конвента, даже если думают, что действуют сами. Помни об этом всегда.

— Но мама... я люблю Дайма... как же мне не доверять ему?..

— Любить надо с открытыми глазами, Шу. Реального человека со всеми его недостатками. И понимать, что твоя любовь его не изменит. Ради тебя темный шер не станет честным и милосердным, а светлый интриган не увлечется выращиванием ромашек и не откажется от политики. Если ты готова любить лжеца и убийцу, люби. Возможно, с ним ты будешь счастлива, несмотря на то что он продолжит лгать и убивать. Главное, не пытайся его переделать и не надейся, что он изменится.

— Я... я не хочу, чтобы Дайм менялся. Я люблю его как есть.

— Тогда у тебя в самом деле есть шанс быть счастливой. Хотя счастливая Суардис — это такая редкость...

— У меня получится, мама.

— Пусть у тебя получится для начала уберечь себя и Кая. Не оставляй его одного, прошу тебя. Ты нужна ему, а он нужен тебе. Мы с Тео скоро уйдем, и вы останетесь вдвоем.

Шу на миг зажмурилась, не позволяя себе заплакать. Вот так едва обрести родителей и узнать, что им осталось совсем немного... но... ведь маме с папой будет хорошо там, в Светлых Садах. А значит... значит...

— Мы с папой всегда будем любить вас. Где бы мы ни были, девочка моя.

— Я не хочу так... мама...

Слезы все равно полились градом, как Шу ни убеждала себя, что плакать вовсе не о чем. Истинные шеры не умирают насовсем, и мама говорит, что они с папой будут вместе. Вот только им с Каем опять придется остаться одним. Совсем одним. Без надежды на чудо.

— Я тоже не хочу оставлять вас, Шу. Больше всего на свете я хотела бы вернуться к тебе, к Каю и Тео и прожить с вами еще хотя бы сотню лет, поддержать на руках ваших детей. Но это не в моих силах.

— Но ты могла бы... я могла бы... ты же сейчас живая и настоящая! Если бы папа увидел тебя такой, он бы...

— Умер от потрясения. — Мама приложила пальцы к губам Шу. — Призракам не место в живом мире, а я уже умерла.

— Почему? Тебя тоже убили? Кто?..

— Так получилось, Шу. Меня не убивали, я не знаю, почему умерла. Наверное, знает Светлейший, только я не хочу его спрашивать. И ты не спрашивай, не надо. Лучше держись от него подальше и решай за себя сама. Ты сильная, ты очень сильная, моя девочка. Ты справишься. Со своим Источником ты сможешь послать к Мертвому и Конвент, и императора. А я... я всегда буду с тобой. Вот тут.

Мама приложила ладонь к груди Шу, и ей стало опять тепло и спокойно. Несмотря на слезы. Несмотря ни на что. Потому что мама любит ее. Даже уйдя, мама все равно любит ее.

— Спи, моя маленькая, спи. Пусть тебе приснятся светлые сны, — услышала она сквозь шум прибоя, и волны понесли ее куда-то в наполненную светом и покоем бирюзовую глубину.

Глава 12. Дела гильдейские

22-й день холодных вод, Суард, Себастьяно бие Морелле, Стриж.

Отчет об игре в сову и мышь Наставник выслушал без особого интереса, чему Стриж очень порадовался. Говорить ему о Хиссе было нельзя, Хисс же сказал: «Это наша маленькая тайна». Не говорить тоже нельзя, полная откровенность с наставником — первое правило обучения в гильдии. Но все обошлось.

— Хорошо. Я не сомневался, что ты справишься, — кивнул наставник, едва дослушав до того, как Стриж прятался в подвалах Винодельческого союза. — У меня есть для тебя приятная новость. Я нашел для тебя нового учителя.

— Да, наставник. — Как и положено, Стриж склонил голову, но на самом деле он недоумевал. Какой такой новый учитель? Зачем? Не может быть, чтобы наставник разлучил их с Шорохом!

— Маэстро Клайво берет тебя в ученики, — ответил наставник на невысказанный вопрос. — Если справишься, станешь его наследником.

— Сам маэстро Клайво?

Стриж едва не подпрыгнул на стуле от радости: знаменитый музыкант и лучший в Суарде мастер музыкальных инструментов берет его в ученики! Перед витриной его лавки близ площади Ста Фонтанов Стриж мог стоять часами, разглядывая гитары, скрипки и мандолины. Особенно гитары!

Спасибо тебе, Хисс! Спасибо! Быть Рукой твоей и не расставаться с музыкой — что может быть лучше!

— После праздника Каштанового цвета пойдешь знакомиться.

Стриж едва не ляпнул: почему не сейчас же? Он готов бежать, нет, лететь к маэстро!

— ...жить у него. Маэстро нужен помощник, от него только что ушел ученик, его пригласили в Метрополию...

Слушая наставника, Стриж прикидывал: если их с Шорохом тренировки останутся в прежнем режиме, и уроки зелий у королевского аптекаря, дру Альгафа, и помощь самому наставнику с его конторой перевозок... Когда ж он все успеет?

— С конторой «Морелле и сыновья» придется справляться Шороху, — не дожидаясь вопроса, пояснил наставник. — Для тебя карьера менестреля — лучший вариант. Не нужно объяснять почему?

Стриж покачал головой. Конечно же не нужно! Для менестреля соломенная шевелюра и синие глаза — мелочь, некоторые красят волосы зеленым и красным, лишь бы привлечь внимание публики. К тому же прекрасный выбор между невидимостью лакея и выпендрежем «гениального» артиста, все равно самого Стрижа не заметят, заметят лишь маску. Ну и наставник прекрасно знал, чем занимается его ученик в Королевском лесу. Наверняка и бывал там, когда Стриж играл. А что Стриж его не заметил — совершенно естественно. Еще не хватало, чтобы кто-то замечал Мастера Ткача, когда Мастер Ткач этого не желает.

Спасибо, спасибо тебе, Хисс!

На мгновение Стрижа окутала прохладная, ласковая тьма — словно мягкой лапой погладила.

— И забудь шалости по карманам, — строго велел наставник. — Ты артист, а не воришка. Привыкай жить честно.

Стриж снова кивнул. Честно, как Мастер Ткач, добропорядочный до зевоты владелец конторы дальних перевозок. «Морелле и сыновья. Ваш груз — наша безопасность. Умеренные расценки, гарантия», — такая надпись красовалась над окованной бронзой дубовой дверью дома номер девять по улице Серебряного Ландыша.

Ничего общего с развалюхой под облупленной вывеской, ничего общего с одноруким гробовщиком Махшуром — как ничего общего между утопающей в зелени улицей ювелиров и пыльным тупиком убийц и воров. И, разумеется, ничего общего между честным караванщиком и зловещей гильдией: почти никто из трехсот ее членов не знал собственного главу в лицо. Многие вообще были уверены, что теневой гильдией заправляет Махшур, потому что именно он общался со старшинами цеха контрабандистов, цеха карманников, цеха домушников и прочими шулерами и сутенерами. А те

немногие, кто видел Мастера Ткача в лицо, предпочитали забыть его и не вспоминать даже во сне, чтобы спалось крепче.

Про обычных людей и говорить нечего, Хисс заботился о безопасности своих слуг: все, что могло бы хоть как-то связать их с гильдией, мгновенно стиралось из людской памяти, все доказательства, собранные магистратом и Магбезопасностью, терялись, чернила в записях испарялись.

К честной жизни Стриж в общем и целом был готов. Почему бы и нет? Того, что наставник платит за мелкие заказы, ему хватит, а из шалостей он уже вырос.

После беседы с наставником Стриж отправился в сад. День после игры был законным выходным для всех подмастерьев, и вместо обычных тренировок или же беготни по городу с поручениями все «семейство» Морелле собралось под гранатами и абрикосами — обсудить новости.

Новостей было много: наставник пристроил не только Стрижа, но и добрую половину учеников. Так что подмастерья оживленно переговаривались, а Стриж, лениво прислонившись к старому абрикосу, разглядывал их из-под полуприкрытых век и заново оценивал.

Вот Угорь — выглядит старше своих восемнадцати. Тонкий, острый, красивый и ядовитый. Нравится женщинам, детям и собакам, прирожденный вожак — такому бы командовать полком, затевать заговоры против короны и славиться первым дуэлянтом. Со шпагой против него сам граф Сильво, — что в народе ласково зовется Шампуром, — слепой котенок. Самая опасная тварь среди подмастерьев. И эту опасную тварь наставник отправил служить в магистрат писарем. Насмешка над шерской заносчивостью? Или урок смирения? Или же — возможность сделать полезную для гильдии карьеру? Что ж, поглядим для начала, как Угорь пройдет испытания.

Рядом с Угрем по обыкновению устроился Ласка. Что повадками, что внешностью — кузнец кузнецом. Здоровенный, румяный, громогласный и беспардонный семнадцатилетний детина. Открытое дружелюбное лицо, такому даже ростовщик поверит без залога. Только в глазах иногда проскальзывает что-то хитрое, кунье. И походка не кузнецовая — мягкая, неслышная, словно ласка крадется к пичуге. Ловкий, хваткий, но перестраивается медленно, слишком тяжел: кувалда, а не шпага. Никого не удивило, что Ласку наставник оставил при конторе «Морелле и сыновья» — работники уважают его за рост и силу, клиенты доверяют.

Чуть в стороне поигрывал старой подковой Волчок. Кудрявый живчик, руки быстрые, глаза острые, морда наивная. В карты и кости с ним играть — что торговаться с Хиссом: сам не заметишь, как на шее окажется рабская железка. Зато бедняку подаст и поплачет над увечным котенком. Всегда при нем пара-тройка ножей и отравленный гвоздь, и коробочка зурьего табака, и хмирские звездочки, и шис знает что еще. Все смертельно опасное, и арсеналом пакостей Волчок владеет в совершенстве. Его наставник предсказуемо отправил работать на ипподром — то ли помощником букмекера, то ли конюшни чистить.

Наособицу держался и Простак, этаким обычным пятнадцатилетний подросток из мелких лавочников. Простак и есть простак. Пока не увидишь, как работает клинком и вмиг растворяется в любой толпе, не поймешь, зачем наставник взял ленивого оболтуса. Ему бы только шататься по бабам и валяться в тенечке с ягодным шербетом, а то еще рыться в махшуровых дебетах-кредитах, словно вместо цифр там непристойные картинки. Вот только драться с ним непросто: непредсказуем, как медведь, и так же силен. Собственно, от махшуровых дебетов-кредитов его никуда и не отрывали. Как был при гробовщике помощником, так и остался.

А вот Игла жался к Угрю и Ласке — даром что те его привычно не замечали. Иглу можно было бы принять за младшего брата Угря, если б не пегая, словно пыльная, масть и заискивающая, какая-то лакейская манера. Самый младший, еще нет четырнадцати. А на вид — едва дашь двенадцать. Худой, гибкий, тонкие черты, и взгляд, как иглой, насквозь протыкает. И любимое оружие — духовая трубка с иглами. С десяти шагов попадает в летящую муху. Но в ближнем бою слаб, и что намного хуже — навесить ему тины на уши проще простого.

Центром всей компании, как всегда, был Шорох. Хотя он и почти не участвовал в общем трепе, и был вроде как сам по себе, а все равно остальные подмастерья на него оглядывались. И правильно. Шорох — умный, как дракон, такой же сильный и опасный. Равно просто убивает любым оружием или без него. Предпочитает парные клинки: одинаково хорошо владеет обеими руками. Усмирит толпу пьяных матросов несколькими словами, рассмешит гробовщика Махшура и уговорит петуха яйца нести. Единственный, к кому не страшно повернуться спиной. Брат.

И будущий Мастер Ткач, тут и к Шельме не ходи.

Стриж улыбнулся: вот ему повезло! Не будь Шороха, давно бы сбежал из гильдии, и плевать, кто там кому принадлежит: не его это, воровать и убивать. Вот Ласка, Угорь и прочие — им наука

ткачей в охотку. Не зря же так довольны: сегодня урожайный день на заказы.

— Чему лыбишься? — заметил его улыбку Ласка. — Ученик менестреля! А почему не портного, а? Или шляпника? Хотя нет, самое тебе место — в борделе. Вот где тебя точно примут за своего!

— Да уж, бедняга. Старался, стелился, и все зря — выпнули тебя с теплого местечка, — поддержал Ласку Простак. — Ну ничего, сделаешь жалостливую морду, авось не пришибут, а то и пива нальют убогому. Мене-естрель!

Пятеро парней дружно заржали, а Шорох показательно зевнул.

— Ничего вы не понимаете! — голосом базарного зазывалы встрял Игла. — Перед вами, почтенные, сам великий бард Заткни Уши Беги Вон! Всего одно выступление, и в вашем заведении не останется ни одного клопа, все сдохнут от счастья!

Стриж сунул в зубы травинку и поднял взгляд на чирикающих в кроне жаворонков. К насмешкам он давно привык, отвечать ленился, а доказывать что-то с помощью драки — глупо. Пусть базарная шелупонь объясняется кулаками. Его много больше заботило, что Шорох молчал. Не на тему насмешек — плевать на них. А о заказе, который ему дал наставник. Ему одному, без Стрижа.

Ласка тем временем продолжал:

— Ну а что? Наш великий бард отлично заработает на разгоне публики. И вышибалы не надо! Затренькал — и все сбежали.

К разочарованию подмастерьев, сегодня Стриж не реагировал вообще. Ему уже представлялось, как в руки ляжет гитара — теплая, ласковая, отзывчивая. Вот бы забыть о встрече с Темным Хиссом, о гильдии Ткачей и носить желтый берет Барда!.. Детские мечты, недостойные Руки Хисса, конечно... Но и так все складывалось отлично. Быть менестрелем уж точно лучше, чем всю жизнь возить грузы туда-сюда, как Шороху; возиться с пыльными бумагами в магистрате, как Угрю, или шариться при ипподроме, как Волчку.

Ласке надоело подкалывать Стрижа, и он занялся вторым любимым делом: хвастовством. Угорь же, которому тоже достался заказ, по обыкновению, помалкивал.

— ...заплатит нам с Угрем по два империала! — Ласка победительно оглядел младших.

Те впечатлились и уважительно притихли.

— Шорох, Волчок! — кивнул Ласка старшим подмастерьям. — Обмоем? Завалимся в заведение к Люсии, у нее новые девочки!

— К Люсии? Без нас? — обиделся Игла.

— А не мелковаты? — презрительно поднял бровь Угорь, но тут же снисходительно разрешил: — Ладно, можете пойти с нами.

— Спасибо за приглашение, — ровно сказал Шорох, — но завтра не могу. Дела.

Угорь привычно закаменел — всего на мгновение, да и по его холодной презрительной морде этого почти не было заметно. А остальные подмастерья с любопытством уставились на Шороха, но он молчал.

— Да что это я. — Ласка прищурился. — Зачем тебе девочки Люсии, тебе менестрель даром даст. Кра-асотка!

— Мне больше по вкусу черноглазые мила-ашки, — протянул Шорох и, вскочив на ноги, шагнул к Ласке. — Вроде тебя.

— Фу-ты ну-ты, какие мы важные, уже и шуток не понимаем. — Ласка мягко отступил, не отрывая взгляда от противника.

— Эй, важная особа! Смотри, менестрель заревнует, — встрял Волчок и тут же схватился за ухо: невесть откуда прилетевший камешек рассек мочку, и между пальцев побежала кровь.

Волчок вскочил, Угорь и Простак — тоже, один Игла остался сидеть под абрикосом. Игла и еще Стриж. Нападать удобнее, когда никто не обращает на тебя внимания.

— Фу, сидеть, — раздался тихий приказ.

Подмастерья как один вздрогнули и обернулись. Прислонясь плечом к стволу граната, Седой Барсук насмешливо разглядывал их, словно проказливых щенков.

— Шорох, за мной, — бросил он и, повернувшись спиной к подмастерьям, пошел в дом.

— Не передумай до завтра, мила-ашка, — подмигнул Шорох Ласке и последовал за Седым.

Стриж остался в одиночестве под злыми взглядами подмастерьев. Он был уверен: будь он не дома, все пятеро волчат уже набросились бы на него, и плевать, что потом наставник с них шкуры спустит. Стриж даже догадывался почему. Хисс по-прежнему был где-то рядом. Конечно же, не сам Хисс, а кроха его внимания, но и ее волчатам было достаточно, чтобы беситься.

— Бедняжку бросили. — Ласка шагнул к Стрижу. — Иди позабавимся, малышка.

«Поиграем?» — в шепоте Тени предвкушение смешалось с насмешкой.

— Обойдешься, — ответил Стриж и отвернулся: не хотелось, чтобы кто-то увидел в его глазах ту же тьму, что клубилась вокруг наставника и Седого Барсука.

— Ой, без папочки девочка боится! — не отставал Ласка.

— Плохо ухаживаешь, — протянул Волчок. — Нежнее надо, нежнее.

«Была румяна и бела веселая вдова...» — Фривольная песенка помогала Стрижу не слушать уговоры Тени: «Поиграем!»

Но надежда, что удастся увильнуть от драки, таяла: волчата чуяли в нем опасность и не могли успокоиться.

— Не тушуйся, малышка. — Даже Угорь, слишком благородный для простых забав и слишком продуманный для неповиновения наставнику, не удержался в стороне. — Или ты без папочки ничего не...

— Обедать, Хиссовы дети! — Сердитый голос Фаины прозвучал для Стрижа слаще полуденных колоколов Райны. — Паэлья стынет!

Последнюю реплику Ласки на тему кто к кому придет ночью Стриж встретил светлой улыбкой и подмигнул: давай, мол, приходи один на сеновал. А там разберемся, кто кого и каким раком.

Через час после обеда Стриж с Шорохом, свесив ноги с полуразрушенного пирса, сидели в самой подозрительной части порта. Сюда, к заброшенным причалам, почти не доносился гомон доков. Баржи утюжили легкую рябь, сновали рыбацкие лодки, лебедем проплывала торговая шхуна.

— И после праздника, говорит, пойдешь знакомиться с маэстро, — делился Стриж. — Нет, ты представляешь? Хоть словом бы обмолвился!

Он готов был обсуждать с братом что угодно, кроме чуть не случившейся драки.

— Как всегда. — Шорох пожал плечами. — Угрю так же: с этого дня ты ученик писаря, выживешь на испытаниях, станешь уважаемым чиновником. А у тебя отличное прикрытие. Ты ж хотел учиться музыке, вот и учишься.

— А, так это ты подсказал.

— Скажем, намекнул.

Братья замолчали. Тишину нарушал лишь плеск волн и крики чаек. Стриж пускал плоские камешки по ленивым волнам Вали-Эр, Шорох думал о своем и смотрел на воду.

— Не нравится мне предприятие с Седым, — поморщился он через несколько минут. — Зачем ему помощник?

— Ты идешь с ним?

— Ну да. Завтра, перед закрытием банка, — в голосе Шороха прозвучало отвращение.

— Я пойду с тобой, — запустив оставшиеся в горсти камешки подальше в реку, заявил Стриж.

— Наставник шкуру снимет, причем с нас обоих.

— Плевать. Шкурой больше, шкурой меньше. — Хмыкнув, Стриж растянулся на горячих досках и прикрыл глаза. Помолчал немного, подождал, пока брат устоится рядом. — Давай выкладывай ваш план.

— План, да. Под личиной курьера я иду в банк с письмом. Требую лично дру Милля, отдать под расписку. Дальше надо исчезнуть. Желательно прежде, чем он откроет конверт.

— А тем временем Седой добывает из кабинета статуэтку. Просто и логично, — протянул Стриж. — Ты думаешь, подстава?

— Седой бы не посмел вот так внаглую. Но что-то мне не по себе. Если что, гномы церемониться не будут.

— Личина на амулете?

— Разумеется. Заказчик выдал.

— Покажи.

Шорох стянул с шеи кожаный кисет, расшитый рунами. Стриж, повертев амулет в руках и обнюхав, сунул его за пазуху.

— Давай-ка под личиной я пойду. А ты подстрахуешь.

— Еще чего! — Шорох сел, сердито уставился на брата. Потянул руку. — Отдай. Еще ты за меня шкурой не рисковал!

— Ну... я не так чтобы рискую... — Стриж мысленно попросил у Хисса прощения: маленькой тайне не суждено долго оставаться тайной. — Если что, я справлюсь.

Вместо объяснений Стриж коснулся Тени. И внезапно понял, что это вовсе не так уж и страшно. Почти совсем не страшно.

— Вот, значит, как, — протянул Шорох, оглядел Стрижа, словно коня на торгах, и рассмеялся, откинувшись на доски: — Менестрель, шисов ты дысс!

Стриж облегченно рассмеялся вместе с ним. Быть Рукой Хисса, когда брат рядом, не так уж плохо.

Глава 13. Земляничная корона

...как-то увидели Двоединые, что Оранжевый дракон не играет со всеми, а проводит дни и ночи один, в самых высоких горах, и вокруг него суетятся мелкие существа, похожие на людей. При явлении Двоединых существа испугались и спрятались в пещеры. — Кто это, сын наш? — спросили Двоединые. — Мой народ, — отвечал Оранжевый. — Я сотворил их из крепкого базальта, поселил в горных недрах, научил рунам силы и назвал гномами. Мой народ добывает металлы и самоцветы и создает из них прекрасные цветы, что никогда не вянут.

23-й день холодных вод, Суард, Себастьяно бие Морелле, Стриж.

К банку шли порознь. Шорох оделся в парусиновые широкие штаны с белой рубашкой и немного поработал с лицом. С приклеенными усиками и морским красным загаром — настойка волчьего ореха, втертая в кожу — он стал вылитым юнгой с торговой посудыны. Стриж воспользовался амулетом: из него получился смуглый мальчишка-посыльный лет так двенадцати.

Где сам Седой Барсук, видит ли помощника, братья не знали, потому разделились за три квартала до банка. Строго за полчаса до закрытия Стриж подошел к массивным створкам в полтора человеческих роста. На него внимательно смотрели два дракона: инкрустация пластинами черного и оранжевого обсидиана. Едва Стриж приблизился, по сложной резьбе пробежало мерцание, и повеяло любопытством. Ничего опасного руны не обнаружили — и двери с тихим мелодичным звуком распахнулись.

Уверенно шагая по ониковым плиткам к дальней конторке, Стриж осматривался. Он всего трижды бывал здесь и каждый раз удивлялся: публичная приемная производила впечатление не то пещеры, не то полкой друзы горного хрусталя. Узкие витражные окна словно сияли пламенем горных недр. Прожилки в каменных стенах сплетались в картины: то гномы у кузнечного горна, то странные обряды, то голодные морды виверр и горгулий, то стражи Яшмового Трона с церемониальными кайлами. И вся эта игра теней и прожилок мягко мерцала. Стриж ощущал спрятанные в орнаменте руны и связи меж ними как пульсацию крови в живом камне. Временами он боковым зрением улавливал разноцветное сияние: нити уходили в глубину стен и дальше, до крыши и подвалов. Казалось, можно пощупать их, переплести заново. Но Стриж знал, что стоит их только тронуть излишне пристальным вниманием, и нити сплетутся в сеть.

Четыре года назад, первый раз зайдя по поручению Махшура в банк, Стриж не понял, что же ему такое кажется. Спросить наставника он побоялся — ни о чем подобном тот никогда не говорил. Признаться, что мерещится всякая ерунда? Тем более что ни показать, ни объяснить толком, что же он чувствует, Стриж не мог. Зато выпросил дру Ульриха.

Тот охотно рассказал, что над охраной банка работали знатоки рунной науки. За несколько лет, что строилось здание, рунмастера сплели надежный кокон, сквозь который не сможет проникнуть ни истинный шер, ни Рука Хисса. И совершенно нормально, что Стриж что-то такое чувствует, это предупреждение: не лезть в хранилища гномов, если жизнь дорога.

Стриж и не собирался. До сегодняшнего дня. Но не мог же он пустить брата одного!

Сегодня нити светились ярче. Чтобы их заметить, не приходилось прикрывать глаза. Достаточно было лишь чуть сосредоточиться.

— Заказная бандероль дру Миллю, — подойдя к конторке, тихо произнес Стриж в склоненную над бумагами форменную круглую шапочку.

Деловитый гном с заплетенной в три косицы русой бородой поднял голову, оглядел Стрижа сверху вниз и обратно.

— Распишитесь здесь, — велел гном и выложил раскрытую посередине толстую разграфленную тетрадь.

Стриж поставил в тетради закорючку и протянул конверт.

— Отдайте дру Миллю сейчас, это очень срочное письмо, — попросил Стриж.

Конечно, Седой велел отдать лично в руки и тут же сматываться, но что-то Стрижу не хотелось углубляться в банковские закоулки. Да и отсюда сматываться намного удобнее.

— Срочное? Хорошо. Сейчас, — еще раз оглядев Стрижа, ответил гном и позвонил в колокольчик.

Тут же из-за прикрытой миртами в кадках двери появились двое охранников.

— Проводите достопочтенного к дру Миллю, срочная корреспонденция, — распорядился служащий и вернулся к своим бумагам.

— Сюда, достопочтенный, — велел один из охранников, отворяя перед Стрижом дверь.

И ведь не откажешься! Сразу поймут, что здесь что-то не так, и ни за что не понесут письмо Миллю. А значит — Стриж провалит задание, которое должен был выполнить Шорох. Шис. Как-то все неудачно пошло.

Стриж понял, что влип всерьез, едва за ним и двумя гномами захлопнулась первая дверь. С сытым таким чавком. И что он, дурак такой, не подумал, как будет ее открывать? Он даже оглянулся, отчаянно желая, чтобы чавк ему померещился!

Но нет. Дверь словно проросла в стены такими же хищно мерцающими нитями рунной защиты, а мантикорья морда вместо дверной ручки ехидно скалилась. И как Стриж теперь будет отсюда выбираться?

— Идите, достопочтенный, — подбодрил его один из гномов-сопровождающих.

Ничего не оставалось, только идти дальше, как и положено нормальному посыльному. Идти, думать и смотреть во все глаза. Чем-то же гномы открывают свои заколдованные двери, и это что-то ему надо будет спереть. Дел-то.

Идущий впереди гном остановился перед еще одной дверью и коснулся оскаленной морды мантикора, заменяющей двери ручку. Раздался мелодичный звук, и створка раскрылась.

Ни ключа, ни амулета. Двери что, узнают своих по запаху? Проклятье!

— Ух ты, прям как живая, — сделав морду наивного простака, восхитился Стриж. — Это что, магия? А она не укусит?

Гном хмуро обернулся к нему, но, встретив полный детского восторга взгляд, вдруг улыбнулся.

— Руны, малыш, — сказал он. — Не вздумай совать руки, откусит.

— Но вас же не кусает... Ух, она скалится!

Гном только покачал головой, дивясь идиотизму людей, и показал Стрижу правую руку в перчатке, расшитой рунами и пронизанной такими же нитями, как все вокруг.

— Я же сказал, руны.

Решив первую загадку, Стриж чуть-чуть успокоился. Рунные перчатки, значит. Что ж, добыть перчатку — совсем просто. Свернуть шеи обоим гномам, забрать перчатку, нырнуть в Тень — и пока охрана не опомнилась, бежать!

Вот только следующая дверь уже открылась, и за этой дверью была лестница и еще пара вооруженных до зубов коротышек. А главное, охранные нити еще плотнее. И кто поручится, что если убить этих четверых, не поднимется тревога?

Шис! Вот кого точно стоит убить, так это Седого Барсука!

А пока — не паниковать. Он выберется. И не станет убивать гномов. Они не виноваты, что Седой — не барсук, а шакал.

Не паниковать и никого не убивать с каждым шагом становилось все сложнее. Тени манили обманчивой безопасностью и вседозволенностью. А насмешливые взгляды вооруженных до зубов коротышек, оставшихся внизу, жгли затылок.

Еще одна дверь, с лестницы в коридор, сыто лязгнула, захлопнулась за Стрижом и двумя его сопровождающими. Здесь охранников уже не было, но мерзкое ощущение взгляда в спину никуда не делось. Наоборот. С каждым шагом по застеленному ковром коридору страх нарастал. Вместе с уверенностью: стоит шагнуть за порог кабинета Милля, обратно не выйти. А до двери с золотой табличкой совсем близко...

И что там такое в конверте — Стриж тоже не знает. Седой обещался, что какая-то пакость, которая отвлечет дру Милля и банковскую охрану, но веры Седому у Стрижа как-то поубавилось.

Нет уж. Пора сматываться!

— А! Гвоздь! — подскочив на месте, возмущенно заорал Стриж и запрыгал на одной ноге, схватившись за другую и морщась.

Оба охранника вздрогнули и развернулись к нему, наставив обнаженные клинки.

С видом несправедливо обиженного дитяти Стриж повторил:

— У вас тут гвозди на полу!

И едва гномы опустили взгляды, сорвал с шеи амулет с личиной и шваркнул об пол. Разбившись, амулет вспыхнул, выпустил облако красного едкого дыма и затрещал. Охранники, даже ничего толком не видя в дыму, загородили дорогу к лестнице, но Стриж бросился в противоположную сторону: мимо кабинета Милля, к еще одной двери... Нет, не к двери. В Тень, нетерпеливо его ждущую.

Через долгий-долгий миг оба охранника протопали мимо и уперлись в запертую дверь. В бесцветном тягучем мире нарисованные фигурки ковыляли так медленно! Пока гномы обнюхивали углы тупика и чесали бороды, Стриж обследовал двери. Все семь, от той, что вела обратно на лестницу, до двери в кабинет Милля. Но без ключа к ним не стоило и соваться: ожившие в Тени мантикорьи морды скалились и ухмылялись, обещая откусить наглецу все, до чего дотянутся.

Он уже почти решился пожертвовать охранниками: хотелось посмотреть, будет ли гномья кровь такой же серой и нарисованной, как сами коротышки? Шипящие призрачные голоса подсказывали: «Попробуй, вкусно! Хисс ждет — служи Хиссу...»

Но тут охранники наконец-то догадались включить тревогу. Впрочем, это для Стрижа было «наконец-то», для гномов прошло не больше пятнадцати секунд. Как именно они дали тревогу, Стриж не увидел, только результат: светящиеся кристаллы на потолке поменяли цвет на красный, замигали, и по банку растекся низкий гул.

Стриж замер в ожидании: ну, хоть какая-то дверь сейчас откроется? Не может быть, чтобы гномы были совершенно нелюбопытны!

Двери самом деле открылись, три из семи. Ближайшая — в кабинет дру Милля. А сам он выглянул в коридор.

— Что за бегемотьи скачки?

Сердитый голос начальства заставил коротышек подпрыгнуть.

— Подозрительный человек, дру Милль!

— Где?

Пока глава банка, топорща рыжую бороду, распекал охрану и распоряжался выключить тревогу и позвать начальника службы безопасности банка, Стриж шмыгнул в его кабинет. Он сам не понял, как удалось просочиться в ничтожную щель. Видимо, помог страх перед «огненной росмахой» — об этом гномьем изобретении, позволяющем обнаружить даже мага в чарах невидимости, он тоже был наслышан от Ульриха.

Первым, что попало Стрижу на глаза, был письменный стол у окна. Вторым — живой оранжевый дракончик, возлежащий на столе. Подняв голову, дракончик с любопытством глядел на гостя. От неожиданности Стриж чуть не выпал обратно в реальность. Но тут же мысленно дал себе по лбу: пора бы понять, что гномьи творения только кажутся живыми.

Третьим, на что Стриж обратил внимание, был книжный шкаф в его рост высотой, глубокий и широкий. Как раз чтобы залезть наверх и подумать, как выбираться из западни.

Не тратя времени зря, Стриж запрыгнул на шкаф и почти вышел из Тени. От взглядов гномов его прикрывал лишь легкий полог — оказалось, что управляться с Тенью на диво просто. И уже сверху Стриж принялся разглядывать кабинет. Шкафы, бумаги и прочее его не интересовало. Дверей, кроме входной, не было. Окно... окну он уделил самое пристальное внимание. Но тщетно: острые нити охранных рун выглядели много надежнее фигурной решетки.

Западня. Настоящая западня. Какого шиса он вообще ввязался в это гнилое дело!

Поймав трусливую мыслишку за хвост, Стриж медленно выдохнул и обозвал себя скотиной.

Хорош брат! Стриж-то сидит на шкафу и уж как-нибудь найдет способ выбраться. Не сегодня так завтра. А если бы пошел Шорох? Если бы его поймали или вообще убили?! Шис. А ведь он услышал тревогу и понял, что со Стрижом что-то не то! И наверняка попрется помогать — не зная ничего о внутренних помещениях банка, о банковской системе безопасности, да вообще ничего! Он же

попадется на первом же шаге! Шисов дысс этот Седой! Во что он их втравил!..

Ага. Втравил. Их. А сам где?

По плану сам Седой должен был явиться сюда, в кабинет Милля, и унести дракончика, как только поднимется суматоха. Идиотский план. Но главное — суматоха есть, дракончик есть, Седого нет!

И очень подозрительно поведение клерка. Задним умом, но ведь не должен он был пихать постороннего мальчишку в служебные помещения банка! Наверняка Седой испортил личину, вот гном и догадался, что Стриж — не обычный посыльный. Был же странноватый запах, словно паленой шерсти. Ну, точно. Простой план, как убрать сына Мастера!

Дальнейшие мысли Стриж думал на зуржьем языке, и были они так же кровожадны, как зуржьи древние обычаи. И сводились по большей части к способам убийства Седого. От подсказок Тени: «Зурги бы съели!» — Стриж отмахивался.

Ответный план подсказал дракончик, совершенно не желающий быть просто статуэткой. А чем он был на самом деле, Стриж даже задумываться не хотел. Ему хватало того, что дракончик был опаснее всех гномьих рун, вместе взятых — это Стриж чуял всей шкурой.

«Тронешь меня, воришка, убью, — промурлыкал дракончик, которому было плевать, что Стриж прячется в Тени. Он и сам был в Тени. Кажется, одновременно с реальностью. — Любого чужака, замыслившего дурное, убью».

«Убьешь Седого Барсука? Это он все придумал!» — злорадно сдал шисова сына Стриж.

«И Седого Барсука. И тебя. Всех вас убью. Давай иди сюда!»

«А тут достанешь?»

«Поближе иди, поближе. Мне лень тянуться!»

«А мне лень слезать. Давай так познакомимся. Что ты вообще такое?»

«Сам ты что!» — фыркнул дракончик и отвернулся.

Чувствуя, что сходит с ума, Стриж разглядывал дракончика и ждал. Скоро банк закроется, дру Милль пойдет домой. Значит, можно будет выйти с ним вместе. Только как бы еще прихватить трепливую ящерницу?

Как назло, время под прикрытием Тени ползло невероятно медленно. Гном за столом едва шевелился, а упавший лист бумаги планировал на пол чуть не час. К тому же Стрижа одолевал голод — очень странный голод. Его совершенно не привлекали мысли о еде, но сам гном казался таким теплым и вкусным...

Стриж перебрал все зуржьи ругательства и начал вспоминать хмирские, когда случилось чудо. По магическим нитям в стенах пробежала дрожь, комната наполнилась басовой вибрацией. Дру Милль вскочил — то есть очень медленно оторвал зад от стула и очень медленно заковылял к двери, забыв на столе перчатки, такие же, как у охранников. Дверь очень медленно раскрылась перед гномом, пропуская невнятный сумбур голосов...

Стриж уже не пытался понять, что там говорят охранники. Он чуял свой шанс на спасение!

Серый мир остановился и ждал, пока Стриж спрыгивал, натягивал перчатки и срывал с себя рубашку. Нарисованные коротышки не успели вздохнуть, как Стриж ухватил дракончика, завернул в плотную ткань и понесся к выходу.

«Эй, ты кто? Ты куда меня несешь?» — Дракончик медленно и неубедительно извивался, пытаясь вырваться. Но, похоже, погрузиться в Тень так же глубоко, как Стриж, не мог. К счастью.

«На новое место несу. Я твой хозяин», — отвечал Стриж.

«Неправда! Ты другой», — спорил дракончик.

«Тот, тот», — отбрехивался на бегу Стриж, удерживая статуэтку подальше от себя. Медленно или нет, а если укусит — мало не покажется.

«А сними перчатки, проверим, тот или не тот?»

Стриж уже проскочил между замерших охранников, миновал послушно отворившуюся под

перчаткой хозяина дверь (кажется, она так ударилась о стену, что весь банк вздрогнул) и вторую дверь внизу лестницы...

«Скоро проверишь, кто тебе тот, а кто не тот», — пообещал он дракончику, выскочив в общий зал. И чуть не рассмеялся: словно стоя чашка, в воздухе зависли бумаги. Встрепанные, растерянные гномы и люди плавно взлетали и опускались в попытках их поймать. Под потолком клубился дым. А у самых дверей в служебные помещения Стриж обнаружил ряженого морячка — тот намеревался под шумок проникнуть в банк и поискать брата.

Не замедляя бега, Стриж дернул Шороха к себе, в Тень, и потащил прочь. Только удалившись на полквартала и нырнув в чей-то сад, он остановился и отпустил брата.

— Шис тебя!.. — начал побледневший Шорох, едва вывалившись в нормальный мир.

— Чшш! — зашипел Стриж и бросил на землю сверток с дракончиком. — Не трогай, если шкура дорога. А где Седой Барсук?

— Что случилось? — Шорох судорожно пытался сориентироваться. — Что это?

— Это каменная ящерица, ничего не случилось. Нужно отдать Седому. Тихо!

Прижав палец к губам, Стриж прислушался. Пока они бежали от банка, показалось, что в сером киселе мелькнуло что-то...

— Так. Значит, новая Рука Хисса? — Из тени каменного забора вышел Седой Барсук. — Поздравляю, коллега.

От его голоса Стриж вздрогнул: слишком похож на те голоса, в Ургаше.

«Воришка, убью!» — прошипел дракончик, явно принюхиваясь к Седому.

«Воришка, убей», — мысленно согласился с ним Стриж, почему-то уверенный, что дракончик сейчас его слышит.

А Седому ответил вслух:

— Кто новая Рука? Я никого больше не видел. А план пришлось поменять. Вот предмет.

Он кивнул на притихший сверток с артефактом. Но Седой покачал головой.

— Перчатки, — приказал Седой, не приближаясь к свертку.

Стриж с безразличным видом стянул рунные перчатки и кинул Седому. Досадно, что не удалось отдать должок той же монетой, но если не вышло сейчас — выйдет в другой раз. С процентами.

Шорох переводил настороженный взгляд с одного на другого, но не вмешивался. Стриж видел, что брат готов в любой момент броситься в драку: от Седого несло смертью, словно из пасти гуля. Только когда Седой растворился в Тени, держа дракончика подальше от себя, и запах опасности развеялся, брат чуть расслабился.

— И что это было? — вполголоса спросил он.

— Большие неприятности, — так же тихо ответил Стриж. — Он знал, что артефакт опасен. Знал, что мы идем вместе. Шис.

— Похоже, мне крупно повезло, — усмехнулся Шорох и тут же велел: — Домой, быстро. Успеем, пока Седой занят артефактом, — наше счастье.

Стриж кивнул и первым перепрыгнул через забор. Шорох последовал за ним, и они помчались к улице Серебряного Ландыша. Стрижу хотелось надеяться, что Седой не рискнет убивать их своими руками, но после того, как западня не сработала, все может стать.

— Ладно. Придется рассказать наставнику, да? — Стриж не ожидал ответа: и так было ясно, что самим им не выкрутятся.

— Во время игры в сову и мышь, значит? Рассказывай.

— Да. Хисс позвал...

Стриж коротко, на ходу, рассказал брату о договоре и сегодняшней стычке. При этом он не забывал прислушиваться к каждому звуку и ежеминутно касаться Тени, проверяя, нет ли поблизости Седого или Угря со товарищи. Он бы не удивился сейчас ни брошенному в спину ножу, ни арбалетному

болту, ни камню с крыши. Похоже, Хиссу надоело ждать, и он устроил им с братом испытания на полтора года раньше срока.

— Шисов дысс. Надо было убить Волчка.

— Надо, — согласился Стриж. — Что делать будем?

— Что Наставник скажет, то и будем.

До улицы Серебряного Ландыша они, против ожидания, добрались спокойно. Никто их не подстерегал, не плевался отравленными иглами, не науськивал патруль.

Суардцы мирно торговали, гуляли по освещенным жучиными фонарями улицам, употребляли чай с вечерними газетами на открытых террасах ресторанов и бросали монетки в берет уличного скрипача. Единственным, кто проявил внимание к двум спешащим по своим делам юношам, был бродячий проповедник.

У подножия статуи Эстебано Первого собралась целая толпа: святоша в потрепанном белом балахоне вещал усталым после рабочего дня ремесленникам и лавочникам о наступающей Тьме, проснувшемся Мертвом боге и забытых заветах предков. Горожане принимали деятельное участие в проповеди: то переиначивали его слова и смеялись, то сочувственно хлопали по спине и предлагали пива из своих кружек, то требовали вместе спеть про веселую вдову.

— ...поздно будет! Воцарится на престоле отродье Ургаша, прервется род истинных королей! — надрывно закричал проповедник, хватая дюжего кожевенника за рубаху.

Детина недовольно замычал и отпихнул мелкого святошу. Тот, не удержавшись на ногах, отлетел в сторону, прямо под ноги братьям.

— Вставайте, почтенный.

Шорох ловко подхватил проповедника под мышки, поставил на ноги и хотел идти дальше, но святоша схватил его за рукав.

— Погодите, юноши! Я вижу, Тьма еще не поселилась в ваших сердцах!

Только сейчас Стриж разглядел осунувшееся темное лицо и нездорово горящие глаза проповедника.

— Простите, почтенный, мы спешим, — ровно ответил Шорох и отцепил сухую, похожую на птичью лапу руку.

— Идите на север! Святой пророк покажет вам истинный путь к Свету! Не допустите осквернения родины отродьями Тьмы! — не унимался оборванец.

— Сумасшедший, — пробормотал Шорох, ускоряя шаг. — Да призрит его Сестра.

Он осенил лоб малым окружьем, Стриж последовал его примеру. Дурные, отдающие Хиссовым смрадом слова проповедника гудели и бились в голове, обещая продолжение неприятностей.

Мастер выслушал Шороха и Стрижа равнодушно, словно Посвящение без испытаний и ритуалов — самое обычное дело.

— Никому, никогда. Даже настоятелю Риллаху, — распорядился он. — С учениками разберетесь сами, а Седой вас не тронет.

Стрижа передернуло от обещания, сквозящего в тихом голосе наставника. Не хотел бы он быть на месте Седого, если тот попадется на горячем.

24-й день холодных вод, Суард. Рональд шер Бастерхази.

Круживший над парком вокруг особняка ястреб спикировал на ветку платана, аккуратно напротив раскрытого окна на втором этаже. А Роне откинулся в любимом кресле и закрыл глаза: от наслоения птичьего и человеческого зрения у него слишком быстро начинала кружиться голова.

— ...приятная неожиданность! — донесся из окна кабинета голос герцога Альгредо. — Дру Милль,

чем обязан?

— И зачем вам понадобился наш Дракон? — холодно осведомился гном.

Роне нахмурился, а ястреб на ветке приоткрыл один глаз.

Дру Милль врос в пол посреди кабинета, топорща переплетенную цветными лентами бороду и постукивая унизанными перстнями пальцами по рукоятке заткнутого за пояс церемониального кайла. Альгредо, одетый по вечернему времени в бархатный халат, замер напротив него, спиной к окну, в растерянности схватив себя за мочку уха.

— Ваш Дракон? — переспросил он и снова замолчал, но теперь недоумение в его позе и голосе сменилось злостью.

Через несколько мгновений гном кивнул, словно выяснив что-то для себя, и снял руку с рукоятки кайла.

— Да. Просыпающийся Дракон клана Миллей. Помните такого?

— Разумеется, помню. — Голос Альгредо снова был ровен, только напряженные плечи выдавали его гнев. — Окажите любезность, дру Милль, расскажите по порядку.

Альгредо повел ухоженной рукой в сторону низких кресел. Гном сел, удобно развалившись и поставив ноги на скамеечку.

— Бренди? — Хозяин кабинета достал из книжного шкафа начатую пузатую бутылку и два бокала.

— Шестьдесят лет выдержки, неплохо, — кивнул гном.

В молчании Альгредо разлил жидкий янтарь по бокалам, протянул собеседнику. В молчании оба пригубили.

Роне скривился: такая изящная интрига пошла Мертвому под хвост! Наверняка гильдия ткачей наломала дров, уж слишком дру Милль уверен, что его родовую святыню похитил не Альгредо. А было так заманчиво лишить его поддержки не только Первого Гномьего Банка, но и всех горных кланов Валанты — когда речь идет о святынях, гномы на диво несговорчивы и злопамятны.

— ...нашли сегодня утром у вашего человека. К сожалению, допросить его не удалось. Бравые городские стражи убили при попытке сопротивления закону, — держа бокал в ладонях, рассказывал дру Милль. — Но украл Дракона не он. В банке был Рука Хисса, причем совсем мальчишка. К тому же никаких признаков контакта с Драконом на трупе не было. — Поймав недоуменный взгляд Альгредо, гном пояснил: — Вы же догадываетесь, что это не просто статуэтка.

Альгредо кивнул и отпил бренди.

— Когда горы были молодыми и не было в мире ни гномов, ни людей, ни эльфов, один из перворожденных Драконов, повелитель земли и недр, увидел сон. Проснувшись, он дохнул пламенем на кусок оникса, и из камня родился первый гном. И наделил его Дракон чутьем камня и металла, трудолюбием и удачей, даром приумножать богатства и красоту, и повелел хранить подземное царство. А чтобы гномы не тосковали без своего прародителя, отломил чешуйку со своего хвоста, выплавил из нее собственное подобие и оставил нам. Было это двадцать тысяч зим назад. А когда пройдет еще двадцать тысяч зим, Оранжевый Дракон вернется к своим детям и спросит, хорошо ли мы хранили и приумножали воплощенную в камне и металле красоту...

Гном вздохнул, пригубил бренди, а ястреб на ветке отвернулся: раз уж Милль взялся цитировать священные книги, то все — ссоры не будет. Досадно, ну да ладно. Альгредо в любом случае свое получит рано или поздно, так или иначе.

— ...за себя постоять. Любого, кто задумал обмануть или обворовать Миллей, Дракон убьет, стоит его коснуться.

— Весьма предусмотрительно, — кивнул Альгредо. — Проверять партнеров до, а не после. Думаю, это избавляет вас...

Ястреб с сердитым клекотом взлетел с ветки и устремился прочь, в родной лес. А Рональд зажмурился и потер глаза. Смотреть, как Альгредо обращает ошибку ткачей в свою пользу? Еще чего. Вот если бы можно было самому заполучить того Дракона и не поиметь неприятностей! Но лучше перестраховаться. Кто знает, какие еще сюрпризы таит статуэтка. Гном не так наивен, чтобы рассказывать Альгредо все. Да и навлекать на себя гнев Дракона, пусть и спящего где-то под горами последние десять тысяч лет, полнейшая глупость.

— Эйты, принести мне все тома Истории Яшмового Трона! — велел Роне.

Наверняка там найдется не одно упоминание о Просыпающемся Драконе, а информация никогда не бывает лишней. Заодно, быть может, Роне осенит новая идея, как избавить Альгредо от скуки и лишнего времени. А то повадился писать жалобы в Конвент, требовать внеочередных отчетов на совете министров или вовсе — уплаты налогов с продажи артефактов. С него, истинного темного шера, налоги! Пф!

Глава 14. Огненная кровь

2-й день каштанового цвета, Шуалейда.

Больше всего на свете Шу хотелось превратить барона Уго в лягушку. Розовую, как его сюртук. А чтобы ему было не скучно в болоте, добавить ему в компанию белую с золотым галуном жабу, сотворенную из Люкреса, и ярко-лазурную томную гадюку по имени Ристана. На листьях кувшинок они бы смотрелись просто великолепно! Куда лучше, чем на лужайке Королевского парка. И квакали бы сами, а не слушали придворных музыкантов.

То есть музыканты-то как раз Шу понравились, особенно скрипач — настоящий золотой шер. Дар его был слабым, но его музыка! О, как он играл! Скрипичная песня даже немножко примирила Шу с необходимостью смотреть на Люкреса влюбленной овцой и делать вид, что ей совершенно наплевать на комплименты, которые Дайм отвечает Ристане. И на то, что он то и дело целует ее затянутую в белое кружево руку. И заглядывает в пышное декольте.

Проклятье.

Она перевела взгляд на Каетано, который вовсю любезничал с шерой Альгредо. Та же самая картина, что и на вчерашней прогулке.

Ну почему, почему брату можно делать то, что ему нравится, а она вынуждена притворяться? Вот уже час длится ширхабом нюханный завтрак на природе, и весь этот час ее реплики в основном состоят из «да, мой светлый принц» и «конечно, мой светлый принц». Разве что в самом начале он спросил ее об острове фей, и Шуалейда, хлопая глазками, поведала животрепещущую историю о своих девичьих мечтах...

История этой дурацкой истории была проста.

Под утро к ней в сон пришли Дайм с Роне и подробно объяснили, что соврать императорскому высочеству, чтобы объяснить странное поведение Дайма прошедшим вечером и еще более странные новости из Суарда. Потому что с рассветом к полпреду Конвента потянулись взволнованные горожане, обнаружившие крылья у своих кошек, светящихся лис на рыночной помойке и надписи вроде «улица Горшечников, 12» на спинках разноцветных крыс, придушенных крылатыми кошками. Само собой, кронпринцу о загадочных крысах тоже доложили, да и он сам вчера мог видеть эффектное зарево над островом посреди Вали Эр.

— Надеюсь, ваши художества вскоре развеются, мои прекрасные шеры, — неубедительно пытаюсь сохранить серьезность, сказал Роне. — Это ж надо надраться фейской пылью! Чтоб ты знала, моя придумчивая Гроза, наш светлый шер вчера устроил для брата такой спектакль... о...

Роне восхищенно поднял взгляд, а Дайм бессовестно засмеялся.

— Оно само, честно-честно!

Получилось так похоже на нее, что Шу тоже засмеялась. А почему бы нет? Весело же! И вообще, жизнь прекрасна. Мама, конечно же, наговорила ей всякого разного, но вот насчет Роне она не права. Шу точно знает. Она расскажет о маминых сомнениях Роне, но не прямо сейчас. Сейчас ей слишком хорошо — с ними обоими, в их общем на троих сне. Даже жаль, что скоро уже просыпаться и они успеют только обсудить ближайшие планы.

— Так что вчера от тебя хотел Люкрес? — спросила она Дайма.

— Ему было ску-у-учно, — передразнил брата Дайм.

— Зато как явился светлый шер, стало ве-е-есело, — в то ему протянул Роне. — Дрессированные лягушки, летающие рыбы и парад грибов на ножках, одобренные фейской пылью, несказанно подняли настроение их императорскому высочеству.

— Почему бы и нет? — без малейшего смущения хмыкнул Дайм. — Я рассказал Люкресу, как его прекрасная невеста скучает без него, томится и мечтает о любви. И представляет себе свадьбу с феями, несущими ее шлейф. Так вдохновенно, что создала целый остров фей.

— И в доказательство открыл колбу с пылью, — едва сдерживая смех, продолжил Роне. — Видела бы ты рожу принца! У него от жадности так тряслись руки, что пыльца просыпалась, и он надышался. Так что не удивляйся, если утром твой недожених будет редкостно благодушен и мечтателен.

— Еще бы ему не быть благодушным, когда он понюхал твое приданое, — фыркнул Дайм. — Пришлось отдать колбу ему, но ничего. Мы стрясем с фей еще.

— И этого человека вся Магадемия считала трезвенником! — покачал головой Роне.

— В общем, сегодня будет завтрак на природе. Придется тебе потерпеть и рассказать Люкресу сладкую сказку. Можешь дать ему понюхать еще пыльцы, вдруг она пробудит в нем человека.

— Скорее гнома, — сказал Роне. — Он отрастит бороду, позолотит ее и начнет одеваться как взбесившийся попугай, а спать будет исключительно на сундуках с алмазами.

В чем-то Роне оказался прав. За завтраком Люкрес сначала послушал о том, какой Шу видит их свадьбу. Щедро приправленная вчерашней ирреальностью сказка ему однозначно понравилась, а в глазах заблестело золото, золото и еще раз золото! То есть фейская пыльца, которая дороже золота раз так в сто.

А потом Шу с некоторым даже интересом послушала экскурс в экономику империи. Что-то об экспорте пыльцы и фейских груш, редких ингредиентов и лекарственных трав из ирийских лесов, активизации торговли с Сашмиром и прочая, прочая. Из всего этого Шу вынесла лишь одно: Валанта нужна Люкресу не меньше, чем магический дар.

Правда, в ответ на экскурс в экономику Люкрес получил экскурс в историю от Тодора Суардиса. Ничего нового, если вдуматься. Отец всего лишь напомнил Люкресу, что ире и гномы заключили договор не с империей, а с Суардисами, и если вдруг вместо Суардиса на трон Валанты сядет Брайнон — договору придет конец. Гномы, быть может, и заключат новый с империей, а вот ире — нет. Скорее уж Истинный Лес закроет границы и вообще исчезнет из недружелюбного мира. Никаких островов фей или парков вроде того, где они сейчас завтракают, уже не будет. И не будет экспорта пыльцы, шерсти единорогов и много чего еще. Потому что ире — редкостно упрямые и недоверчивые существа...

А еще у них редкостное чувство момента. Под конец речи Тодора, когда Люкрес начал недовольно хмуриться, к королевскому столу слетелись феи. Они расселись на кувшинах, бокалах и вазах с цветами, и принялись кивать каждому слову Тодора. А когда он договорил, восторженно засвистели и заулюлюкали.

— Какая прелесть, — справившись с досадой, улыбнулся Люкрес. — Нет ничего приятнее, чем видеть искреннюю дружбу между нашими народами.

— Суардис! Суардис! — поддержали его феи, взлетевшие над столом и осыпающие всех присутствующих пыльцой с крылышек. — Да здравствует Суардис!

Шу не уловила момент, когда несколько фей зависли над Каем, и тем более не поняла, откуда они взяли корону Суардисов. Но... это же феи!

Под «ласковым» взглядом Люкреса феи надели светящуюся зеленую корону из земляничных листьев на голову Кая — который вообще не понимал, что происходит, ведь глаз на макушке у него нет.

— Да здравствуют Суардисы! — вопили феи, прыгая в воздухе и не только. — Да здравствует наш остров! Ура!

Кто-то из них уже успел нырнуть в бокалы и кувшины и теперь плавал и нырял в вине. Несколько фей маршировали по столу, держа вилки вместо алебард. Десяток-другой устроили игру в салочки над столом и прятались друг от друга то в прическах дам, то в их декольте, то в кружевных жабо и шелковых платках кавалеров.

И все это — под звенящий смех и хулиганские вопли. Вот как так можно кричать славу королю, что это звучит словно «Торре, торре!» на бычьих скачках?

Придворные, не привычные к таким развлечениям, сидели неподвижно и даже моргать боялись. Слуги замерли, не понимая, то ли выплескивать испорченное феями вино, то ли быстрее уносить бокалы и кувшины в сокровищницу — ведь в них драгоценная фейская пыльца. И надо ли отгонять от короля расшалившихся фей, ведь они нарушают этикет, или следует подать им завтрак, как послам дружественного государства?

Первой опомнилась Бален. Хоть маленькие лесные ире приходились ей весьма дальней родней, но родней же!

Достав откуда-то дудочку, Бален сыграла простую танцевальную мелодию — и феи, позабыв свои игры, слетелись к ней, расселись на ее плечах, руках и голове, прицепились к платью, а кому не хватило места — так и остались виться вокруг, то и дело пытаясь спихнуть более удачливого

родственничка с теплого места. А те, кому теплое место досталось, уже подпевали мелодии Бален. Музыканты во главе со скрипачом тоже подхватили так понравившийся феям напев.

— Прошу прощения, брат мой Люкрес, — следом опомнился Тодор. — Наши друзья слишком рады знакомству с вами, чтобы вести себя сдержанно.

Люкрес лишь покосился на земляничные кусты с ягодами, выросшие на голове у Кая вместо иллюзорной короны, и лучезарно улыбнулся.

— Я тоже очень рад знакомству. Для меня большая честь участвовать в этом празднике.

— Цени эту честь, Брайнон! — раздался звонкий голосок где-то над его головой, и на него посыпались лепестки и листья: розы, ромашки, кувшинки... лягушки... — Да пребудет с тобой благословение Леса!

— Куа-а-а! — пропела синяя бородавчатая жаба, едва приземлившись ему на макушку, и тут же спрыгнула. Сначала в тарелку, расплескав из нее соус, а затем и на землю. — Куа-а! Ква!

— Это великая честь, брат мой, — важно кивнул король Тодор. — Лес видит твои помыслы и всегда воздаст добром за добро.

— Вы так прекрасны, мой светлый принц! Так добры! Я знала, я знала, что вы понравитесь феям! — заверещала Шу и схватила Люкреса за руку, словно собираясь эту руку облобызать. — Ах, мой принц, пойдете танцевать! Танцевать с феями, что может быть прекраснее!

— Ква-ква! — отозвалась синяя жаба, вспрыгивая на стол и снова раздувая огромные желтые пузыри на горле. — Куа-а-а-а!

Вытаскивая едва скрывающего досаду Люкреса из-за стола, Шу чувствовала себя полнейшей овцой, к тому же невоспитанной овцой. Но надо же было как-то его отвлечь! Феи, без сомнения, молодцы, что так заботятся о благополучии Кая. Но открыто грозить Люкресу — это было уже слишком. Надо же, благословение Леса! Звучит-то красиво, но по сути — настоящее проклятие. По крайней мере, для Люкреса с его планами. Лишь бы он не разозлился!

Чтобы принц не разозлился, Шу несла восторженную чушь, обещала когда-нибудь сотворить Лес Фей в Метрополии и восхищалась, восхищалась и снова восхищалась. У нее самой от такого обилия лести давно бы все слиплось. А вот Люкресу нравилось. Под конец танцев, к которым присоединились придворные, он улыбался вполне искренне и, кажется, составил новый план по переливанию богатств Валанты в свой карман. Может быть, даже человеколюбивый план, позволяющий Каetano остаться королем Валанты в угоду отвратительно упрямым ире.

К тому моменту, как развлечения на свежем воздухе закончились и барон Уго торжественно пригласил короля и его гостей пожаловать в столовую на обед, Шуaleyда едва держалась на ногах. Еще бы, потерять целый день на Люкреса, когда ей надо срочно, немедленно заниматься Линзой! Поэтому она сбежала с обеда, едва позволил этикет, и мысленно позвала Дайма:

«Ты сможешь прийти? Мне нужна твоя помощь!»

«Постараюсь вырваться ненадолго. Люкресу угодно перезнакомиться со всеми влиятельными шерами Валанты, и устроить встречи должны мы с Роне. В условиях жестокой конкуренции, разумеется. Он так мило нас стравливает, его стратегию и тактику можно целиком помещать в учебник для аспирантуры по классу интриг».

«Когда-нибудь ты его напишешь. С примечанием: автор этой великолепной стратегии почил в мягкой траве, недооценив противника».

Глава 15. О волчатах, менестрелях и красотках

Повелели Двуетидные в полумесяц, когда зацветает каштан, всем людям праздновать и веселиться, не воевать и не ссориться, дабы земля радовалась вместе с ними и приносила обильный урожай.

26-й день холодных вод (несколько дней назад). Суард, Себастьяно бие Морелле.

После задания в банке Стриж не встречал Седого, не ссорился больше с соучениками, не попадал в неприятности. Все шло настолько гладко, что хотелось положить к обычным двум ножам под подушку еще один, отравленный, а лучше переселиться хоть к Крысиному Королю, только подальше от холодных взглядов волчат.

— Проваливайте. Сегодня никаких тренировок, и чтобы до темноты не появлялись, — напутствовал подмастерьев наставник.

В этот раз Угорь и Ласка не звали Шороха с собой. И слава Светлой: Стрижу казалось, что стоит задеть тонкую нить равновесия, и не миновать драки, а там и убийства.

— Да успокойся, — усмехнулся Шорох. — Ничего не будет. В дни Каштанового Цвета не убивают даже гули. Брат с Сестрой велели всю неделю праздновать и веселиться, вот и будем веселиться. Иди займи местечко над площадью Согласия. Я скоро.

Подмигнув, Шорох растворился в толпе, а Стриж, пожав плечами, направился к ряду каштанов вдоль улицы Согласия. Забрался на самый высокий, вызвав завистливый вздох кучки мальчишек, которым не хватило места на крышах, а с деревьев их гоняла муниципальная стража. Спугнув с ветки голубей, Стриж расположился среди сладко пахнущих цветов, достал из кармана первый зеленоватый абрикос и невольно передернул плечами — ощущение чужого взгляда преследовало его даже тут, над празднично гомонящей толпой.

— Заноси! Левее! Безрукие, чтоб вас! — слышались крики мастеровых, заканчивающих установку трибун.

— Что столпились посреди дороги? Разойдись!

— Куда?! Ротозеи! Кто велел трибуну сюда? Ну-ка, разворачивайтесь!

Прямо под каштанами настраивал скрипки и пробовал кларнеты с валторнами городской оркестр. Вдоль улицы занимали места горожане, на балконы выносили стульчики для знатных дам. Мельтешили желтые береты газетчиков, разносчики бойко торговали флажками, свистульками, хлопушками и пирожками. Городская стража строилась на площади. То и дело над людским скопищем взлетали голоса:

— Капитан! Значки забыли!

— Последние новости! Чудесное воскрешение шера Наба! Новая станция железной дороги!

— Мама, мама, купи петушка! Ну купи! Ну мама-а!

— Где барабанщик? Где барабанщик, я вас спрашиваю?! Где? Тащите — он у меня вмиг протрезвеет!

— Пожалуйте сюда, почтенный Родригес! Да не обращайтесь на этих олухов! А вы что встали? Вон отсюда! Присаживайтесь, почтенный!

Расталкивая работников, клерк городского магистрата лебезил перед старшиной контрабандистов. Тот, наряженный в бархатный сюртук и шляпу с белоснежным пером, шествовал к скамье и чинно кивал уже рассевшимся по скамьям коллегам.

Стриж только хмыкнул. Почтенный проныра и мошенник отлично вписывался в компанию надутых индюков, гордых своей законопослушностью и верностью короне.

— Дорогу! Дорогу сиятельному шеру!

— Скандал в гномьем банке! Покупаем последний «Герольд»!

— Равняйся! На караул! Чтоб вас демоны забрали, гули криворукие! Кто так алебарду держит?! Разжалую! Вурдалаков вам в глотку! Равняйся! Смир-рна!

— Какие два динга, глаза твои бесстыжие! Чем красил-то петушка, признавайся? Полдинга за пару!

— Сударыня, сударыня, а не вы ли платочек обронили? Не пожалейте медяка хромоу калеке! Медяк, говорю, дайте! Глухому!

— А ну пошел отсюда, ослиное отродье! Не твое место — вот и убирайся!

— Люди добрые, да что ж это делается! Срежь бела дня обокрали! Стража!

— Смир-рна! На караул! Держать строй, зурговы недоноски!

— Да подавись ты! Полдинга! Даром бери, даром! Иди отсюда! Послал Хисс на мою голову...

— Позвольте от лица верноподданных преподнести... а! Крысу тебе в суп! Куда прешь, тролль безглазый! Не видишь, тут уже поставлено? Вниз, вниз ее! Хиссово отродье... От лица верноподданных членов гильдии кожевенников и дубильщиков преподнести вашему...

Отчаянно стучали молотки, скрипели тележки. Пахло жареными мидиями и печеными яблоками, пирогами и тянучками и, конечно, каштаном, словно Стриж сидел не на ветке, а на бочке контрабандных духов. Среди гудящей толпы изредка мелькали знакомые лица: соседские матроны отгоняли от великовозрастных дочек неподобающих кавалеров, однурукий нищий с площади Ста Фонтанов тряс культей перед золотых дел мастером. Заметив неподалеку еще одно знакомое лицо, Стриж наморщил нос: Игла примеривался к кошельку ювелира. Тот, увлеченный охмурением разбитной девицы, не замечал ничего вокруг.

— Несомненно, душенька! Только в моей лавке. Уже сорок пять лет королевская семья...

Конечно, самодовольный павлин заслуживал кары небесной в лице шустрого воришки. Если бы только воришкой был не Игла. Поэтому Стриж, раскусив абрикос, вынул из него косточку и бросил в пышное декольте девицы.

— Ай! Что это? Кто посмел! — завизжала та, схватилась за грудь, обернулась и заметила Иглу. — Ай! Не тронь!

Пронзительный вопль заставил отшатнуться Иглу, уже дотянувшегося до вожака кошелька. Ювелир, маслено улыбаясь, вытащил из ложбинки меж рвущихся на свободу грудей девицы абрикосовую косточку и грозно оглядел балконы, но злоумышленника не обнаружил. Зато испортил Игле охоту: толпа вокруг забурилась, народ вслед за ювелиром начал оглядываться.

Напряжение наконец отпустило: Стриж от души смеялся балагану. Съев последний абрикос, он запустил косточкой в Иглу. Тот схватился за голову и обернулся, готовый к нападению. Обшарил взглядом балконы и деревья, но Стрижа не увидел — он, не надеясь на защиту ветвей, укрылся Тенью. Пробормотав в адрес хулигана что-то нецензурное, Игла вновь нацепил на лицо выражение деревенского простака и отправился прочь, искать более удачное для охоты место.

Стрижу успело надоесть наблюдение за толпой, когда под каштаном возник Шорох в обнимку с узким кувшином.

— Эй, лови, — крикнул он и подбросил кувшин.

Стриж перегнулся через ветку, поймал. Вынул пробку, понюхал. Удивленно глянул на свежего, словно не проталкивался сквозь давку и не лез на дерево, брата: вино?

— Праздник, можно, — просиял улыбкой Шорох.

— Долго ты ходил за вином-то.

Брат пожал плечами, забрал кувшин и глотнул. Стриж только собирался снова пристать с расспросами, как вдалеке послышались трубы.

— О, слышишь, едут! — толкнул его в бок Шорох и передал кувшин.

Стрижу стало не до расспросов: началось самое интересное! Ряды конных гвардейцев в синих плащах показались из-за дальнего поворота, оркестр заиграл гимн Валанты, толпа взорвалась криками:

— Да здравствует Суард!

— Слава королю!

От обилия флагов, вымпелов и лент в глазах рябило, от шума закладывало уши, но любопытство пересиливало все неудобства: вряд ли наследник с сестрой будут часто показываться на улицах.

— Где же они?! — брат разделял всеобщее нетерпение. — О, смотри, Альбарра!

Он указал на высокого, с квадратными плечами и квадратной челюстью полковника на вороном, с медным отливом жеребце. Непокрытая голова полковника была той же масти, что его конь. Альбарра ехал перед гвардейцами и зыркал по сторонам, словно ожидая нападения в любую секунду.

— Альбарра же генерал, — запротестовал Стриж.

— Деревня, — хмыкнул Шорох. — Это его младший брат, Бертран. Комендант крепости Сойки и полковник лейб-гвардии принца! Смотри, как похож на Медного!

— Ага, — кивнул Стриж и тут же отвлекся на шум в другой стороне. — О, глянь на бургомистра! Бумажку потерял!

На помосте творилась суматоха. Красный, потный глава магистрата подскакивал на месте и беззвучно открывал рот. Старшина прядильщиков погнался за улетающей бумажкой, поймал ее в героическом прыжке и свалился с возвышения. Старшина кожевенного цеха подал ему руку и втащил обратно. Только когда мятый листок очутился в руках бургомистра, тот успокоился и принял торжественный вид.

Гвардейцы под предводительством полковника Альбарра выехали на площадь, окружили ее плотным кольцом, и только тогда показались наследник с сестрой. Стриж не успел их толком разглядеть, когда едва заметная сиреневая дымка, которую Стриж поначалу принял за обычное полуденное марево, засияла, разрослась и куполом накрыла принца со свитой.

— Ух, ничего себе, — прошептал Стриж.

Он бы задумался, с чего это вдруг он видит не только руны, но и шерскую магию? Ведь это и есть защитные чары?.. Но с умными мыслями как-то не сложилось, потому что он наконец увидел принцессу. Раньше он считал, что упасть с дерева от восхищения может только сказочный придурок, теперь же он чуть не свалился с ветки сам. От позора его спас Шорох, схвативший за рубаху и недоуменно спросивший:

— Жить надоело?

— Не-а, — отмахнулся Стриж. — Ты только посмотри, какая она...

— Ага, сиськи ничего так, хотя я не люблю рыжих.

— Каких еще рыжих? Она же... нет, ты только посмотри!..

Брат что-то возразил, но Стриж даже не слышал, что именно — он жадно рассматривал Ее. Колдунья, Аномалия, Гроза Зургов, Посланица Светлой и Хиссово Отродье — по версии газет. Самая прекрасная девушка на свете. Стихия. Солнечный удар. Гроза. Да, Гроза — подходило ей больше всего. Она сияла и переливалась всеми оттенками синего и лилового, вокруг нее вихрилось волшебное мерцание — словно разноцветная пыль, словно рой таких ярких светлячков, что им не страшно солнце. И молнии. Настоящие маленькие молнии, голубые и сиреневые, то и дело проскакивали по ее волосам, стекали по платью и шкуре странной черной лошади, очертания которой дрожали и плыли, то и дело показывая то клыки, то призрачные крылья.

Но самым главным, от чего не мог оторвать взгляда Стриж, было ее лицо. Узкое, острое, с широко расставленными сиреневыми глазами и крупным бледным ртом, оно было... прекрасным? Опасным? Нет, не то... оно... она, принцесса, была живой. Настолько, насколько только может быть живым единственный человек среди целой толпы кукол...

Стриж на мгновение зажмурился, прогоняя наваждение. Что за странные мысли? Тут все живые. И он сам, и Шорох, и наследный принц со свитой, и вся эта огромная толпа — половина Суарда набилась на площадь!

Но даже сквозь закрытые веки Стриж ощущал тепло и свет. Лиловый и синий свет волшебства. И ему казалось, что в мертвой тишине он слышит один лишь звук — биение ее сердца, и его сердце замирает, прислушивается... и подстраивается, чтобы биться в такт...

Он открыл глаза ровно в тот момент, когда принцесса обернулась и посмотрела прямо на него. В самое сердце. Как стрела.

Наверняка он бы упал с дерева, если бы не Шорох.

— Ты перегрелся, братишка?

Стриж снова зажмурился, до алых пятен перед глазами, напомнил себе, что принцесса не может его видеть сквозь листву каштана и почему-то хрипло ответил:

— Похоже на то. Кажется, наша принцесса — настоящая колдунья.

— Какая новость, — хмыкнул Шорох. — Братишка, она же Суардис! Между прочим, наш принц тоже истинный шер. Это же здорово! Не знаю, что там опять мутят имперские политики, но король должен быть колдуном. Так заведено Двуетинами.

— Да я и не спорю, ты лучше посмотри... она такая...

— На твою придурочную улыбку-то? Вижу-вижу. Пора сходить к Устрице До, у кого-то острый недотра...

— Заткнись, — неожиданно для себя рыкнул Стриж. — Не смей так говорить о ней!

— Э, да все серьезно! — Шорох заржал и пихнул Стрижа в бок. — Мой братец влюбился в принцессу! Да что там в принцессу, в будущую императрицу! А губа не дура!

— Шорох, еще слово...

— Да здравствует самая прекрасная в империи принцесса! — дурниной заорал Шорох.

Его вопль тут же подхватили внизу, а Шорох вскочил на ноги и принялся, подпрыгивая, орать:

— Шуалейда! Шуалейда Суардис! Да здравствует Суардис! Торре-торре!

В первый миг Стриж опешил. Ну как так можно, у него тут мир перевернулся, а брат...

— Слава Суардисам! — радостно вопил брат, размахивая над головой пустым кувшином и заставляя бедный каштан ронять на толпу цветы и листья.

— Слава Суардисам! — плюнув на собственные странности, присоединился к нему Стриж. — Торре! Торре!

— Суардис! Торре! — надрывалась толпа внизу, заглушая все попытки почтенных граждан Суарда произнести торжественную речь.

Глава 16. О гномах и драконах

3-й день каштана, Дайм шер Дюбрайн.

Встретиться с Шуалейдой этим вечером Дайму не удалось. Люкресу словно шершень под хвост попал, а раз чешется под хвостом у августейшей персоны — то покоя не будет никому. И зря Дайм думал, что от него потребуется только организовать на завтра «тайные» встречи с канцлером, торговым советником и еще полудюжиной самых влиятельных шеров Валанты. О нет, это были лишь цветочки. Их шисом драное высочество возжелало настоящих развлечений, а не «провинциальной скукотищи».

Вот ровно когда Люкрес, скинув на руки Дайму вышитый золотом френч и развалившись в единственном на всю гостиную кресле, заявил: «Мне скучно, Дамиен!» — Дайм и понял, что дело плохо. И он бы, конечно, мог прикрыться необходимостью прямо сейчас бежать и лично приглашать канцлера на приватную беседу с принцем, но что устроит принц — одному Хиссу известно. А уж принц в компании Бастерхази! Не то чтобы Дайм не доверял Роне, скорее наоборот — прекрасно понимал, что Люкрес не упустит шанса получить с темного шера все возможные развлечения и еще немножко сверх.

— Вы желаете танцев с фейерверками или охоты на гулей? — с должной долей подобострастия осведомился Дайм. — Или желаете посмотреть на русалок? Суард — единственное место в империи, где русалки не боятся людей.

— Русалки? — заинтересовался Люкрес. — И чем же они хороши, эти русалки?

— Дивными песнями и танцами при луне. Незабываемое зрелище!

— Бастерхази, а ты видел русалок? — обернулся Люкрес к темному шеру, изображающему полный служебного рвения столб, и Дайм проклял все на свете. Слишком знакомый нехороший огонек разгорался в глазах Люкреса.

— Видел, ваше высочество. Они прекрасны и крайне опасны, — сдержанно поклонился Роне.

— И как они в постели? Ну, не стесняйся, Бастерхази. Ни за что не поверю, что ты не попробовал.

— У них чешуйчатый хвост, ваше высочество, а я не питаю склонности к рыбам.

— Фу, какая гадость. Дамиен, ты же не всерьез предлагал мне поймать рыбу!

— Я предлагал вам послушать их песни, брат мой.

Люкрес поморщился.

— Мне хватит песен и танцев на ближайший год! Эта ваша Шуалейда... боги, какая дура! Но ты был не прав, Дамиен. Не такая уж она и уродина. Что-то в ней есть, да... есть... — Люкрес мечтательно прижмурился. — Наша брачная ночь обещает быть весьма приятной!

— Быть может, вы пригласите ее на свидание этой ночью? — предложил Дайм, точно зная: от такого предложения Люкрес откажется. — Юная шера будет в восторге. Она мечтает остаться с вами наедине.

Люкрес предсказуемо поморщился.

— Пусть помечтает еще пару дней. Сегодня я хочу что-нибудь погорячее, чем невинная дева, у которой в голове одни лишь радужные феи. Боги, какая пакость эти ваши феи!.. Бастерхази, сделай мне арди с пыльцой, должно же быть в этой провинции хоть что-то приятное. — Откинувшись на спинку кресла, Люкрес прикрыл глаза и мечтательно улыбнулся. — Признайся честно, Дамиен, тебе нравится моя невеста?

— Разумеется, брат мой, — тоном «глаза бы мои не видели эту гадость» отозвался Дайм. — Она очень сильна, и если ее хорошо обучить, может стать вам достойной супругой.

— Да-да, именно обучить... — не открывая глаз, протянул Люкрес и принял из рук Роне бокал вина, понюхал его, улыбнулся еще шире. — Я бы доверил это тебе... а, я все время забываю, что ты предпочитаешь мужчин.

— Я очень ценю ваше доверие, брат мой. Если вы пожелаете, я обучу ее высочество основам самоконтроля, это весьма пригодится будущей императрице.

— Ты зануда, Дамиен.

— Я забочусь о вашем благе и вашей безопасности, брат мой.

— Ладно, заботься дальше. А ты, Бастерхази, ты верен мне?

— Разумеется, сир, — склонил голову Бастерхази, так и стоящий около кресла.

— Ах да, ты же поклялся. Как удобны эти клятвы, не так ли, Дамиен?

— Разумеется, брат мой, — так же в точности склонил голову Дайм.

Люкрес довольно рассмеялся и, допив драгоценное арди, разбил бокал о подлокотник своего кресла.

— Иди сюда, Бастерхази. — Принц осколком бокала указал на пол у своих ног. — Камзол долой.

Роне молча опустился на колени и бросил камзол на пол. Дайм восхитился его спокойствию (и самоконтролю), ведь устрице понятно, что Люкрес затеял какую-то несусветную мерзость.

— Сорочку... нет, сорочку оставь. А теперь напомни-ка мне, в чем ты клялся?

— Верно служить вам, сир, — с каменным лицом отозвался Роне.

— Мне нравится, как это звучит. Повтори-ка целиком, темный шер. Хочу услышать твои клятвы еще раз.

Дайм еле подавил желание выругаться вслух. Неужели Люкрес что-то заподозрил? С чего? Роне ведет себя так, словно на самом деле связан клятвами, и все шпионы Люкреса продолжают докладывать ему о смертельной вражде между светлым и темным шерами.

— Я клянусь исполнять любые ваши приказы, сир, не противоречащие приказам Конвента и моей присяге Конвенту. Хранить в тайне все доверенное вами, сир. Оберегать вашу жизнь и благополучие. — Роне не позволил себе ни намека на эмоции, хотя Дайм знал: сейчас он проклинает Люкреса. — Видят Двоединые.

Вспышка Света и Тьмы прошла Дайма — больно, до слез. На миг ему показалось, что стоящий на коленях перед креслом кронпринца Роне — не тот яркий, живой, немножко сумасшедший шер, к которому Дайм уже успел привыкнуть, а такой же полудохлый голем, как лейтенант Диен. Без собственных желаний, без воли, без способности радоваться или грустить.

Проклятье. Нет уж, Люкресу не удастся сотворить такое с Роне, хотя ему, без сомнения, хочется. Он же так настойчиво выпрашивал у императора хоть одного голема в личное пользование, что тот отдал Диена. Правда, временно и скорее как надзирателя, чем раба...

Проклятье. Только бы Люкрес не вздумал экспериментировать с клятвами прямо сейчас!

— Прекрасно, прекрасно, друг мой, — просиял Люкрес. — А теперь возьми это стекло... Дамиен, еще бокал. Пустой.

Бросив на Роне взгляд, полный неудачно скрываемого злорадства (а на самом деле — облегчения от того, что попытка сделать из Роне голема откладывается), Дайм подал Люкресу широкий бокал.

— Нет, сам его подставишь. А ты, мой темный шер, режь руку. Вдоль. И позаботься, чтобы кровь не сворачивалась.

— Как вам будет угодно, сир.

Наконец-то в голосе и в ауре Бастерхази запылали эмоции: страх, бессильная злость и... проклятье, возбуждение-то зачем? На что он провоцирует Люкреса, разве не видит, что кронпринцу после смерти Саламандры все больше продувает чердак?

«Бастерхази, не заигрывайся».

«Раньше начнется — раньше закончится. Не волнуйся, твоему брату далеко до Паука».

Проклиная и Паука, и сходящего с ума Люкреса, и невозмутимо наблюдающего за всем этим безобразием лейтенанта Диена, Дайм подставил бокал под струю крови, хлынувшую из руки Роне. Ему стоило изрядного труда не забыть, что для Люкреса они с Роне — заклятые враги, и его болью следует наслаждаться.

«А ты не притворяйся, мой светлый шер. Наслаждайся. Я делаю это для тебя и Шуалейды, — коснулся его мысленный шепот Роне, и огненная тьма всего на миг обняла его. — Я доверяю тебе».

Дайма обдало горячей волной неги, на мгновение показалось, что Роне касается его обнаженной кожей... И что на них смотрит не Люкрес, а Шуалейда. Так же, как смотрела прошлой ночью.

Кровь уже переливалась через край бокала и пачкала ковер, но Люкрес не приказывал остановиться.

— Посмотри мне в глаза, Бастерхази, — велел он.

— Да, сир, — поднял голову Роне.

— Ты не просишь о милости?

— Если вам будет угодно, сир. — В его тоне прозвучала надежда, почти просьба.

— Ха, мне это нравится! — развеселился Люкрес. — Вот как нужно обучать темных шеров, а, Дамиен? Моя дорогая невеста тоже научится... о да... Довольно, Бастерхази. Твоя кровь слишком дорога, чтобы лить ее на ковер. Дай.

Дайм подал Люкресу полный бокал, краем глаза отметив: рана на руке Бастерхази так и осталась открытой, только кровь остановилась. И сам он немного побледнел. Ладно. Потерять пару бокалов крови — мелочи. Роне это не повредит.

А вот пить кровь темного шера — это уже не мелочи. Это уже серьезный симптом. Зря Дайм обращал так мало внимания на то, чему учила Люкреса Саламандра. Похоже, дело зашло куда дальше, чем ему казалось, и в спальне они занимались далеко не только любовью. Надо будет проверить на лояльность всех приставленных к Люкресу агентов. Потом.

Люкрес тем временем выпил все, до последней капли. Его аура заметно помутнела, в ней появились огненные прожилки. Выглядело это... да хуже, чем жрущий упырь, это выглядело. Светлый шер не должен делать такого, это противно природе. Но говорить об этом Люкресу бесполезно.

Полезно было бы добить его немедленно, потому что у него уже все шансы переродиться в нежить, вот только император этого не одобрит. А главное — этого не позволит сделать лейтенант Диен. Жаль. Очень жаль. Это решило бы разом большую часть проблем.

— Ну-с... друзья мои... — На сытого Люкреса напало благодушие. — Что ты стоишь как пень, Дамиен? Помоги темному шеру, видишь, он ранен. Ты же целитель.

— Благодарю, сир, — опять склонил голову Бастерхази.

Его аура тоже изменилась, немного сжалась и побледнела. Очень правдоподобно сжалась и побледнела. Если бы Дайм не видел ее настоящую, сам бы поверил, что этот бокал крови — серьезная потеря.

Дайм же провел рукой над глубокой и длинной раной, сращивая поврежденные сосуды и мышцы...

— Стой, — тут же прервал его Люкрес. — Ну кто так делает, кто так делает, Дамиен! Моего дорогого друга Бастерхази ты мог бы лечить, как полагается.

— И как же полагается? — переспросил Дайм, уже предчувствуя очередную гадость, слишком уж Люкрес выглядел довольным.

— Языком, как еще. Давай, не стесняйся. — Люкрес и сам не постеснялся податься вперед и потянуть Дайм за рукав, чтобы он тоже опустился на колени. — Не пропадать же крови... о, сколько пролилось...

На этот раз Люкрес ничего не приказывал. Он сам собрал кровь с ковра в бокал — на это его ворованного дара вполне хватило — и потянул Дайму.

— Пей, брат мой. Я уверен, это скрепит вашу дружбу.

— Несомненно, скрепит, — кивнул Дайм, принимая бокал.

«Прости, Роне».

«Я сам ввязался в историю, мой свет, — опять раздался в его голове наполненный отзвуками пламени шепот. — Выпей за нашу дружбу».

«Ты сумасшедший Хиссов сын, Роне, — так же мысленно откликнулся Дайм и пригубил кровь.

Обжигающую, словно пламя из Бездны, и сладкую, словно поцелуй любви. — Я... я благодарен Двуетиным за тебя».

— Ах, как трогательно! Как мило! — Люкрес, наблюдающий за ними, жадно раздул ноздри и захлопал в ладоши. — Но перестань же смотреть на Дамиена такой букой, Бастерхази. Вы оба — мои друзья, а значит должны дружить! Не просто дружить, вы должны любить друг друга, как повелели Двуетиные. Ты чтить заветы Двуетиных, Дамиен?

— Чту, сир, — с некоторым трудом ответил Дайм: от крови Роне, от ощущения разлившейся по венам божественной тьмы в голове шумело, и во всем теле образовалась жаркая легкость.

— Прекрасно, прекрасно! — Люкрес похлопал Дайма по плечу. — А ты, Бастерхази?

— Всем сердцем, сир, — ответил Роне, и его голос влился в полыхающий в Дайме пожар.

— Ну и чего ты ждешь, Дамиен? Твой друг ранен. Лечи. Ты же хочешь, чтобы ему было хорошо, я вижу.

— Руку, мой темный шер, — сказал Дайм и, взяв раненое предплечье обеими руками, коснулся губами окровавленной кожи.

От Роне полыхнуло такой волной бессильной ярости, что Дайм вздрогнул от правдоподобности ощущений. А Люкрес засмеялся.

— Ай-ай, шер Бастерхази. Не делай такое лицо, словно тебе не нравится.

— Простите, сир... — сквозь зубы процедил Роне и попытался отодвинуться от Дайма.

— Стоять, — тут же велел Люкрес и, подавшись вперед и жадно подрагивая ноздрями, сам провел ладонью по скуле Роне. — Я хочу, чтобы тебе нравилось, Бастерхази. Не сопротивляйся, я приказываю!

— Темному шеру понравится, брат мой. Поверьте, — хмыкнул Дайм, уже едва-едва удерживая маску застарелой ненависти. — Ведь понравится же, мой темный шер?

— Да, мой светлый шер, — едва слышно шепнул Роне и вспыхнул — жаждой, необходимостью... воспоминанием об их первом объятии на полу захолустной таверны.

Это было похоже на то, как раскаленная лава прорывается сквозь каменную корку и льется через край кратера, прожигает себе путь на свободу.

В своем кресле задохнулся от потока чужих эмоций Люкрес. А Дайм снова коснулся губами раны и позволил своему дару тоже выплеснуться наружу, сплестись с темным пламенем Роне.

Он почти не почувствовал чужого прикосновения — настолько оно было ненужным и неважным. Сейчас существовали только он и Роне, свет и тьма, притянувшие друг друга противоположности, и между ними рождалось нечто удивительное и прекрасное... Перед глазами плясали цветные круги, в ушах шумело — словно Дайм нырнул на дно океана. Показалось, он тонет и растворяется в густой, пронизанной огненными всполохами тьме. И ему совсем не хочется выныривать, а хочется остаться тут навсегда — в этой горячей и ласковой бездне...

— Проклятье... ненавижу... будь ты проклят... ненавижу... — зашептали со всех сторон знакомые до боли голоса, — это мое... все мое... моя сила, моя!.. Только моя!..

С трудом вынырнув из родной и привычной тьмы, Дайм открыл глаза — и прямо перед собой увидел Люкреса. С искаженным ненавистью лицом, с зажмуренными глазами. Он двумя руками прижимал к своему плечу голову Роне, по его телу пробегали волны судороги, его губы беззвучно шептали:

— Только моя... несправедливо... отдай...

Вокруг Люкреса злобно метались голубые, красные и лиловые потоки стихий, жалили его, душили — но он продолжал тянуть их к себе, не обращая внимания на боль. Его аура распухла и походила на искусанное осами тело, воспаленное, в буграх и нарывах, но он пытался впитать еще и еще, не замечая, как истончается оболочка его души...

Дайму захотелось зажмуриться, чтобы не видеть этого безумия. Ему даже на миг стало жаль Люкреса — ведь Двуетиные не дали ему того, чего он хочет больше всего на свете. То есть дали, но так мало, что это кажется изощренным издевательством. Почему бы не сделать Люкреса счастливым, ведь поделиться силой для них с Роне ничего не стоит. В них магии так много, что ее хватит на всех!

Послушные его эмоциям, стихийные потоки успокоились, обняли Люкреса, нарывы на глазах

разгладились, и аура стала приобретать более здоровый цвет и структуру. Даже его пальцы, сжимающие волосы Роне, чуть расслабились...

А в следующий миг Люкрес распахнул глаза — и на Дайма уставилась голодная бессмысленная бездна, распахнула пасть...

Он еле успел поставить блок. Нет, не так. Они с Роне одновременно, словно одно целое, окружили голодное безумное нечто щитами и отозвали стихийные потоки. Все.

— Мое! — жалобно провыла бездна... и схлопнулась.

Глава 17. Торре, Суардис!

3-й день каштанового цвета. Дайм шер Дюбрайн.

— Мое! — жалобно провыла бездна... и схлопнулась.

В следующее мгновение Люкрес отпихнул Роне куда-то вниз и встал с кресла.

— Пожалуй, Конвенту придется дать тебе отставку немедленно, мой темный шер, — неожиданно ясно и трезво сказал он. — Эти старые пни все равно не способны оценить тебя по достоинству. Я хочу, чтобы ты служил мне и только мне.

Говоря это, он неторопливо поправил сбившиеся манжеты, а затем со вкусом потянулся. Дайм тоже встал с колен и поправил манжеты. А заодно и ментальные щиты. Все его настоящие чувства были тщательно упрятаны туда, где их не почует даже печать августейшего папеньки, да живет он вечно.

Бастерхази промолчал, но вспышка обжигающе темной ненависти сказала все за него. Шисом драный принц не отменил приказа «раздеться», поэтому Роне был все еще в одной сорочке.

— Вы рискуете своим здоровьем, брат мой. Игры с темной кровью опасны, — максимально занудным тоном сообщил Дайм прописную истину и легким презрением велел: — Довольно изображать шлюху, Бастерхази. Оденьтесь.

«Прости, Роне. Мне стыдно», — мысленно добавил он.

«На войне как на войне, — коснулся его насмешливый шепот. — Обсудим потом, мой свет».

«Демонски своевременное напоминание про войну», — с облегчением ответил Дайм, сохраняя все ту же презрительную мину.

Через мгновение Люкрес подтвердил распоряжение Дайма небрежным жестом:

— Достаточно, Бастерхази.

Роне тут же поднялся, привел себя в порядок и отступил на несколько шагов, почтительно склонив голову. От него по-прежнему полыхало бессильной ненавистью и унижением. А от Люкреса — самодовольством и предвкушением. Кажется, он даже не понял, что несколько секунд назад был на грани сумасшествия.

Сделав несколько шагов к окну, Люкрес остановился, еще раз потянулся, разминая плечи, и обернулся к Дайму.

— Ну-ну, Дамиен, не делай такое суровое лицо, — почти по-человечески улыбнулся он. — Я в самом деле ценю твою заботу. И не стой уже столбом, или во всем этом захолустном сарае нет ни одного кресла для моего брата?

Люкрес призвал еще одно кресло из соседней комнаты, сопроводив это щелчком пальцев, и гордо глянул на Дайма. О боги, да он жаждал похвалы! За то, как легко справился с этим тяжелым, практически невозможным для его третьей нижней категории действием. Причем похвалы и восхищения он ждал от Дайма.

Правда, вызвал этим лишь брезгливую жалость. Где-то внутри, очень далеко. Внешне... что ж, раз они с Роне начали играть этот спектакль, надо играть дальше. Несмотря на острое желание придушить Люкреса.

— Благодарю, брат мой, — как можно теплее сказал Дайм и вспомнил те старые и в чем-то даже прекрасные времена, когда верил в братское расположение Люкреса.

Пожалуй, ему стоит быть благодарным за ту иллюзию. Она очень ему помогала чувствовать себя человеком. И стоит показать Люкресу, что он доволен его успехами. Эмоционально показать, слова могут произвести обратный эффект.

А для начала сесть в это шисом драное кресло. Сразу после Люкреса, с полусекундной задержкой.

— Я рад, что мы становимся ближе, Дамиен. — Уловив тепло его одобрения, Люкрес улыбнулся шире. — Надеюсь, его всемогущество найдет кого-то другого для дипломатических миссий, и мы будем больше времени проводить вместе. Вместе мы намного сильнее, не так ли, брат мой?

— Без сомнения.

— Жаль, Саламандра так бездарно погибла. Она могла бы остаться в Валанте полпредом Конвента. А ты, Дамиен, ты тоже считаешь, что шеру Бастерхази подойдет место моего личного помощника?

— Вы любите играть с огнем, брат мой. — Дайм окинул Роне оценивающим и сытым взглядом. — Главное, как следует этот огонь обуздать.

Люкрес рассмеялся, явно представив себе, как именно Дайм будет обуздывать этот огонь.

— Да, я знал, что тебе понравится, Дамиен! Ну скажи, ты доволен вашей... дружбой? По-моему это так мило, что в твою первую брачную ночь с Ристаной рядом будет и шер Бастерхази.

— Рядом? — поднял бровь Дайм, сделав вид, что не понял пошлого намека.

— Так близко, как ты захочешь, Дамиен, — многозначительно усмехнулся Люкрес. — Уверен, шер Бастерхази будет счастлив сделать все, что только придет тебе в голову, брат мой. Не так ли, шер Бастерхази?

— Разумеется, сир, — с великолепным фальшивым смирением отозвался Роне.

— Будем считать, что это мой тебе подарок к свадьбе, Дамиен. К моей свадьбе и твоей свадьбе. Думаю, нам не стоит тянуть, наши дорогие невесты уже заждались.

— И когда же вы желаете устроить бракосочетание? — Дайм подпустил в тон легкий оттенок нетерпения.

— Помолвка — на торжествах в честь дня рождения моей милой дурочки, свадьба... Как думаешь, если мы с тобой украдем наших невест в ту же ночь и отвезем в Алью Райна, это будет достаточно романтично?

— Вы это серьезно?

— Да. Сто раз да! Мне надоела эта провинция, я хочу скорее домой! — Люкрес вскочил и принялся ходить взад и вперед по комнате. — Нам с тобой столько надо сделать, Дамиен, столько сделать! Ты помнишь, что тебя ждет герцогский титул? Эти самодовольные идиоты Анри и Норман сто раз пожалеют, что недооценили нас с тобой. Слышишь? Только мы — настоящие Брайноны, мы снова сделаем империю могущественной! Ты слышал, какой закон эти ублюдки предложили в парламенте? Они хотят ограничить права шеров! Наши, данные Двуетными, права!

— Брат мой... — попробовал вклиниться Дайм, но Люкрес не позволил. Его глаза разгорелись, он уже почти бегал по комнате и гневно размахивал руками, но тут остановился и хмуро вперился взглядом в глаза Дайму.

— Это наш мир. Наш! Истинных шеров! Их собачье дело — подчиняться и благодарить за то, что Драконы снизошли к ним.

— Ты совершенно прав, брат мой.

— Помни об этом, Дамиен. Помни, что все, что я делаю, только для блага империи. Не будет сильных Брайнонов — не будет империи, а без империи этот мир развалится к шисам собачьим. — Тогда вам стоит побереечь свое здоровье, брат мой, — в последний, заведомо безнадежный раз попытался Дайм воззвать к его рассудку. — Я знаю, шера Лью верила в то, что делает, но вы на очень опасном пути. Вам нужен отдых и...

— Мне нужна твоя поддержка, Дамиен. Во всем. Ты должен верить в меня!

— Я верю, брат мой. Я из шкуры вон выпрыгиваю ради вашего благополучия. Позвольте же мне помочь...

— Так помоги! Прямо сейчас помоги. Научи мне, как ты это делаешь? — Люкрес подскочил к нему, наклонился, упершись руками в подлокотники кресла, и внезапно понизил голос. — Как, Дамиен, как тебе удастся? Открой мне этот секрет.

— Что удастся, Люкрес? — так же тихо переспросил Дайм, замороженный сумасшедшим огнем, сжигающим брата.

— Все это, с темным шером, — еще тише прошептал Люкрес и еще ближе наклонился к Дайму. — Ты впитал все, что он дал. Все. До капли. Даже больше! Я же вижу, сколько в тебе силы, и ни единого пятнышка этой проклятой черной мути. Как, Дамиен, научи меня... Хочешь, я отдам Бастерхази тебе насовсем, он будет целиком твой? Только научи, как ты это делаешь, шис тебя подери!

На последних словах голос Люкреса поднялся до крика, и он с силой оттолкнул кресло с сидящим в

нем Даймом — так что то едва не упало. А сам он обернулся к Бастерхази, отошедшему в дальний угол.

— Если ты скажешь мне как, я верну твоей семье драный герцогский титул и дам все, что пожелаешь. Хочешь свободы, темный шер? Хочешь почтения и трепета? Я могу вернуть вам, Хиссовым отродьям, все, что у вас забрали по вашей же глупости. Ну? Выкладывай, Хиссов сын!

— Поясните, что именно вы желаете, сир.

— Пояснить? А то ты не понимаешь, Хиссово отродье!

Люкрес медленно и угрожающе направился к неподвижному Бастерхази, и Дайм на мгновение испугался. Не может быть, чтобы Люкрес увидел его истинную силу! Или они с Роне настолько потеряли контроль, что позволили ей прорваться наружу? Или же они недооценили Люкреса и он гораздо умнее и проникательнее, чем им казалось? Или же он просто погружен в свои грезы о могуществе настолько, что уже не воспринимает реальности? Проклятье... Как бы убрать отсюда Диена и влезть к сбрендившему братцу в мозги!

— Я могу лишь догадываться, сир.

— Ну так догадайся, шис тебя дери! — Люкрес снова кричал, брызгая слюной и размахивая руками. — Мне нужна эта сила! То, что вы сейчас сделали, будь вы оба прокляты! Как?! Отвечай, Бастерхази, как ты это делаешь? Откуда ты ее берешь? Я же видел, все видел... хватит притворяться! Я приказываю тебе, говори! Как ты это делаешь?

— Я делаю так, как вы приказали, сир.

— Хиссов... Ты, Хиссов сын! Я приказываю тебе, сделай это для меня, эта сила нужна мне, сейчас же!

— Это опас...

— Не смей возражать! — еще повысил он голос.

— Ваш приказ, сир, — склонил голову Бастерхази, и его аура затрепетала, потекла к Люкресу, окутала его так же, как совсем недавно окутывала Дайма...

Он с брезгливым ужасом смотрел на тщетные попытки Люкреса впитать темный дар, на то, как мутнеют и расплываются его собственные потоки. Света в них оставалось все меньше, но и тьма не приживалась, утекала сквозь зияющие прорехи и разъедала его, словно кислота.

На мгновение он даже подумал: что, если не останавливать Люкреса? Позволить ему окончательно загубить свой дар и умереть? Это же так просто! Еще несколько минут, и все будет кончено. Не зря же Конвент категорически запрещает подобные эксперименты. И с кровью шеро в том числе.

Пожалуй, если бы не Диен...

— Именем Конвента, прекратите, — рявкнул Дайм ровно на полсекунды раньше, чем то же самое приказал лейтенант Диен. — Шер Бастерхази, убирайтесь немедленно!

Не дожидаясь конца фразы, Роне отскочил от Люкреса, свернул все потоки и закрылся наглухо.

— Прошу вас, сир, — глухо сказал он, склонившись перед Люкресом. — Вам немедленно нужен целитель.

— Ты... ты не смеешь! — взъярился Люкрес, не желающий видеть, что происходит с его аурой. — Бастерхази, я приказываю!

— Умоляю, сир, вам необходима помощь светлого шера! — Роне упал на колени. — Темная кровь опасна для вас, сир! Прошу!..

— Бастерхази, именем Конвента, вон отсюда, — ровно приказал Диен и шагнул к Люкресу.

— Простите, сир, я не могу послушаться, — пробормотал Роне и исчез.

А Люкрес, бешено сверкая глазами и не замечая, как его качает, развернулся к Дайму.

— Не смей вмешиваться! Ты... ты... убирайся, предатель! Ублюдок! Ненавижу!..

— Это приказ, брат мой?

— Да, это при... — заорал Люкрес, но не успел закончить. Лейтенант Диен закрыл ему рот ладонью,

а другой рукой прижал к себе так, что Люкрес не мог даже дернуться.

— Приступайте к исцелению, полковник. Его высочеству необходима немедленная помощь.

— Помогите его высочеству прилечь, лейтенант, — распорядился Дайм, прощаясь с надеждой на скоропостижную кончину Люкреса по причине его собственной дури.

Впрочем, какой бы ни была причина, отвечать за смерть августейшего недоноска в любом случае пришлось бы Дайму. Собственной шкурой. Так что все к лучшему.

Глава 18. Братья

3-й день каштанового цвета, Риль Суардис, Дайм шер Дюбрайн.

Очищение того, что осталось от ауры Люкреса после нарушения доброй половины запретов Конвента, заняло совсем немного времени. И, кажется, благотворно сказалось на рассудке принца. По крайней мере, его хватило на то, чтобы слабой рукой удерживать ладонь Дайма после того, как тот закончил, и попросить:

— Не уходи. Прости, брат, я... мне так плохо. Останься со мной.

— Конечно, я останусь. Вам нужно поспать.

— Нужно, но потом. Дамиен... объясни мне, я не понимаю. Что я сделал не так?

— Вы сами знаете, ваше вы...

— Прекрати, — оборвал его Люкрес. — Убери к шисам собачьим этого твоего полковника Магбезопасности и вспомни, что ты мой брат. А у меня есть имя. Ты хоть помнишь мое имя, Дамиен?

— Помню, Люка. Прости.

— Я сказал, хватит церемоний. Поговори со мной, как брат с братом, в конце-то концов!

Дайм проглотил все, что имел сказать на тему «брат с братом». Толку-то.

— Я и говорю тебе, Люка, как брат брату — прости. Я должен был остановить тебя гораздо раньше. Лет тридцать назад.

— Почему, Дамиен? Ведь все отлично получалось! Если бы Саламандра не бросила меня... почему, ну почему она бросила меня одного?! Когда она так мне нужна!

Дайм только покачал головой. Разговор брата с братом? Скорее, слепого с глухим.

— Зато теперь я с тобой, Люка. Саламандра любила тебя, но она ошибалась. Она чуть не убила тебя. Если ты позволишь, то я помогу тебе выздороветь.

— Да, помоги мне, Дамиен. Помоги. От этого темного шера никакого толку. Он не хочет мне служить, он — гнусный обманщик. Ты же ненавидишь его, правда? Темные шеры — это зло. От них нет пользы... или есть?

— Есть, Люка. Равновесие не пустой звук.

— Да при чем тут равновесие... Дамиен, научи меня. Я хочу так, как ты сегодня. Ведь у меня почти получилось! Это было так сладко... так... словно я могу обнять весь мир, словно у меня крылья... Я был почти всемогущ!

— Это последствия фейской пылицы, Люка.

— Да нет же, это — магия! Тебе легко говорить, тебе досталась вся сила Брайнонов. Поделись со мной, Дамиен. Мы же братья! Мы вместе будем править империей после отца, он же именно этого хочет. Я — на троне, а ты сменишь Парьена. Хочешь, сделаем Бастерхази Темнейшим. Для тебя. Чтобы тебе было кого нагибать. — Люкрес хитро усмехнулся. — Я же вижу, ты наконец-то нашел себе достойного противника.

— Я бы предпочел Бастерхази в ошейнике, а не с посохом Темнейшего.

— Уговорил, подарю тебе Бастерхази в ошейнике. Только научи меня. Как ты берешь дар у темных? Как ты делаешь их сильнее?

— Я делаю их сильнее? — почти искренне удивился Дайм. — Разве Бастерхази сегодня стал сильнее?

— Конечно. И не говори мне, что ты этого не заметил. Дамиен, не лги мне, прошу. Если даже ты будешь мне врать, на кого тогда мне опереться? Император не может быть один, и тебе одному не выжить. Ты же знаешь, как тебя ненавидят наши старшие братья? Я бы тоже ненавидел на их месте. Морщинистые, седые, им скоро в траву, а ты выглядишь как мальчишка. Даже младше меня.

— Это была беспардонная лесть, Люка? — грустно улыбнулся Дайм.

— Это горькая правда. Ты знаешь, что я уже начинаю седеть? Мне нет шести десятков, а я уже старею. Как какой-то бездарный простолюдин.

— Ладно, открою тебе страшную тайну, Люка. Я тоже седею. После того как мне пришлось сломя голову нестись сюда и спасать тебя от упыря, у меня половина головы была седая.

— Врешь, — расплылся в улыбке Люкрес. — Ты такой же рыжий, как всегда.

— Я не рыжий, я каштановый, — притворно возмутился Дайм.

— И опять увливаешь. Дамиен, Дамиен... Ты же посадил на трон Сашмира мальчишку, у которого силы было не больше, чем у котенка.

— Не сказал бы, — покачал головой Дайм.

— Ну ладно, как у щенка. Но теперь-то шер Пхутра у нас великий маг, ясновидец и почти чудотворец. Летающий дворец, это же... проклятье... — Люкрес поморщился и сглотнул. — Это ты сделал. Я знаю, Дамиен. Это сделал с ним ты.

— Люка, ты бы меньше читал газет. Ну какой летающий дворец? Люди всего лишь увидели охранные чары, сотворенные старыми Пхутра еще до Мертвой войны. Я-то тут при чем?

— При том, что султан обрел силу. Не отрицай, Дамиен. Я читал твои же отчеты. Ты отлично умеешь морочить всем голову, но ты забыл подделать результаты измерения ауры. Нельзя быть таким небрежным.

— Позор на мою седую голову.

Дайм вздохнул, мысленно кляня себя на чем свет стоит: ни одно доброе дело не остается безнаказанным. Что ему стоило дать сашмирскому дворцу рухнуть, династии прерваться, а самому Сашмиру утонуть в крови междоусобной войны? Ничего. Кроме того, что он — светлый шер, а не чудовище.

— Расскажи мне, Дамиен, как это получилось. Ты использовал артефакты Пхутра?

Все же он недооценил Люкреса. Мозги у него работают хорошо, когда не замутнены жаждой власти. И это демонски плохо.

— Не просто использовал. Люка, раз ты читал мои отчеты и понял насчет султана, наверняка и все понял про их дворец.

— Кое-что, Дамиен, но далеко не все. У нас тоже есть артефакты. И они сильнее, чем артефакты Пхутра.

— Только мы понятия не имеем, Люка, во что султан превратится через десяток-другой лет. Останется ли он вообще человеком. Я спасал дворец, как мог, иначе бы он просто рухнул, и я бы сам там сдох. Но повторить что-то подобное добровольно и использовать в качестве проводника тебя? Ни за что. Люка, это чудо, что Пхутра выжил.

— Но ведь выжил. Я тоже выживу и стану наконец-то сильным шером. Ты вообще представляешь, что это такое — видеть, чувствовать силу, но не иметь возможности ей пользоваться? Ждать, пока камердинер подаст мне сюртук, потому что я сам не в состоянии взять его всего лишь из соседней комнаты? Видеть и ощущать стихийные потоки, пронизывающие все вокруг, а когда я пытаюсь дотронуться — мои руки проходят сквозь них? Они не слышат и не видят меня, если только я не кричу, срывая горло... ты представляешь, каково мне, брат?!

— Если бы я мог тебе помочь, — тихо ответил Дайм.

До него внезапно дошло, что помешательство Люкреса на силе — не просто дурь и вредность характера. Ведь обычно шер видит и ощущает ровно столько, сколько ему подвластно. Потому что для шера видеть и управлять — одно и то же. А для Люкреса, получается, все иначе? Какой-то редкий дисбаланс восприятия и контроля. Странно, почему Светлейший никогда не говорил об этом.

— Ты не знал, да? — так же тихо спросил Люкрес. — Я отлично разбираюсь в теории, Дамиен. Я могу десять диссертаций написать. Но я сам не умещаюсь ни в одну теорию, вот в чем проблема. Саламандра как-то сказала, что я проклят. Что мы все, Брайноны, прокляты темными шерами. Теми, которых казнили во время Черного бунта.

— Любое проклятие можно снять, Люка. Если бы это было именно проклятие, Парьен бы давно...

— Парьен? — прервал его Люкрес и зло рассмеялся. — Старый интриган! Ты знаешь, что он мне предложил?

— Благодарить Двуетиных за то, что имеешь, и не желать того, что тебе на самом деле не нужно. Мне он твердит об этом почти полвека.

— Не ему судить, что мне нужно, а что — нет! У него есть все, что только может пожелать шер, а у меня — жалкие крохи! У меня, Брайнона! Разве это справедливо, Дамиен?

— Справедливости не существует, Люка. По-твоему, справедливо то, что... проклятье... — Дайм зажмурился от резкой боли, выворачивающей его наизнанку.

— Сделать из тебя цепного пса, — продолжил за него Люкрес и сжал его руку, даже попытался облегчить боль в меру своих ничтожных сил. — Нет. Я бы никогда не сделал такого с собственным сыном. И с братом бы не сделал.

— Но хочешь сделать это с Бастерхази.

«И беззастенчиво пользуешься своей властью надо мной», — добавил Дайм про себя.

— Темный — это совсем другое. Хиссов сын пятнадцать лет насмеялся над моим братом. — Люкрес нахмурился. — Никто не смеет задирать нос перед Брайнонами. Никто!

— Я в самом деле могу тебе помочь, Люка, но не могу передать свой дар. Это могут сделать лишь Двуетиные.

— А я и не хочу твой дар, Дамиен. Я хочу свой! Мой дар! Я знаю, его надо лишь пробудить. И в этом ты мне поможешь.

— Конечно, Люка. Я сделаю все возможное, чтобы твой дар пробудился.

— Да. Ты сделаешь так, чтобы я получил достойный короны Брайнонов дар. Правда же, Дамиен?

— Конечно.

— Поклянись. Ну же, клянись, Дамиен!

— Ты считаешь, что на мне недостаточно клятв, Люка?

— Ты... ты не хочешь... ты... — Люкрес посмотрел на него совершенно больными глазами. — Единственный, кому я верил...

— Я хочу, Люка. Видят Двуетиные, я сделаю все возможное, чтобы ты получил достойный Брайнона дар, — торжественно произнес Дайм и добавил про себя: «Хотя Двуетиные уже решили, чего именно ты достоин, и я согласен с их решением».

Ему показалось, что вспышка Света и Тьмы, принявших его клятву, сопровождалась насмешливым фырканьем, и чья-то ласковая рука потрепала его по волосам. Наверняка показалось. Вряд ли Двуетиным смешны его попытки и не навесить на себя лишних обязательств, и успокоить полубезумного брата.

Люкрес же довольно улыбнулся и откинулся на подушки, прикрыл глаза.

— Я рад, что не ошибся в тебе, брат. И видят Двуетиные, я вознагражу тебя достойно твоей верности.

На этот раз насмешливое фырканье Дайму точно не померещилось, причем фыркали отчетливо на два голоса.

— А теперь тебе надо уснуть, Люка. И прошу тебя, завтра дай себе отдых. Никаких экспериментов с силой.

— Ладно, уговорил. Завтра мы с тобой будем играть в шатранж, запускать голубей и очаровывать дам. Я приметил одну очаровательную кошечку... нет, двух очаровательных кошечек... Пошли им цветы, Дамиен, и пригласи завтра поужинать со мной.

— Люка, только не говори, что мне придется весь вечер развлекать твою невесту!

— Невесту... да ладно, Дамиен, это такие мелочи. Тем более вчера вы очень неплохо развлекли друг друга. Может, ты и на этот раз добудешь динг-другой фейской пыльцы.

— О боги. Даже если добуду, обещаю тебе, что ты не станешь ее употреблять. Тебе надо побережись.

— Не стану, — с честными глазами соврал Люкрес и снова довольно улыбнулся. — А ты тоже спи. Здесь где-то была вторая кровать...

— Люка, мне еще надо написать приглашения советникам. Если ты не передумал завтра с ними беседовать.

— Не передумал. Ох, Дамиен, ну поручи это кому-нибудь! Я хочу, чтобы ты был рядом. Мне страшно одному в этом проклятом рассаднике аномалий.

— Я посижу с тобой, пока ты уснешь, а потом займусь делами, — кивнул Дайм. — Если тебе приснится плохой сон, просто позови.

— Упрямый, занудный бра-атец, — зевнул Люкрес. — Доброй но...

И уснул.

— Доброй ночи, Люка, — шепнул Дайм. — Если бы ты знал, как я мечтал когда-то о таком вот разговоре. Спи спокойно. Я позабочусь о тебе.

Встав с края кровати, где он сидел все это время, Дайм встретился взглядом с едва заметно отблескивающими в темноте глазами лейтенанта Диена. Тот по своему обыкновению неподвижно стоял у изголовья и даже, кажется, не дышал. Правда, встретив взгляд Дайма, почему-то дернул ртом, словно пытался улыбнуться.

— Доброй ночи, Диен, — неожиданно для себя сказал Дайм.

Впервые за почти полвека, что они знакомы. И впервые подумал: как странно, Диен намного его старше, в его жилах не течет драконья кровь, но выглядит он в точности так же, как и в их первую встречу. Словно его тело в стазисе.

— Доброй ночи, полковник Дюбрайн, — едва слышно отозвался Диен.

Тоже впервые за все время их знакомства. Странные дела творятся!

Глава 19. Молнии в банках

3-й день каштанового цвета, Шуалейда.

Всего через четверть часа Шу входила в кабинет дру Бродерика. Его, счастливчика, не пригласили на королевский завтрак, плавно переходящий в обед. Поэтому Берри мог потратить время с толком.

По своему обыкновению — на научные эксперименты.

В его новой лаборатории Шу еще не бывала, слишком занятая придворной жизнью, ширхаб ее нюхай. А зайдя, чуть не прослезилась от ностальгии... ну или от едких испарений, ползущих по полу и норовящих вылететь из лаборатории через открытую дверь.

На мраморном столе, как всегда, что-то кипело, трещало, искрило, извергало клубы вонючего дыма и подпрыгивало, дребезжа металлическими частями.

— Уберите магию, у меня эксперимент! — проворчал гном вместо приветствия и снова застрочил в блокноте, время от времени поворачивая какие-то рычаги и доливая в воронку маслянисто-радужной жидкости.

Шу лишь пожала плечами и свернула потоки как можно плотнее, чтобы чего-нибудь не повредить. Она давно привыкла к тому, что Берри жить не может без своих изысканий. Вот и сейчас, едва переехав в Риль Суардис, он поселился в лаборатории, а спальню наверняка приспособил под склад реактивов и железяк. Единственное, что осталось без изменений, это библиотека.

В белом фартуке и защитных очках, сдвинутых на лоб, с запорошенной сажей, но тщательно заплетенной бородой Берри походил на полководца. Только командовал не солдатами, а приборами. В Сойке Шу не раз помогала ему в экспериментах: Берри задался целью научиться управлять стихийной энергией не нормальным способом, как все шеры делают, а с помощью хитроумных устройств. Извлекать нечто подобное молниям он умел еще до того, как король Валанты сманил его в наставники своим детям — правда, до Шу не доходило, ни как Берри это делает, ни, главное, зачем.

«Как ваше высочество не понимает! — недоумевал Берри. — Магия-то иссякает! И что будет с цивилизацией, когда драконья кровь окончательно растворится в человеческой? Руны вам не освоить, ваш разум не приспособлен к такой точности и сложности вычислений. Шаманская волшба тоже не для вас. Вот и останетесь со своим примитивным земледелием, без связи, без энергии, без медицины... Эх! И чем только занимается ваш Конвент? Наверняка же, если провести полномасштабные исследования, можно вывести закономерности, и тогда...»

В такие моменты Шу казалось, что Берри готов и ее распотрошить на лабораторном столе во благо науки. А может, использовать как подопытную мышку для выведения устойчивых шеров. Нет уж, пусть лучше Берри занимается энергиями — раз он говорит, что вскоре молнии в банках будут освещать улицы вместо фонарных жуков и двигать корабли вместо Синих жемчужин и ветра.

Несмотря на то что Шу с Бален молча сидели в уголке, ожидая окончания эксперимента, у Берри снова что-то не заладилось. Конструкция из медных пластин и трубочек, проводов, рычагов, шестеренок и маховиков заскрежетала, окуталась голубым огнем, — точь-в-точь шаровая молния, — издала жалобный пшик и умерла.

— ...смещение полярности... слишком высокая проводимость... изоляция... разряд... — увлеченно бормотал гном, удвоив скорость царапанья вечным пером по бумаге. — Надо попробовать другое соотношение.

Понятные по отдельности, слова сливались в мозголомную мешанину. Все эти преобразования, сопротивления в приложении к гномьим агрегатам казались полным бредом, а сила в проводах — детскими сказками.

«У вашего высочества совершенно иное мировосприятие. Магия и естественные науки принципиально несовместимы: это все равно что учить рыбу летать. Чуждая среда, чуждый подход. Шер и физика вступают в неразрешимый конфликт, и в вашем случае физика безнадежно проигрывает, — объяснял гном лет пять назад, глядя на отравивший ножки с глазками и сбежавший под шкаф прибор. — Вы, шеры, влияете на материю посредством воли и идеи. А мы, гномы, используем законы самой материи: посмотрите, как отличается руна, сделанная рунмастером от „руны“, нарисованной вами. Ничего общего, кроме грубого внешнего сходства! Вы заменяете пропорции и материалы на чистую идею, используя продукт высшей математики лишь как красивый символ. Но убери из этой „руны“ искусственно вложенную энергию, и она перестанет действовать. А правильная руна работает без вливания магии! Наоборот, естественным путем

преобразует тонкие энергии...»

Ну и как это понимать? Магия — неестественна? Он бы еще сказал, что магия — это сказка!

Нет, пусть Берри умен, как все семь магистров Конвента, вместе взятые, но тут Шу никак не могла согласиться. Мир не может существовать без творящей силы Двуетерных! Как тогда будет двигаться по небу солнце? Оно же рухнет и сожжет землю!

— А, ваше высочество, — наконец заметил их гном. — Прошу прощения, увлекся.

Баль приснула: как будто во время эксперимента дру Бродерик заметит ураган и наводнение, если, конечно, те не снесут его ненаглядные приборы.

— Надеюсь, дру Берри, мы не помешали. — Шу присела в насмешливом реверансе. — Мне нужна ваша консультация.

— Неужели ваше высочество решили изучать физику?

— Боюсь, физика не вынесет такого счастья, — фыркнула Шу, памятуя о сбегающих от нее приборах. — Мне нужен сильный темный артефакт. Может быть, вы знаете, где и как его достать?

— Темный артефакт? Ваше высочество не по адресу. Вряд ли вам подойдет электролитическая батарея, а ничего более похожего на темный артефакт у меня нет.

— Звучит очень страшно, — вздохнула Шу.

— Обратитесь к полпреду Конвента. Вот у него, я уверен, темных артефактов — целый склад.

— Это не смешно, Берри, — нахмурилась Баль.

Шу только вздохнула: у Роне наверняка что-нибудь найдется, но Люкрес не отпускает его ни на шаг. Темный шер вынужден торчать рядом с кронпринцем, словно он — еще один голем лейб-гвардии. Но, может быть, это и хорошо? Если Роне не отходит от кронпринца, ей и не придется объяснять ему, почему она не хочет делиться Линзой. Ужасно глупое объяснение: мама против. Но... если мама — Хранитель, спорить с ней как-то неправильно.

— Совершенно не смешно, — согласился гном. — Поверьте, я бы помог... впрочем... если вам понадобится взломать королевскую сокровищницу, я всегда к вашим услугам, прекрасные шеры. Но на вашем месте я бы пошел простым путем и обратился в гильдию ткачей. Уверен, у них найдется что-нибудь подходящее.

Шу переглянулась с Баль, и они синхронно кивнули друг другу: гильдия так гильдия. Идем.

— Благодарю, дру Бродерик. — Шу присела в церемонном реверансе. — Мы непременно воспользуемся вашим советом.

Выйдя из гномьей лаборатории, Шу мысленно позвала Дайма, но он не услышал. Зато Шу всего на мгновение прикоснулась к нему, почти стала им... и в ужасе сбежала от того, что увидела.

— Что случилось? — забеспокоилась Баль. — Тебе привиделся Ману Одноглазый?

— Зачем такие древности, когда тут есть мой не жених, — передернула плечами Шу. — Знаешь что, а пошли в гильдию прямо сейчас. Похоже, Дайм будет занят еще очень долго.

«Надеюсь, ты справишься с этим чудовищем и вернешься ко мне. Вы оба вернетесь живыми и здоровыми», — мысленно добавила она.

— Пошли. У тебя есть чем расплатиться? Я как-то не запаслась золотом.

— Хм. Золото. — Шу в задумчивости остановилась и огляделась, словно кошель мог найтись вот прямо тут, под древней статуей, украшающей одну из дворцовых галерей. — Интересно, сколько нам понадобится... Как думаешь, полсотни импералов хватит?

— Думаю, хватит. Мы же собираемся заказывать шер Бастерхази. Интересно, а они бы взялись?

— Нет, — резче, чем собиралась, ответила Шу и тут же примирительно улыбнулась. — Извини, я просто не хочу о нем говорить.

Баль лишь пожала плечами: не хочешь — и не надо.

Полсотни импералов Шу, недолго думая, одолжила у Энрике, честно сказав, куда они с Баль

собираются. А себе сделала заметку: поговорить с казначеем, чтобы тот выплачивал Бален жалованье, как фрейлине. Фрейлинам наверняка полагается жалованье. Это в Сойке она могла не думать о деньгах, все равно тратить их было некуда, а столица — совсем другое дело.

Насколько другое, она поняла, лишь выйдя из Леса Фей в город. Разумеется, они с Бален пошли вместе, и не как принцесса с фрейлиной. Они и в Сойке бегали в ближайшую деревню под видом мальчишек с конюшни, и сейчас надели привычные штаны и немножко изменили внешность. Из Шу получился долговязый и голенастый парнишка, типичный южанин, а из Белочки — мальчишка лет тринадцати, не больше, мастью почему-то похожий на Медного генерала.

Если бы не повод, они обе бы наслаждались первой прогулкой по столице. Ведь когда едешь в королевском обозе, города толком не увидишь. То ли дело — пройтись вот так, неузнанными, купить у разносчика пирожков с курятиной, послушать такие непривычные разговоры горожан, рассмотреть витрины с диковинными товарами...

— Ух ты, ржавая подкова! — Бален дернула Шу за рукав, привлекая внимание к странной лавке.

Написано было — «Оружейный мастер Иргвин», но в витрине в самом деле лежали ржавая подкова, нож для чистки копыт и дырявый молочный бидон. Но самым странным было не это, а вороненок, сидящий на этом бидоне. Вроде бы самый обычный, едва вставший на крыло птенец. За исключением того, что от него явственно тянуло золотой силой, одно крыло было аккуратно перевязано, а на шее красовалась тесемка с полудесятком самоцветных бусин.

— Цып-цып, — позвала Шу прямо через витринное стекло.

Вороненок глянул на нее черным глазом-бусинкой и каркнул. Следы золотой магии стали заметнее, правда, Шу так и не смогла понять, что же светлый шер делал с птенцом. Вряд ли лечил, тогда бы крыло не надо было перевязывать.

— Может, зайдём? — спросила Белочка. — Интересно же, почему у оружейника — и подкова.

На звон колокольчика вышел гном, на вид — родной брат дру Бродерика. Такой же рыжий, одетый в попугайские цвета и с драгоценными бусинами в бороде.

— Светлого дня, дру, — поклонилась Шу. — У вас интересный ворон.

Гном усмехнулся и приосанился.

— Настоящий ирийский ворон! Алмаз, иди-ка сюда!

Вороненок каркнул и перепрыгнул с молочного бидона гному на руку.

— Ирийский ворон? — переспросила Белочка. — Никогда о таких не слышала.

Они с Шу переглянулись: нет же никаких ирийских воронов! Ирийские лошади — есть, феи и русалки — есть, а вороны в ирийских лесах водятся самые обычные. Черные. Каркающие.

Однако гном поведал юным бие, что ему подарил этого редкого и очень дорогого ворона один весьма, весьма уважаемый человек. Вороненок пока маленький, поэтому говорит совсем мало, но кое-что уже умеет.

— Поздоровайся, Алмаз.

— Здра! — каркнул птенец и гордо покосился на Шу.

— Ого, в самом деле говорящий!

— Кр-расава! Ар-рмаз кр-расава!

— И скромник, — усмехнулся гном.

— Кр-расава! — не согласился вороненок.

— А что у Алмаза с крылом? Можно глянуть? — протянула к нему руку Бален.

— Кра! — пожаловался вороненок, перепрыгивая к ней на руку.

— Ну надо же, а ты ему нравишься, малыш, — удивился гном. — Ни к кому, кроме Себа, не идет, а к тебе пошел.

— Потому что чувствует родную кровь, — с важным видом кивнула Бален, уже налитывающая воронье крыло потоками силы. — У меня прадед из мисле-ире. Кстати, шину уже можно снимать. Крыло

здорово.

— Ты что, целитель, малыш?

— Да нет, что вы, дру. Я так, чуть-чуть совсем.

Гном недоверчиво покачал головой и взял в руки вороненка.

— Ну что, Алмаз, поверим мальчишке, снимем повязку?

— Кра! — согласился птенец. — Кра-красава!

— Дайте мне, дру, — попросила Бален. — Я умею, честно! Он такой замечательный. Красава Алмаз!

— Сахар-рок! Сахар-рок! — требовал вороненок, пока Шу держала вороненка, а Бален снимала повязку.

Кстати, мастерски наложенную и тоже со следами золотой силы. Вот странный шер! Подарил вороненку разум и способность говорить, но почему-то не вылечил. А ведь лечить — намного проще. Ну то есть Шу-то в принципе все равно, у нее и стул заговорит, если ей очень захочется, но теоретически...

— А что за Себ такой, дру?

— Да так, шастает тут один паренек, на дудочке играет.

— Менестрель?

— Вроде того. — Гном явно не желал обсуждать неведомого светлого шера. — А вы, молодые люди, зашли вороненка посмотреть или по делу?

— По делу. Вы же мастер оружейник, а нам бы...

— Метательные ножи бы нам, дру.

Гном хмыкнул и почесал бороду, сложив пальцы каким-то хитрым образом. Бален тут же потеряла кончик носа, тоже изобразив нечто странное и неудобное пальцами. На что гном еще раз хмыкнул, уже куда более доброжелательно, и предложил юным подмастерьям самим попробовать вот эти прекрасные клинки.

Клинки чудесным образом появились из массивного, расписанного охранными рунами шкафа. И оказались в самом деле прекрасными. Так что из лавки дру гнома Шу с Бален ушли с двумя парами метательных ножей и одной изумительно красивой дагой. Дагу Шу взяла лишь потому, что от нее тоже пахло золотой магией. Совсем слабо, но так притягательно!

Кошель, правда, похудел на шестнадцать империалов, но ведь вряд ли ткачи запросят за артефакты больше тридцати? Да и вообще их бы сначала найти, этих ткачей.

Честно говоря, Шу немного сомневалась, что Хисс примет заказ после того, как она убила его Руку. Так что она, сворачивая в ближайший от оружейной лавки переулок, внимательно прислушивалась к слабым природным потокам, фоном пронизывающим весь город. Столица большая, вдруг им просто попадется темный артефакт? Ну, не то чтобы прямо под этой старой телегой, брошенной посреди переулочка, среди красных кленовых листьев...

— Начало лета, откуда красные листья? И здесь нет кленов! — осознав странность, замерла на месте Шу.

— Похоже, мы пришли, — почему-то шепотом сказала Бален.

Только тут Шу подняла взгляд на ближайший дом. Серый. Пыльный. Явно ненастоящий. Ненастоящим был не только этот дом, весь переулок походил на старые балаганные декорации. Даже небо над ее головой выглядело каким-то серым, выцветшим и низким, не выше ближайшей крыши. Шу была уверена — ни одна дверь не откроется, а если ткнуть в ближайшую стену дагой, она проломится и откроет лаз...

Она вздрогнула, представив лаз прямиком в Ургаш. Нет уж. Обойдемся без экспериментов. Она — не дру Бродерик, вот он бы точно ткнул и взял образцы... Шу не знала, образцы чего можно взять в Бездне, но дру Бродерик бы точно нашел. И его выпроводили бы оттуда с поклонами и подарками, а выпроводив, устроили бы всебездный праздник.

— Мне тут не нравится, — шепнула Бален еще тише.

Скрип вывески показался Шу громким, словно крик морского льва посреди ночи. Но совершенно не страшным. Наоборот, напряжение отпустило.

— Нам туда, — кивнула она на дверь под жестяными портняжными ножницами.

Внутри лавки было намного темнее, чем на улице. Колбы с фонарными жуками едва освещали какие-то тюки, рулоны, ящики и бочки. Настоящие. И однорукого полуседого пирата, что-то подсчитывающего в лежащем на конторке гроссбухе.

Поначалу, когда Шу с Бален только вошли, пират лишь скользнул по ним пустым взглядом и вернулся к подсчетам. Но через мгновение — вздрогнул, вскочил, шагнул навстречу и низко поклонился, осенив себя большим треугольником.

— Рад приветствовать вас, — с неподдельным почтением сказал пират, выпрямляясь. — Проходите, Мастер ожидает вас.

Смотрел он при этом исключительно на Шуалейду, причем так, словно всю жизнь ее ждал. То есть с восторгом, трепетом и страхом.

«Что это он?» — мысленно спросила Бален.

«А Хисс его знает», — пожала плечами Шу.

Она сама не понимала, почему ей вдруг стало весело. И почему ей тут нравится. Не то чтобы ей хотелось тут остаться, но было ощущение, словно она пришла в свою детскую «пещеру сокровищ», о которой почему-то забыла на долгие годы. А тут вдруг вспомнила.

Странно. Очень странно. Но о странностях она подумает потом. После встречи с Мастером Ткачом. Это же безумно интересно — увидеть самого Мастера Ткача! Правую Руку Хисса! Возможно, Мастер Ткач окажется вовсе не тем ужасным чудовищем, о котором рассказывают страшные сказки даже капитаны Магбезопасности. Ну ведь Роне — не чудовище, хоть и темный шер. Он только притворяется чудовищем, потому что так положено. А на самом деле он хороший. Добрый. Заботливый. Нежный... Ох, что-то она не о том думает перед встречей с Мастером Ткачом.

— Светлого дня, — поздоровался с ними невысокий, чем-то похожий на восточного кочевника бие, и поклонился так же глубоко, как до этого однорукий пират.

Шу вернула ему поклон, чем вызвала всплеск неподдельного удивления. Словно от нее никак не ожидали обычной вежливости, а ожидали... наказания? Порицания? Высокомерного равнодушия?.. Очень странно. Кажется, ее приняли за кого-то другого. Уж не за шера ли Бастерхази!

— Светлого дня, Мастер. Я хочу сделать заказ.

— Все, что вам угодно. Присаживайтесь.

Мастер Ткач указал на два каменных стула у каменного же стола. На самом столе не было ничего, кроме одинокой книги с витиеватой надписью «Хроники Мертвой войны». Неужели это и есть та самая загадочная Книга Теней? А может быть, сам Канон Полночи, по легендам, дарованный мастерам теней самим Хиссом? Но, странное дело, темной силой от книги не пахло. Вообще никакой силой не пахло, словно это была самая обычная книга, каких сотни в королевской библиотеке.

— Мне нужен темный артефакт, — перешла Шу к делу, едва сев на редкостно неудобный стул. Бален села рядом, все так же молча и настороженно. — Любого свойства, но обязательно темный. Желательно к утру. Это возможно?

— Разумеется, — кивнул Мастер Ткач, открывая книгу и опуская в нее взгляд. Всего на миг. Шу не знала, что он там прочитал, только ощущала его удивление и почему-то облегчение. — К рассвету артефакт будет здесь. Если желаете, можем доставить в любое удобное для вас место.

— Желаю. Ну... допустим, балкон покоев герцога Альгредо в королевском дворце.

— Как скажете. Заказ обойдется вам в тридцать четыре империала.

Шу положила перед Мастером кошель. Цене она не удивилась, в конце концов, Хисс точно знает, сколько у нее осталось денег. Он всегда все знает, работа такая.

— Сделка, — кивнул Мастер, принимая кошель.

— Сделка, — так же кивнула Шу и с любопытством посмотрела на раскрытую книгу.

Вот только ничего там не увидела, хоть на зрение никогда и не жаловалась. То есть увидела бессмысленные расплывчатые закорючки вместо букв. И снова никакой магии! Вот бы изучить эту книгу, это же так интересно!

— Что, и не надо ничего подписывать кровью? — ляпнула она, словно ее ширхаб за язык потянул.

— Не надо, — невозмутимо отозвался Мастер Ткач и, еще раз глянув в книгу, закрыл ее. — Вам мы всегда поверим на слово.

— Ну ладно. Э... благодарю вас, Мастер. Было приятно познакомиться.

— Встреча с вами — большая честь для меня.

Мастер снова поклонился, сложив руки лодочкой перед грудью. Насколько помнила Шу, в восточной традиции это означает большое уважение. Ну... она принцесса, конечно... но вряд ли Мастер Ткач ее узнал. Он же не шер. Ткачи не бывают шерами, это аксиома.

— До свидания, Мастер, — с сожалением попрощалась она.

Жаль. Ужасно жаль, что нельзя пригласить Мастера Ткача на чашечку шамьета и расспросить. Или можно?

— До свидания.

Наверное, можно. Хотя бы попробовать. Он симпатичный и интересный, этот Мастер Ткач. Чем-то похож на Энрике.

— Э... мне было бы приятно встретиться с вами снова, Мастер, за чашечкой шамьета. В смысле... Да. Заходите как-нибудь.

— В моем доме вы — всегда желанный гость.

Мастер снова поклонился, а Бален дернула Шу за рукав. И только тут Шу услышала ее мысленный вопль:

«Ты что творишь?! Пошли отсюда! Хватит, ну хватит же! Пошли скорее!»

«Да все же хорошо, не бойся. Это же Ткач, а не разбойник с большой дороги. Чего ты боишься?»

«Тебя. Пошли, а? Пожалуйста!»

Шу позволила Бален увести себя прочь. Даже оглянулась всего один раз — и встретила взглядом с черными, полными благоговейного удивления глазами Мастера Ткача.

Все же странно. Очень странно. Но... заказ принят, артефакт завтра будет, а значит, завтра она инициирует Линзу. Сама. Дайм с Роне поймут, почему ей необходимо это сделать одной. Обязательно поймут. И все будет хорошо.

А с Мастером Ткачом она непременно еще встретится. Просто несколько позже.

— Что на тебя нашло, Шу? — встряхнула ее Бален, вытащив за рукав из Безымянного тупика. — Что вообще там произошло? Я ничего не поняла!

— Я тоже. Но мне понравилось.

— Понравилось? Да я в жизни не видела более жуткого места! Глухой Маяк по сравнению с этим... этими... Да просто Светлые Сады! А тут... они так смотрят...

Бален передернулась и замолкла.

— Смотрят и смотрят, — пожала плечами Шу.

Ей хотелось сказать, что вот Роне — да, в его глазах можно сгореть. А в глазах Дайма — утонуть. А уж если они вместе... Добрые боги, лишь бы Люкрес не натворил какой-нибудь непоправимой дряни! Если он по-настоящему обидит Дайма или Роне, она... она... Она его убьет. Медленно и очень больно. Как настоящая темная. И сделает это своими руками, вот.

— Кого ты сейчас намереваешься резать ржавой пилой?

— А, что? — вскинулась Шу, не заметившая, что они уже почти дошли до опушки Леса Фей.

— Да ничего. У тебя такой вид, словно ты сейчас убьешь вон того несчастного с гитарой, — и Бален кивнула на менестреля в окружении десятка слушателей. — Играет без сомнения погано, но это же

не преступление.

— Да при чем тут менестрель, — поморщилась Шу. — Просто... Мне страшно, Белочка. Ты не представляешь, как мне страшно. Мне нужно инициировать Линзу не позже чем послезавтра. Вдруг у меня не получится?

— Получится. У тебя все получится. Даже не думай о всякой ерунде.

— Хотелось бы верить.

— Лучше послушай, да не этого фигляра, а вон того, со свирелью!

Нежная мелодия и в самом деле коснулась ушей Шу. Почему-то вспомнилась золотая магия в вороненке и слова гнома-оружейника о парнишке, играющем на дудочке. Может быть, это он?

Но, увы, музыкант был самым обычным бие без капли волшебного дара. Просто хороший музыкант и красивая мелодия.

Эта мелодия сопровождала Шу до самого дома. Она слышалась в шуме близкой реки, в шелесте ветвей, в посвисте птиц. Ее напевал тоненьким голосочком ире со стрекозиными крыльями, севший Шу на плечо и прокатившийся до самого дворца. Даже звездные фиалки, мерцающие у корней разлапистого дуба, призрачно звенели этой же мелодией. И Шу казалось, что сейчас, вот-вот, случится чудо.

Скоро. Совсем скоро.

Она легла спать с этим предчувствием. И, закрыв глаза, снова видела звездные фиалки и слышала волшебную музыку. Целую минуту, наверное. А потом уснула и спала крепко и без сновидений.

Глава 20. Черная Шера

«Пусть покинут братья и сестры мои, кроме Огненного, мир Райхи, чтобы научились люди жить умом своим. А я останусь здесь, никогда не возьму в руки оружия и не лишу жизни человека, но буду петь песни о любви и свободе, чтобы никогда не забыли люди, что в жилах их течет кровь драконов и богов», — сказал Золотой Дракон, самый мудрый и прекрасный из Драконов.

Маэстро Винсенте шер Клайво, 2-й день каштанового цвета. Суард, дом на площади Единорога.

От королевского бала маэстро Клайво остались на память две дюжины визитных карточек, завитушки, сладкие духи, чек на десять империалов с подписью королевского казначея, ломота в спине и головная боль. Что делать, годы берут свое. В пятьдесят с лишком уже не так просто сбегать от графа-рогоносца через балкон. Да и ублажать графиню две ночи подряд, пока ее супруг в отъезде.

Маэстро потер виски, отхлебнул сладкий чай и отставил чашку на прилавок. Хотелось закрыть лавку и завалиться поспать еще часиков на десять, чтобы к вечеру забыть о годах, об одиночестве и о том, что через неделю-другую графине надоедят скрипка и сонеты, а ему — графиня.

— Сатифа! — позвал он в открытую дверь из лавки в дом. — Чай остыл! И буши твои несладкие... — добавил он тихо.

Послышался сердитый звон посуды, тяжкий вздох, и на пороге показалась худая и высокая старуха в вышитом крахмальном фартуке.

— Вот вам горячий чай, шер Винсенте. И нечего ворчать на буши, много сладкого вредно!

Маэстро только покачал головой: для нее он всегда будет малышом, даже с седой бородой.

— Ложились бы вы спать, шер Винсенте, — укоризненно пробормотала экономка. — Если кто придет в лавку, уж как-нибудь справлюсь. А вообще надо бы вам нанять помощника. А еще лучше — помощницу. Жениться вам надо, шер Винсенте, вот что скажу!

— Опять ты за свое, Сатифа!

— Что Сатифа? — продолжала бурчать экономка, забирая остывший чай и наливая новый. — Говорила вам матушка, мягкой ей травушки, женитесь на дочке бургомистра. Уж и внуки были бы. А вы все один да один. Ученик и тот сбежал, проходимец. Кому ж лавку оставите? А скрипочки ваши, а? Так никто на них и не сыграет!

— Все, все, Сатифа. Сегодня же беру нового ученика. Ты довольна?

Она остановилась на пороге, обернулась.

— Шутки шутить изволите? — Сквозь старческую брюзгливость на миг проглянула та гордая красавица, что маэстро помнил из детства.

Он пожал плечами и принялся намазывать на булочку свежее абрикосовое варенье. Шутки! Он бы рад шутить. Но разве бие Махшуру откажешь? Придется взять стоеросовую дубину в лавку. Не было печали!

Маэстро оглядел выставленные в застекленных шкафах скрипки, альты, виолыны, гитары — он мог отличить любую из них хоть по голосу, хоть на ощупь. Мог рассказать о свойствах и привычках каждой, словно о ребенке. Он искренне и пылко любил свою музыку, свое дело и свой дом — доставшийся от родителей скромный особняк на углу улицы Трубадуров и площади Единорога. Всего два этажа и восемь комнат, но много ли ему надо? Зато в доме всегда светло: высокие окна выходят на юг и восток. Всегда тепло, но не жарко: белые каменные стены с примесью старинной магии не позволяют дому ни остыть, ни перегреться. А лавкой маэстро гордился отдельно: яблоневые двери с бронзовыми скрипичными ключами, ажурные решетки в виде нотного стана с мелодией о веселой вдове и, конечно же, лучшие в Валанте, а то и во всей империи инструменты.

Тяжело вздохнув, маэстро откусил булочку с вареньем и приласкал взглядом свой шедевр: семиструнную гитару эбенового дерева с грифом из синего ясеня. Не простого ясеня — у этой ветви, привезенной отцом из Истинного Леса, была своя история...

Но спокойно позавтракать маэстро не удалось. Дверь на улицу отворилась, проскрипев первые шесть нот песенки о веселой вдове, и выпустила покупателя. Совсем юношу, явно только-только накопившего на хороший инструмент.

Посетитель остановился на пороге, распахнув глаза. Маэстро согрела гордость. Да, его лавка — это настоящая пещера сокровищ, не чета гномам с их мертвыми камнями. Сокровища маэстро жили, дышали и пели.

— Доброго дня, почтенный, — окликнул он юношу.

Тот вздрогнул, закрыл дверь, смущенно улыбнулся и сделал пару шагов. Солнечный свет из-за двери шагнул вместе с ним: казалось, юноша окутан золотой светящейся пылью. Тут же вспомнились солнечные шеры искусства... Но юноша сделал еще шаг, покинув пятно отраженного витриной света, и маэстро усмехнулся: «Что-то я стал слишком романтичным. Старею».

— Доброго дня, маэстро Клайво. — Мягкий баритон юноши ласкал слух.

— Пожалуй, вам подойдет вот эта гитара, — позабыв про булочку и недопитый чай, Клайво вскочил и пошел к витрине у стены. — Сашмирский бук, струны белой меди. Выглядит скромно, но звук как раз под баритон. Ну-ка, играйте.

Он протянул гитару юноше, но тот неуверенно отступил.

— Да играйте же!

Он сердито сунул инструмент мальчишке под нос. Что за нерешительность! Или он пришел посмотреть? Нет, он должен, обязан играть на гитаре Клайво. Эти руки созданы для струн!

Наконец менестрель решился. Все с той же смущенной улыбкой взял гитару, прижал бок, тронул струны. Клайво одобрительно прищелкнул языком: рука поставлена правильно. Но что такое? Довольному голосу гитары вторит другой, обиженный и ревнивый.

«Что тебе не так, девочка моя?» — Маэстро глянул на Черную Шеру.

«Хочу!» — отозвалась та капризным обертоном и сердито сверкнула лаковой декой.

— Простите, но... — Юноша протянул гитару обратно.

— Да. Не ваш инструмент, — согласился маэстро. — Сейчас.

Он положил гитару на прилавок и направился к Шере. Взял в руки, погладил. Гитара нетерпеливо вибрировала: «Ну же, скорее!»

«Засиделась дома, моя хорошая. Хочешь, завтра вместе пойдем к графине Седейра?»

Черная Шера нетерпеливо дзинькнула, словно фыркнула: «Ничего вы, родители, не понимаете!»

Клайво с тщательно спрятанным сожалением вложил Шеру в руки юноши. Неужели придется расстаться? Но не держать же ее при себе до возвращения Драконов! Да и ни к чему скрипачу такая гитара.

— Ее зовут Черная Шера. — Он вздохнул, когда эбеновый бок оторвался от ладони. — Ну?

Юноша светло улыбнулся, коснулся струн. Шера запела, замурлыкала: ми, до, ля, ре. Ее звонкий и одновременно нежный голос отдался в теле дрожью удовольствия, Клайво даже прикрыл глаза, но звук оборвался.

— В чем дело? Вам не по вкусу Черная Шера?

— Она прекрасна. — В синих глазах менестреля сиял восторг, руки прижимали гитару, словно возлюбленную.

— Так в чем дело?..

Маэстро осекся, оглядел покупателя: тонкий, чуть нескладный, лет шестнадцати. Полотняные рубаха и жилет, как носят все небогатые горожане. Светлые волосы — признак северной крови, узкие сильные кисти, чуткие пальцы. Разумеется, Шера ему не по карману. Правду сказать, она по карману разве что королю, да и то всегда найдется причина ее не продать.

Клайво махнул рукой, готовый назвать цену в пять... нет, три империала: в тридцать раз меньше, чем сам же написал на медной табличке, сиротливо поблескивающей на мшистом бархате витрины. У мальчишки наверняка нет больше, а Шера выбрала его.

— Вы не берете меня в ученики?

Маэстро чуть не поперхнулся. Не может быть, чтобы этот солнечный ребенок имел какие-то дела с

гильдией воров и убийц! Наверняка тут нет никакой связи, просто совпадение.

— Как тебя зовут, мальчик?

— Себастьяно бие Морелле, маэстро. — Юноша поклонился.

— Значит, тебя прислал... — начал маэстро, надеясь услышать «Никто, я сам пришел».

— Бие Махшур, маэстро.

Разрази его Одноглазый! Как его занесло в Хиссову гильдию? Он же прирожденный музыкант! Невероятно. Вот вам и дубина стоеросовая.

— Что ж, я и не хотел с ней расставаться, — пробурчал Клайво, забирая Шеру.

Пока он укладывал гитару на место, она рассерженно звенела и норовила стукнуть родителя. А юноша переминался с ноги на ногу. Молча.

— Сатифа! — крикнул маэстро, закрыв шкаф.

— Да, шер Винсенте? — Экономка тут же показалась из-за двери: подслушивала, как всегда.

— Приготовь дальнюю спальню, а обед подай на двоих.

— Дальнюю?.. — переспросила Сатифа, от неожиданности выронив полотенце.

— Я ж обещал сегодня же взять ученика! А ты не поверила!

Экономка просияла улыбкой в сторону замершего мальчишки, кивнула, и, забыв о своих шести десятках, быстро пошла по лестнице вверх: пока шер Винсенте не передумал. А Клайво обернулся к ученику.

— Значит, так. Мне все равно, кто ты, и все равно, каким ветром тебя занесло к Махшуру. Пока ты здесь, ты — музыкант. Ясно?

— Да, маэстро. — Себастьяно бие Морелле почтительно поклонился, не скрывая радостной, детской улыбки и искоса поглядывая на Шеру.

— Даже не думай, не продам, — усмехнулся Клайво. — Ты ж толком и не играл?

— Нет, учитель.

— Так я и знал. Подсунули шис знает кого, а мне учить, — проворчал он, возвращаясь за прилавок, к надкусанной булочке. — Иди возьми у Сатифы метлу да подмети перед лавкой.

— Да, учитель.

Мальчишка еще раз поклонился и вприпрыжку помчался в дом.

— Да, учитель, — передразнил его маэстро и засмеялся: а чай-то снова остыл!

Себастьяно бие Морелле, Стриж.

— Отличная учеба. На свежем воздухе, с метлой. Ты нашел свое призвание!

Голос брата отвлек Стрижа от грез о прекрасной Шере, такой близкой и такой недоступной. Он обернулся и оперся на метлу, как заправский дворник.

— Ну?

— Что ну? Не знаю я ничего. — Достав из кармана две мушмулы, Шорох принялся их подкидывать. — Маши своей метлой, менестрель. Какого шиса наставник отправил тебя сюда именно сейчас!

Стриж только пожал плечами и снова взялся за подметание и без того идеально чистой брусчатки. Шорох поймал плоды и, задумчиво глядя на ярко-желтую кожицу, сказал куда-то в сторону фонтана:

— Угорь учит Волчка работать в паре.

Ответом ему послужило шварканье метлы.

— А вчера вечером Седой ругался с Мастером и грозился Риллахом, — продолжил он все тому же фонтану.

Стриж не отреагировал. Шорох вздохнул, одну мушмулу отправил в рот, второй кинул в брата. Тот поймал, не прекращая мести, и все так же молча съел. Шорох еще несколько мгновений подождал, хмыкнул и отнял у Стрижа метлу.

— Да что с тобой? Никак влюбился! Да не просто так, а в сиятельную шеру!

Стриж вздрогнул, залился жаром и наконец поднял глаза на брата.

— О... — протянул Шорох. — Признавайся, кто? У старика скрипача нашлась дочка?

— Черная Шера, — смущенно усмехнулся Стриж. — Ага, я влюбился без памяти. У тебя есть сто империалов?

Шорох присвистнул.

— Ты положил глаз на любовницу короля? Или решил выкупить бордель Лусии?

— Маэстро просит за нее сто золотых. Взгляни, какая красавица, — он кивнул на витрину.

Шорох оглядел разложенные на бархате скрипки и гитары, перевел недоуменный взгляд на Стрижа.

— Не туда смотришь. Вон она, внутри, у левой стены.

— Нет там никого.

— Есть. Черная Шера. Ты бы слышал, как она поет! А какая отзывчивая и нежная!

Шорох укоризненно покачал головой.

— У тебя лихорадка и тяжелый бред.

— Это у тебя бред, а у меня судьба! Мне надо сто золотых. Вон смотри, написано: сто империалов!

Наконец Шорох разглядел цифру сто, написанную мелом на медной пластинке рядом с черной гитарой.

— С ума сойти, — рассмеялся он. — Гитара! Ну, брат, зачем тебе столько золота? Забирай так.

— Красть у учителя некрасиво. Мастер не одобрит.

Несколько мгновений Шорох непонимающе смотрел на него, а Стриж старательно держал туповато-серьезное лицо. Но не удержал.

— Попался! Ты по... — он не смог договорить от смеха, на глазах выступили слезы.

— Ах ты, тролля отрыжка! — теперь уже схватился за живот Шорох.

Выглянувший из лавки Клайво застал их хохочущими над валяющейся посреди дороги метлой.

— И чем это вы занимаетесь, почтенный Морелле?

Оба брата обернулись одновременно, с одинаково смущенными лицами.

— Подметаю, учитель, — отозвался Стриж.

Метла будто сама собой оказалась у него в руках.

— Может, представишь своего друга?

— Орис бие Морелле, учитель. Мой старший брат.

Клайво скептически оглядел их: ничего общего, кроме честных-честных глаз, черных и синих.

— Ну, раз брат... Извольте отобедать с нами, почтенный Морелле.

За обедом Шорох с удивлением наблюдал за сияющей экономкой маэстро, обхаживающей Стрижа, словно любимого внука, и сияющим маэстро — он увлеченно травил байки о музыкантском житье-бытье. Стриж же со знанием дела поддакивал да нахваливал Сатифину стряпню. Если бы Шорох не

знал точно, что Стриж познакомился с Клайво всего час назад, ни за что не поверил бы. Все это выглядело как настоящий семейный обед: любимый племянник в гостях у дядюшки.

— Морелле, Морелле, — вдруг забормотал маэстро, прервав очередную историю. — Не тот ли Морелле, что доставляет грузы по всей Валанте?

— По всей империи, шер Клайво, — с улыбкой склонил голову Шорох. — Уверен, и вам доводилось пользоваться услугами нашей компании.

— Да-да! Несомненно! — Клайво на мгновение замешкался. — Похоже, я был неправ. Ваш батюшка же ведет дела с бие Махшуром?

— Разумеется, учитель, — ответил Стриж, словно не понимая, к чему клонит маэстро. — Его торговые суда — самые надежные в империи. И, конечно же, склады.

Клайво огорченно покачал головой.

— А я-то подумал. Ох, вечно эти слухи.

Шорох сделал удивленные глаза: какие еще слухи? А Стриж усмехнулся про себя: раз маэстро предпочитает не знать, что взял в ученики убийцу, не стоит тыкать ему в нос правдой.

— Так вот, — обрадовавшись разрешившемуся сомнению, продолжил Клайво. — Тогда трактирщик и говорит...

После обеда Клайво отправил Стрижа домой за вещами, вручил ключ и велел прийти домой не позже, чем на рассвете.

— Меня не будет, дела. А завтра с утра... или после обеда... начнем заниматься. Можешь утром взять Шеру. — Маэстро хмыкнул. — Так уж и быть.

Глава 21. Ургаш и рыбный клей

...буде же нарушит Мастер Ткач закон Хисса, не судить его другим Мастерам, а испросить совета у настоящего Алью Хисс, ибо его голосом говорит сам Брат.

1-й день каштанового цвета (накануне). Суард, Нижний город, Хосе бие Морелле по прозвищу Волчок.

Волчок злился и нервничал. После первого и единственного разговора с Угрем он все думал: не зря же старший подмастерье завел речь о сыне Мастера и приبلудном змееныше? И на следующий день, на тренировке, выбрал Волчка партнером, хотя обычно дрался со старшими, Шорохом и Лаской. Волчок было обрадовался, но на следующий день все вернулось на круги своя: Угорь не замечал младших учеников в упор. Зато сам Волчок стал много внимательнее приглядываться и к Шороху со Стрижом, и к Угрю, и к зачастившему в дом наставника Седому.

Собственно, внимание к Седому и привело Волчка в Нижний город, в кварталы рыбаей, что по соседству с дубильщиками. Самым примечательным на окраине был запах. Смесь гнилой рыбы, водорослей и едких щелоков, разбавленная местами перцем и кислым вином, местами — горелым маслом. Но самый убойный аромат — вываренных рыбных костей, чешуи и прочей дряни — стоял рядом с клееварней. Лучший столярный клей благоухал так, что, казалось, стоит замешкаться и вдохнуть чуть глубже, и навек прилипнешь к грязным бочкам у саманного забора.

Все началось невинно: Волчок случайно застал конец разговора Седого с наставником. Упоминание настоящего Риллаха и капитана Гильермо, начальника найрисской стражи, привлекло его внимание, но больше ничего интересного он не услышал. Зато краем глаза увидел, как за Седым увязался Угорь. Вроде сам по себе, просто в ту же сторону... Но ученики Мастера в совпадения верить не приучены. И правильно: в конце улицы Серебряного Ландыша Угорь догнал Седого, и дальше они пошли вместе, о чем-то переговариваясь.

Любопытство побудило Волчка последовать за ними. Любопытство и дурь — сейчас, прячась между бочками и стараясь дышать как можно реже, он честил себя последними словами.

Оба, Седой и Угорь, внезапно растворились в вонючем мареве Рыбного Затона. Вот только что стояли себе под акациями, Седой что-то втолковывал подмастерью — и нет их.

Волчок схватился за нож, спрятанный в широком поясе. Пусть положение безнадежно, но просто так он не дастся!

Справа раздался треск, Волчок вздрогнул и прислушался. Но ни звука больше, кроме шелеста акаций и ленивого собачьего бреха за забором, не услышал.

Ожидание. Медленные удары сердца: один, второй. Вязкая тишина.

Совсем рядом что-то просвистело, Волчок невольно сжался. Глухо стукнуло за спиной в твердую побеленную глину. Потом еще раз, и еще — подальше.

Скосив глаза, он увидел обломок туфа.

И снова повисла тишина.

Хиссово семя! Да они издеваются!

Разозлившись, Волчок зашарил глазами в поисках лазейки — неважно куда, лишь бы не сидеть на месте и не ждать, пока ублюдки придумают развлечение позаковыристее. Лазейка нашлась внизу, за левой бочкой: прорытая собаками нора. Узкая, как змеиная глотка. Но все лучше, чем ждать.

Тихо, стараясь не дышать, Волчок нырнул головой в лаз. Только бы не застрять! Повезло, местные псы оказались крупными. Помяная гоблинову мать и моргая, чтобы избавить глаза от едкой пыли, Волчок вылез по ту сторону забора. Здесь лаз прикрывали грязные заросли ежевики. Смерд стоял неимоверный. Высунувшись из кустов, Волчок увидел прямо перед носом покрытые склизким налетом доски. А в щель между досками — каменные столы с налипшей чешуей и печи с вмурованными котлами. В котлах что-то булькало, пуская струйки желтоватого пара.

Морщась, сглатывая горечь и смаргивая слезы, Волчок пополз вдоль сарая. Прочь отсюда, пока не выблевал кишки от вони! Преодолев несколько сажений, Волчок уперся в забор. Тупик! Твою багдыр! Не в ту сторону.

Но ругаться было некогда. Осторожно подняв голову над ежевикой, Волчок огляделся. Справа забор, слева сарай, впереди забор, но пониже, из-за беленой стены торчат ветки абрикоса... знать

бы еще, где поджидают ублюдки!

От сарая слышались незнакомые голоса, что-то про плотность, вязкость. Голоса приближались, а Волчок судорожно думал: то ли выскочить к клееварам, они точно не убьют, то ли махнуть в соседний двор. Первый вариант показался надежнее: если бы сейчас попались гвардейцы магистрата, он бы с радостью сдался.

Едва он решился и повернул обратно, затылок пронзила боль, и в глазах потемнело. Ничего не видя и не соображая, Волчок взмахнул ножом наугад, но сильная рука перехватила запястье, вывернула. Он чуть не заорал от боли.

— Хорош чудить, малыш, — слышался голос Седого. — Ну и дыру нашел!

Сквозь рокот прибоя в ушах пробился голос Угря:

— Я ж говорил, он не из тех, кто сдается.

— Ладно. Сойдет, — хмыкнул Седой.

Волчок почувствовал, как взлетает в воздух. Сгруппировался и, преодолев слабость, по-кошачьи приземлился на твердую землю, по пути оцарапавшись о ветки. Вывернутая рука подломилась, и он ткнулся носом в траву.

— Хватит валяться, — бросил Угорь.

Но не успел продолжить, как Волчок вскочил в привычную боевую стойку.

— Ну, развоевался, — хохотнул Седой, успевший с удобством расположиться под деревом. — Садись, разговор есть.

Волчок кинул настороженный взгляд на Угря. Тот кивнул: садись, мол, не бойся. И сам сел, скрестив ноги, неподалеку от мастера теней.

— Ты еще не передумал придушить Стрижа? — огорошил Волчка Седой.

Замерев, Волчок не знал, что отвечать.

— Значит, не передумал, — удовлетворенно кивнул тот. — И правильно. Но не сейчас. Что ты знаешь об испытаниях?

— Выжить, добраться до Алью Хисс, пройти ритуал, — не понимая, к чему клонит Седой, ответил Волчок.

— В чем суть договора, знаешь?

— Хисс открывает тропы Тени в обмен на службу.

— И?

— Душу... — совсем тихо закончил Волчок.

Мастер не раз говорил об этом, но до сих пор как-то не верилось, что всерьез. И что этот момент когда-нибудь наступит. А сейчас, глядя в колодцы черноты на заурядном, с носом-уточкой и тонкими усиками лице Седого, Волчок вдруг понял: наступит, и совсем скоро!

Там, в колодцах, не было дна.

— Что, испугался? — ухмыльнулся одними губами Седой.

Волчок замотал головой.

— И зря. Ургаш вовсе не такое страшное место, как пугают народ святоши. Ну да если выживешь, сам поймешь. А что вам говорил Мастер про жертву?

— Жертву? — Волчок лихорадочно пытался вспомнить: что же? И говорил ли?

— Да, дело серьезно, — покачал головой Седой. — Ты знаешь, что только тот, чью жертву примет Хисс, сумеет войти в храм?

Волчок кивнул. Охотиться на претендентов будет не только гильдия, но и они сами, друг за другом. Хисс никогда не принимает всех. В лучшем случае половину, а чаще одного или двоих. Но чего Волчок пока не понял, так это зачем Седому понадобилось устраивать экзамен.

Словно прочитав мысли Волчка, тот подтолкнул его дальше:

— Единственное, на чем держится гильдия, это закон. Отними закон, и что останется? Подорвать устои просто, но Мастеру дороже его маленькие слабости.

Седой усмехнулся, предоставляя Волчку самому додумать, что за слабости у Мастера Ткача. Это было несложно. Пусть Фаина и звалась эконожкой, но стоило лишь раз увидеть Мастера и Шороха рядом, и вопрос о кровном родстве исчезал. Но снова: зачем Седому Угорь? И зачем Волчок? Для мастера теней убить ученика — что цыпленку шею свернуть. Разве что...

Волчок поднял взгляд на Седого. Тот, ухмыляясь, разглядывал Волчка, словно ждал: догадается или нет? Ну конечно. Толку Седому от смерти Шороха, если Мастер узнает, чьих это рук дело.

— Именно. Убить обоих на испытаниях. — Седому надоело ждать, и он снова заговорил. — Это ваша единственная возможность остаться в живых. Мастер не зря воспитал из Стрижа верного пса сыну. Против них двоих ни у кого из вас нет шансов. Только если объединитесь. И лучше не вдвоем, а втроем.

Волчок, забыв дышать, слушал. Мастер не говорил, что Хисс с первого мига испытаний является всем ученикам и требует жертвы. И не просто жертвы, а жизни остальных претендентов. Он не говорил, что им будут открыты тропы до того, как завершится ритуал. Конечно, зная все это, ученики будут совсем иначе смотреть друг на друга.

Время от времени Волчок поглядывал на Угря: тот сидел с непроницаемым лицом, словно его дело не касалось. Словно не он больше всех выиграет, если Волчок согласится стать его напарником, его тенью и наверняка считом. Не очень радостная перспектива, но остальные еще хуже. А так будет хоть небольшой шанс уцелеть.

— Буду вас тренировать. Мастер не посмеет ничего сказать, а вам нужно научиться доверять друг другу. Очень быстро научиться.

При слове «доверять» Волчка перекорежило так, что он пропустил мимо ушей слово «быстро». Заметив это, Седой замолчал и посмотрел ему в глаза, спокойно и внимательно:

— Хочешь жить? Научишься.

Обратно в дом Мастера Волчок возвращался вместе с Угрем. Его грыз страх. Неужели наставник не почует подвоха? Неужели ему не покажется странной внезапная дружба между двумя учениками? Тем более после чуть не случившейся драки со Стрижом.

За пару кварталов будущий «друг» единственный раз открыл рот:

— Учти. Дашь слабину — убью.

Равнодушный тон Угря мгновенно убедил Волчка: убьет и забудет.

Хиссово семя! И кто сказал, что мастером теней быть хорошо? Лучше бы, проводив мать в последний путь под причалы, он остался среди портовых крыс, а не попался на глаза наставнику. По крайней мере, тогда бы у него была мечта: стать Рукой Бога, сильным, богатым и свободным. А теперь? Как ни изворачивайся, везде ждет Ургаш.

Седой Барсук.

Всего через четверть часа Седой стучался в двери скромного дома, зажатого с одной стороны скобяной лавкой, а с другой — сапожной мастерской.

— Что вам надо? — раздался сердитый голос из глубины дома.

— Откройте, шер Лопес.

— Я занят, у меня пациент.

— Открывайте, — все так же ровно и негромко повторил Седой.

Послышались шаркающие шаги, заскрипела дверь, и на пороге показался аккуратный старичок, едва по плечо Седому. Он укоризненно глянул на незваного гостя и буркнул:

— Две минуты.

Седой кивнул удаляющейся обратно, вглубь дома, спине и пошел прямым к узкой лестнице. Поднялся на третий этаж, зашел в открытую дверь не то кабинета, не то лаборатории. Встал у окна, выглянул: ничего подозрительного, ничего интересного.

Снизу слышались голоса: шер Лопес выпроваживал пациентку, велел принимать настойку, кипятить белье и ополаскивать посуду кипятком. Та многословно благодарила и задавала глупые вопросы, никак не желая уходить. Наконец хлопнула дверь, заскрипели ступени.

— Это последний раз, — не успев отдышаться, заявил с порога хозяин дома.

— В следующий раз я заплачу еще, — отрезал Седой и обернулся.

Светлый шер досадливо пожал плечами:

— Хватит меня запугивать. Приберегите Хиссову благодать для деревенских детишек. Или вы думаете, что полпред Конвента сверкает очами хуже вас?

Седой промолчал, ожидая, когда маг приступит к делу. Тот и не ждал ответа: за сто с лишним лет лекарской практики он научился принимать обстоятельства такими, какие они есть.

Когда зеркало было настроено, а хозяин дома все так же молча покинул кабинет и затворил дверь, Седой не спеша приблизился к еще мутному стеклу. До назначенного времени оставалась минута — как раз чтобы с расстановкой помянуть всех предков будущего собеседника до седьмого колена.

— Bravo, — равнодушно сказала зеркало, показав почти точную копию Седого: такое же смазанное, невыразительное лицо, такие же непроницаемые черные глаза. Разве что у мастера теней по ту сторону зеркала были иные черты. — У вас редкие познания в зуржьей мифологии.

— Редкая трусость. У вас, — парировал Седой. — Как и следовало ожидать, мы опоздали. Мальчишка успел договориться с Хиссом. Если мы протянем еще немного, о Суарде можете забыть.

— Чушь. Договора без испытания не бывает.

— Расскажите это Хиссу.

Несколько мгновений собеседники молча глядели друг другу в глаза. Первым прервал молчание Седой:

— Убивать Шороха я не буду. И вам не дам.

— Редкая трусость.

— Платить за ваши амбиции жизнью я не обещал.

— За свои амбиции. — Человек за зеркалом сделал паузу. — Что вы предлагаете?

— Я уже послал письмо Мастеру Вальдосу. Через три дня он будет здесь. Вам тоже придется приехать.

— Вы собираетесь?..

— Это вы собираетесь, — прервал его Седой. — Я делаю.

Не прощаясь, он повернулся спиной к зеркалу и покинул кабинет, а затем и дом: маг оставил дверь открытой и не вышел его проводить.

«Следующий раз я заплачу тебе жизнью торговца ках-бришем из Рыбного Затона, — подумал Седой. — Все равно он зарвался, и старшина Родригес не сегодня-завтра об этом узнает. Немного поторопим события, от Хисса не убудет. А твои рыбаки выкурят чуть меньше травки — от Хисса все равно не убудет».

3-й день Каштана. Суард. Хосе бие Морелле, Волчок.

С разговора за клееварней прошли всего сутки, а Волчку казалось — неделя. Угорь всерьез взялся за муштру. Он не заставлял Волчка ни отжиматься на пальцах, ни защищаться с завязанными глазами. Всего лишь драться в паре с ним, сначала против Ласки, а потом против самого Седого. К вечеру Волчок не мог пошевелиться от боли и усталости, а наутро все началось сначала: вместо того чтобы шататься по городу, смотреть цирк и щипать ошалевших от праздничной свободы

горожанок, Волчку пришлось драться. В паре с Угрем, в паре с Лаской, против пары и втроем против Седого.

— Защищай фланг! Не закрывайся им, защищай! Держи на расстоянии, отвлекай!

Каждая ошибка сопровождалась болезненным ударом. К полудню у него рябило в глазах, взрывалась болью при каждом движении спина, а при мысли о еде выворачивало наизнанку.

— Хватит с него, — сквозь рой гудящих мошек пробился далекий голос Седого. — Заберите у него дубину, разотрите и накормите.

Волчок еле разжал сведенные пальцы, выпуская тренировочный меч. Стараясь не стонать при каждом движении, доплелся до задней двери дома Седого, уже не обращая внимания на грозное рычание бойцовых псов в вольерах и вонь.

Пока Ласка растирал, Волчку казалось, что он спит: все вокруг плыло, качалось и то гудело, то погружалось в тишину. За обедом стало чуть лучше, комната перестала кружиться, а лица расплываться.

— Ну что, живой? — усмехнулся Ласка, забирая у него кружку из-под чая. — Передохнул, пора заняться делом.

Волчок вздрогнул: избитые, растянутые и перегруженные мышцы на одну мысль о тренировках отреагировали вспышкой боли.

— А ты что думал, — растирая локоть, поморщился Угорь. — Переучиваться куда сложнее, чем учиться заново. Ничего, сработаемся.

— Слышал, к кому Мастер отправляет учиться белобрысого? — перешел к делу Ласка. — Как раз сегодня. Сходи разведай, что и как. Может, пригодится.

— А тренировка? — заикнулся было Волчок, памятуя приказ Седого: ежедневно по восемь часов.

— Хватит с тебя пока. Толку-то от калеки.

Калека не калека, а добраться до площади Единорога и полюбоваться на радостно хохочущих Шороха и Стрижа Волчок сумел. И подглядеть в окно тоже. От идиллической картины в доме Клайво его чуть не стошнило. И тут же захотелось убить если не соперников, то хоть тощую уродину или старого альфонса со скрипочкой.

«Спалить к шисовой матери, — глядя на сверкающие блямбы на дверях лавки и дурацкие решетки, не способные остановить и хромого слепца, думал Волчок. — Никому из нас Мастер не предложил такого лакомого куска. Менестрели, багдыр'ца. Высший свет!»

Так, обдумывая развлечение, Волчок проводил братцев до улицы Оружейников. Заглянуть к дру Ульриху и узнать, о чем разговор, он уже не смог: на охранные руны гном не поспешил. Дождаться братьев тоже не стал — шис знает, может, они и там чаи распивают. Достанет и того, что он уже узнал.

К дому Седого Волчок вернулся задолго до заката, разбитым, голодным и злым. Тихо прошел на задний двор и остановился, глядя, как Седой гоняет Угря и Ласку. Казалось, все трое ничуть не устали: Волчок едва мог уследить за блеском парных клинков в руках подмастерьев. А Седой... Безоружный, мастер скользил размытой тенью, раздавал обоим пинки и насмешливо комментировал промахи.

— Убиты. Оба. Не чувствуете друг друга.

Седой уже стоял над валяющимися вповалку учениками, держа все четыре клинка.

— Вставайте. Раз, два...

Седой подбросил клинки. Угорь и Ласка вскочили, поймали мечи — Волчок не успел заметить как — и снова бросились в бой.

«Убиты. Убиты, — назойливо звенело в ушах. — Убиты...»

На улице заорал ишак, от псов пахло зверьем, и на Волчка накатило воспоминание о рынке и укусе степной осы. Вместе с пониманием.

«Нет, не может быть! Так не бывает, чтобы без испытаний, — убеждал он себя, глядя, как Седой швыряет лучших подмастерьев, словно слепых щенят. — Но даже если бывает, что с того? Меня убьют. Не те, так эти. Нет, должен же быть какой-то другой путь! Обязан быть!»

Глава 22. Волшебные штучки

2-3-й день каштанового цвета, Суард, Себастьяно бие Морелле.

От Клайво братья отправились к Ульриху, поздравить с праздником и провести «редкого ирийского» вороненка. Все равно наставник отменил тренировки на всю праздничную неделю — можно гулять до упаду. Правда, обоих не особо привлекали народные увеселения: призовая стрельба из лука, борьба на кулачках, собачьи бега, лазанье по намаасленному столбу и даже столь любимые южанами бычьи бои и бега. Не хотелось и напиваться с мастеровыми в таверне или с шерами в ресторации.

— Может, к устрице До? — отвергнув все развлечения, предложил Шорох.

— Не. Завтра с утра заниматься с Клайво. Гитарой, — мечтательно протянул Стриж. — Надо выспаться. Завтра?

— Ненормальный. Ну и что мне тут делать одному? — пихнув собранную сумку, осведомился Шорох. — Тоска.

— Угу. А пошли со мной? Заодно и потренируемся с утра. А то что-то как-то не так.

Самого Клайво братья не застали, зато Сатифа обрадовалась им, как родным, накормила вторым ужином — первым их кормила дома мама Фаина. Они отлично выспались, отлично потренировались перед завтраком, потом отдохнули в лавке и даже продали случайно забредшему сашмирку скрипку втридорога. Сам же маэстро вернулся на рассвете и отсыпался, не волнуясь об ученике.

Проснулся он лишь около полудня и, едва выпив шамьету, начал учить Стрижа играть на гитаре.

Урок привел Стрижа в восторженно-мечтательное настроение, чем и воспользовался заскучавший брат.

— Идем к Устрице. Сколько можно! Или ты теперь и спать будешь с гитарой?

К удивлению брата, спать с гитарой Стриж не захотел. Более того, даже не понес ее с собой в квартал Русалок: пошептал ей ласково на прощанье, уложил на бархат и, с сожалением оглядываясь, пошел-таки к Устрице. О чем, впрочем, не пожалел.

Едва усталые и довольные братья ввалились на кухню и вручили Фаине охапку надранных в чьем-то саду цветов, на пороге показался наставник.

— Явились, бездельники? Ну-ну. — Он скептически оглядел потрепанных и взъерошенных учеников. — Из какого болота вылезли?

Братья потупились, пряча ухмылки: вряд ли кабаре, где плясала До, можно было назвать болотом.

— И где остальные, вы, разумеется, не знаете.

Ученики лишь пожали плечами.

— Хоть пива не пили. Быстро ужинать и в кабинет, — приказал не по-праздничному серьезный наставник и растворился в темном коридоре.

Быстро — значит быстро. Покончив с жарким, братья помчались на второй этаж.

Из-под двери кабинета сочился полынный запах: наставник жег благовонные палочки и наверняка читал «Хроники».

Так и было. Едва ученики вошли, он заложил том вышитой закладкой, отодвинул на угол стола и бросил Шороху:

— Куда выходит окно спальни виконта Торрелавьеха?

— В сад, четвертое справа, второй этаж.

— Где виконт хранит коллекцию древнего барахла?

— Второй этаж, южное крыло, угловой кабинет.

— Защита?

— Сад охраняют шесть собак, выученных Седым. Запоры гномьи. На окнах первого этажа руны ледяной виверры. В кабинете, где коллекция, замок песчаной змеи, — снова ответил Стриж.

— Как попасть в кабинет, знаете?

Шорох кивнул.

— Если есть гоблинова свирель, то никаких проблем.

— Есть. — Наставник положил на стол костяную дудочку. — Из коллекции виконта нужна шкатулка тисового дерева, инкрустация перламутром и эбеном. Вещица магическая. Поэтому будьте осторожны и зря не рискуйте.

— Да, наставник, — ответили братья в один голос.

— Шкатулку сегодня до рассвета нужно доставить в Риль Суардис, на балкон покоев герцога Альгредо.

Стриж с Шорохом переглянулись, но от смешков воздержались. Да уж, заказ более чем странный, но и наставник ведет себя как-то не так. Словно на него снизошло просветление. Хотя в случае Мастера Ткача уж скорее Хиссова благодать.

— Кажется, мы пропустили что-то интересное, — задумчиво пробормотал Стриж, раскладывая по карманам мотки веревки, отмычки и прочие необходимые в их непростом деле железки.

— Если оно нас касается — не пропустим, а нет, так и сожалеть не о чем, — философски пожал плечами Шорох.

Когда к заросшему саду виконта Торрелавьеха приблизились двое, натасканные на воров псы беззвучно освободили дорогу и проводили гостей настороженными взглядами, держась на почтительном расстоянии. Теперь же псы обходили жимолость в южной части сада стороной.

Двое наблюдали из-за кустов за окнами, шепотом ругаясь: все нормальные люди после полуночи спят, а эти? Три лошади дожидаются в конюшне, из кухонной печи дым, в окнах мелькает свет. Сам виконт опять собрал таких же, как он сам, сумасшедших игроков и режется в карты. В курительной. Младшего Торрелавьеха до сих пор нет, проматывает по борделям то, что не успел спустить папаша. Вряд ли он вернется до утра и пойдет в отцовский кабинет — ничего ценного там не осталось, — но чем Хисс не шутит?

Ожидание затягивалось: вдоль ограды процокал уже четвертый конный патруль, Кукольные часы на башне магистрата пробили дважды. Похоже, папаша Торрелавьеха решил проиграть последнее, а может, ему против обыкновения везло. Но гости и не думали расходиться, а старик дворецкий все бродил от кухни до курительной и обратно.

— Забери его шис! Третий час, — сквозь зубы выругался Шорох.

— Мог бы отпустить дворецкого спать, старый пень, — проворчал Стриж. — Придется идти через второй этаж.

— Придется. А то дождемся, пока младший притащится и затеет скандал на весь квартал.

Стриж поморщился. Ему как-то довелось наблюдать, как младший Торрелавьеха за шкуру тащил пьяного в стельку отца из игального дома. Такие же пьяные приятели виконта требовали дать им отыграться, виконт заплетающимся языком вещал о величии рода и грядущем богатстве, а наследник великих долгов огрызался и обещал прирезать особо рьяных, если снова увидит их рядом с отцом.

Кстати, один из тех игроков, известный шулер, буквально через два дня был найден городской стражей в Нижнем городе, наполовину обглоданным крысами. Расследовать его смерть никто не стал, все только вздохнули с облегчением.

— Шисов дысс. Ладно. Ты внизу, я пошел. Все равно василиска не высидим, только замерзнем как жабы.

Проверив на груди гоблинову свирель, охру и отмычки в кармане, Стриж метнулся из кустов к фасаду. И присвистнул: вблизи окна мерцали пятнами лазурного налета, свечение расплзлось от полустертых рун.

«Все же странно, почему наставник не говорил, что посвященные мастера теней видят магию. А красиво, шис дери!»

— Псс! Что случилось? — слышался из кустов шепот.

Стриж помотал головой, вытряхивая посторонние мысли.

— Ничего!

И полез наверх, к окну углового кабинета. При постройке особняка двести лет назад Торрелавьеха думали о роскоши, а не о безопасности: каменные узоры вполне сошли бы за лестницу уличному мальчишке, не то что мастеру теней.

Нужное окно оказалось защищено много лучше. Пока Шорох бдительно оглядывал улицу и парадный подъезд, Стриж затирает руны гномьей охрой. Той самой охрой, про которую все гномы в один голос твердят: нет ее! Слухи врут! Не бывает такого, что истинные руны можно просто затереть! Но тем не менее Стриж всего лишь неделю назад на спор с Ульрихом сам сварил эту охру, под присмотром гнома, разумеется. Что будет, если об этом споре узнает рунмастер клана, Ульрих не говорил, только бледнел, кусал бороду и ругался так, что зурги бы покраснели слушать.

Стриж балансировал на карнизе, избегая касаться окна: силуэт виверры разевал пасть и пускал клубы снежинок, покрывая стекло изморозью. Наконец руна стерлась, лишая заклинание силы. Стриж облегченно вздохнул и взялся за оконный замок. Виверра продолжала шипеть, но убийственный мороз ее дыхания превратился в туман.

— Уберись, ящерица, — шикнул Стриж, когда заклинание попыталось сорваться со стекла и щелкнуло призрачными зубами, едва не достав его пальцы. — Разобьешь стекло, мне же проще.

Стекло в ответ звякнуло и перестало дрожать, а оскорбленная виверра свернулась в нижнем углу и прикрыла нос хвостом. Из-за гребня злорадно мигали глазки: «Все равно влипнешь, воришка!»

— Ничего себе магия, шисов дысс.

Несколько мгновений, и щеколда поддалась «ловцу металлов» — еще одному предмету гордости Ульриха, за продажу которого на сторону старейшины оторвали бы ему бороду и выгнали из клана.

«А, мелочи. Ловца любой мастер сделает. Это тебе не охра!»

Показав язык посрамленной виверре, Стриж достал дудочку из кости гоблина и зажал зубами. Виверра разочарованно закрыла глаза и истаяла, вновь растекшись по стеклу лазурным мерцанием. Гоблинова свирель издала еле слышный всхлип со свистом. В ответ на полу засветились шесть вписанных в окружности рун. Из ближайшей высунулась змеиная голова, попробовала раздвоенным языком воздух и, признав владельца дудочки за хозяина, скрылась.

Путь к шкафу с рухлядью был свободен, но Стрижа не покидало ощущение подвоха. По идее, змеи больше не представляли опасности, но он все равно старался обходить руны: лучше перестраховаться, чем сдохнуть от яда.

Он подошел к застекленным шкафам. При виде остатков виконтовой коллекции хотелось плюнуть: ничего мало-мальски ценного. Разве что две шкатулки. Одна — тик, инкрустация перламутром — его заказ. Вещица мягко светилась сладко-мандариновым, безобидная, как новорожденный котенок. А вторая... в дальнем углу притаилась вещь опасней виверры и песчаных змей, вместе взятых. Крохотная невзрачная шкатулка со щербатой крышкой казалась лазом в логово пумы. От нее несло смрадом разложения и смерти. Черные с красно-фиолетовым отливом нити свивались и переплетались, как могильные черви. Отвратительно!

Стриж непроизвольно попятился.

Артефакт манил, притягивал, требовал:

«Коснись! Загляни в меня! Возьми сокровище!» — Призрачный голос, как скольжение гадюки по руке, вызывал дрожь и завораживал.

От этого голоса хотелось бежать, спрятаться. Или спрятать подальше эту мерзость. Закопать поглубже и забыть.

Гадостная дрожь в коленках оказалась последней каплей. Стриж потерял способность здраво мыслить. Взгляд его наткнулся на заказанную вещицу, и вдруг померещилось, что сладкое сияние скроет темный ужас. Не думая о последствиях, он подставил тиковую шкатулку к полке, какой-то из статуэток подцепил клубок могильных червей и смахнул в сердцевину мандарина.

Щелк! Шкатулка захлопнулась, погасив черноту, и помешательство тут же прошло. Стриж осознал

себя дрожащим, как суслик под зимним дождем, и таким же мокрым.

— Чтоб тебе провалиться в Ургаш до срока, шисов дысс! Понаделают зуржьего дерьма.

Сунув шкатулку в заплечный мешок, он прикрыл окно и полез вниз. Пусть заказчик разбирается, что за дрянь там внутри.

— Чтобы я еще раз хоть посмотрел на это... это... тьфу!

— Эй, ты чего? — Встревоженный Шорох подбежал, едва он спрыгнул на землю.

— Все нормально, — попытался улыбнуться Стриж.

Но брат озабоченно покачал головой.

— Ты что, повстречался с придворным магом?

— Типун тебе на язык!

Стрижа передернуло: вот будет подарочек гильдии, если один дурной ученик вмешался в дела темного шера! Упаси Сестра от внимания высоких особ! И так впечатлений выше крыши. Говорящие шкатулки, кусачие заклинания, ну их к Хиссу!

До Риль Суардиса добирались в молчании, и пронизывающим дворец волшебным сиянием Стриж сегодня любовался без прежнего восторга. То есть ему очень хотелось хоть краем глаза увидеть сумрачную принцессу! Но не сейчас, когда у него в мешке шисом драный темный артефакт. С такой дрянью ему вряд ли удастся прикинуться простым менестрелем, его даже спрашивать не станут — кто и откуда. Сразу в Гнилой Мешок и на плаху или, хуже того, в подвалы башни Рассвета. А уж там придворный маг подробно ему объяснит, почему никогда нельзя трогать темные артефакты и вмешиваться в его, придворного мага, дела.

Нет уж. Никаких принцесс. Тихонько забраться на балкон, положить в уголок завернутую в холстину мандариновую шкатулку — и бегом отсюда, бегом!

Правда, из-под первых деревьев Леса Фей Стриж все равно обернулся на башню Заката — белую, голубую и лиловую, похожую на волшебное дерево, вросшее ветвями в самое небо. И пообещал себе, что непременно сюда вернется и увидит сумрачную принцессу вблизи. Потом. А пока — сказать Мастеру, что дело сделано, получить свой гонорар и пойти к Устрице До. У нее и подружек из волшебных штучек только ловкие ротки и бездонные карманы.

Волшебные штучки милашки До не подвели. К рассвету Стриж и Шорох, уставшие и довольные, дрыхли вповалку в ее комнате.

А сама Устрица любовалась на четыре честно заработанные сестрицы и настоящий золотой империал, выкатившийся из кармана белобрысого очаровашки. Она не собиралась его красть, упаси Светлая! Эти с виду безобидные мальчики в пятом часу утра дошли до таверны и сохранили не только жизнь, но и кошелек. Даже не подрались ни с кем! Так что простой девушке лучше не выяснять, кто они такие, а утром честно заработать свой империал. И с такими деньжищами выбраться наконец из этой проклятой дыры!

Глава 23. Лапки и хвост

Ночь на 4-й день каштана, Риль Суардис, Рональд шер Бастерхази.

К полуночи Роне оторвал проклятому скорпиону все лапки и методично, рашпилем, отпиливал ему хвост. Лапки уже лежали по трем высокопрочным колбам из особого гномьего стекла, непроницаемого для магии, и слабо подергивались. Сам скорпион наконец-то перестал притворяться обычной железкой и тоже дергался, скрежетал и пытался укусить. Тщетно. Куда ему, обычной заговоренной игрушке, до Мертвым драного Люкреса!

О, с каким бы наслаждением Роне оторвал лапки ему! Сначала лапки, одну за другой, потом яйца и только напоследок — голову. И под конец бы сделал из него полочку для обуви. Немертвую. Молчаливую. Но бессмертную, все чувствующую и понимающую. Пусть попробует сам то, что готовит для других, и мечтает об Ургаше как спасении.

Проклятье! Если бы Люкрес остановился на своих дурацких экспериментах с кровью, сексом и силой Роне! Плевать. Роне — взрослый, опытный и сильный темный шер, он и не через такое проходил. Он даже от клятв Пауку избавился, так что не такая уж проблема его присяга Люкресу. Но то, что этот безумец собирается сделать с Шуалейдой... с его, Роне, Шуалейдой! И с его, Роне, Даймом! Сучий потрох!

Но ничего. Еще день, максимум два, и они будут свободны. Все трое. И от клятв Люкресу, и от клятв императору и Конвенту. Три шера-зеро в единении и Линза... Да. Вот тогда можно будет оторвать лапки семью екаями драному Люкресу. Одну за другой.

Одна из лапок скорпиона, та, что лежала в колбе одна, дернулась в последний раз и замерла.

Оставив на мгновение скорпионье тельце висеть в воздухе вместе с рашпилем, Роне глянул на часы и записал в дневнике наблюдений: одиннадцать минут двадцать секунд.

Те лапки, что хранились по две и три, продолжали дергаться и скрести маг-инертное стекло. Пока без единой царапины, хотя Роне и проверил — обычное стекло они процарапывают за считанные секунды. Очень, очень интересный подарок! Спасибо Пауку.

Роне уже почерпнул из лабораторного исследования много интересного. Наверняка Паук использовал какие-то гномьи технологии, чтобы сотворить немертвую игрушку из того, что никогда не было живым. А уж когда Роне разберется, как ему удалось настолько надежно спрятать магическую начинку скорпиона, что ее не увидели ни Дайм, ни Роне — о, какие перспективы откроются...

Да. Перспективы научных исследований просто великолепные! Вряд ли Дайм особо заинтересуется теорией, он — безнадежный практик, но Шуалейда — наверняка. У девочки изумительно пытливый ум! О, как им интересно будет вместе! Наверняка вместе они расщелкают загадку Ссеубеха, как Светлейший щелкает свои фисташки. Может быть, они даже не станут подыскивать ему живое тело, а сотворят металлическое, немертвое. Как этот скорпион.

А что, интересная идея!

— Хочешь быть серебряным и неуязвимым, а, трухлявая книжица? — вслух спросил Роне.

— Таким же неуязвимым как эта игрушка — нет, патрон. Благодарю покорно, — раздалось из-под потолка, куда Ссеубех улетел от скорпионьего яда подальше.

— Ну что ты, для тебя мы сделаем кое-что поинтереснее, — усмехнулся Роне, в последний раз вжикнул рашпилем и отломил скорпионий хвост.

— Я предпочту по старинке, патрон. Голову с мозгами, руки-ноги.

— С мозгами? Это сильно осложняет задачу, дружище. Мозги нынче редкость.

— Мозги всегда редкость, — проворчал фолиант и спланировал чуть ниже, словно присматриваясь к отделенному от тела скорпионьему хвосту. — Но мне хватит и девственно чистых, неиспользованных.

— Я подумаю на эту тему.

— На вашем месте, патрон, я бы встретил гостя... э... в подобающем для этого месте.

— О, мой свет вернулся, — хмыкнул Роне, но не сдвинулся с места.

Вместо этого он призвал еще одну колбу и слил в нее остаток яда из скорпионьего хвоста. Отличный яд! То, что разъедает не только металлы, но и стихийные щиты — это же прорыв в науке! Вот же Паук сучий потрох, столько всего интересного прячет!

— Вы что, собираетесь пустить полковника МБ в свою лабораторию? Патрон, вы сошли с ума.

— А то, что я собираюсь провести ритуал единения с полковником МБ, тебя не смущает?

— Ну, есть же разные способы... — увильнул от ответа дваждыдохлый некромант.

— Есть только один способ. Все прочее — чушь и профанация.

— Злые боги, мне повезло нарваться на единственного в мире честного, откровенного и влюбленного темного шера! Вот что надо расчленишь и исследовать, а не глупые железные игрушки.

— Ты хочешь сказать, единственного из ныне живых, — уточнил Роне. — Ману любил свою Джетту Андерас и провел с ней единение.

Фолиант сердито зашелестел страницами.

— Ману был придурком. Только придурки верят Брайнонам!

— Еще слово, и следующим материалом для опытов станешь ты.

— Ах, я и забыл, что твой светлый шер, воплощение ума, чести и совести — Брайнон. Тебе не кажется, дорогой мой патрон, что где-то тут закралось противоречие?

— Заткнись. Развоплощу.

— Напугал ежа, — фыркнулдохлый некромант, но заткнулся и на всякий случай отлетел подальше, за магический отражатель.

— Кого это ты собрался развоплощать, мой темный шер? — буквально через мгновение раздался голос Дайма.

Роне невольно улыбнулся. Что-то есть в этом правильное: Дайм — в его лаборатории. В святая святых, куда Роне не пускал никого, даже... впрочем, особо и некого было. Не Ристану же водить в магическую лабораторию, в самом-то деле.

— Вон видишь, над отражателем болтается нечто? Его.

Дайм, найдя взглядом Ссеубеха, восхищенно выругался.

— Это оно и есть, твое сокровище?

— Не сокровище, а старый ворчливый придурок. Иди-ка лучше глянь, какая забавная вещица.

Дайм подошел и остановился у Роне за спиной, положил ему руку на плечо. С интересом вгляделся в скорпионье тельце, замершее и потерявшее всю магию. Или не потерявшее, а притворившеесядохлым.

— Редкостное дерьмо, — высказался светлый шер.

— Редчайшее! — с гордостью уточнил Роне.

— Зачем ты его разломал?

— Очень хотелось что-нибудь разломать, — вздохнул Роне, откидываясь головой на живот Дайму и с удовлетворением прикрывая глаза: светлый шер понял все правильно и запустил руки ему в волосы, начал массировать. — Это дерьмо почти такое же редкостное, как твой братец. Что ты собираешься с ним делать?

— Следовало бы придушить из милосердия. Есть шанс, что в Светлых Садах он задумается о вечном, что-нибудь переосмыслит, и следующую жизнь не загубит так же бездарно. Но боюсь, Конвент и папенька не одобряют такого радикального подхода.

— Однозначно. Я говорил, что у тебя отлично получается массаж?

— Я знаю. Роне... прости. Я не должен был тебя втягивать. Никогда нельзя недооценивать Брайнонов. Особенно сумасшедших Брайнонов.

— Хорошо, что эта благородная мысль не посетила тебя раньше, мой свет. Мы бы поссорились.

— Не хочу с тобой ссориться. — Дайм опустил руки ниже, погладил шею Роне, прошелся пальцами вдоль позвонков. — Но еще больше я не хотел, чтобы ты влип в это редкостное дерьмо с клятвами. Шис. Роне, если бы я мог хоть что-то исправить!

— Все будет хорошо, мой свет. Подумаешь, клятва.

— Подумаешь, клятва? Подумаешь, смерть!

Дайм горько рассмеялся, а Роне поймал его руку, приник к ней губами.

— Мы оба знаем, как их снять, мой свет. И знаешь, я благодарен тебе.

— За редкостное дерьмо-то?

— Нет, — не поддержал Роне сарказма. — За то, что ты сегодня сделал. Мне было это нужно. Очень. Почувствовать, что это может быть совсем иначе, понимаешь? Довериться тебе. Я никому никогда не верил, Дамиен Дюбрайн. Никому, кроме тебя. Я знаю, ты не предашь меня.

— Предать тебя, Роне, это хуже, чем предать себя. Ты и Шу, вы подарили мне... наверное, новый смысл. Что-то большее, чем просто выжить самому. Большее, чем мечта о свободе. Теперь я знаю, что делать со свободой.

— Я тоже, мой свет. Теперь я знаю, зачем мне свобода. Я... — Роне сглотнул, так и не сказав вслух того, что просилось. Как-то слишком пафосно. И глупо говорить вслух то, что Дайм и так знает. — Нам нужно сделать это завтра, самое позднее — послезавтра. Думаю, Шу уже готова.

— Согласен, тянуть нельзя. Но ты уверен, что нужно сначала инициировать Линзу? Мы могли бы сначала... Шис. Роне, с тобой было когда-нибудь такое, чтобы ты смущался, как пятнадцатилетний мальчишка?

— Я разучился смущаться как раз в пятнадцать. И ты прекрасно знаешь почему, Магбезопасность.

Дайм тихо выругался и снова шепнул:

— Извини.

— За то, что тебе на тот момент было три года, ты понятия не имел о моем существовании и никоим образом не мог повлиять на Паука и его учеников? Да. Я извиняю тебя за это. Придурок ты светлый.

— Сам ты придурок, — проворчал Дайм, но Роне чувствовал его облегчение. — Ладно. Я бы предпочел сначала единение, а потом уже Линзу.

— Плохой вариант, Дайм. Я понятия не имею, признает ли Линза хозяевами сразу троих.

— Ни шиса не понимаю. Какая разница, признавать троих сразу или объединяться в процессе?

— Принципиальная. Мой свет, ты можешь оставить теорию мне. Просто поверь, нам троим разницы нет никакой, а вот Линзе — очень даже есть. Шуалейда должна войти в нее самостоятельной, отдельной личностью.

— Э... Роне, вот тут подробнее. После единения она перестанет быть самостоятельной отдельной личностью?

— Дайм, ну подумай сам, что такое единение. Мы станем как Двоединые, только триединые — личности разные, но суть-то одна. Никто не знает, разделяет ли Линза суть и личность, понимаешь? Может так получиться, что нас троих она примет за новое, постороннее ей существо, и тогда... Вот честно, мне очень интересно, что будет тогда. Но не настолько, чтобы рисковать жизнью ради науки.

— Шисов теоретик. Ты уверен, что единение в процессе инициации не сведет Линзу с ума?

Роне вздохнул. Уверен ли он? Да. Подтверждено ли это хоть какими-то данными или экспериментами? Нет.

— Не сведет. Ты веришь мне, Дамиен шер Дюбрайн?

Мгновение промедления показалось Роне вечностью. Его сердце успело замереть, оборваться...

— Да. Я верю тебе, Рональд шер Бастерхази, — сказал Дайм.

Роне выдохнул и снова прижался лицом к его рукам.

— Я никогда не обману тебя, мой свет, — шепнул он.

Шуалейда шера Суардис.

Ее разбудил шепот на два голоса.

— Спит.

— Уже нет.

— Ты шисов придурок, взламывать защиту покоев наследника...

— Как взломал, так и починю.

— Магбезопасность обнаглела в корягу.

— Ну напиши жалобу в Конвент, законопослушный ты наш.

Шу улыбнулась. Она чувствовала себя совершенно счастливой. Эти двое, светлый и темный, пришли к ней! Или за ней? Лучше бы за ней. Если они займутся любовью прямо тут, Энрике с Бален обязательно это почувствуют. И Кай тоже почувствует. А может быть, в его кабинете тоже поселятся феи, письменный стол отрастит балкончики и дымовую трубу, а перья с чернильницей начнут внеочередную переписку волшебного народа.

Пока же в его кабинете всего лишь открылся пространственный разлом, из которого вышли два шера, светлый и темный. Оба — шальные, немного взъерошенные, в одних лишь штанах и батистовых сорочках.

— Никогда не крал принцесс. Светлый шер, ты учишь меня плохому.

Дайм тихо рассмеялся, Шу — тоже.

— Тише, ваше высочество, это похищение, — пророкотало пламя, и горячие губы Роне закрыли ей рот.

Шу задохнулась от ощущения нежной, горячей тьмы, вливающейся в нее с этим поцелуем, и вздрогнула от наслаждения, когда к тьме присоединился свет, ослепительно прохладный, терпкий и ласковый... О боги, как она сумела дожить до совершеннолетия и ни разу не быть похищенной?

— Пора исправить эту вопиющую несправедливость, ваше прекрасное высочество, — с галантным поклоном сказал Дайм, придерживающий для нее пространственный разлом. — Извольте пожаловать в скромный портал, ведущий напрямик в башню Ужасного Черного Колдуна.

— Скромный? Не слушайте полковника, у него приступ несправедливого самоуничтожения. Это великолепный, исключительный, непревзойденный портал, достойный нашей прекраснейшей Грозы.

Шу, смеясь, ухватила за шею Роне, и он поднял ее на руки. Отнес к portalу. Дайм положил руку ему на плечо, и они вместе шагнули в кусочек ночного неба, прямо в мерцающие звезды. Мгновение в наполненной светом чужих миров пустоте — бесконечно прекрасное, словно вечность, и они оказались в незнакомой комнате. Круглой, с высоким сводчатым потолком и открытыми окнами, в которые заглядывала зеленая луна и залетал напоенный весенними ароматами ветерок. О том, что это спальня черного колдуна, а не прекрасной принцессы, красноречиво свидетельствовало черное шелковое белье на огромной кровати. А о том, что тут ждут прекрасную принцессу — россыпь звездных фиалок на полу, на все той же кровати и даже по стенам и мебели. Единственным пятном аскетичной тьмы остался пюпитр с раскрытым древним фолиантом, стоящий около восточного окна.

Ужасно интересным фолиантом. В него Шу непременно заглянет. Потом. Сначала черному колдуну и его несправедливо скромному светлому любовнику следует воспользоваться слабостью и невинностью прекрасной принцессы, иначе что ж это за похищение!

— Еще немного, мой темный шер, и у тебя на окне расцветет фейская груша, — шепнула Шуалейда и легко прикусила Роне за мочку уха.

— Ну уж нет, фей в моей спальне не будет, — с напускной суровостью ответил Роне.

— Не зарекайся, мой темный шер, — хмыкнул Дайм, сбрасывая сорочку... штаны... шагая к ним

обнаженным и возбужденным...

Шу едва не застонала от темного, жаркого водоворота, зародившегося внутри нее. Дайм... в спальне черного колдуна... Чистый, ослепительно прекрасный свет, словно осколок белого полуденного солнца, и в то же время — живой, сильный мужчина. Шу замороженно смотрела на него, тянулась к нему всей своей сутью и уже ласкала его мощные плечи, беззащитную ямочку между ключицами и бьющийся в ней пульс... Она и Роне. Вместе. Оказывается, это еще ярче, еще острее и прекраснее — любоваться возлюбленным не одной, а вместе.

Роне замер с ней на руках. Лишь раздувались ноздри и бешено стучало сердце, разгоняя по жилам огненную кровь. Шу ощущала его восторг и благоговение — перед божественным светом, кровью самой Райны. И его возбуждение, его потребность касаться, брать и отдаваться самому, слиться с ними обоими сейчас же, немедленно!

Они все трое вздрогнули, едва Дайм коснулся Шу. Рожденная его печатью боль вспыхнула, на миг ослепила Шу, доведя ее жажду до пика... не только ее — Роне тоже пил эту боль взахлеб, как родниковую воду... На мгновение Шу показалось, что сейчас они вместе с Роне выпьют его до дна — вместе с болью всю его силу вместе с жизнью. Испугавшись, она отдернулась.

А Дайм засмеялся.

И в самом деле, глупо. Его свет стал еще ярче, его самого — больше. Словно с каждой отданной каплей силы в нем прибывало две, а то и десять.

— Ты сумасшедший, мой свет, — хрипло, голодно сказал Роне.

И наконец-то уложил Шу на черный прохладный шелк, сам лег рядом, прижавшись к ней всем телом. Горячим. Упругим и сильным. Но все еще одетым.

— Нормальным быть невероятно скучно, — парировал Дайм так же хрипло и голодно. — Нормальным не достается черный колдун и сумрачная принцесса.

Его глаза светились морской бирюзой, его ауру пронизывали черно-белые нити проклятой печати. Немножко страшно, но завораживающе красиво. Так красиво, что почти жаль рушить...

На этот раз они с Роне сняли с Дайма печать почти мгновенно. И это тоже было завораживающе прекрасно — творить волшебство вместе. Ласкать светлого шера вместе. Сначала лишь стихийными потоками, не позволяя ему преодолеть последний шаг до постели, заставляя тихо стонать и прикрывать глаза от наслаждения, и рваться к ним, желать еще сильнее дотронуться, слиться не только магией, но и телом.

Правда, держать в сладком плену полковника Магбезопасности им удалось недолго. Всего через десяток секунд он вновь открыл затуманенные глаза, усмехнулся — и Шу с Роне оказались голыми, а потоки света буквально распыли их обоих на постели.

— Шисова Магбезопасность, — восхищенно простонал Роне. — Ты хочешь, чтобы я кончил от одного только взгляда, как сопливый подросток?

— Мм-м... я бы на это посмотрел, — протянул Дайм, лаская Роне мягким воздушным потоком.

Шу замороженно смотрела, как волоски на теле Роне встают дыбом, по напряженным мышцам живота пробегает судорога удовольствия, как он запрокидывает голову, поддаваясь властной ласке, и выгибается навстречу...

О нет, зря Шу думала, что только стихийным потокам. Нет. Ее саму накрыл жаркой волной тихий приказ:

— Поцелуй его, — и одновременно удерживающий ее свет мягко подтолкнул в спину.

Уговаривать ее дальше было совершенно не нужно. Ей и самой хотелось дотронуться, попробовать на вкус твердую шелковую плоть, ощутить... О, как Роне застонал, когда она накрыла его губами и лизнула! Шу показалось, он кончит тут же, как сопливый подросток. Но Роне только выругался вполголоса, вцепился пальцами в скомканную простыню и замер, позволяя ей изучать себя, облизывать и ласкать губами. А Дайму — смотреть.

Не только смотреть.

Шу ощутила, как постель прогнулась под весом второго мужчины — рядом с ней. Как сначала теплые сухие ладони коснулись ее спины, затем провели вниз, оглаживая бедра. С тихим стоном она выгнулась, раздвинула колени и снова застонала, когда рука Дайма скользнула по мокрым складочкам. Роне застонал вместе с ней, подался бедрами вверх, но Шу придержала его ладонью. И

поверх ее руки — Дайм. Он почти лег на нее, терся твердой плотью, скользил, дразнил, заставляя прогибаться и ждать, нетерпеливо ждать проникновения. Все внутри нее скручивалось в тугий узел, требовало — взять его, отдаться, слиться с ними обоими сейчас же, немедленно!

Дайм вошел в нее, когда Шу обхватила Роне губами. Она бы закричала, не будь в ее горле твердой мужской плоти. Она бы, наверное, отстранилась — чтобы вдохнуть, чтобы без сил упасть лицом на живот Роне — если бы сильная рука не легла на ее затылок, требовательно сжала волосы... Нет, две руки. Дайма и Роне. Они оба хотели быть в ней, брать ее, и она хотела их обоих в себе, полностью, насквозь, так, чтобы ей казалось — они встречаются внутри нее, а может быть, между ними образуется дуга силы, ослепительно яркая, раскаленная дуга, пронизывающая ее...

Мир рассыпался на разноцветные кусочки синхронно с двумя мужскими криками. Хриплыми, низкими, во весь голос. Показалось, вся шисова башня Рассвета дрогнула от этих криков. И от ее собственного, мысленного, бессвязного вопля — боги, как же хорошо! Я хочу это всегда! Их обоих — себе, навсегда! Мой свет и моя тьма, оба... оба мои...

Плохо соображая, где находится и что делает, она выпустила изо рта терпко-соленую и по-прежнему твердую плоть и скользнула по мужскому телу вверх. Легла, прижавшись всем телом и ощущая, как второй мужчина обнимает ее сзади — он так и не вышел из нее, и она не желала его выпускать и прекращать такие сладкие, тягучие, растекающиеся по всему телу волны удовольствия. Правда, чего-то все равно не хватало. Шу даже знала, чего именно: накрыть ладонью горячую, влажную и пахнущую семенем плоть. Обхватить и не выпускать. И впустить в свой рот — горячий, влажный, пахнущий семенем — мужской язык, застонать ему навстречу и уместиться обеими грудями в мужские ладони, снова застонать, когда ладонь — Дайма или Роне? — накрыла ее грудь, и чьи-то губы коснулись нежного местечка между шеей и плечом.

Да. Вот так — хорошо и правильно. Оба. Свет и тьма — ее.

— Я выйду замуж за вас обоих, — довольно сказала она... и ее унесло ласковыми, тихо смеющимися волнами океана... или огня... или всего вместе... да какая разница, когда она — они, все трое, — счастливы!

Глава 24. Баньши

...буде же нарушит Мастер Ткач закон Хисса, не судить его другим Мастерам, а испросить совета у настоящего Алью Хисс, ибо его голосом говорит сам Брат.

Хосе бие Морелле, Волчок, 5-й день каштана, Суард.

— Хватит, — раздался голос Мастера.

Он остановил тренировку ровно в тот миг, как Ласка в пятнадцатый раз за утро «убил» Волчка. Все шестеро учеников как один обернулись. Волчок глянул на небо: девять, на час раньше, чем обычно.

— Завтракайте и выметайтесь в город. Вы должны вести жизнь обыкновенных горожан. Гуляйте, веселитесь — но чтоб через полчаса вас тут не было. И не появляйтесь до заката.

— Да, наставник, — отозвались все шестеро: руки сложены лодочкой перед грудью, поклон, взгляд в пол.

Когда Волчок поднял взгляд, на заднем крыльце уже никого не было.

— Ну, раз наставник велел гулять, — многозначительно протянул Ласка и подмигнул Волчку. — Пошли к Люсии, боец, заслужил.

— Молодец, Волчок, — снисходительно кивнул Угорь. — Сегодня я угощаю. Пышечками.

Волчок еле подавил дрожь: в глазах что Угря, что Ласки читалось злое веселье. Решились. Шис их заberi, они все же решились.

— Эй, Шорох, — позвал Ласка.

Сын Мастера обернулся с крыльца.

— Пошли с нами. Пропустим по кружечке!

— Не сегодня. — Шорох отвернулся и исчез в доме.

— А, недостойны, — насмешливо пробурчал Ласка. — Нам же больше достанется!

Про самых младших, собиравших по саду ножи, звездочки, деревянные мечи и прочие следы тренировки, Угорь с Лаской забыли. Как всегда. Впрочем, Игла и Простак предпочитали развлекаться поодиночке.

— К шису завтрак, — неправдоподобно радостно заявил Угорь. — Последние дни праздника, а мы время теряем. Бегом, Волчок, пышечки заждались!

Волчок кивнул и помчался переодеваться. По дороге заглянул на кухню: Фаина уже расставляла тарелки, а Шорох, раздетый до пояса, вытирался полотенцем и рассказывал что-то о гитарах и менестрелях.

— На меня, Ласку и Угря не надо. Поедим в городе.

Фаина оделила его равнодушной улыбкой и кивнула.

«Тьфу, чтоб вас, — думал Волчок, поднимаясь на второй этаж, обливаясь из кувшина и натягивая праздничную рубаху с синим кантом. — Ненавижу. Всю вашу гильдию ненавижу. Нашли себе мелкую карту на размен, заberi вас Хисс!»

Позавчерашние слова Угря все крутились в голове: подстеречь одного, убить...

— ...подстеречь одного, убить, — рассуждал Угорь, сидя на камне посреди сухого русла Циль, там, где она впадает в Вали Эр.

Для разговора он выбрал открытое со всех сторон место: весенняя вода спала, обнажив дно. Никому не интересная пустошь, разве что по утрам детвора пускает кораблики в ручейках, оставшихся от разлива.

— Но Седой запретил трогать... — возразил Ласка.

— Стрижа, — перебил Угорь. — Про Шороха речи не было. Или тебе непременно надо играть честно?

Ласка пожал плечами. Волчок промолчал, сделав вид, что его это не касается. Какая честная игра, если Мастер нарушил закон, а их приготовил на убой? Угорь глянул на Волчка и Ласку, и, убедившись, что никто не возражает, продолжил:

— Надо выбрать время, когда Шорох один. Место — без свидетелей, и чтоб близко спрятать тело. Подойдет Лес Фей. Даже Мастер там ничего и никогда не найдет.

— Днем на опушке полно народу, — сказал Ласка.

— Рядом с Баньши никого не бывает. Боятся. — Угорь презрительно фыркнул. — Чернь.

— Не обязательно Шорох пойдет той дорогой.

— Другая длиннее. И другое место нам не подходит. Труп найдут даже в реке.

— Значит, будем надеяться на удачу.

— Удача — чушь, — отрезал Угорь. — Удача приходит к тому, кто готов действовать.

Ласка кивнул, Волчок тоже.

— А тебе, Волчок, самое ответственное. Пойдешь вперед, до развилки, и если покажется Стриж, дашь сигнал. Мы не можем рисковать: если хоть один уйдет... сами знаете. Лучше подождем другого случая.

— Какой сигнал?

— Выпь. Наш сигнал, что дело будет сделано, тот же. Выпь, один раз.

«Выпь, один раз», — повторял про себя Волчок, стараясь не думать о том, что будет, если что-то пойдет не так.

«А оно пойдет не так! — настойчиво лезло сомнение. — В самый неподходящий момент! Как тогда, на рынке».

Волчок тряс головой, отгоняя страх и тошноту, но страх не отгонялся. Видение алтаря Хисса заслоняло свет, деревья казались колоннами храма, прошлогодние листья пахли кровью.

«Даже если пойдет так, на что ты-то надеешься? — продолжал здравый смысл. — Даже если алтарь минует, останется Стриж. Зря Угорь не принимает его в расчет. Но ты-то знаешь, чего он стоит».

Волчок остановился. Поднял взгляд: высоко-высоко, сквозь редкие прорехи в кронах, мелькали голубые, с белым кружевом юбки Светлой Сестры. Помолиться? Жаль, не поможет. Услышит лишь Хисс — все они принадлежат ему, с тех пор как стали учениками Мастера Ткача. А Хисс никогда и никого не отпускает. И даже если Стриж не убьет его до испытаний, Угрю и Ласке понадобится жертва для бога — кто, как не Волчок?

«Почему, Светлая, ты оставила меня?»

Светлая молчала, только ветер шелестел кронами.

Себастьяно бие Морелле, Стриж.

Ветер шелестел в кронах: «Беги, Лягушонок, беги!»

Он бежал. Несся в зеленом полумраке леса с одной мыслью: успеть! Что успеть, он не думал. Стриж вообще не понимал, что с ним творится, но с самого утра не находил себе места. Даже Черная Шера не смогла его отвлечь. Клайво, промучившись полчаса с нерадивым учеником, велел ему пойти и завалить наконец ту девицу, из-за которой пальцы попадают мимо струн.

«Если будешь отвлекаться из-за каждой юбки, музыканта из тебя не выйдет. Вот твоя единственная возлюбленная, — кивнул Клайво на гитару. — Нет на свете ее прекрасней, ее верней и ее ревнивей. Девуц много, а музыка одна!»

Стриж кивал, но мыслями все равно был далеко и от Клайво, и от девиц. Какие, к троллям, девицы, если мерещится смех Хисса? Стриж раз за разом гнал невнятные страхи, заставлял себя сидеть спокойно, прижимал непослушные острые струны, рая пальцы — Шера не собиралась так просто

мириться с невниманием.

Высидел до полудня. Пять раз заливал подушечки пальцев заживляющим бальзамом, сжимал губы, пока бальзам делал свое дело, и снова брался за гитару. Клайво время от времени заглядывал на жалобные стоны Шеры, качал головой и уходил. А в полдень...

В полдень Стриж понял, что нельзя медлить ни секунды. И все доводы рассудка, что Мастер мог продлить тренировку, дать сыну поручение, да просто Шорох мог повстречать по дороге сговорчивую милашку, — все заслонил смех Хисса и уверенность: с братом беда.

Бежать, скорее! Может, еще успеет...

Гитара обиженно зазвенела, брошенная на кровать. Скатываясь по лестнице, Стриж крикнул Сатифе:

— Не ждите к обеду.

Вылетел из лавки, не попрощавшись с Клайво, и помчался к лесу.

Он бежал, вглядываясь в прохожих — вдруг брат уже здесь? Но среди чужих и знакомых лиц не попадалось единственного, родного. Меж бардов, поэтов, мимов и зевак на опушке Королевского парка мелькнули широкие плечи, коротко стриженные черные волосы...

— Орис? — позвал Стриж через головы горожан.

Но прежде чем стриженный обернулся, Стриж уже понял: не тот.

Древние дубы насмешливо качнули кронами: беги!

Полуденный свет и гул сменились зеленым полумраком и тишиной. Густая трава опушки — утоптанной дорожкой. Стриж прислушивался к лесу, всматривался в редких встречах. Прохожие шарахались, но Стрижу не было дела до их удивления и страха. Хотелось заорать на весь лес: Шорох, брат! Перед развилкой он на миг задумался: через водопад Вдовьих слез или мимо Баньши? Ноги сами понесли по нехоженой короткой дороге. Не успел он преодолеть и половины пути до расщепленного дерева, как неподалеку раздался тоскливый, пронзительный вопль.

«Баньши?» — окатило его иррациональным страхом.

«Выпь», — одернул себя Стриж.

Поздно, — оборвалось что-то внутри, оставив после себя глухую пустоту. — Теперь — точно поздно.

Не обращая внимания на тошноту и темноту в глазах, Стриж добежал до древнего дуба, расщепленного молнией. Остановился под ним: запах ненависти, примятая трава, свежесломанные ветки подлеска. Поискал кровь — не нашел. Подавил неуместную надежду: жив?! Напомнил себе о семидесяти двух способах убить без крови.

Следы. Запахи... Стриж искал ответ, но лес обманывал. Пах зверьем, пылью, лиственным соком и страхом, раздавленными жуками и ненавистью. И не пах смертью. Но Стриж видел следы. «Здесь были двое — говорили они. — Ждали, долго».

Ждали, чтобы ударить в спину...

Орис бие Морелле, Шорох

...удар в спину, боль, темнота...

Бред и наваждение!

Шорох сморщился, словно от кислоты. Весенние праздники, неделя, когда даже свиней не режут! А все равно за каждым кустом мерещатся Угорь с Лаской. Шис бы их подрал.

Тоскливо заорала выпь. Ежевичник слева от тропы дрогнул.

Шорох не успел подумать, какого шиса делает в дневном лесу болотная ночная тварь, как три звездочки вылетели из его руки и веером прошли ежевичник. А сам он откатился с возможной арбалетной траектории и затаился за толстым грабом, держа наготове нож.

— Погоди меня убивать, — вместо свиста болта послышался шепот, сливающийся с шелестом

крон. — Поговорить надо.

Из-за сросшихся кленов, саженьях в четырех от тех кустов, показалась открытая ладонь, пальцы сложились в знак «перемирие именем Хисса».

— Волчок? Какого... — пробормотал под нос Шорох и показал такой же знак.

Тут же из-за клена показался сам Волчок, приложил палец к губам и метнулся к Шороху. Показал глазами на тропинку, потом в глубину леса. Шорох кивнул. Волчок, не тревожа лесной тишины, скользнул прочь: спина его была отличной мишенью. Через три десятка саженьей он оглянулся, кивнул и исчез в высокой траве между валунами.

— Ну? — Шорох опустил рядом, не убирая ножа.

Волчок приложил палец к губам и покосился в сторону тропинки.

Шорох прислушался: еле слышное шуршание, неправильный скрип ветки, не в такт ветру. Через несколько мгновений лес снова звучал, как положено. Те, кто шел мимо — ушли. Шорох вопросительно глянул на Волчка. Тот пожал плечами, мол, чего тут объяснять, сам все понял.

— Ты ж не просто так меня предупредил.

— Твой отец может устроить меня к Риллаху служкой, — Волчок не спрашивал, а утверждал. — Я не хочу лезть в ваши игры. Идохнуть на испытаниях не хочу.

Шорох разглядывал его: легкомысленный игрок внезапно изменился. Повзрослел. Даже жаль, что не станет Рукой Бога, но он прав, шансов нет. Особенно теперь.

— Я попрошу наставника. Но не могу обещать, что он меня слушает.

— Этого достаточно.

Себастьяно бие Морелле, Стриж

«...этого достаточно, чтобы убить. Всех, — шептал возникший на месте пустоты огненный острый ком. — Шороха нет, осталась только месть. К Хиссу закон. Бог мести поймет. Ищи, Стриж, ищи!»

— Ну, что нашел? — ударил по ушам тихий голос... Шороха?!

Стриж подпрыгнул, развернулся на звук, забыв про зажатый в руке нож.

На тропинке, под дубом-баньши, стоял брат. Он улыбался радостно, словно увиделись после года разлуки.

— Багдыр тебя... — беззвучно шепнул Стриж: голос пропал вместе с комом ненависти.

— Идем скорее. Шис знает, что будет, когда они догадаются.

Только теперь Стриж заметил Волчка за спиной брата. За один вздох он испугался, удивился, понял — и снова удивился.

— Идем.

Шорох кивнул на тропу: шутки кончились, пора уносить ноги.

Они убегал тихо, как тени. Фельта Сейе, словно наигравшись их страхами, стелил под ноги ровную траву, убирал с пути цепляющую ежевику, смахивал со склонов предательскую каменную крошку. До самой опушки, что выходит к Старому городу, им не встретилось ни души. Но только удалившись от Королевского парка на квартал, Стриж решил замедлить бег и спросить Волчка:

— Почему?

— Свидетелей убивают, — ответил тот аксиомой.

— Потом, — одновременно с Волчком откликнулся брат. — Пока мы не поговорим с Мастером, Волчку надо спрятаться.

Стриж вопросительно глянул на обоих, но Шорох отмахнулся.

— Я приду после заката, — пообещал Волчок, прежде чем раствориться в праздничной толпе на площади магистрата.

Несколько кварталов Стриж с Шорохом бежали молча. Наконец Стриж не выдержал.

— Где ты был?

— Носил медовые лепешки слепому Нье.

Стриж от неожиданности запнулся. С какой стати брат пошел к сумасшедшему прорицателю? Он же всегда говорил, что его предсказания — бред.

— Зачем ты... — схватив брата за рукав, начал Стриж.

— Мастер послал, — прервал его брат, не замедляя шага. — Сказал позвать, чтобы никто не видел. Ничего не объяснил, только велел не показываться дома до заката. Всем велел.

Снова запахло неприятностями. Другими — словно мало Угря с Лаской. И чем ближе они подходили к улице Серебряного Ландыша, тем сильнее смердело. Вонь стала невыносимой, когда братья свернули с площади Варкуда на родную улицу.

— ...выжжет огненное око! Северный ветер несет смерть! Не сойти с пути, не свернуть... — сумбурные выкрики и бормотание слепого Нье встретили их за углом. — Мертвый ведет живого, мертвый ищет солнца. Зачем мертвому солнце? Стой!

Черный от загара крючконосый старик заступил им дорогу. Ветер взметнул белые космы прорицателя Стрижу в лицо, корявый палец ткнул в Шороха.

— Куда идешь, бард? Иди на север, беги! Твой дом плачет, луна голодна. Семь черных коней грызут столбы, вырвутся — не догонишь...

От слов сумасшедшего в животе зашевелилась холодная тошнота, словно Стриж проглотил лягушку. Черные, без белков и зрачков глаза Нье казались колодцами в Ургаш: пронзали, цепляли и тянули.

— Простите, вы нас с кем-то спутали. — Шорох отстранился и обогнул старика.

— Путали... путь на север и на юг... — снова забормотал Нье, устремив невидящий взгляд в сторону двorca. И вдруг сказал тихо: — Не ходите, юный мастер, нельзя. Пусть идет один светлый, его не заметят.

Стриж с Шорохом переглянулись, словно спрашивая друг друга: не померещилось?

— Ах-ха! — не то засмеялся, не то закашлялся старик, отталкивая Шороха. — Река пошла вспять! Ах-ха!

Передернув плечами, Стриж устремился прочь от слепого Нье, к дому. Шорох за ним.

— Жди здесь, — попросил Стриж. — Еще немного, и я начну верить сумасшедшим.

Последние слова он пробормотал, ныряя в тень оплетшего террасу винограда. Ургаш принял его в объятия, позвал: иди глубже, до самого дна!

В этот раз Стриж шагнул дальше, чем в гномьем банке. Ровно настолько, чтобы сохранить ощущение себя во времени и пространстве: Хиссова Бездна кружила голову, путала верх с низом и прошлое с будущим.

«Подожди, Темный! Мне рано пока!» — заклинал Стриж, нащупывая дорогу к дому.

«Здесь, — насмешливо зашипели крылатые силуэты. — Здесь твой дом!»

Особняк по улице Серебряного Ландыша с изнанки казался стеклянным ларцом с черными жуками внутри. Ни замков, ни даже дверей — Стриж свободно прошел в кабинет Мастера на втором этаже. Двоих он узнал издали: кусок непроглядной Тьмы и пятно чистого Света не могли быть никем, кроме настоятелей храмов Хисса и Райны.

«Наставник, Родригес, Седой Барсук... — сгустки в сером киселе с трудом приобретали знакомые черты. — А откуда эти? Шис, еще бы услышать, что они говорят!»

Стриж всматривался в силуэты, вслушивался до звона в ушах, но не мог расслышать ни звука. Он уже собрался всплыть до обычного слоя Тени, где слышна речь, как знакомый голос сказал:

— Не вздумай. Если выйдешь, тебя убьют, и ни Мастер, ни Риллах не помогут.

Стриж застыл, не понимая, то ли радоваться неожиданному советчику, то ли бояться.

— Да не бойся ты, — усмехнулся... кто?

Из-за левого плеча показалось радужное мерцание.

— Любопытно, да? — мерцание пошло волнами смеха. — Ну, послушай. Может, чего поймешь.

Невесомая рука легла на плечо Стрижа. Серый кисель всколыхнулся, прояснился...

— ...угодно богам. Не в человеческих силах противиться, — ровно твердил светлый настоятель Халлир.

— Закон писан для всех! — устало возмущался незнакомый мастер теней. — Рука Бога не имеет права участвовать в испытаниях. Лягушонок должен принять полную присягу немедленно.

— Мои ученики пройдут испытания как положено. Вместе. А мастеров теней без ритуала не бывает. Если совет гильдии будет настаивать, я готов выставить моих подмастерьев этой осенью. Раньше двое из них не смогут справиться с Тенью. Вряд ли кому-то нужны сумасшедшие слуги Хисса.

— Любая лавина начинается с одного камня, — отстраненно заявил Седой Барсук. — Этот камень уже упал, но вы, — он указал сразу на обоих братьев-настоятелей, — не желаете исправить дело. Видимо, уже и служителям Двуетидных личные дела важнее закона.

— Все! Достаточно! — оборвал его Риллах. — Можешь сомневаться сколько угодно, Хиссу все равно. Но не смей вмешиваться! Если любой из подмастерьев погибнет до испытаний по твоей вине, ты ляжешь на алтарь. И не умрешь, пока не поймешь: Двуетидные не желают, чтобы их слуги дрались меж собой, забывая о служении.

Настоятель Темного храма обвел тяжелым взглядом всех присутствующих, на миг задержал взгляд на Стриже.

«Спокойно», — шепнул в ухо... слепой Нье?!

Риллах дернул уголком рта и перевел взгляд дальше.

— Ты, Мастер Ткач Кардалоны, лучше думай, какие заказы принимать, чтобы не терять людей и не потерять жизнь. Твой страх перед земной властью глуп, и еще более глупо оправдываться радением за традиции.

Мастер Кардалоны сжал губы и почтительно поклонился жрецу: спорить с истинным сыном Хисса, если он назвал тебя глупцом — лишь доказать его правоту.

— А ты, Мастер Ткач Найриссы, готовься. В ближайшее новолуние Найрисса испытает мастерство новых претендентов. Помни о традициях и не преступай закон, все же прочее в твоей власти.

— Двуетидные сказали, — подтвердил решение брата Халлир и посмотрел прямо на Стрижа. Или на того, кто стоял за его спиной?

— Да пребудет Равновесие! — вразнобой согласились Мастера и Седой Барсук.

— С сегодняшнего дня претенденты — под рукой Хисса, — добавил настоятель.

От слов Риллаха холод пронзил Стрижа насквозь. Испытания меньше чем через неделю. Ласка с Угрем под рукой Хисса — и Канон Полночи им не указ. Нет, не может быть!

Настоятели первыми покинули кабинет. За ними — Седой и Мастер Кардалоны. Мастер Найриссы чуть задержался, остановился рядом с наставником.

— Зря. Ты был хорошим Мастером, Морелле. — Он покачал головой. — Неужели оно того стоит?

— Стоит, Вальдос, — усмехнулся наставник. — Для меня — стоит. А для тебя — нет.

Мастер Найриссы еще раз с нескрываемым сожалением покачал головой и покинул кабинет. А наставник вернулся за свой стол, придвинул том Хмирских Хроник, раскрыл его на закладке и глянул прямо на Стрижа.

— Что скажешь, Нье?

— Что... — Третий близнец шагнул к Мастеру уже обыкновенным слепым стариком, а не радужным мерцанием. — Ты сделал выбор, прочее уже неважно. — Прорицатель оглянулся на Стрижа. —

Выходи, малыш. Может, вам и удастся...

На лицо Нье снова легла маска сумасшествия, он засмеялся.

— Ква! Ах-ха, ква-ква! Шесть стрижат учились летать. Раз, два, три, первого съела ворона, — начал он детскую считалочку. — Раз, два, три, второй подавился жуком... Ха...

Беспорядочно размахивая руками, дергая головой и бормоча считалку, Нье пошел прочь — прямо сквозь закрытую дверь.

Стриж провожал его растерянным взглядом. Третий брат? Но как же — ведь близнецов всегда двое! Черный и белый, два бога, два храма...

— Я не знаю. Никто не знает, — предупредил его вопрос наставник. — Они слишком стары. Старше империи, может, старше Эльфийского Договора. Говорят, все настоятели во всех храмах — это они, Риллах и Халлир. Только слепой Нье один, но появляется всегда в разном обличье, в разных местах. Зачем, почему — боги не имеют обыкновения объясняться перед смертными.

— Я могу позвать Шороха?

Мастер кивнул, грустно улыбнулся, словно хотел что-то сказать... и промолчал.

Глава 25. Линза

4-й день каштана, Шуaleyда шера Суардис.

Она проснулась бодрой, деятельной и полной сил. Она точно знала — все произойдет сегодня. Откладывать больше нельзя.

— Вот и я думаю, что откладывать некуда, — слышался голос Энрике.

Шу невольно вздрогнула. Упаси Двуетидные, Энрике почувствует следы темной силы! Объясняться с ним, Бален и Каем по поводу двух любовников ей все равно придется. То есть по поводу темного шера Бастерхази в любовниках. Против светлого шера Дюбрайна они ничего не имеют. Но Роне... Ну почему, почему все так настроены против темных шероу? Это несправедливо! И Шу им всем докажет, что Роне — хороший. Они сами увидят, когда Шу, Дайм и Роне станут едины.

Интересно, а Конвент признает единение за брак? Ведь по сути бракосочетание — это некое подобие единения, облегченная версия. Наверное, да. Вот будет смешно посмотреть на лицо его императорского высочества, когда он узнает!

— Утра, Энрике, Баль, — поздоровалась Шу, садясь на постели и почесывая тут же ткнувшуюся ей в бок Морковку за ушами. — Чудесный день. Артефакт с балкона Альгредо уже забрали?

— Разумеется. Мне нравится твой боевой настрой, — отозвалась Бален, по обыкновению явившаяся вместе с мужем.

Шу улыбнулась, вспоминая свое ночное похищение, призвала удобные одежки — бриджи, сорочку, мягкий жилет с внутренними карманами — и спрыгнула с постели уже одетой.

За ее спиной раздалось недовольное мряканье: Морковке хотелось еще валяться и чтобы ее чесали.

— Что нам сегодня приготовил ужасного наш заботливый сенешаль? — спросила Шу, встряхивая распущенными волосами и заглядывая в зеркало.

— На удивление — ничего, — сказала Баль и позвала Морковку: — Кис-кис.

Та лениво спрыгнула с постели и с независимым видом подошла к Баль, мол, так уж и быть, позволю тебе себя почесать.

— Их императорское высочество пожелали завтракать в своих покоях, наедине с братом и темным шером Бастерхази, — отчитался Энрике.

— Энрике, объясни мне, зачем Люкресу сдался темный шер?

Капитан поморщился.

— Даже гадать не возьмусь, что за шисово дерьмо у их высочества в голове. Могу только надеяться, что в этих грязных интригах сдохнут оба. Или на худой конец попадут под трибунал.

Теперь настала очередь Шу морщиться.

— Ты слишком категоричен, Энрике. Шер Бастерхази — вовсе не концентрированное зло. Ты мог бы чуть больше доверять полковнику Дюбрайну.

Шу замолкла, видя отразившееся на лицах обоих Герашанов неприятие и понимая, что переубедить их невозможно. Нет таких слов в имперском языке, которые бы заставили их изменить мнение о темных шерах в целом и Роне в частности.

— Я очень надеюсь, что полковник хорошо понимает, с какой ядовитой змеей играет, и что эта змея не успеет его укусить. Надеюсь, ты в этих играх не участвуешь? И тебя не посетила мысль пустить в свой Источник темного шера?

Под пристальными взглядами Энрике и Бален Шу залилась жаром, но тут же разозлилась.

— Хватит подозревать меня в слабоумии. Какие бы мысли меня ни посещали, я сделаю как нужно. И сделаю это сегодня же. А вы мне поможете.

Оба Герашана подобрались, две пары глаз — серые и зеленые — опасно сверкнули.

— Отличная мысль, — кивнула Баль. — Предлагаю не откладывать.

— Темный артефакт второй, а то и первой категории, гильдия расстаралась, — продолжил за ней Энрике. — Светлый равной силы есть в сокровищнице, да хоть Фонарь Истинного Света.

— У меня есть кое-что получше, — усмехнулась Шу, призвала закрытый фиал с кровью Дайма и предъявила его Энрике. — Свет в чистом виде.

Посвящать Кая, Зако и Мануэля в свои планы Шу не стала. Помочь они ничем не смогут, а значит, ни к чему их и тормозить.

— Пойдешь с нами в Лес Фей, слушать русалок? — спросил Кай после завтрака.

— В другой раз, — покачала головой Шу. — Мне надо кое-что почитать.

Ей поверили и унеслись в парк, только Мануэль напоследок бросил на нее понимающий взгляд и украдкой показал сжатый кулак, мол, удачи тебе.

Удача. О да. Ей очень нужна удача. И твердость. Инициировать Линзу она должна сама и только сама. Сегодня же. Вот только как сказать об этом Роне и Дайму? Промолчать не выйдет, ей нужна помощь. Хотя бы в том, чтобы разогнать обитателей Риль Суардуса подальше от башни Заката и не дать магической аномалии распозлзтись по всему дворцу.

Нет-нет. Не надо думать о побочных эффектах и возможной неудаче. Все получится. Она приручит свой Источник, а потом они с Даймом и Роне проведут ритуал единения. Мама не права насчет Роне. Он любит ее, он все поймет и не станет обижаться, что она все сделала сама.

Точно не станет.

Хотя, конечно, инициировать Линзу втроем ей было бы куда спокойнее.

— Шу, ты вся дрожишь. — Баль села рядом и обняла ее за плечи. — Куда делся твой боевой настрой?

— Никуда. Я... — Шу замялась, выдохнула, собралась с духом и сказала уже намного тверже: — Пойдем. Прямо сейчас. Я только позову Дайма, и пойдем.

Полковник МБ отозвался сразу, стоило о нем подумать. Теплом, запахом моря и сосен, ощущением ласкового прикосновения губ к виску.

«Я чувствую, ты полна решимости, моя Гроза. Сейчас?»

«Да. Пора, Дайм».

«Мы с Роне придем через пять минут. Люкресу сегодня полезно будет поспать».

«Нет! То есть... Дайм... Я... — Сжав кулаки для решимости, Шу выдохнула: — Я сама. Я буду инициировать Линзу одна. У меня есть твоя кровь и темный артефакт. Я справлюсь».

На мгновение Шу показалось, что она осталась одна. Но через миг ее снова обняли — мысленно, все так же мысленно — и осторожно спросили:

«Почему одна?»

«Так надо. Ты доверяешь мне?»

«Вы с Роне сговорились. — Дайм невесело усмехнулся. — Да. Я доверяю тебе, Шу. Но хочу знать, что случилось. Мы с Роне сейчас придем и все обсудим. Не начинай инициацию без нас, хорошо?»

«Нет! То есть... да, конечно. Через пять минут в западной галерее. Я начну делать барьер».

«Все будет хорошо, моя девочка».

От обещания Дайма она и в самом деле успокоилась. Раз он сказал, что все будет хорошо, значит, так и будет. Обязательно.

Рональд шер Бастерхази. Тот же день, часом ранее.

Первым, что Роне увидел, едва раскрыв глаза — был семью екаями драный скорпион. Целый и

невредимый, он растопырился на прикроватном столике, аккуратно между кружкой шамьета и свежей газетой, которые каждое утро подавал Роне немертвый слуга.

Роне даже на мгновение прикрыл глаза, надеясь, что проклятая паучья игрушка ему примерещилась. Но не тут-то было. Скорпион блестел в лучах утреннего солнца и явственно ухмылялся. Мерзкой ехидной ухмылкой его темнейшества.

— Плюнь, мой темный шер. Не стоит злиться из-за этой дряни, — послышался рядом неприлично довольный и бодрый голос Дайма, и Роне обняли со спины. Обеими руками, крепко и уверенно. Как будто нет на свете ничего более естественного, чем темный и светлый шеры, просыпающиеся в одной постели. — У нас сегодня есть куда более интересные занятия.

— Ты прав, мой свет, — выдохнул Роне, отгоняя пакостное ощущение подвоха.

«Верь, верь Брайнону, дубина, — как наяву послышался насмешливый голос Паука. — Ты заслуживаешь остаться в дураках».

Отвечать галлюцинации Роне не стал. Еще чего! Самого Паука тут нет, а значит — никто и ничто Роне не помешает получить то, что ему нужно. И он не даст своей паранойе испортить этот прекрасный день. Первый день новой жизни. Первый день свободы.

— Ты тоже был прав, Роне, — сказали ему на ухо, не выпуская из объятий. — Шелковый халат и утренний шамьет в твоей компании — именно то, чего мне не хватало последние пятьдесят лет. Кажется, я уже привык.

— К халату и шамьету? — переспросил Роне.

— К тебе, мой темный шер.

Прикрыв глаза, Роне прижался спиной к Дайму, позволил себе расслабиться и провалился куда-то в бесконечный свет, выпустил наружу весь свой дар, всю суть — и растворился, врос и пустил корни...

— Если единение похоже на это, — обессиленно шепнул Роне, медленно возвращаясь в реальность, — то я понимаю Ману и его учеников. Я бы тоже...

— Тоже устроил бы мятеж?.. — так же тихо переспросил Дайм. — Или написал трактат?

— К Мертвому мятежи, мой свет. Кажется, я тоже привык. К тебе. Нет, к вам обоим.

— Ты обзаводишься хорошими привычками, мой темный шер. Магбезопасность одобряет.

— О, я сумел угодить Магбезопасности! Пожалуй, никаких трактатов. Пусть этот секрет останется только моим.

Дайм рассмеялся, вскочил с кровати и потянул за собой Роне — к горячему шамьету, уютному молчанию и ожиданию чуда. И если бы не семью екаями драный Люкрес, они бы не удержались, отправились вместе будить Шуалейду — и плевать, что и кто об этом подумает. Хватит скрываться и притворяться. Сегодня они проведут единение и станут супругами принцессы Суардис.

И никто не посмеет им помешать!

К его императорскому высочеству Роне с Даймом опоздали. Слегка. Люкрес уже проснулся и принимал утренний туалет. Светлому шеру он небрежно бросил:

— Ну-с, брат мой, с кем мы сегодня завтракаем?

— Канцлер Сальепус жаждет заверить вас в своей любви к императорской семье. А также две очаровательные шеры, которым вы вчера велели послать цветы.

— Я велел? Хм... Какой я предусмотрительный, однако.

— Вы даже предусмотрительно послали им приглашение к завтраку, — усмехнулся Дайм.

А Роне в очередной раз подумал: как удачно, что его императорское высочество повел себя с братом как последняя свинья! Будь они дружны — для Роне бы тут места не нашлось. И очень хорошо, что Люкрес уже никак не сумеет вернуть искреннюю привязанность Дайма.

Это позволит ему остаться в живых.

Пожалуй, Роне даже простит ему idiotские эксперименты со своей кровью, если Люкрес одумается

и вспомнит, что брата вообще-то можно просто любить. По крайней мере, именно так поступают все нормальные люди, у которых есть братья.

За завтраком Люкрес был на удивление благодушен. И даже, о чудо, пригласил за стол не только Дайма, но и Роне. Да что там, он даже лейтенанта Диена позвал. Дивны дела богов! Или не богов, а одного полковника Магбезопасности, не чурающегося запрещенных ментальных воздействий.

Присяга Роне, по счастью, позволяла ему некоторую свободу маневра. То есть если бы Дайм пытался причинить брату вред, Роне пришлось бы ему помешать. Но хорошее настроение, вежливость и прилив галантности идут принцу только на пользу, а значит, и волновать его лишней информацией тоже не стоит. Благодушные и спокойствие кронпринца превыше всякой ерунды.

Успокоив таким образом собственные цепи, Роне мысленно усмехнулся. Каким наивным идиотом он был, когда завидовал Дайму, красующемуся за креслом Светлейшего в форме офицера МБ! Любимый ученик Светлейшего, обласканный судьбой императорский ублюдок, счастливый, богатый и свободный. М-да. Знал бы он тогда, сколько между ними общего! Может быть, совсем иначе бы реагировал на попытки светлого шера как-то сблизиться, принял бы хоть раз его приглашение посидеть в ресторации вместе с Саламандрой и прочими ассистентами магистров.

А, пустые сожаления. Что-то Роне расслабился и размяк. Рановато.

И вообще, странно, что Шуалейда все еще не проснулась и не зовет их. Линза ждет.

При мысли о том, как именно они закончат инициацию Линзы и ритуал единения, Роне невольно улыбнулся.

— Возлюбленный брат мой, вы позволите покинуть вас ненадолго? — вклинился Дайм в беседу о южных винах, сопровождаемую дегустацией этих самых вин. — Нужно позаботиться о безопасности вашей драгоценной невесты.

Люкреса упоминание невесты не порадовало. Станный, глупый недошер. Предпочесть двух бездарных дур прекраснейшей Грозе! Двуетиные жестоко посмеялись над ним, не позволив разглядеть сокровище под собственным носом. Впрочем, Двуетиные правы. Сокровище — его и Дайма. Кронпринцу тут делать нечего. Гроза на него и не взглянет.

Странно только, почему ее зов услышал только Дайм, но не Роне.

— Ступай, Дамиен. Передай нашей драгоценной невесте нашу любовь и восхищение.

— Непременно, брат мой. Если не возражаете, темный шер Бастерхази отправится со мной.

— Возражаю, — нахмурился Люкрес. — Темный шер нужен нам здесь.

— Он скоро вернется, брат мой. С вами останется лейтенант Диен.

— Дамиен! — Кронпринц капризно дернул плечом. — Мы желаем, чтобы темный шер Бастерхази остался с нами. Ты сам говорил, что нам нужно больше внимания уделять темным, и сам же пытаешься лишить нас удовольствия!

— Ни в коем случае, брат мой. Раз вам нравится общество темного шера, не смею вам мешать.

Дайм поклонился, внутренне кипя от злости, и быстрым шагом покинул гостиную кронпринца, где тот изволил завтракать.

«Я организую тебе вызов от Конвента через несколько минут, Роне. Приходи к башне Заката, мы с Шуалейдой будем там».

«Хорошо, мой свет».

И так же мысленно позвал:

«Шу, девочка моя?»

Ему никто не ответил. Странно. Очень странно. Ведь она только что разговаривала с Даймом! Не могла же она закрыться от Роне ментальным щитом? Нет, только не после этой ночи! Чушь какая!

Ладно. Чушь или нет, он скоро выяснит. Надо только удрать отсюда. А то Люкрес, видите ли, находит удовольствие в его обществе! Вот только по императорскому обыкновению забыл спросить, находит ли Роне удовольствие в обществе самого Люкреса! А кстати, можно и не жать вызова через Конвент.

Ответив на какой-то идиотский вопрос одной из дам, Роне поймал ее взгляд и послал немножко

могильного холода, запаха червей и отвращения. Совсем чуть.

Сиятельная шера тут же передернулась и схватилась за бокал с вином. Но промолчала. Дура.

Второй дуре Роне выдал слегка больше, показав самого себя в виде голодного упыря.

Сработало. Дура испугалась достаточно, чтобы это почувствовал Люкрес, и ему это не понравилось. Он кинул задумчивый взгляд на дверь, только что закрывшуюся за Даймом, потом — на Роне.

— Ваше императорское высочество очень добры к полковнику Дюбрайну. Приятно видеть такое единство семьи Браинонов, — внезапно перевел тему канцлер.

— Мы любим нашего брата Дамиена, — милостиво кивнул Люкрес.

— С ним рядом как-то... э... светлее. — Сальепус выразительно покосился на Роне. — Мне не показалось, даже вы, темный шер Бастерхази, сегодня как-то... э... больше радуетесь жизни?

Роне насквозь фальшиво улыбнулся Сальепусу.

— Вы удивительно проницательны, канцлер.

Тот едва заметно поежился, что не укрылось от Люкреса. Как и мгновенное охлаждение фрейлин и их желание сбежать подальше от страшного и ужасного Роне, ведь полковник Магбезопасности ушел, и их больше некому защитить.

— Ступайте к Дамиену, темный шер, — распорядился Люкрес. — Мы не можем отбирать у нашего дорогого брата его помощника.

— Благодарю, сир, — поклонился Роне.

— Да-да, ступайте скорее, темный шер, — чуть не вытолкнул его прочь Сальепус. — Не заставляйте Магбезопасность ждать.

Разумеется, исчезнуть прямо из гостиной Роне себе не позволил, хоть и хотелось. Дошел до двери ножками, ножками, едва не бегом. И, едва выйдя за порог, открыл пространственный разлом прямым к башне Заката. Не совсем в нее, дураков нет соваться в центр аномалии, а в западную галерею второго этажа.

Дайм и Шуалейда были там. Рядом. Вместе чертили руны на полу — Дайм объяснял и показывал, Шуалейда повторяла и напивалась силой, взятой прямым из Линзы. Прекрасная картина. Почти идиллическая. Вот только Дайма Роне чувствовал, а Шуалейду — нет. Словно она не хотела его видеть. Словно что-то замышляла.

Проклятье! Паранойя, утихни! Все хорошо. Наверняка ее ментальному молчанию есть какое-то объяснение. Да та же Линза! Рядом с Линзой все искажается, все дело в ней. Только в ней!

— Помощь темных шеро принимается? — негромко спросил Роне, когда Шу дочертила руны.

Услышав его, Шу вскинулась, просияла и бросилась к нему в объятия.

— Роне! Роне, у меня получается!

Она так искренне радовалась, так горячо его целовала, что Роне облегченно выдохнул. Вот. Все в порядке. Она рада его видеть. Она ждала его. И странный взгляд Дайма... да нет же. Никаких странных взглядов. Они не могли сговориться за его спиной... Боги, какой бред, о чем сговориться-то?! У них одна цель. Линза и единение. И нечего опять вспоминать скорпиона и паучью насмешку. Никто не собирается оставлять его в дураках. Шуалейда слишком маленькая, чтобы играть многоходовку и так гениально притворяться...

Проклятье. То есть Шуалейда — маленькая, а Дайм — в самый раз, да? Полковник МБ. Императорский бастард. Который вполне может жениться на принцессе Валанты, провести единение с ней одной, свалить на темного шера безумие или гибель сумасшедшего брата, отправить «коварного темного колдуна» на эшафот, а потом занять место Люкреса в очереди на трон. Первое место. Единственное. Император ни за что не откажется от возможности посадить на трон после себя шера-зоро.

Светлого.

Только светлого, без темных пятен на репутации.

Боги. Что за чушь! Дикая, невероятная чушь! Дайм не стал бы... Нет, Дайм ни за что не стал бы обманывать! Да невозможно обманывать так, как этой ночью.

Или возможно?! Дюбрайн сорок лет водит за нос Светлейшего, Темнейшего и императора с их печатями. Он виртуозно врет даже сам себе, так что провести Роне он мог. Вполне мог. Но зачем?!

«Останешься в дураках, дубина», — просвистел сквозняк, и опять с интонациями Паука.

— Роне? — Шуалейда в его руках напряглась, заглянула ему в глаза. — Что-то случилось? Ты передумал?

Она спросила это с такой надеждой, что Роне вздрогнул.

Шуалейда надеется, что он передумает... инициировать Линзу на троих? Проводить ритуал единения? Проклятье, да что за ерунда ему лезет в голову! Это все паучий подарок виноват. Паук не может дотянуться до Роне сам, вот и пудрит мозги опосредованно, через подарочек.

Да пошел он! Роне не позволит ему собой управлять! Он не поверит в обман и предательство. Потому что ни Дайм, ни Шу его не обманут и не предадут.

— Нет, конечно же нет. Мы все сделаем, как собирались. — Роне крепче обнял Шуалейду, нежно поцеловал ее в губы. — Все будет хорошо, моя Гроза.

Показалось, она хотела что-то сказать, но передумала. Только кивнула. Отвела взгляд. Всего на миг, но этого мига хватило, чтобы страх снова схватил Роне за сердце. Мерзкой, холодной паучьей лапой.

— Надо закончить барьер, мои прекрасные шеры, — вмешался Дайм.

Подошел. Обнял их обоих.

— Да. Барьер, — согласилась Шуалейда. — Я оставила Герашанов с Каем. На всякий случай. Они будут в Лесу Фей, так что если что-то пойдет не так...

— Все пойдет так, моя Гроза, — уверенно сказал Роне. — Но твоему брату в самом деле лучше быть в Лесу Фей.

Она быстро кивнула и отвернулась рисовать следующую руну. Роне последовал ее примеру. Руны барьера, руны отворота и нейтрализации. Медленное, размеренное дыхание. И десять раз повторить про себя: все хорошо. Все получится.

— Ну вот, защита готова, — сказал Дайм. — Можно приступать.

— Ага, можно, — откликнулась Шуалейда.

— Идем. — Роне протянул ей руку.

— Я... — Она отступила на шаг, кинула быстрый взгляд на Дайма, потом снова на Роне. — Я должна сделать это сама. Одна.

До Роне не сразу дошло, что именно она сказала. Наверное, потому что Дайм не отреагировал. Как будто уже знал. Знал? Или именно он это и придумал? Многоходовочка. Идиотизм! Если Дайм хочет корону империи...

— Мы сделаем это вместе, моя Гроза. — Роне шагнул к Шуалейде. — Не бойся и не слушай никого. Делай то, чего хочешь сама.

— Я... я хочу инициировать Линзу одна. Так нужно, Роне. Иначе не получится. Мама не позволит.

— Почему? Дюбрайн, может, ты объяснишь, что происходит? — Роне очень старался говорить спокойно, но сам чувствовал — не выходит. Бушующее внутри него пламя рычит и воет, рвется наружу и вот-вот спалит тут все к шисам собачьим.

Нельзя. Нельзя пугать девочку. У нее в голове и так полная каша. Надо ей помочь, наверняка опять кто-то ей что-то наговорил, и она мечется, сама не понимая, что творит.

— Объясню, мой темный шер. — Дайм шагнул к нему, одновременно задвигая Шуалейду себе за спину. — Мы с тобой боимся Шуалейду здесь, она иницирует Линзу, а затем втроем проводим ритуал единения. Поверь, злить хранителя Линзы — плохая затея.

— Дюбрайн, ты несешь ерунду. Линза — это всего лишь Линза. Она подчинится тому, кто способен ее взять. Нам. Троице.

— Роне, успокойся.

— Я спокоен, Мертвый подери! Тебе не шестнадцать лет, Дюблайн, ты прекрасно понимаешь, чем это все грозит. Шуалейда еще маленькая. Инициировать Линзу, едва достигнув совершеннолетия — это же бред! Взрослые, опытные шеры ломали шею на этом деле!

— Я справлюсь, Роне! — из-за спины Дайма выкрикнула Шуалейда.

В ее голосе отчетливо слышалась паника. Да что там в голосе, этой паникой было пронизано все вокруг — и да, Роне снова чувствовал ее, ментальные щиты слетели к екаевой бабушке.

— Бастерхази, перестань пугать нашу девочку. Шу справится. Ты сам ее учил.

— Но я в чем-то ошибся, да, Брайнон? Это твоя идея — избавиться от меня? Не будь идиотом, мой свет, я нужен тебе! Ты получишь свою шисову корону империи, против нас вместе никто и квакнуть не посмеет! Не дури, прошу тебя.

Дайм покачал головой, и Роне осекся. Слишком упертая решимость была во взгляде светлого шера.

— Сам не дури, Бастерхази. Мы будем втроем. Ты нужен мне, ты нужен нам обоим. Просто немного терпения и доверия.

— Я не позволю ей рисковать. — Роне вплотную приблизился к Дайму, упер ладонь ему в грудь. Светлый шер ожидаемо закаменел, но накрыл его ладонь своей. — Ты слышишь, Шу? Мы должны сделать это вместе! Я не пушу тебя одну!

— Роне, пожалуйста. Поверь мне, так надо! — жалобно попросила она, отступая еще на пару шагов. — Я люблю тебя! Я люблю вас обоих! Но Линзу я должна... Я должна одна!

— Нет, Шу, не смей!

Она сделала еще шаг назад, а Роне попытался шагнуть вперед, отодвинуть Дайма... Только не отпустить ее, не потерять то прекрасное и драгоценное, что уже рассыпается прахом, как и любая иллюзия...

И тут светлый шер выставил щит. Одновременно с ним то же самое сделала Шуалейда. Роне на мгновение остановился, не желая верить в ложь и предательство. В то, что те двое, кого он полюбил, кому доверился, отказываются от него. Лишают его единственного шанса на свободу и счастье. Шанса, который он ждал, который он лелеял и пестовал всю жизнь.

«А я тебя предупреждал, дубина. Брайнонам верят только дураки! — словно наяву послышался голос Паука. — Ничего ты не получишь!»

— Получу! — выкрикнул Роне, чувствуя, как внутри него разрастается ослепительная, сводящая с ума боль. — Тебе не удастся заморочить мне голову!

— Остановись, Роне. Прошу тебя! — потребовал Дюблайн.

Хмуро. Властно. О нет, так не просят. Так Магбезопасность требует от врагов империи безоговорочной сдачи и капитуляции с последующей показательной казнью.

Враги. Они — враги. Нельзя было ни на миг забывать об этом. Полковник МБ и темный шер не могут любить и доверять друг другу. Никогда. Что ж. Этого урока Роне никогда не забудет, как и своих идиотских надежд на настоящее единение.

Плевать. Он обойдется. Ему хватит одной только Линзы, чтобы стать свободным.

Роне в самом деле остановился. Свернул стихийные потоки.

— Ладно. Видишь, я верю тебе. — Роне поднял руки открытыми ладонями к Дюблайну. — Раз ты считаешь, что так нужно, значит, так и будет. Шуалейда, прекрати уже дрожать. Я не причиню тебе вреда, — пообещал Роне чистую правду, встретившись с ней взглядом.

Он в самом деле не причинит ей вреда. Она нужна ему живая, полная сил и влюбленная. В него. Никакого вреда, одна сплошная польза.

Чтобы ей проще было поверить, Роне даже отступил на полшага, и только Двоединые знают, чего это ему стоило.

— Ты правда позволишь мне? Роне! — просияла девчонка, ее щит ослаб...

— Конечно, моя Гроза. Я люблю...

— Беги! Шу, беги! — крикнул Дюблайн, не позволив Роне договорить, и в тот же миг потоки света

взвились, пытаюсь отпихнуть Роне...

Поздно.

Поздно, возлюбленный враг мой!

Глава 26. Возлюбленный враг мой

4-й день каштана, Дайм шер Дюбрайн.

— Беги! Шу, беги! — велел Дайм, с ужасом понимая, что его самый страшный кошмар оборачивается реальностью, и выбрасывая навстречу врагу заклятие из Неприкосновенного Запаса МБ.

Знакомого ему Роне, лучшего друга и единственного, кому можно доверять, больше не было. На его месте росла и выкидывала все новые протуберанцы жадная огненная тьма. Бездна с лицом Роне, с его голосом. Только глаза... Совсем другие глаза. Бездушной голодной нежити. Дайм сотню раз убивал такое.

Одна проблема. Роне — не нежить, а живой, полный сил колдун. Полный лжи. А Дайм, наивный дурак, верил ему. Он, полковник Магбезопасности! Гоблиновы слезы, а не полковник.

И самое ужасное — он все еще не мог убивать. Продолжал верить, что Роне сейчас опомнится, сбросит наваждение и станет собой, прежним...

Боги, какой же идиот! Поверил сказкам черного мага, рискнул не только своей жизнью, да шис бы с ней, с его жизнью — он рискнул жизнью и свободой Шуалейды!

Но Роне рано радуется. Шу умница, Шу вовремя все поняла и сбежала в башню Заката, заперлась там и сразу же начала инициацию Линзы. Она успеет. А Дайм... Что ж, он защитит ее. Он поклялся, что никому не позволит отнять у Шуалейды ее наследство, и он выполнит клятву.

Чего бы это ему ни стоило.

А потом — поможет ей собрать заново разбитое сердце, заново научит ее доверять. Себе. И никогда, ни при каких условиях — черным колдунам.

Тем, которые говорят о любви, а сами пытаются поймать, связать и поработить. То заклятие, что Роне кинул в Шуалейду, Дайм тоже прекрасно знал. Как и способы нейтрализации. И знал, что сейчас Роне очень больно, даром что он выглядит идеально спокойным.

Впрочем, как и сам Дайм. Время чувств закончилось. Пришло время службы. Магбезопасность защищает подданных империи от зла. Каким бы это зло ни было. Кем бы ни было.

За первым заклятием последовало второе — тоже из арсенала МБ. Слишком слабое и тонкое, чтобы убить беснующуюся тьму. Достаточно, чтобы отвлечь. Иногда это самое важное, вовремя отвлечь.

«Поторопись, Шу. Я удержу его, но не слишком долго».

«Да, я... Дайм... прости!»

«Соберись и действуй. Не отвлекайся, со мной все будет в порядке. Я полковник МБ, я не в первый раз останавливаю безумных темных».

«Я помню. Пожалуйста...»

«Все будет хорошо. Извини, не могу отвлекаться на связь. Удачи тебе».

«И тебе, Дайм».

Канал связи оборвался, Шуалейда захлопнулась окончательно. Умница. Нельзя давать темному ни единой лазейки.

— Дюбрайн, отойди, — потребовал тот, кто всего пару часов назад был его другом, и усилил давление на щиты. Чистой силой, без затей. — Я не хочу убивать тебя.

— Не убивай, Бастерхази. Тебя никто не заставляет.

Дайм пока тоже держал щит на чистой силе. Щит трещал, искрил и грозил разнести половину дворца по камешку, но не поддавался. Силы у обоих после проведенной втроем ночи было — залейся. Куда больше, чем разума. Печальный факт.

— Мне плевать, что вы там наинтриговали, Дюбрайн. Еще есть время передумать. Просто поделитесь со мной, мощи Линзы хватит на всех. — Голос Бастерхази был вкрадчив, почти нежен, и обещал все наслаждения этого мира и еще луну с неба в придачу.

— И ты оставишь Шуалейде собственную волю?

Не то чтобы Дайм готов был поверить хоть одному его слову, но пока Бастерхази треплется с ним — он не ударит в полную силу.

Бастерхази поморщился так, словно вокруг него вился надоедливый комар.

— Разумеется. Мне не нужна кукла, — соврал он, глядя Дайму в глаза, и еще усилил давление. На этот раз не только чистой стихией, а добавив алгоритм скорпионьего яда, разъедающего стихийные щиты, словно кислотой.

Шисов гениальный теоретик!

— Оставить меня в живых ты не предлагаешь, мой темный шер, — констатировал факт Дайм, срочно подбирая «противоядие».

А вот «мой темный шер» — зря сказал. Больно. Куда больнее, чем укусы скорпиона.

— Я не хочу тебе вредить, Дюбрайн. Ты сам меня вынуждаешь.

— Вот прямо заставляю, ага. Сам-то себе веришь, Бастерхази?

— Не будь придурком, Дюбрайн. Нам будет хорошо вместе. Просто выполняй свои обещания.

— Неплохо бы тебе начать это делать первому, мой темный шер, — из чистого упрямства повторил Дайм.

Да, больно. Но не ему одному.

Аура Бастерхази лишь на мгновение вспыхнула от укола, но тут же выровнялась. Отличный самоконтроль, шис его дери.

— Я готов, Дюбрайн. Я пришел, потому что ты меня звал. Ты. Звал. Дери тебя!.. Ты обещал мне!..

— Я готов, Бастерхази. Все, что обещал. Хочешь единение, здесь и сейчас?

— Ты издеваешься, мой свет? — Глаза Бастерхази налились нестерпимо ярким огнем.

— Ни разу, мой темный шер. Я... — Дайм запнулся, задохнулся от боли, но заставил себя продолжить. — Я люблю тебя. Оставь Шуалейде ее Линзу, тебе хватит меня. Ты получишь свою шисову свободу и могущество. Ну же, Бастерхази!

Темный шер молчал целую секунду. Две. Три... Дайму даже показалось, что он дрогнул, что-то в его глазах промелькнуло живое... родное...

— Мне нужно все, Дюбрайн. Ты и Линза. Я не отступлю, даже не надеюсь. Обмануться дважды красивыми словами Брайнона может только полный...

Дайм был готов к удару. Он даже точно знал, когда Бастерхази ударит — все они, сумасшедшие темные, обожают пафос и чувствительны к эстетике и ритмике слова. Поэтому предсказуемы.

Полностью.

Кроме силы. Проклятой силы, невесть откуда берущейся...

У них обоих.

В точности, как этим утром. Как прошлым утром. Как все эти проклятые, полные лжи и счастья дни.

Дайм выдержал удар. Да что там, его щит даже не треснул. Зато треснули стены галереи, где-то неподалеку заорали от испуга.

Интересно, сколько еще выдержит дворец? Два дебила — это не просто сила, это полный кирдык. Всем, кто рядом. На лигу-полторы.

— Ну что, мой свет, ты отдашь мне Линзу и девочку сейчас или подождешь, пока Риль Суардис рухнет? Не думаю, что папенька император простит тебе смерть наследника, а Шуалейда — всей своей родни и друзей.

— Тебе ни к чему руины дворца и Конвент в полном составе на хвосте, так что придержи быков.

— Боюсь, мой свет, мне плевать и на дворец, и на Конвент. Или я получу Линзу, или... что там меня

ждет, трибунал и нежные объятия Имперского Палача? Расскажи мне, Дайм шер Дюблайн, как именно ты казнишь темных шеров.

— Ты скоро это узнаешь, Бастерхази, если к тебе не вернется разум. Да подумай уже головой, шисов ты дысс! Ты не получишь Линзу, хоть ты урони всю империю в Ургаш! Я не позволю тебе.

— Разум ко мне вернулся, мой свет. Увы, поздно. Ты же понимаешь, что не оставляешь мне выбора. Я не собираюсь идти на эшафот. Даже если моим палачом будешь ты.

— Придурок... Боги, Бастерхази, какой же ты придурок! Не будет никакого эшафота. Никто не узнает, я обещаю тебе. Видят Двуетиные, если ты сейчас же остановишься, я прикрою тебя. Ты останешься чистым! Роне... пожалуйста!

Бастерхази дрогнул. Поверил. Дайм поставил бы собственную голову против фальшивого динга, что поверил. Потому что Дайм в самом деле готов был... да. В самом деле. Нарушить присягу ради этого темного придурка, самому пойти под трибунал, только ради... чего? Он сам мог бы себе ответить, ради чего?..

Боги, пожалуйста, пусть он согласится. Пусть одумается. Сейчас, пока не стало слишком поздно.

— Я прошу тебя, Роне. Остановись. Не надо... — упрямо продолжал Дайм, уже понимая, что бесполезно.

Бастерхази не остановится. Уже не сможет. Слишком далеко он зашел, чтобы сейчас поверить в прощение.

Дайм бы и сам не поверил.

Он же разумный, взрослый человек. Полковник МБ. А полковникам МБ устав не велит верить в любовь и прощение. Только в справедливое возмездие.

— Не надо жертвовать собой, Дюблайн, — горько усмехнулся Роне, и тьма вокруг него стала еще гуще и темнее, а ощущение ужаса — еще плотнее и тяжелее. — Поверь, твоей жертвы никто не оценит. Что тебе дадут за победу над темным шером, еще одну цепь?

— Роне! Не надо, — не желая верить очевидному, попросил Дайм.

Тщетно.

Бастерхази отлично знал, как нанести смертельный удар. Он же не мог говорить все это, не понимая, что его слова убивают Дайма надежнее палаческого топора!

— Еще одну печать верности, чтобы ты лучше служил? — глядя Дайму в глаза, продолжил он.

«Нет. Нет, замолчи», — хотелось крикнуть Дайму, но воздух застрял в легких.

Удавка сдавила шею.

Шисова печать проснулась, услышав о нарушении первого правила — никому, никогда не рассказывать о шисовой печати под страхом смерти.

И одновременно грудь разодрало болью предательства и разочарования.

Боги, как глупо. Как же глупо было довериться Бастерхази. Дать ему власть над собственной жизнью и смертью и надеяться, что он не воспользуется этой властью!

А теперь — Дайм сдохнет сам и подведет Шуалейду. Ей не хватило совсем чуть. Несколько минут. Может быть, секунд.

«Шу, быстрее! Я... ошибся... прости меня!» — крикнул он. Мысленно. Воздуха в легких уже не было, и света в глазах не было, только огненная тьма и пустота, в которую Дайм падал... падал...

И из последних сил, собрав все — включая остатки собственной жизни — Дайм нанес удар. Не боевым заклятием, нет, это было бы бесполезно. А чистым даром. Духом. Почти молитвой.

«Остановись, мой темный шер! Оставь Шуалейду в покое!»

И последним, что он увидел, были полные золотого пламени глаза — близко-близко.

— Нет, только не умирай! — слышалось ему сквозь гул огня. — Да-айм!

И где-то совсем далеко, в другой жизни, в другом мире, высоко и чисто зазвенела серебряная струна — зазвенела, лопнула и рассыпалась колокольчиками, брызгами ледяного источника.

Успела. Шуалейда успела инициировать Линзу.

А потом... Потом не было ничего.

Шуалейда шера Суардис.

— Беги, Шу, беги!

Приказ Дайма вырвал ее из наваждения.

Она побежала, нет, полетела — под защиту Линзы, в ласковые объятия стихии, как можно дальше от того кошмарного ужаса, который вот только что был ее Роне. Мужчиной, которого она любила. Которому верила и готова была отдать всю себя — и сердце, и жизнь, и дар.

Гигантский черный дракон разворачивал алые крылья, тянул к ней когтистые лапы, щелкал ядовитыми зубами, отхватывая по кусочкам ее силу и ее решимость. Тянул ее назад, нашептывал: иди ко мне, слушайся меня, тебе будет хорошо — ни о чем не думать, ничего не желать. Я буду думать и желать за тебя, а тебе будет хорошо.

Вечный бездумный покой. Одни лишь наслаждения. Тебе понравится, моя девочка.

Страшно. Завораживающе. И так хочется поддаться, не чувствовать больше боли предательства. Боги, как же хочется!..

Уступить Роне — и предать Дайма. Того, кто в самом деле любит ее. Кто готов отдать жизнь за ее свободу — уже отдает.

«Поторопись, Шу, я не удержу его долго».

Никто не удержит взбесившуюся тьму. Даже Дайм. Его обещание «все будет хорошо» не обмануло Шу ни на миг. Дайм прощался.

Но если она уступит Роне... отдаст ему Линзу... Может быть, Роне пощадит и Дайма? Он же любит...

«Я люблю тебя», — только что сказал темный шер. И солгал.

О боги. Нельзя ему поддаваться. Нельзя о нем думать. Она уже сбежала и захлопнула двери. Линза готова принять ее, свою хозяйку, искупать в гудящих стихийных потоках. Слиться с ней, подарить ей могущество и бессмертие.

«Здравствуй, моя девочка», — раздался голос матери. Очень грустный голос.

«Мама, почему? Почему так?!» — Шу бросилась в сердцевину разноцветного смерча, в объятия призрачной королевы.

«Потому что он темный. Темные не умеют любить никого, кроме себя. Забудь о нем, Шуалейда. У тебя впереди длинная и счастливая жизнь, ты еще встретишь достойного мужчину. Того, кто будет любить тебя, а не твое приданое».

«Я уже встретила! Дайм любит меня!»

Мама только покачала головой.

«Брайнон любит тебя, но он — цепной пес. Он не пара тебе. Не спеши, моя девочка. Все светлые шеры империи будут у твоих ног. Выбери с умом».

«Потом. Я подумаю об этом потом, мама. Сейчас мне нужен мой Источник. Скорее, мама! Пусть Бастерхази увидит, что он опоздал, и Дайм... Я не позволю ему убить Дайма!»

Стихийные потоки ласково погладили Шуалейду по голове, зашептали что-то успокаивающее, запели на разные голоса. Они манили, обещали могущество, свободу и счастье — без глупых ограничений, без никому не нужных привязанностей.

Почти как вечный праздник, когда темный шер Бастерхази будет думать и желать за нее. Они так похожи, оказывается, темный шер и Линза. Оба искушают, оба обещают. Оба смертельно опасны.

— Тихо! — велела Шу сладким голосам.

И они замолкли. Потоки настороженно замерли, готовые снова закружить ее, заморочить голову,

растворить в себе.

— Три точки опоры, три якоря, — чтобы проще было сосредоточиться, Шуалейда повторяла вслух. — Свет. Кровь светлого шера. Дайм, держись, я скоро!

Фиал со светящейся, словно пронизанные солнцем морские глубины, кровью завис в первой якорной точке. Стихийные потоки изменили направление, начали закручиваться вокруг него.

— Тьма. Ядовитый темный артефакт.

Шуалейда подвесила напротив фиала шкатулку с инкрустацией, мгновение подумала и открыла ее. Тут же из шкатулки выплеснулась тьма, так похожая на ту, что осталась за дверью. На тьму, прогрызающую себе путь сквозь щиты Дайма, сквозь ее собственную решимость.

— Я ненавижу тебя, Роне шер Бастерхази. Ненавижу и никогда не буду твоей! Слышишь?! Никогда! — крикнула Шу, не заботясь, услышит ли ее жадное чудовище, которое пряталось под личиной страстного возлюбленного.

Она дала обещание самой себе, и этого достаточно.

— Сумрак. Третья точка. Равновесие. — Шу встала на равном расстоянии от фиала и шкатулки, позволила стихийным потокам обвить себя, обнюхать, попробовать на вкус и на ощупь.

Позволила проникнуть в себя, закружить, завертеть. Сама протянула руки, коснулась фиала и шкатулки, света и тьмы.

А потом открыла глаза.

Вокруг вихрились лиловые, синие и голубые потоки, словно художник налил в стакан краски и размешивал, а Шу смотрела на красковорот со дна. Оторвавшись от завораживающей красоты, она опустила взгляд на свет и тьму в своих ладонях. На миг стало невыносимо больно — от того, что лишь свет был живым, пульсировал в такт биению сердца. Любящего сердца. А тьма... Тьма казалась разломом в Ургаш, холодный, лживый и мертвый — как душа темного шера.

— Я ненавижу тебя, Роне шер Бастерхази. Ты предал меня. Нас обоих. Будь ты проклят.

Где-то далеко-далеко в ответ на ее проклятие содрогнулось от боли чье-то сердце.

А где-то совсем близко, в ее ладонях, шевельнулся свет. Живой. Горячий.

— Дайм, спасибо тебе, — шепнула она, осознавая, какое сокровище доверил ей Дайм: свое сердце, жизнь и дар. Почти как в единении, только без ответного подарка.

Свет не ответил. Зато солнечные блики скользнули по ее лицу, коснулись губ — почти поцелуем.

— Я тоже люблю тебя, мой светлый шер.

— Люблю, люблю, — отозвалось эхо.

И... Линза словно именно этого и ждала. Вихревые потоки отступили, мир с громким хрустом встал на место.

Шу прижала сгусток света к груди, вздрогнув от удовольствия — показалось, под ладонью котенок пумы. Теплый, мягкий, с шелковой шерсткой и морской бирюзой глаз. Он урчал, обещая не выпускать когти, пока Шу не забывается. Она забеспокоилась, уловив страх и боль котенка. Потянулась мысленно к Дайму:

«Как ты? Я скоро, я сейчас!»

Но зубки тут же вцепились в руку: не отвлекайся!

— Как скажешь, любовь моя, — шепнула она в настороженные черные уши и улыбнулась.

Еще один глубокий вздох. От ног до макушки пробежала щекотная волна: синий поток отделился от красковорота, обвился вокруг лодыжек, влился в нее, пробуя и предлагая.

— Хочешь поиграть? — спросила Шу.

— Поиграть! — радостно откликнулся Источник, обсыпая ее искрами с запахом фейской груши. — Играть, хочу играть!

— Давай поиграем. Вот с этим камешком.

Она указала на полупрозрачный кварцевый диск, будущий алтарь. Сейчас он лежал посреди гостиной, принесенный рабочими и забытый второпях, когда те разбежались прочь по приказу Дайма...

Дайм. Он там один, защищает ее от темного ужаса. Надо спешить!

«Что такое спешить? Зачем спешить? Это весело?» — зазвенели со всех сторон голоса, похожие на голоса фей.

— Да, это весело! Очень весело! Мы сделаем все быстро-быстро, так, чтобы снаружи башни прошла всего минута.

— Да! Весело! Весело! — откликнулись звенящие голоса. — Забудь о времени, давай играть!

— Вы обещали, всего минута!

— Ты обещала — играть, только играть!

— Ладно, договорились. Поднимите этот камень на последний этаж. Можете?

Потоки взвились смерчем, протанцевали к диску и подкинули его под потолок.

Капелью зазвенел смех — со всех сторон, будто смеялась башня. Стены, пол и потолок стали прозрачными. Камень взлетел, завис посреди верхней комнаты. Шу, забыв обо всем на свете и поддавшись веселью Источника, тоже засмеялась, подпрыгнула и поплыла в плотном, упругом воздухе, ухватившись за светящуюся нить, одну из тысяч, пронизавших башню. Нить покалывала, дрожала и пела. Показалось, что башня — арфа, и струны ее продолжают за облака и небесный хрусталь, где мальчик и девочка играют в мяч, а черный океан лижет белый песок, оставляя на берегу хлопья радужной пены.

— Полетаем? — обернулась девочка с лицом неуловимым и сияющим, как солнечный блик.

— И сделаем фейерверк, — обернулся брат-близнец.

— Иди к нам, Шу. Поиграем вместе! — Голоса их сливались, манили переливами прозрачных ручьев. — Будет весело!

Океан заиграл весенним разноцветьем, взбурвился, потянулся к Шу. В глубине волны звезды кружились в вельсе. Одна звезда приблизилась, увеличилась... и оказалась диском мира Райхи.

Восторг переполнял Шу. Руки тянулись потрогать иголки горных пиков, запустить в океан лодочку из коры. Показались города, дороги. Выросли из песчинок дворцы и дома, по улицам заторопились крохотные человечки.

— Поиграем? — снова раздался детский голос. — Любишь бросать камешки?

Шу хотела согласиться, но ее отвлекла боль. Она опустила взгляд: крохотный кугуар, вздыбив шерстку, впился когтями в запястье. Показались алые капли, закружилась голова... Мир раздвоился: на игрушечную землю наложился образ пустой круглой комнаты. Голос мальчика стал совсем не детским. А камешек в его ладони — совсем не игрушкой.

— Шу! — зашипел зверек. — Опомнись, Шу!

— Нет, не хочу! — крикнула она, не понимая, не хочет опомниться или играть.

— Хочеш-ш-шь, — совсем другим голосом, пустым и холодным, шепнул мальчик.

Шу сорвало с места, закружило, понесло. Мальчик приближался, рос, в черных глазах закручивались воронки смерчей: затягивали, затапливали тяжелой негой:

«Поддайся! Будет хорошо. Будет все, что захочешь. Власть? Бери. Сила? Сколько угодно. Знания? Все — твое».

Смерчи засасывали, манили вереницами образов-грез.

«Бери же!» — Голос божества взвился, сминая волю, обещающая и угрожающая.

— Не хочу!

— Тебе мало? — Темный Хисс рассмеялся. — Чего ж ты хочешь, дочь и сестра моя? Скажи, я дам тебе.

Темная воронка надвинулась, всосала. Шу не успела испугаться, как упала посреди роскошного зала, полного людей. Прямо на трон.

— Ваше всемогущество, соблаговолите ли принять послов? — подбежал, униженно кланяясь, мажордом, удивительно похожий на принца Люкреса.

Он говорил что-то сладко-льстивое, но Шу не слушала. Вокруг суетились люди, преподносили подарки, просили совета, молили о милости. Каждое их слово, каждое лицо откликалось узнаванием, маленькая обиженная девочка внутри кричала, топая ножками: хочу! Мое! И Шу кружилась в танце с иноземным принцем, подписывала помилование раскаявшемуся от ее мудрых речей мошеннику, указывала инженерам-гномам, где строить новый город, снисходительно бросала Ристане: «Закажи себе приличное платье!» А потом...

Потом она поднялась в свою башню. На самый верхний этаж. И там ее ждал темный шер Бастерхази — прикованный к столбу, нагой, беспомощный. Он молил о прощении, клялся в любви...

— Доверься мне, моя Гроза. Подойди, дотронься, прошу тебя! Я буду служить тебе. Хочешь? Любое твоё желание, любое наслаждение. Вместе мы будем сильнее всех! Подари мне поцелуй, люби меня, моя девочка! Я твой...

Шу невольно шагнула к нему, завороченная его красотой, его бархатным голосом. Ей так хотелось верить ему, дотронуться, поцеловать... взять его — себе... Она не понимала, почему нельзя? Что не так? Самый сильный, самый красивый мужчина молит ее о любви, ведь с ним ей будет хорошо, ей не придется ни о чем беспокоиться, ни о чем думать, только наслаждаться!

Она даже протянула к нему руку — избавить его от оков... хотя в оковах он тоже прекрасен, ее темный шер. Ее Роне.

Резкая боль в пальцах и сердитое шипение вырвали ее из наваждения.

Дайм. Вот кто любит ее по-настоящему, вот кто защищает ее и заботится о ней. Светлый шер, а не темный. Роне — это наваждение, обман и предательство! Чудовище, желающее сожрать ее силу и ее душу.

— Нет. Я не верю тебе, Бастерхази. Мне не нужна твоя фальшивая любовь...

Она хотела продолжить — умри, Бастерхази! Но что-то помешало. Какое-то сомнение.

— Прошу тебя, Шуалейда, моя госпожа! — Темный шер рвался к ней из оков, ранился, по его запястьям текла кровь. Сладкая, терпкая, вкусная кровь, чистая магия. — Возьми!

— Нет. Я... потом. Я решу твою судьбу потом, — пробормотала она, отступая и желая, чтобы он исчез, чтобы ей не пришлось больше думать о нем.

Ее желание исполнилось. Темный шер словно выцвел, подернулся дымкой, его манящий голос стих. А в башню Заката вбежал гонец.

— На побережье высадилась армия Марки!

И Шу вылетела из окна башни, собирая по пути к морю тучи и ветры. Она сбрасывала в бушующие волны сонмы вражеских солдат и гнала корабли на штормовых волнах. Цунами захлестывало острова Марки, смывало деревушки и города, бурлящее море разверзлось, поглощая тысячи карумитов, кричащих в смертном ужасе. А потом карумиты сменялись зургами, горели степи, сметая с лица земли людоедское племя, чтобы никогда больше орда не потревожила мирную империю Шуалейды Суардис.

Со всех концов земли, к ней, владычице, стекалась магия — сладкая и пряная, пьяная и веселая мощь. По ее слову воздвигались горы и поворачивались реки.

Голова кружилась, весь мир умещался на ладони.

— Бери, — рыжеволосый мальчик с бездонно-черными глазами протягивал ей камешек. — Ты же любишь играть.

Рука сама тянулась взять — и один камешек, и второй. Их так много на берегу, их приносят волны черного океана. И девочка в стороне, что улыбается так грустно — пусть она тоже играет! Давайте бросать камешки!..

Но рука застыла на полпути. Что-то не пускало. Тянуло. Злило — что-то посмело помешать! Ей, всемогущей колдунье?!

— Шу! — в шипении темного прибоя послышалось имя. — Шу?!

Голос такой странно-знакомый, и почему-то больно, и пусто, и слезы в горле.

Мальчик с камешками в ладони подернулся рябью, словно отражение в озере. Задрожал, расплылся — и вместо него Шу увидела себя. Но... нет! Она не такая! Это костлявое, одетое лишь в магические вихри, с безумным светом в глазах, с седыми космами-тучами, с руками-молниями. Светлая, как же страшно!

«Стр-р-рашно!» — отозвался рыком ураган, бросил в глаза горсть песка, ослепил. Шу зажмурилась и тут же почувствовала, как ее снова несет, крутит, швыряет. Мысли вылетали из головы, казалось, сейчас вылетит само ее имя и смерч выбросит ее на неведомый берег беспмятной сломанной куклой. Она хотела ухватиться за что-нибудь. Открыла глаза, но не увидели ничего, кроме красковорота. Взбесившиеся цвета слизывали шершавыми языками ее плоть и память...

Пока не осталось ни памяти, ни цветов. Только белый и черный. Белый песок, черное небо. Черный океан, белое солнце.

Пустая черно-белая бесконечность.

— Ш-шу... — шепнуло море.

Она оглянулась: кто здесь? Где я? Кто я?

— Шу... — набежала на песок волна, клочок пены взлетел, ожег болью руку.

Боль, что это?

— Шу, — пенился прибой, оставлял на песке следы, словно от лап большой кошки. Щекотал ноги теплой бирюзой, пускал в глаза зайчики. Чертил знаки, а те складывались в слова. Доверие. Любовь. Долг.

Она шепнула вслед за волнами: «Люблю». Покатала слово на языке — вкусное, шелковое. Повторила: «Люблю!»

И океан отозвался: «Ш-шу! Очнись, вспомни! Не бойся — люби».

Любить? Слово-солнце, слово-тепло, слово-счастье. Надо лишь поверить, понять и принять. Так просто, боги, как же это просто!

Шу засмеялась от переполняющего ее счастья, подставляясь ласковым объятиям потоков, сама отвечала им — нежностью, любовью. Жмурилась от удовольствия, и казалось, океан мурлычет и трется, толкается пушистым лбом в ладонь.

Луч пронзил волны и ослепил Шу. Встряхнув головой, она открыла глаза и встретилась взглядом с ясной бирюзой.

— Дайм, — она погладила звереныша, тот выгнулся и заурчал.

Вокруг по-прежнему бурлил красковорот. Но теперь вся эта магия принадлежала ей. Ее память, ее род, ее судьба. Ее ответственность: мир все так же лежал в ладони... Темного Хисса? Или в ее ладони? Издали послышался бой часов. Один, два... Шу насчитала десять ударов. Десять? О боги, время! Минута! А там, за дверью башни — Дайм, он же просил ее поторопиться!

Только сейчас, обернувшись к запертым дверям, Шу поняла, что совсем иначе чувствует мир. Тоньше, полнее, яснее. Прозрачные паутинки вероятностей трепетали, расходясь веером от ее рук. И та вероятность, что обещала ей «все будет хорошо» — истончилась, почти исчезла.

— Дайм! Все получилось, Дайм! — крикнула она и вслух, и ментально.

Но не услышала ответа, зато ощутила, как порвалась паутинка. Последняя ниточка, связывающая ее со светлым шером.

— Нет, этого не может быть! Мама! Мама, он не мог... Мама! — позвала Шу и, не дожидаясь ответа, побежала к дверям...

Медленно, боги, как же медленно! Словно сквозь толщу воды, словно что-то там, снаружи, не пускает ее. И не понять — что мешает, не понять, жив ли Дайм! Горячий звереныш в ее руках тает, истончается, от него остается лишь едва-едва видимый солнечный силуэт...

Ободравшись о внезапно острые края, — кажется, она выломала двери башни, — Шу вырвалась из плена не желающих ее отпускать стихийных потоков в галерею.

В галерее было пусто. В воздухе висела пыль, потрескавшиеся стены стонали, мечтая наконец-то

обвалиться, разбитые плиты скрипели и дрожали, само пространство, сама реальность дрожала и текла, словно свежие краски на солнце. Там, где она рисовала руны защиты — алела свежая кровь, она текла по полу, впитывалась в камень, залечивала трещины.

Кровь светлого шера, смешанная с кровью темного чудовища.

— Дайм? — спросила она почему-то шепотом, опустила взгляд в сложенные горстью ладони.

Солнечного силуэта в них не было. Она не чувствовала больше сердца светлого шера.

И капли светлой крови, рассыпанные дорожкой к выходу из галереи, на глазах гасли и впитывались в камень.

— Нет! Только не умирай! Да-айм!

Ее отчаянный крик разлетелся в пустоте, опал эхом, и никто не откликнулся.

Прижав ладони к груди, чтобы удержать выпрыгивающее от страха за любимого сердце, Шу побежала по следу из светлой и темной крови. Следу, уходящему в башню Рассвета. В логово проклятого черного колдуна. Того, кто обманывал ее, кто предал и едва не убил ее. Кто хотел сделать ее послушной куклой.

Как Люкрес. Хуже Люкреса. Ведь Люкрес никогда не говорил, глядя ей в глаза: «Я люблю тебя».

И сейчас он утащил к себе Дайма. Раненого. Беспомощного. Умиряющего. Боги, неужели Бастерхази, не получив Линзу, решил насильно забрать светлый дар? Принести Дайма в жертву Хиссу? Нет, нет! Дайм жив! Она должна ему помочь! Дайм спас ее от участи хуже смерти, а она спасет его! Сейчас же!

Не разбирая дороги, даже не задумываясь, бежит она или летит, Шу устремилась к башне Рассвета. Ворвалась в нее, сбив по пути нечто костлявое и верещащее, взлетела на второй этаж — именно там мерцала светлая аура, слабая, едва ощутимая, но живая — главное, живая!.. А рядом со светом по-прежнему была тьма, все та же жадная, смертельно опасная тьма...

Взбежав по лестнице, Шу на мгновение остановилась — понять, что же происходит. И замерла, не веря своим глазам.

Это была не лаборатория, как она сначала подумала. Это была спальня. Та самая, где она провела сегодняшнюю ночь. Та же постель, застеленная черным шелком. Те же два мужчины на ней. Сплетенные в объятиях.

Нет, не может быть! Ей кажется... ей же кажется, да? Это просто продолжение кошмара, сейчас она проснется и окажется в Линзе, продолжит инициацию, ведь это просто еще одно испытание! Настоящий Дайм не может обнимать Бастерхази! Не может зарываться в его волосы пальцами и хрипло шептать:

— Мой темный шер...

«Дайм? Ведь это наваждение, правда же?» — мысленно, потому что горло перехватило от обиды и боли, спросила она.

Дайм не ответил. Даже не услышал. Он улыбался, прикрыв глаза и глядя черноволосую голову, лежащую у него на плече.

Бастерхази. Чудовища. Того, кто предал Шуалейду. Едва не убил. Почти сделал своей безвольной рабыней!

Но, может быть, Бастерхази сделал это с Даймом? Очаровал, заморочил, лишил разума...

Надежда мелькнула и погасла. Шу слишком хорошо видела, что никакого ментального воздействия нет. Их, двух шеров, связывают только золотые, ослепительно сияющие в мрачном логове черного колдуна, нити любви. Истинной любви. Как в легендах.

— Отпусти его! — отказываясь видеть очевидное и понимая всю тщетность отчаянной попытки, потребовала Шуалейда. — Отпусти, Дайма... он не в себе!

Они обернулись оба. Бастерхази — с ненавистью, обжигающей, разъедающей подобно кислоте. Так, словно это она предала его, пыталась поработить и отнять дар, а не он оказался лживым жадным чудовищем. А Дайм — удивленно и... равнодушно. Он скользнул по ней затуманенным взглядом и отвернулся.

Шу едва успела увидеть злую, торжествующую улыбку Бастерхази — и ее оттолкнуло, выбросило прочь из комнаты, спихнуло вниз по лестнице.

На пол чужой гостиной, где она была нежеланным гостем.

Шу по-прежнему видела их там. В спальне. Чувствовала связывающее их золотое сияние.

Двоих. Темного и светлого.

Предателей.

Лжецов.

Пусть.

Она... она просто уйдет. Не станет кричать, жаловаться или плакать. Не станет убивать их. Пусть. Просто она... Она пойдет к брату. Надо было сразу идти к брату. Кай волнуется. Надо сказать ему, что все хорошо. Она инициировала Линзу, все живы, дворец цел и все хорошо.

Не глядя больше на слившихся в одно целое свет и тьму, Шу поднялась с пола. Надо же, она упала и не заметила... И с любопытством глядящую на нее немертвую тварь не заметила.

Усмехнувшись в светящиеся мертвенно-синим глаза уродливого скелета, она задрала подбородок, расправила плечи и пошла прочь из башни Рассвета. Гордо и уверенно, как подобает принцессе из рода Суардис.

Ее больше никто не обманет. Никто не похитит. Никто не возьмет ее на руки и не уложит на черный шелк. Не назовет «моя Гроза».

И это хорошо. Да. Это очень хорошо. Ей пора стать взрослой, не мечтать о чудесах и никому не показывать, что ее сердце разбито.

И не шептать, жмурясь от непролитых слез:

— Дайм, мой свет, я не люблю тебя. Я смогу жить без тебя. Без вас обоих, будьте вы прокляты.

Она — Суардис. Могущественная сумрачная колдунья и принцесса крови. Она выживет и на этот раз.

Глава 27. Короткий путь в Ургаш

— Везучие щенки. Если бы Риллах не сказал «с сегодняшнего дня», валялись бы сейчас на алтаре и молили Хисса скорее вас забрать, — процедил Седой Барсук. — Проваливайте из моего дома. Вы под рукой Хисса, поэтому ни Мастер, ни кто-то другой из гильдии до испытаний вас не тронет. И не советую бежать. Когда Хисс позовет, или приползете в храм, или сдохнете. Барсук захлопнул за Угрем и Лаской дверь и отправился кормить псов: все, что мог, он сделал. Дальше все в воле Близнецов.

Себастьяно бие Морелле, Стриж, 9 день Каштана. Суард.

Дни перед испытаниями Стриж, Шорох, Простак и Игла провели дома. Мастер запретил им боевые тренировки, только упражнения для поддержания формы. Чтоб не взбесились от скуки, выдал карту Найриссы, Катрены Двуетдинства и закон гильдии Ткачей. Стриж робко заикнулся о гитаре, и, к удивлению, через считанные часы ее получил. Правда, не Черную Шеру, но он был рад любой. Волчка в тот же вечер Мастер отвел в Алью Хисс и ничего не сказал о его судьбе.

На второй день после обеда Мастер отослал Фаину и дал последние наставления:

«Сегодня Тень коснется вас, готовы вы к этому или нет. У вас будет трое суток, чтобы доказать Хиссу: вы достойны. Каждый из вас, кто войдет в Алью Хисс в ночь новолуния, станет мастером теней.

Вы попадете в Найриссу через портал в храме. Никто, кроме Посвященных, о нем не знает. Любой, кто попытается о нем рассказать, умрет. Хисс умеет хранить свои тайны.

И последнее. Вы выйдете из храма нагими и безоружными, как Руки Брата. Помните: Темный будет искушать вас. Но ему не нужны слуги, поддающиеся искушению. Помните: за вами будет охотиться весь город, но вы не должны убивать без необходимости. Упивающиеся смертью и забывающие о долге слуги не нужны Хиссу.

А сейчас всем спать. К полуночи мы должны быть в Алью Хисс. Да пребудет с вами Равновесие, дети мои».

За три дня до новолуния. Найрисса.

Портал оказался выложенным мозаикой терцангом в круге на полу Алью Хисс. Никаких кровавых ритуалов и заклинаний. Как только претенденты вошли в храм в Суарде, Риллах велел им раздеться и встать на окружность. Первыми встали Угорь и Ласка — они пришли в храм раньше всех. За ними последовали остальные четверо подмастерьев.

— Готовы ли вы доказать Брату свою верность? — будничным тоном спросил Риллах.

Все шестеро согласно склонили головы.

— Да пребудет с нами Равновесие, — сказал Риллах.

— Да пребудет Равновесие, — откликнулись претенденты, Мастер Ткач и два служки.

Прежде чем храм весь целиком погрузился в Тень, Стриж успел разглядеть под капюшоном Безликого, что стоял слева от настоятеля, лицо Волчка. В следующий миг Тень схлынула.

— Идите и возвращайтесь в новолуние, — все тем же будничным тоном сказал все тот же Риллах.

Оглядевшись, Стриж увидел все тот же храм, все тот же затоптанный тысячами ног терцанг в окружье... только ни наставника, ни служек, ни Суарда уже не было. За распахнувшимися черными дверьми их ждала Найрисса.

Первыми покинули храм Угорь и Ласка. Едва настоятель замолчал, они сорвались с места и побежали. Стриж дернулся было за ними, но глянул на брата и передумал. Пропустил Иглу и Простака, вышел с Шорохом плечом к плечу.

За порогом было холодно, пусто и... обыкновенно. Узкий серп месяца, россыпь алмазов на черном камзоле Брата, безлюдная площадь. Разве что в трех саженьях от порога тускло светилась полоса камней. А перед чертой стояли в недоумении четверо: словно упершись в стену.

— Шорох, — шепнул Стриж. — Помни, что ты обещал.

Брат кивнул, они одновременно ступили на черту, и Стриж провалился в безвременье Тени.

«Добро пожаловать в Ургаш, — шепнул ледяной ветер. — Кто из вас достоин служить мне?»

Голос Бездны растекся по жилам отравой. Нестерпимо захотелось доказать божеству: я! Единственный достойный!

«Достойный? Докажи. Убей, — манила и требовала Тень. — Ты мой лучший слуга. Остальные — лишние. Твои жертвы. Действуй!»

Реальность задрожала, сместилась. Стрижа окружила прозрачная, плоская серость — вместо храмов высились чертежи, вместо людей — силуэты мишеней. Самая четкая, самая угодная Хиссу — ближе всех. Лишь протянуть руку и вынуть из оболочки пульсирующее ядро, отдать божеству...

«Ты — моя рука. Я жду!» — торопила Бездна.

Но Стриж медлил. Не понимал сам, как он смеет мешать богу получить то, что тот желает, но все равно — отшатнулся прочь, не обращая внимания на мгновенно превратившийся в скопище ледяных игл воздух.

«Дерзкий слуга, — раскатистый смех божества выворачивал Стрижа наизнанку. — Все равно покоришься мне. А пока поиграем».

Стрижа вышвырнуло из Тени. Он упал на булыжник, едва успев сгруппироваться, откатился — удар, нацеленный в голову, пришелся вскользь по плечу. Рубанул ладонью по руке нападавшего, отскочил оглядываясь: Угорь с Лаской исчезли, Игла, пошатываясь, бежал прочь, Шорох, наоборот, к нему. А Простак с безумными, полными Ургаша глазами снова летел на него — убить.

Стрижу понадобился всего один обманный бросок, чтобы вывихнуть Простаку руку и прижать его к брусчатке. И всего один взгляд, чтобы понять: наставник был прав. Простак не был готов войти в Тень. Его душа не нашла дороги обратно.

Один милосердный удар по яремной вене, и Простак затих.

— Идем, брат. — Шорох протянул Стрижу руку, помогая встать.

— Здравствуй, брат, — улыбнулся ему Стриж, задержав на миг его ладонь в своей.

Они побежали прочь, не оглядываясь на два храма и тело первой жертвы.

Вскоре они миновали квартал мертвых фонарей и наглухо запертых окон: перед новолунием жители кварталов близ площади Двуетности предпочитали не выглядывать за порог.

Первым делом следовало добыть одежду и оружие. Несмотря на полуночный час, по улицам шаталось достаточно народу, особенно ближе к порту. Матросы, грузчики, докеры, сутенеры и мошенники всех мастей — любой костюм на выбор. Но братья повернули в сторону богатых кварталов. Пусть там немногочисленно, местным проще заметить посторонних и каждый час проезжает патруль. Зато не придется опасаться охотников за головами.

Гардеробной братьям послужил один из ближних особняков. Перебраться через забор и напугать сторожевых собак было делом нехитрым. Влезть в окно кухни — тем более. Найти в спальне шкаф с хозяйской одеждой смог бы и ребенок, как и позаимствовать повседневные сюртуки, кошель серебра и пару шпаг с кинжалами: шер был достаточно богат, чтобы день-другой не заметить пропажи. Метательных ножей у шера не оказалось, зато его повар обеднел на полдюжины кухонных. Там же, на кухне, братья запаслись провизией и мотком крепкой веревки. Так же незаметно, как вошли, они покинули особняк.

Они загодя решили, что не будут прятаться по крысиным закоулкам. Уж там-то местные быстрее быстрого найдут чужаков и заработают свое золото, от приморских головорезов непросто уйти даже через Тень. Зато в каждом городе есть место, которого все воры, убийцы и мошенники избегают как огня. Главное — до него добраться.

Десяток кварталов до площади Мудрых Черепах они преодолели без приключений, лишь раз спрятавшись в тени акаций от патруля. Когда на фоне звездных россыпей вырисовался шпиль магистрата, над крышами поплыл одинокий гонг: два часа ночи. С минуту они изучали покинутое всеми, кроме ночного сторожа, трехэтажное здание.

— Третье слева, — Шорох указал на чуть приоткрытое окно на втором этаже.

— Жди две минуты, — велел Стриж и полез наверх.

Бургомистр поспешил на серьезные чары: заклинание рассыпалось от первого же прикосновения Тени. Зато Стриж чуть не взвыл. Ургаш требовал крови и наказывал за сопротивление рвущей болью и тошнотой.

— Что с тобой?

Едва спрыгнув с подоконника в просторный кабинет, Шорох бросился к Стрижу.

— Ерунда, пройдет, — натушно улыбнулся он, отнимая ладони от раскалывающейся головы.

— Поспи немного, я покараулю.

Стриж не стал спорить. Забрался с ногами в глубокое кресло и закрыл глаза, предоставив брату изучать обиталище местного судьи: на рогатой вешалке болталась судейская мантия, на болванке возлежала высокая шапка с вышитым знаком весов, а шкафы ломились от папок и свитков.

За два дня до новолуния. Найрисса.

Когда магистрат начал заполняться гамом и суетой, братья смешались с толпой. По коридорам сновали писцы, толкались озабоченные просители и тяжущиеся, шествовали из кабинета в кабинет чиновники. Адвокаты петушились перед клиентами, набивая цену, нотариусы с заткнутыми за уши вечными перьями объясняли что-то ословелым от юридической абракадабры шерам и бие. Два провинциала, уткнувшись в потрепанные бумаги с кучей печатей и поминающие завещание, долю и отчуждение, никого не интересовали. Но, несмотря на уверенность, что охотникам не придет в голову искать их между приемной бургомистра и залом суда, Стриж все время был настороже.

Им везло до самого вечера. Но за полчаса до закрытия ничейных шеров заприметил потрепанный стряпчий. Стриж заметил прохожу чуть позже, чем следовало, и сразу понял: этот не отцепится. В острых глазках и скользкой улыбочке читалась необходимость в серебре и твердое намерение это серебро сегодня же добыть.

— Сматываемся, — шепнул Стриж, и оба деловито направились к лестнице.

Но шустрый человечек обогнал их и заступил дорогу.

— Светлого дня благородным шерам! — вкрадчиво поздоровался он.

— И вам не хворать, достопочтенный, — ответил Шорох.

Стриж едва не выругался: вот принесло! Этот наверняка не из гильдии, но вдруг наводчик? Он еще раз ощупал толпу взглядом, но никто больше не проявлял к провинциалам интереса.

В этот момент распахнулись двери зала суда, выплеснув дюжину скандалящих торговцев. Стриж с Шорохом, не сговариваясь, повернули к ним — заслониться, затеряться. Но щуплый крючоктвор оказался на диво нагл и липуч:

— Я вижу, сиятельные шеры в затруднении. — Стряпчий ухватил за край бумаги. — Дело о наследстве, не так ли? — Шорох выпустил честно стыренные в судейском кабинете бумаги, рассчитывая хоть на миг замешательства. Но стряпчий уже уцепился за Стрижа. — И, конечно, сиятельные шеры еще не нашли достойного представителя своих законных интересов.

— Прошу прощения, но мы ждем достопочтенного Тисле, — перебил его Стриж, вспомнив промелькнувшее в разговоре адвокатов имя и понимая, что если сейчас отцепить клеща, тот заорет на весь магистрат.

— Ай-ай! Кто же вам посоветовал этого прохиндея? Не слушайте его. Вас надули, — вдохновенно вещал стряпчий, крепко сжав костлявыми пальцами отворот пойманного сюртука и потрясая добытыми бумагами. — Ничуть не почтенный Тисле не выиграл ни одного дела о наследстве! К тому же он берет десять сестриц только за составление документов, а достопочтенный Мельтес лишь пять, и еще один процент по завершении дела. И я не проиграл ни одной наследственной тяжбы! Вы понимаете, как вам повезло?

Хитрая рожа Мельтеса ничуть не походила на лик везения, но Стриж не видел способа отвязаться от стряпчего, не поднимая шума и не уходя в Тень.

— Да, конечно, нам повезло! — решил Шорох. — Если достопочтенный Мельтес поможет нам рассортировать документы за две сестрицы, то нам не придется дожидаться достопочтенного Тисле.

Стряпчий просиял: клиент торгуется — клиент попался.

— Светлые шеры хотят меня разорить? Или желают лишить лицензии? Таких цен не бывает. Я и так, из чистой симпатии к благородным юношам, не возьму и динга сверх обязательной цены. Я даже совершенно бесплатно договорюсь с судьей, чтобы ваше дело рассмотрели завтра! Презренный Тисле промурыжит вас не менее трех дней!

— Прошу прощения, достопочтенный Мельтес, но мы вынуждены отклонить ваше любезное предложение, — расстроился Шорох. — Мы не можем заплатить сразу пять сестриц. У нас осталось всего восемь, а ведь за проживание на постоялом дворе придется уплатить не меньше четырех. И еще сестрицу на обратную дорогу в Кардалону. Так что больше трех никак.

— Четыре сестрицы? Надеюсь, сиятельные шеры не заплатили четыре монеты наглому обманщику? О, что за люди, — искренне возмущился стряпчий. — Но послушайте! Только никому не говорите, это против правил... — Мельтес понизил голос. — Я не могу пройти мимо, оставив вас в столь затруднительном положении. Доброта меня когда-нибудь погубит. У меня есть комната. Конечно, это не очень удобно, я обычно принимаю в ней посетителей. Но для вас, светлые шеры, готов пойти на лишения. Семь сестриц, и вы получите и документы, и представительство в суде, и комнату. А по завершении дела выплатите мне процент безо всяких расписок! Благородные шеры не обманут простого, честного Мельтеса!

Еще немного поколебавшись, братья согласились. Довольный Мельтес, запрятав бумаги за пазуху, — чтобы клиенты, упаси Светлая, не сбежали к конкуренту, — повел их к себе.

Слушая, как брат обрабатывает пройдоху, Стриж радовался, что все так удачно складывается, и тревожился: не слишком ли легко? Тревога зудела, вторя голосу Ургаша: здесь, сейчас! Тревога билась в висках, щипала мурашками. Стриж присматривался к прохожим, к рядам эвкалиптов вдоль улицы, стенам и крышам. Болезненный укол — опасность! — заставил его пригнуться и толкнуть брата. Нож просвистел там, где мгновенье назад было горло Шороха, и воткнулся в плечо стряпчего. Второй нож Стриж поймал, оборачиваясь и выхватывая клинок: Угорь молча выскочил из-за толстого ствола, в одной руке шпага, в другой — дага.

— Стража! — крикнул позади стряпчий, булькнул и замолчал: нож Ласки снова поразил не ту цель.

Зазвенел клинок Шороха, встретившись со шпагой Ласки. Издали слышался топот стражи и ор:

— Бросай оружие! Именем короля!

Удар. Поворот. Еще удар, бросок — Стриж едва отбил дагу. Удар сверху, финт! Шпага Угря мелькала все быстрее, вокруг него густели лоскутья Тени. Мир терял объем, окрашиваясь красным. Ургаш звал: пора! Принеси мне жертву!

«Нет! — Стриж еле удержался, чтобы не поддаться зову. — Брата не отдам!»

«Хисс-с-с!...» — просвистела размытой полосой сталь. Стриж отпрыгнул. Поздно! Бок обожгло болью.

— Стоять! Прекратить! — вопят стражники.

Вокруг образуется толпа любопытных.

«Хисс-с!...» — снова свистит клинок. Прыжок, финт, в теле играет злая радость, заглушая боль. Звенит о камни шпага. Азарт в глазах Угря сменяется ужасом, его дага падает — он обеими руками зажимает хлещущую кровь. Обмякает...

— Добро пожаловать в Ургаш, Бенедетто шер Эспада! — довольно смеется божество и требует продолжения. — Служи мне, мальчик!

Стриж оборачивается: Шорох и Ласка летят в смертельном танце. Левая рука Ласки болтается, разлетаются траурные капли. Прыжок, звон стали. Снова звон.

— Бросай оружие, — кричит стражник, на бегу готовя арбалет.

Дюжина мундиров, не меньше, совсем близко. А за ними — зеваки и стервятники. Жадные глаза, рука за пазуху... Охотник за головами движется медленно, почти так же медленно, как стражники.

— Шорох, беги! Клятва! — кричит Стриж, бросается между соперниками, еле успевает отвести непослушный клинок от брата.

Он не успевает договорить — Шорох уже бежит.

Мир бледнеет, еще замедляется, но не замирает. Острые грани между Тенью и реальностью режет,

вспарывает болью внутри, за ребрами.

Неповоротливый Ласка насаживается на лезвие. Клонится к земле. Стриж отворачивается, чувствуя одобрение божества: жертва принята. Горячими комками пульсируют еще жертвы. Одна, самая близкая, убегает — достать ее просто, очень просто. Клинок уже тянется... Но нет, нельзя! Это потом. Потом! Не сейчас!

Стриж сквозит мимо вялых стражников — божество не требует пока их крови. Рассекает сумбур толпы, раздвигая руки и тела, как водоросли на дне реки. Выбирает самый горячий ком. Вор быстр, быстрее всех: успевает оскалиться навстречу смерти, рвет связки, истекая болью. Выставляет нож. Его запястье ломается с сухим треском, нож входит между ребер. Вор падает. Медленно, как осенний лист.

Неподалеку призывно алеет второй охотник за головами. Достать его — пустяк, он успевает лишь шепнуть: Хисс тебя!.. Стриж кивает падающему телу: «Добро пожаловать в Ургаш».

Толпа шумит, колыхается, люди в панике бегут и давят друг друга.

— Хорошо летаешь, Стриж, — шепчет Бездна. — Мой слуга. Я дал тебе правильное имя. Догони, убей!

Лед, кругом лед, и нет воздуха — нечем дышать. Хозяин зовет. Боль рвет в клочья разум, уговаривает: сюда, здесь хорошо. Боль не пускает, держит на поверхности. Сквозь плену полузабытья гремит колокол: опасность!

Стриж вынырнул из морока, осознал себя: я Стриж, Рука Бога.

С трех сторон наступают стражники, выставив клинки и тесня к стене дома. Сержант больше не надрывается, требуя бросить оружие — он уже отдал приказ не брать убийцу живым. На миг стало смешно: если б стражники не боялись до дрожи, уже бы разделались с неповоротливым дурнем. Споры с божеством не прибавляют ни скорости, ни сноровки.

Стриж ухмыльнулся, взглянув в глаза сержанту. Тот побледнел, но не отступил. Тогда Стриж бросил шпагу сержанту под ноги, заставив его отшатнуться, и вспрыгнул на высокий подоконник.

С грохотом посыпались цветочные горшки, зазвенело стекло, обдавая служак осколками. Стражники заорали что-то нецензурное и бросились — кто за ним, кто к дверям дома. Один даже метнул нож вслед, но он вонзился в деревянный пол.

— Где лестница наверх? — спросил Стриж забившуюся в угол девицу.

Та кивнула в нужную сторону, зажмурилась и уткнулась в передник.

— Открывайте немедленно! Именем короля! — доносилось от двери вперемешку с грохотом сапог и руганью.

— Не смей, — шикнул на девицу Стриж, срывая со стола скатерть и прижимая к пылающему боку.

Горожанка вздрогнула и съежилась, не поднимая глаз.

Стриж устремился прочь — наверх, через чердак. Привычный способ не подвел. Дома так плотно примыкали друг к другу, что он легко бежал с крыши на крышу, вскоре оставив погоню позади.

Все бы хорошо: стражники отстали, воров не видно. Еще бы пару кварталов, чтобы сбить погоню со следа! Но черепица скользит из-под ног, небо качается и слепит тремя солнечными дисками... И мошки, стаи мошек лезут в глаза... Крыша кренится...

Запнувшись, Стриж упал на колени. Едва успел ухватиться за каминную трубу, чтобы не слететь вниз. Далеко-далеко вниз... на мягкий теплый лужок... на мягком лужке острый камень... зачем лег спать на камень? Он впивается в бок, до самой кости! Светлая, как же больно... Или это кусаются осы? Все тело горит...

Стриж встряхнул головой, разгоняя жужжащих ос.

Крыша. По ним крыша. Под крышей дом. Дом в Найриссе... Проклятье! Шорох! Как же Шорох? За ним теперь охотится вся городская стража. Ранодохнуть, надо помочь брату...

Ругаясь и шипя, Стриж пополз к слуховому окну. Медленно, как придавленная гусеница. Далеко, как до самой Хмирны. Но он дополз. Протиснулся через окошко, свалился кулем на пол. Обругав себя еще раз, поднял голову: сквозь мутную плену разглядел развешенное под стропилами белье и чистый, ровный, без единого укрытия пол. И перила — лестницу вниз. Снова выругался и пополз, уже не задумываясь, куда и зачем. Вокруг зеленел лес, журчал близкий ручеек и безжалостно

жалили осы.

За день до новолуния. Найрисса.

Пыльный воздух царапал горло запахом лаванды, бессолнечное небо давило жаром. Равнина колыхалась и хватала за ноги тысячами травяных щупальцев, не пускала к танцующей над рекой облачной деве, к прохладе и шепоту воды. Стриж ловил пересохшим ртом клочки мятного ветра и никак не мог поймать.

Упорно переставляя свинцовые ноги, он выдирался из обманчиво-нежных объятий травы, не отрывая взгляда от видения. Сплетенная из молочных нитей тумана, с развевающимися волосами-водорослями, нагая русалка играла с ветром. От ее шагов по речной глади разбегалась рябь, руки переливались струями водопада, смех звенел и шелестел набегающими на песок волнами.

— Эй! Оглянись! — хотел крикнуть он, но с запекшихся губ упал хриплый шепот. Он был уверен: стоит деве увидеть его, и равнина отпустит. Но она не оборачивалась. — Прощу тебя! Помоги, — беззвучно закричал он.

Облачная дева сбилась с ритма, оглянулась. Жадные стебли травы замерли, словно испугавшись. Дева улыбнулась, протягивая руку. Он устремился к ней, разрывая травяные путы, но равнина качнулась навстречу. Он рухнул лицом в сухую лаванду...

И проснулся — в полете.

Извернулся, упал на спину. Выдернул руку из пут, поймал летящий кувшин. Острая боль в боку обожгла, заставила замереть на миг. Стриж сморгнул невольные слезы, прислушался, огляделся. Выругался при взгляде на опутавшие его тряпки, а заодно на острый угол тумбочки: он разминулся с виском Стрижа меньше чем на половину ладони.

В небольшой комнате никого. Две двери закрыты. Ширма, зеркало, комоды. Узкое окно в кисее окрашено рассветом. Явно гардеробная небедной дамы. Судя по яркости платьев — дамы молодой и не обремененной предрассудками. С улицы доносится грохот тележки и ослиное фырканье. Зеленщик? Молочник?

— Молоко, свежее молоко! — подтвердил девичий голос.

При упоминании молока живот скрутило голодной судорогой. Остатки воды в кувшине булькнули, напоминая об учиненном погроме. Выпутавшись из мокрых, пахнущих лавандой обрывков муслина и кружев, Стриж допил воду. Вздрогнул: по стене скользнула тень, за окном пронзительно всплакнула чайка.

Снова прислушался. За дверью напротив окна пряталась тишина, а из-за второй слышалось сонное дыхание двух человек. Воды в кувшине оказалось слишком мало, едва смочить пересохшее горло. Пить хотелось невыносимо, еще больше, чем есть. Бок отчаянно болел и дергал, но Стриж, закусив губу, отодрал немного отмокшие остатки рубахи и ощупал рану. Края сошлись и почти не кровоточили, но кожа вокруг воспалилась и вспухла. А длина пореза, от подмышки до бедра, заставила вознести благодарственную молитву Светлой — за то, что до сих пор жив и не свалился спелой грушей прямиком в руки стражи, и Хиссу — что одарил вместе с тропами Тени способностью чуть не на глазах заживлять раны.

Стриж обтер мокрым муслином лицо и еще раз оглядел комнату. Передернулся, увидев на полу бурые пятна, отметившие его вчерашний путь — от двери к углу, завешенному сорочками. Наверняка то же самое и в коридоре, и на лестнице... вроде была лестница...

Шисов дысс! Империял против ломаного динга, что кто-то из слуг уже побежал за стражей. Надо срочно выбираться.

Он поднялся, опершись о тумбочку, и снова выругался. Голова кружилась, ноги разъезжались, руки дрожали. Хорош убийца. Цыпленок, ошипать — и в суп.

Три шага до окошка показали караванным путем через Багряные Пески. Держась за стену здоровой рукой, он осторожно выглянул сквозь кисею вниз, на улицу, и отшатнулся. Сердце оборвалось, оставив в груди пустую обреченность: цокая подкованными сапогами, из-за угла показалась полудюжина стражников при арбалетах.

Скорее, обратно на крышу! Найти пустой чердак, отсидеться. До завтра бок заживет. Давай, двигайся, багдыр'ца! Шевели опорками!

С трудом переставляя дрожащие ноги и подгоняя себя зуржым матом, Стриж пошел — а скорее, пополз — к двери, за которой была тишина. И почти дошел, но поскользнулся на крови, упал на колени. Боль вышибла дыхание и погасила свет.

— Молоко, свежее молоко! — сквозь хоровод алых пятен и болезненный гул в ушах пробился голос молочницы.

— Доброго утречка, красавица, — ответил басом стражник. — Не боишься одна по улицам? Нынче в городе опасно!

— А чего бояться, когда вот они вы, наша защита и надежда.

— Это правильно, красавица, — вступил второй.

— С нами не пропадешь! В обиду не дадим, только держись поближе, — хохотнул первый.

— Иди, иди к нам, милашка, — поддержал его хриплый тенор.

— Со всем нашим почтением, — хихикнула девица. — Молочка не желаете ли?

Стукнула крышка бидона, зазвенела струя.

— Вот это я понимаю, — отпив, пробасил первый и крикнул. — А не видала ли ты, красавица, чего подозрительного? Например, убивца, аки демон северный беловолосого да пустоглазого, ростом велика да рожей страшна?

Крынка с молоком пошла по рукам — было слышно, как вояки хлюпают молоком и отдуваются.

— Ой, страсти-то какие! Неужто прям демон-то? Да никак, сержант, сами видали?

— А то! Мы как вчера...

«Слава тебе, Светлая Сестра! Не за мной...»

Не понимаясь с колен, Стриж слушал, как сержант распускает хвост перед молочницей, как открываются двери домов и любопытные служанки присоединяются к утренним сплетням. Со слов сержанта выходило, что Шороха городская стража так и не поймала, но на охоту за нарушителями спокойствия бургомистр послал не только городскую стражу, но и портовую охрану, и курсантов Имперского Морского Корпуса.

— Гильдия Ткачей! — шепот одной из служанок повис в замершем переулке на долгие секунды. Поваяло обывательским страхом: вот-вот захлопнутся окна и заскрипят замки.

— А что ткачи? — встрепенулся стражник. — Мы вчерась четверых ихних уложили! Подумаешь, ткачи!

В голосе его за бахвальством трепетал страх, а Стриж вспомнил: и правда, именно этот басок вчера требовал бросить оружие. Но вчерашняя храбрость испарилась. Стриж твердо знал, что сержант, столкнувшись с ним кос к носу, не узнает убийцу в упор. Служанки притихли, а через мгновение защебетали, восхищаясь доблестью и отвагой.

Порыв сквозняка и еле слышный скрип двери заставил Стрижа обернуться — он хотел было вскочить, но тело подвело. Он упал навзничь, гулко ударившись затылком о медную раму зеркала. Зажмурился на миг, мысленно увидев летящую в горло шпагу...

— Эй, мальчик? — послышался мелодичный голос: ни страха, ни злости, ни удивления, одно лишь сочувствие.

Сквозь алый туман проступил силуэт. Рука сама потянулась к зеркалу: разбить, метнуть осколок.

«Стой, придурок! — одернул он себя. — Она не опасна. Пока. Придушить всегда успеешь, без звона и грохота на всю округу».

Стриж сморгнул остатки тумана, присмотрелся к склонившейся над ним женщине. Почудилось, что ее окружает золотистое мерцание, теплое, как парное молоко. Взгляд скользнул по нежным рукам — ни оружия, ни брачного браслета — маслинным глазам, полным волнения, породистому носу с горбинкой. Задержался на растрепанных локонах с медным отливом, ласкающих округлые плечи, и утонул в паутине лазурного кружева сорочки, потерялся в тенях под грудями и меж бедер.

— Тихо, не бойся, — шепнула незнакомка. — И не шуми. Это ж тебя ищут?

Стриж от неожиданности мог только кивнуть: язык присох к небу. Он не понимал, почему она не

боится? Ведь знает, кто он есть. Но знал — точно знал! — что страже не сдаст. Она опустилась на колени, коснулась прохладной ладонью лба, заглянула в глаза. Взяла за руку.

— Вставай. — Слегка потянула. — Скоро вернется служанка. Тебе надо спрятаться.

Женщина кивнула на аккуратный ряд платьев вдоль стены. На тот угол, к которому вели кровавые следы. На миг Стриж усомнился, есть ли смысл прятаться, если при первом же взгляде на пол все видно.

— Не бойся, я успею помыть, — помогая ему удержаться на ногах, успокоила незнакомка. Раздвинула сорочки, не обращая внимания на валяющиеся на полу обрывки грязного муслина. — И принесу поесть. Садись, давай перевяжу тебя.

Прохладные руки касались пылающей кожи так нежно, что Стриж не мог ни о чем думать. Он позволил ей усадить себя в угол. Даже не вздрогнул, когда она отошла за ширму — мысль о спрятанном там арбалете отогнал, как навозную муху.

— Ты весь горишь. — Ее рука скользнула по воспаленным глазам, убрала прилипшую ко лбу прядь. — На, пей.

Она подала кувшин, но не отпустила, помогла удержать в руках. Ее забота была столь искренней и непосредственной, что Стриж плюнул на дурные мысли об унижении и опасности. Зачем его травить, если достаточно было кликнуть с улицы стражу?

— Благослови тебя Светлая, — напившись, он наконец смог произнести нечто членораздельное. — Как тебя зовут?

— Нинья. — Она улыбнулась и приложила палец к его губам. — Тихо. Займемся раной.

Стриж послушно замолчал. Он позволил протереть мокрой тканью лицо и раненый бок, замотать оторванной от тонкой льняной простыни полосой. Немыслимо хотелось закрыть глаза и уснуть, но остатки страха не позволяли: он помнил и о страже за окном, и о мужчине, всхрипывающем за стенкой. Нинья шептала что-то успокоительное, снова протирала горящее лицо холодным и мокрым, а Стриж проваливался в жаркие объятия пыльной равнины.

Ночь накануне новолуния. Найрисса.

Его разбудил громкий мужской смех. В звуке не было немедленной опасности, только похоть и довольство собой. Смеху вторил женский голос и звон вина о хрусталь: там, за стеной.

В полной темноте лица коснулось что-то невесомое. Стриж дернулся, отмахнулся — и вспомнил. Не то бред, не то мираж посреди знойной пустыни лихорадки: фея с прохладными ладонями и кувшином воды. Вода! Где-то тут должна быть вода! Он нащупал кувшин и сверток. Глотнув воды, развернул тряпицу и, чуть не зарывав от удивившего в нос хлебного духа, впился зубами в лепешку. Внутри теста оказалась мелко рубленая курятина с луком и травами, вкусная, как глоток воздуха перед повешением.

Несколько минут Стриж жадно ел, не думая ни о чем. И только слизнув последние крошки с ладони и чувствуя, как по телу разливается сытое тепло, снова прислушался.

Разговоры за стеной сменились влажными шлепками, сопением, ахами и скрипом кровати. Стриж словно воочию увидел разметающиеся медные пряди, задранный подол лазурного кружева и ноги с тонкими щиколотками, обнимающие голозадного сержанта. Жаркая злость поднялась изнутри, требуя — убить, отнять!

«Бред и наваждение. Какого шиса? Девушка делает свою работу, а ты ревнуешь, как оперный тенор, — обругал себя Стриж. — Спокойно. Ты жив, цел и свободен. Тебя спрятали и накормили, какого рожна тебе еще?»

Но, вопреки голосу рассудка, его неудержимо тянуло в соседнюю комнату. Он выбрался из убежища, подошел к окну. Крупные звезды на безлунном небе перемигивались: ну? Слабак, мальчишка. Спрятался в юбках. Но насмешки тонули во вздохах и ритмичном поскрипывании.

Стриж скользнул к выбивающемуся из замочной скважины лучу света. Заглянул...

Дыхание перехватило, словно тяжелая рука брата ударила под дых. В паху стало горячо и тесно.

Тонкая, позолоченная свечами наездница запрокинула голову и сладко вздыхала, насаживаясь на

любовника. Одной рукой она оглаживала вцепившиеся в бедро мужские пальцы, другой ласкала свой торчащий сосок. Грудь ее подпрыгивала в такт скачке, распущенные волосы мотались гривой дикой кобылицы. Мужчина в задранный батистовой рубашке выгибался под всадницей, стонал, мышцы перекачивались под смуглой кожей. Несмотря на возбуждение и злость, Стриж отметил и старый шрам повыше колена, и прислоненную в изголовье шпагу — простую, но отменного качества — и аккуратно сложенный на стуле темный френч с капитанским двойным кантом.

Сжав до боли дверной косяк, Стриж оторвался от замка, прислонился лбом к деревяшке и выругался. Про себя. Вскочил, сделал три шага к окну. Но властный мужской голос заставил обернуться в боевой стойке.

— Возьми в рот, девочка!

— Мм-м... слушаюсь, мой капитан, — мурлыкнула Нинья.

Ярость окатила слепящим холодом: Хисс требует жертвы! Отдай божеству все, что держит, и получишь силу, получишь свободу! Темная воронка засасывала, мутила разум. Стриж сопротивлялся изо всех сил, цепляясь за каждую соломинку памяти: Шорох, Фаина, Ульрих, Клайво... Свобода? От чего? Зачем она, такая свобода? Зачем такая жизнь?

«Ты мой, — напоминал бог, сжимая сердце холодными когтями. — Служи мне!»

«Я твой слуга, а не раб! — спорил, обливаясь холодным потом, Стриж. — Я чту закон. Отдаю тебе кого должно. Я не нарушаю договора!»

«Споришь? Самонадеянный мальчишка, — смеялся Темный. — Тебе ли решать, что должно? Я могу выбрать любого, но ты забавный. Все равно сам придешь и попросишь».

Удар об пол привел Стрижа в чувство. Ушибленная голова, полный крови рот, распухший прикушенный язык — мелочи. Жив после спора с Хиссом? Нет, так не бывает.

— Что там, Нинья? — слышался мужской голос из соседней комнаты.

— А, не обращай внимания, Фиделе. Наверное, служанка уронила что-то, — ответил томный женский. — Иди сюда, мой завоеватель!

— погоди, Нинья, — не успокаивался мужчина. — Я посмотрю, мало ли. Ты же не хочешь, чтобы вору унесли твои шляпки.

Стриж словно увидел, как капитан натягивает штаны, берет шпагу...

Рывком отворивший дверь полуголый шер с обнаженным клинком в руке застал в гардеробной тишину и порядок. Но все равно, знаком велел Нинье не переступать порога, обошел комнату, отдернул сорочки в том углу, где недавно спал Стриж, заглянул за вторую дверь.

— Фиделе, нет здесь никого, — надула губки Нинья, запахиваясь в кисею. — Почему ты так волнуешься? Что случилось, расскажи.

— Хисс испытывает новых Ткачей, малышка. Разве не слышала? — Капитан еще раз окинул комнату настороженным взглядом и принялся. — Вчера эти твари передрались на аллее Эдикта. Двое сбежали. Один, похоже, издох, второй цел.

— О, ты там был, мой герой? — округлила глаза Нинья, протягивая к капитану руки.

— Нет, там был сержант Ривадо, — обняв Нинью, шер не то вспоминал, не то размышлял вслух. — Пропал служака. Больше он не боец.

Скручивающее внутренности напряжение отступало, сердцебиение успокаивалось. Слава Светлой, капитан его не увидел. Не пришлось снова убивать.

— Следы привели к лавке старой Шельмы. И все, как в Бездну провалился. Но до храма им все равно не добраться.

Стриж наострил уши, но капитан замолк.

— О, я никогда не сомневалась, что ты поймал кого угодно, — сказала Нинья. — Но как? Ткачи, говорят, умеют проходить сквозь стены, как игла сквозь полотно.

— Ты мне льстишь, маленькая, — усмехнулся капитан. — Жаль, маги не пожелали участвовать лично. Но хватит и рун. Хиссовы твари просто не смогут войти.

— Ну и что? — спросила Нинья.

— Как что? Не завершившие ритуал сдохнут, как крысы. Закон Равновесия не оставил тварям ни одной лазейки на свободу. Или служба Хиссу и подчинение закону, или — смерть.

— Если они подчиняются закону, то зачем вы их ловите, Фиделе? Разве Хиссу не виднее, что делать со своими рабами?

Капитан поморщился.

— Хиссу, разумеется, виднее. Когда ему приходит охота посмотреть. Но пока он отвернулся, ткачей расплодилось слишком много. С войны прошло три сотни лет, сектанты сидят тихо на своих островах, так зачем в каждом городе Хиссова гильдия? Они давно уже превратились из слуг бога в обычных наемных убийц и воров. Так что если ткачей станет меньше — воздух в Найриссе однозначно посвежеет.

— Как это все грустно, — вздохнула Нинья и потянула капитана обратно в спальню. — Но хватит о ворах, у тебя выходной, мой капитан! Иди ко мне.

Стриж облегченно выдохнул. Зря — капитан вывернулся из объятий любовницы и метнулся к платьям. Стриж еле успел уклониться от клинка. Шпага скользнула по плотной повязке, Стриж зажал острие плечом, повернулся и выдернул оружие из рук капитана. Тот от неожиданности замер — лишь на миг. Но этого мига хватило Нинье, чтобы броситься к нему и...

Незаметным глазу движением капитан отбросил ее прочь. Время застыло, засмеялось холодным голосом Ургаша. Стриж рванулся к падающему телу Ниньи, поймал у самого пола. Зазвенела отлетевшая шпага, в глазах капитана проступило понимание и боль. Сломанная кукла с удивленными глазами опустилась на пол, разметав лазурную кисею и медный шелк волос. Золотое мерцание жизни угасло.

Всего лишь миг двое скорбели — один об утраченном, второй о неслучившемся.

В следующий миг они сплелись в объятиях теснее любовных. И зря капитан Лопес надеялся, что сможет хоть что-то противопоставить раненому мастеру теней. Стриж пришил его к стене его же собственной шпагой легко, как будто капитан муниципальной стражи был месячным котенком.

— Что за руны, где? — спросил Стриж.

— Не знаю, — просипел капитан, выплевывая сгусток крови и ухмыляясь белым ртом. — Пойди сам проверь, крыса.

— Знаешь. Говори.

Стриж сжал ключицу капитана. Тот позеленел, на губах запузырилась кровь.

— Все равно... только светлый шер... сможет пройти... — насмешливо прохрипел капитан. — Сдохнешь. Вы. Все. Сдохнете. Крысы.

— Все мы сдохнем, Фидель Лопес, — покачал головой Стриж. — Но я — не сегодня.

— Завтра. — Капитан плюнул кровью в лицо своему убийце, дернулся, разрывая легкие и сердце о клинок, и затих.

— Может, завтра. — Стриж резко потянул шпагу и отступил, позволяя телу упасть лицом вниз. — А, может, и не завтра.

Вытер лезвие о ближайшее платье и, не оглядываясь на две жертвы, взятые Хиссом, пошел в спальню.

Глава 28. Когда наступит завтра

4-й день каштана, Риль Суардис, Дайм шер Дюбрайн.

Ему было хорошо. Нет, не так. Божественно хорошо. Так, словно его разобрали на части, почистили, смазали и собрали заново — идеально правильно, как хронометр в лучшей гномьей мастерской.

Правда, для механизма он чувствовал себя слишком живым и слишком довольным. Чуть-чуть странно и пустовато, словно не хватало какой-то привычной боли, но кто же будет горевать о боли? Нет — и шис с ней. Зато есть темный шер рядом. Тот, о котором Дайм мечтал... сколько лет? А, неважно. Кто их считает! Главное, что Роне наконец-то перестал строить из себя провинциальную деву на выданье и признал очевидный факт: они изумительно подходят друг другу.

Роне. Темный шер Бастерхази. Заноза в заднице. Видеть его настоящим, а главное — чувствовать его темный дар всей своей сутью, было... О да. Это было божественно прекрасно.

Правда, почему-то Дайм совсем не помнил, как именно они оказались здесь. Вообще как-то все немножко расплывалось и мутилось. Немудрено. Такой выплеск силы! Еще больше, чем рассчитывал Дайм, присматриваясь к темному шеру, изображающему статую за креслом Темнейшего Паука. Очень красивую, можно сказать, изысканную статую. Попытки Рональда шера Бастерхази казаться сутулым, косоруким, вечно опухшим и почти бездарным гоблином могли бы обмануть кого угодно, только не майора МБ, посвятившего последние тридцать лет полевой работе. То есть — распутыванию и разгадыванию всяческих иллюзий, обманов и прочих козней.

О нет. Рональда шера Бастерхази Дайм по достоинству оценил еще давно. В первый же раз, когда Светлейший взял Дайма с собой на заседание Девяти Мудрых Черепях. Было это лет двадцать назад. Или двадцать пять? Не суть. Главное, Дайм его разглядел. Сначала как достойного соперника. Будущего врага.

Помнится, после того заседания большинство его вопросов было именно о шере Бастерхази. Прежде всего — зачем он пытается выглядеть слабее, чем есть? Дайм привык, что шеры всегда стараются казаться сильнее, нацепляют на себя магические побрякушки гроздьями, даже умудряются радужку подкрашивать, лишь бы произвести впечатление. А тут строго наоборот. И был почти не удивлен, когда в ответ на все вопросы о Роне получил один ответ: наблюдай, анализируй, делай выводы.

Именно тогда Дайм и полез в секретные архивы, раскопал о роде Бастерхази и самом Роне все, что было в МБ. А посчитав это недостаточным, и сам взялся собирать информацию. Полевым методом: прослушка, слежка, опрос свидетелей и прочая. И довольно быстро нашел причину. Неприятную. Местами противозаконную. Хотя... С точки зрения закона империи Бастерхази был стопроцентно виновен, и не единожды. Но с точки зрения Равновесия все было не так просто, а с точки зрения боевого офицера МБ и вовсе многое выглядело совсем иначе.

По крайней мере, Бастерхази не наслаждался убийствами, не коллекционировал в своих подвалах черепа жертв, не пытал детей ради призрачного шанса увеличить силу и вообще практически не трогал тех, кто не давал веского повода. Скорее, он просто пытался выжить как умел. Учитель у Бастерхази был — врагу не пожелаешь.

А Светлейший забавлялся интересом Дайма.

Впрочем, ровно до тех пор, пока не застал его за изучением кое-каких документов Ману Одноглазого и не увидел четко оформленную мысль: Бастерхази — идеальный вариант.

— Смелая идея, мой мальчик, — сказал тогда учитель, потрепал Дайма по голове и велел: — Будь осторожен.

О да. Дайм был очень осторожен. Он даже мыслям о единении с Бастерхази не позволял оформиться, потому что Печать... Да, Печать. Всегда на страже послушания и сыновней любви. С точки зрения Печати любая мысль о свободе — крамола, подлежащая немедленному наказанию.

Дайм привычно выдохнул и очистил разум от всего лишнего. Не потому что Печать дала о себе знать, а скорее потому, что ощутил нечто странное, болезненное, неправильное... Да нет, ерунда. Показалось. Ему хорошо, однозначно хорошо.

— И какого шиса, спрашивается, ты от меня бегал? — задумчиво спросил Дайм у высокого сводчатого потолка смутно знакомой комнаты.

Он был уверен, что ночевал тут не раз и даже не два. И не один, а вместе с Роне. Но что это за

место — не помнил. И когда он тут был — тоже. Хотя знал, что брошенный на кресло шелковый халат принадлежит ему и он совсем недавно его надевал. Кажется, сегодня утром. Ну вот, опять голова кружится. Что-то у него с памятью.

Ладно. Со взбрыками памяти он разберется потом. Сейчас ему слишком хорошо, чтобы думать о серьезном.

— Я от тебя бегал, мой свет? — с искренним недоумением спросил Роне.

— Ну не я же, — хмыкнул Дайм и накрыл ладонью руку, лежащую у него на груди.

Смуглую, изящную и сильную кисть с длинными чуткими пальцами, с мягкими черными волосками на запястье и предплечье, с четко прорисованными мышцами. Идеальная красота взрослого мужчины. Истинного шера. Ни одного шрама...

Шрамы... когда он успел свести с Роне все шрамы? Он же помнит — их было до шиса, и Роне то пытался их спрятать, то наоборот, нарочито выставлял напоказ и поглядывал этак... как бойцовый петух, только-квакни-затопчу.

Правильно Дайм их свел. Без шрамов — лучше. Нечего им напоминать Роне о жизни у Паука в банке. Нет там ничего, о чем бы стоило помнить.

— Больше не буду, мой свет. Никогда.

Это прозвучало несколько серьезнее, чем надо. Но — мелочи. Все мелочи, когда так хорошо.

— А в этом доме дают шамьет усталым путникам? Кстати... э...

Дайм нахмурился, пытаясь понять: они уже в Суарде или как? Последним, что он помнил совершенно ясно, были солнечные ромашки, положенные им на подоконник комнаты темного шера. Дайм нарвал их по дороге, отлучившись по какой-то таинственной надобности, и прятал до вечера. Ему было ужасно интересно, сможет ли упертый темный осел игнорировать настолько прозрачный намек? Цветы, дающиеся в руки только светлым шерам, в подарок темному шеру, ведь прозрачнее же некуда!

Ведь не мог Роне принять это за злую шутку? Да нет, чушь. Не мог. Значит... Ну да. Наверняка именно с тех пор они вместе. И наверное, уже в Суарде.

Еще бы голова не кружилась при попытке что-то вспомнить! Очень похоже на ментальный блок, только какой-то странный... ужасно не хочется об этом думать, мысль ускользает... да и шис с ней. Потом. Успеется.

— В моем доме тебе, мой свет, дают все что угодно. — Роне приподнялся на локте, нависнув над Даймом и внимательно на него глядя. — Так что ты хотел спросить?

— Да так... — Дайм с улыбкой провел по гладкой смуглой щеке, с долей удивления отметив, что Роне выглядит старше. И вообще как-то не так. У него же не было седины! Какая седина у шера-дуо в жалкие шесть с половиной десятков лет! — Не помню, когда ты успел поседеть, мой темный шер.

— Поседеть? — Роне с любопытством поглядел на длинную прядь цвета соли с перцем, выбившуюся из хвоста, и снова вернул взгляд к Дайму. — Ну надо же, я и не заметил. Плевать.

— А тебе идет. Ты такой серьезный и строгий темный шер, прямо хоть сейчас в преподаватели Магадемии. И все студенты обоих полов — твои.

— Студенты? Нет, не интересно. Мне больше нравятся полковники Магбезопасности, — улыбнулся Роне. — Один-единственный полковник Магбезопасности.

Он этой его улыбки внутри разлилось тепло. Правда, что-то Роне сказал странное.

— Полковник, — повторил Дайм, словно пробуя новое звание на вкус. — Неплохо звучит, мой темный шер. Вот закончим дело Суардисов, и стану полковником.

Роне недоуменно нахмурился и заглянул ему в глаза.

— Дайм, какой сейчас год?

— Деятнадцатый. Станный вопрос, Роне.

Еще более странной была реакция. Роне нахмурился еще сильнее, от него явственно повеяло тоской, разочарованием и болью.

— А, не обращай внимания. Темные шеры — вообще странные существа с точки зрения светлых. Я говорил, что люблю тебя, Дайм шер Дюбрайн?

— Наверное. Но можешь сказать еще, мне нравится это слышать.

Дайм чувствовал, как по его лицу расплзается неудержимая улыбка, а мысль о еще одной странности — темный шер слышит его мысли! — лишь скользнула по краю сознания и забылась.

— Я люблю тебя, мой свет, — повторил Роне и сплел свои пальцы с пальцами Дайма.

Выплеск силы был прекрасен. Правда, все это казалось несколько странным. То есть Дайму было безумно хорошо. Так, как никогда и ни с кем. Тьма вливалась в него, растворялась в его собственном свете, и они вместе росли, ширились, выплескивались наружу...

Вот только сознание жило отдельно от дара и эмоций. Сознание холодно анализировало экспериментальный магический ритуал. Весьма удачный. Даже как-то слишком удачный. По расчетам Дайма, чтобы достичь подобной степени взаимного усвоения силы, светлый и темный шеры должны были уже провести ритуал единения. Или же что-то очень близкое к нему. Возможно, Ману изобрел что-то вроде подготовки, предъединения, а в архивах семьи Бастерхази сохранились его записи. Получается, Роне настолько доверяет Дайму, что поделился. А значит... значит, они совсем близко подошли к цели! Может быть, даже пытались провести единение, но что-то пошло не так — и вот теперь ментальный откат ударил по его памяти?..

На этой мысли Дайма наконец-то снесло волной наслаждения. Куда-то очень далеко от мыслей. Всяких. Любых. Унесло и выбросило, полного свежей бурлящей силы, на черный шелк чужой постели.

Впрочем, не факт, что чужой. Скорее — их общей. С Роне.

И от этой мысли хотелось петь и смеяться, и летать... и учудить какую-нибудь несусветную глупость, просто так, от избытка счастья. Что Дайм и сделал — схватил Роне в охапку, вместе с ним воспарил над кроватью... а через мгновение они вместе плюхнулись в воду. Теплую, пахнущую свежестью и кувшинкам речную воду. Где-то рядом засмеялись русалки, а еще ближе — мокрый и офигевший темный шер вынырнул, отплеываясь и ругаясь. А через мгновение, когда Дайм надел ему на голову лист кувшинки с сидящей на нем (не менее офигевшей) лягушкой, засмеялся.

— Вылитый Темнейший! Осталось только бороду отрастить! — прокомментировал Дайм, подплыв к Роне.

— Придурок светлый, — ворчливо, но с расплывающейся на все лицо улыбкой парировал Роне и со зловещим хохотом притопил Дайма.

Местные русалки, обнаружив в своих владениях двух немножко сумасшедших, но веселых шеров, тут же присоединились к развлечению. Они щекотали обоих, топили, запускали им в волосы водяных змей и водоросли, смеялись и лезли целоваться. И, разумеется, пили дармовую силу, пока не упились допьяна и не выбросились на прибрежные камни — дергать хвостами и распевать непристойные песни, явно позаимствованные у моряков.

Дайм с Роне тоже выбрались на берег. Упали в нагретую солнцем траву.

Оба — Дайм чувствовал эмоции Роне почти так же явственно, как свои — немножко утомились от хохота, чуть-чуть проголодались и... Чья это была тревога, его или Роне? Не понять.

— Ну-с, выкладывай, мой темный шер, — лениво глядя в полуденное небо, потребовал Дайм.

— А надо ли? — Роне отчаянно не хотелось говорить о... о чем-то.

Если честно, Дайму так же в точности не хотелось говорить... да ни о чем, кроме солнца, реки и русалочьих песен. Но что-то зудело, требовало разобраться, найти потерянные дни... или годы... Проклятая выучка МБ! Не расслабиться!

— Надо. Что случилось такого, что ты не хочешь вспоминать, мой темный шер?

— Магбезопасность, — не то выругался, не то восхитился Роне.

— Она самая. Знал, с кем связываешься. Кстати, давно мы вместе? — спросил Дайм и, припомнив странный вопрос Роне, добавил: — Какой сейчас год, Бастерхази?

— Тридцать третий, — неохотно ответил Роне.

— Тридцать... какой?! Бастерхази, признайся, ты научился шутить! — Резко посерьезнев, Дайм сел в траве и пристально уставился на Роне. — Я не мог забыть полтора десятка лет!

— Ну извини за плохие новости.

В тоне Роне прозвучало слишком много боли и... страха? Стыда? Ненависти? Шис подери!

— Что происходит, Роне? — Дайм пропустил сквозь пальцы полуседые пряди, дотронулся до морщинок в уголках глаз и губ, опустил взгляд ниже. Нахмурился. — Откуда этот шрам на груди?

Свежий красно-розовый шрам шел сверху вниз, от левой ключицы до диафрагмы: там, где ребра присоединяются к груди. Больше всего это было похоже на след от вскрытия. Профессионального.

Смотреть на шрам было не просто неприятно, а больно. Дайм невольно потер собственную грудь в том же месте, и даже удивился, не найдя там ничего. Ровная, здоровая кожа. Никаких следов. А кажется, словно вскрыли его самого.

— Дюбрайн, ты вспомнишь сам. Очень скоро, — с тоской сказал Роне. — Всего лишь небольшой откат.

— От чего откат? У тебя такой вид, словно ты любимую кошку хоронишь.

— У меня нет любимой кошки, а Тюфа хоронить бесполезно.

— Тюфа? Кто это?

Несколько секунд Роне изучающе смотрел на Дайма, потом вздохнул и сел.

— Ты вспомнишь завтра утром. Я обещаю.

— Ладно, но...

— Ничего, что требует твоего немедленного вмешательства, мой свет. Гражданское население не пострадало.

— А кто пострадал?.. Шис, вот это, да? — Дайм провел пальцами по шраму.

— Ерунда. Мы оба живы, все прочее поправимо, не так ли, мой светлый шер?

— Ага, — кивнул Дайм, сосредоточенно вливая силу в раненое место. — Погоди, сейчас перестанет болеть.

— Ну раз ты так говоришь, мой свет...

В тоне Бастерхази не слышалось ни грана доверия. И зря. Тот, кто сказал, что убийца... то есть боевой офицер — не может быть целителем, соврал. Еще как может. Любой светлый шер может исцелять, пока верит в эту возможность. А Дайм верил. О, в вопросах веры и прочих играх разума он не одного гоблина съел. С его-то необходимостью маневрировать, чтобы элементарно выжить.

— Ну вот, и никаких шрамов, — удовлетворенно сказал Дайм, отрывая ладони от совершенно здоровой груди Роне. — И никакой боли. Я бы попросил тебя не вступать в опасные приключения, но это ж не поможет. Просто знай, что я не хочу потерять тебя, Роне.

— Ты не потеряешь, Дайм. Я... пока ты этого хочешь — я с тобой.

— Ближайшие лет триста, пожалуйста, не умирай.

— Не буду. Дайм...

— Кстати, не мешало бы пообедать. Мы же в Суарде? Лес Фей, я помню, я тут бывал раньше.

— В Суарде.

— Тут была отличная гномья ресторация. Пошли?

— Ладно, пошли, — с неуверенной улыбкой отозвался Бастерхази.

— Боги, наконец-то ты нормально отвечаешь! А не «простите, мой светлый шер, я был бы рад, но никак не могу» и очередную идиотскую отмазку! Ты не представляешь, Бастерхази, сколько раз мне хотелось посоветовать тебе научиться отбrehиваться как-то повежливее и поправдоподобнее!

— Ну знаете ли, когда компания светлых шервов зовет одного темного шера прогуляться по злачным местам, — поморщился Бастерхази, — это наводит на неприятные подозрения.

— Тебе надо лечить паранойю, мой темный шер. Или ты до сих пор думаешь, что я звал тебя

поужинать в компании ради насмешек или издевательства?

Бастерхази молча, с каким-то болезненным недоверием взгляделся Дайму в глаза и покачал головой.

— Нет. Теперь я так не думаю.

— Ну слава тебе, Хисс, покровитель паранойи. Бастерхази, идем уже. Я есть хочу. И вообще, мы с тобой хоть раз гуляли вместе, как нормальные люди?

— Ага. Как-то гуляли... на городское кладбище, упыря выкапывать.

Дайм невольно улыбнулся мечтательным ноткам в голосе темного шера. Видимо, та прогулка удалась. Даже жаль, что до завтрашнего дня Дайм ее не вспомнит. Впрочем, неважно. Сегодня он будет жить сегодняшним днем.

— Я никогда не сомневался, что с тобой будет весело, Бастерхази.

Роне кинул на него недоверчивый взгляд.

— Весело?..

— А разве нет? Вот надоест тебе торчать в Валанте полпредом Конвента, заманю тебя в Магбезопасность. Свежий воздух, путешествия, интересные знакомства. Дармовые ингредиенты для зелий. Редкие!

— Дармовые — это сами напрыгивают, что ли?

— Ага. Отличная физическая форма гарантирована, — подмигнул Дайм, беззастенчиво разглядывая своего темного шера.

Все же — до неприличия красив. Чувствуется порода. А эта его тьма, о боги... Кажется, что он сейчас шагнет в воздух, и за его спиной распахнутся черно-алые драконьи крылья... М-да, кто-то тут влюблен...

Дайм вздрогнул, неожиданно ощутив посторонний запах — грозы, мокрых листьев, пепла и почему-то фейской пылицы. Запах и прикосновение, словно тонкие нежные руки обняли его, и губ коснулись мягкие губы. Девичьи губы. Ласково. Без малейшей примеси боли. Если не считать мгновенно защебившее сердце.

Бездумно потеряв грудь, Дайм отвел взгляд от Роне и попытался вспомнить: что за девушка ему примерещилась? Почему от ее запаха так сладко, что хочется петь? Может быть — это Ристана, первая красавица Валанты?

А когда обернулся к Роне... Боль, сожаление, вина, нежность, жажда — все это смешалось в одном-единственном взгляде темного шера, окатило Дайма терпко-горькой волной, заставило его шагнуть к Роне, обнять.

— Все хорошо, мой темный шер, — шепнул Дайм, обволакивая Роне целительным светом. — Тебе больше не будет больно.

— Я люблю тебя, мой свет. Я непозволительно редко говорил тебе об этом.

— Я уже чувствую себя капризной принцессой, мой темный шер. Пора надуть губки и потребовать звездные фиалки и луну с неба. Кстати, о принцессах...

— Дайм!

— Я же лопну от любопытства, Роне. Ристана в самом деле так красива, как расписывают газеты? А Зефрида, правда, она прелестна, но ужасно занудна? Я как-то вел у их курса основы выживания, заменял одного старого придурка. Физподготовка у студентов — ужас кошмарный, а от вида обычного детеныша мантикоры одна дурында шлепнулась в обморок. И чем они только занимались на уроках! Теоретики шисовы. Тебе же не доводилось преподавать в Магадемии? Что ты так на меня смотришь?

— У тебя отходняк, мой свет. Трещишь не хуже сороки.

— А, бывает, — пожал плечами Дайм. — Думаешь, мне часто доводится поговорить с кем-то, от кого не надо прятать сто и одну страшную тайну МБ? Так что терпи.

— Я наслаждаюсь, мой свет.

— Вот и отлично. Пошли уже, я есть хочу!

Дайм потянул Роне за руку, и тот засмеялся.

— Ты сейчас похож на щенка, которого выпустили погулять, мой свет. И не скажешь, что целый полковник МБ, Имперский Палач и прочая, прочая.

— Ненавижу это прозвище, — поморщился Дайм. — И газеты ненавижу. Сделали из меня какое-то чудовище!

— Мерзавцы. Разве по тебе не видно, что ты, мой светлый шер, и мухи не обидишь?

— Вот-вот, ни одной обиженной мухи на моем счету! Я — само миролюбие. Хочешь, я тебе покажу семейство ракшасов, которых я приручил в Сашмире? Милейшие твари, когда сытые. Вот вернемся в Метрополию, сходим в Императорский зверинец, познакомлю.

— Ты приглашаешь меня на свидание?

— Именно. Ну не студенток же мне приглашать!

— Почему бы и не студенток? На твоём счету тысячи разбитых сердец. Юные шеры в очередь выстраиваются.

— Никак ты дразнишься, Бастерхази. Причем совершенно зря. Студентки в полной безопасности. Я предпочитаю взрослых шеров. Темных. Одного конкретного взрослого темного шера.

— Я польщен.

— Ты польщен... Бастерхази, я понятия не имею, почему мы до сих пор не провели единение. Но думаю, что пятнадцати лет вместе достаточно, чтобы решиться.

Темный шер, идущий рядом, споткнулся. На ровном месте. И недоверчиво переспросил:

— Ты хочешь единение, мой свет? То есть пятнадцать лет назад... Проклятье.

— За эти пятнадцать лет что-то принципиально изменилось?

— Очень многое.

— Только не говори, что я уже предлагал, а ты отказался.

У Бастерхази стало такое лицо... Дайму показалось, что он на миг заглянул в Бездну. Не настоящую, а из страшных сказок. В глазах темного шера плескалась боль пополам с отчаянием. И ему очень, очень не хотелось отвечать правду. Но все же ответил.

— Я отказался. И вряд ли когда-нибудь себе это прощу.

— Все же я подозреваю похороны любимой кошки. Бастерхази, я уже говорил тебе, что хочу провести с тобой всю эту жизнь? Ты нужен мне, я нужен тебе. Какого шиса мы тянем за яйца!

— Дайм, дери тебя...

— Ты хочешь, Бастерхази? — спросил Дайм, резко развернувшись и схватив Роне за отвороты бессовестно элегантного черного камзола. Раньше, пятнадцать лет назад, Бастерхази себе таких не позволял, как и шелковых черных плащей с кровавым подбоем. — И не юли, Хиссов сын. Да или нет. Ну?!

— Да. Да! Я хочу. Больше всего на свете. Доволен?

— Нет. Буду доволен, когда мы это сделаем. Сейчас, Бастерхази. Я не хочу ждать еще шисовы пятнадцать лет, пока ты соизволишь решиться!

Несколько мгновений Роне смотрел Дайму в глаза — прямо, не моргая, и Дайм видел в его глазах отчаянную, рвущую сердце надежду. На миг ему показалось, что вот сейчас, сию секунду, Роне скажет: «Да, мой свет», — и все будет хорошо.

Но Бастерхази тяжело сглотнул и, не отводя взгляда, сказал:

— Завтра. Когда ты все вспомнишь. Если ты захочешь, Дюбрайн, мы сделаем это. Где угодно. Когда угодно.

— Какого шиса?! Бастерхази, объясни мне, какого шиса происходит? Нет, что такое случилось вчера... проклятье! Я не хочу ничего вспоминать! Ничего, что может нам помешать! Не хочу!

Роне обнял Дайма, прижал к себе — так, что Дайм уткнулся ему в плечо. Прямо в наброшенный

поверх камзола черный шелк. Безумно приятный на ощупь, пахнувший им, Роне, и немножко — самим Даймом, словно... словно они занимались любовью прямо на этом проклятом плаще... с кем-то еще. Гроза, фейская пыльца, мокрые листья и счастье. Упоительный запах.

— Роне, кто она? — тихо спросил Дайм, не размыкая объятий.

— Она? — переспросил Роне, и Дайм по тому, как дрогнул его голос, понял: он попал в точку.

Или просто недостаточно хорошо все забыл.

— Она. Та, из-за кого мы тянем шиса за яйца вот уже пятнадцать лет.

— Пятнадцать лет, Дюбрайн, вовсе не из-за «нее». А потому что... проклятье... Дюбрайн, завтра ты вспомнишь все. Пожалуйста. Оставь сегодня нам с тобой. На двоих. Я прошу тебя.

— Ладно. Роне... Шис, Роне, не надо. — Дайм с удивлением... нет, удивление — это слабо сказано. С чувством глубочайшего шока стер со щеки темного шера слезу. Одну. Горячую и соленую, как воды Мертвого Озера посреди Багряных Песков. — Роне... все хорошо, Роне. Просто объясни мне, почему ты не хочешь... Почему не сегодня?

— Потому что это опасно. Шисова ты Магбезопасность, тебе надо объяснять элементарные вещи! Если твои чувства изменятся... если один из шеро под ментальным воздействием...

— Я под ментальным воздействием? — тут же переспросил Дайм. — Не верю. У тебя не хватило бы сил меня накрыть.

— У меня — нет. Я не собирался... проклятье! Дюбрайн, я не знаю, простишь ли ты то, что я сделал.

— Ты уверен, что не прощу. Я вижу. Скажи мне, Бастерхази, ты кого-то убил? Вынул мозги и превратил в куклу? Зачаровал его величество Тодора и он подарил тебе ключ от сокровищницы? Нет? Соблазнил Зефриду и она родила от тебя? Ты вернул Мертвого? Или сжег личные дневники Ману? Тоже нет? Так что же ты такое натворил, что я не смогу тебя простить?!

Бастерхази стоял, зажмурившись и закусив губу, изо всех сил вцепившись в Дайма, и убивал себя. Дайм ощущал это как собственную смерть. Словно он сам медленно и безнадежно проваливается в пасть к Мертвому — растворяется в небытии без надежды возродиться.

— Прекрати сейчас же, Бастерхази! — рявкнул на него Дайм. — Открой глаза и скажи по-человечески. Что. Произошло.

Роне послушался. Открыл глаза, черные, с истончившейся в нитку радужкой.

— Я убил тебя, Дюбрайн, — хрипло, словно каркнул, сказал он.

Правду.

Дайм всеми семью чувствами ощутил — это правда. Вот только он-то был жив! Уж как-нибудь отличить себя живого от умертвия он бы смог. Хотя бы потому, что умертвия не бывают светлыми шеррами. Им подвластна только тьма. И вырабатывать силу сами умертвия не могут, они существуют исключительно на заемной — ворованной, награбленной, вложенной создателями и прочая, прочая. Но никогда, ни при каких условиях не продуцируют магию сами.

А значит — Дайм жив, а Роне ошибается.

О чем Дайм и сказал.

— Ты идиот, Бастерхази. Я не знаю, что случилось на самом деле и что тебе померещилось. Я жив. Ты не убил меня. Прекрати уже, Роне, а? Не сходи с ума. Наверное, у тебя тоже откат и завтра ты вспомнишь, как все было на самом деле... э... что было-то? Или этого я тоже тебе не прощу?

— Шуалейда инициировала Линзу, — ровным, мертвым голосом сказал Бастерхази.

— Эта мелкая заноза?.. Простите, принцесса, — усмехнулся Дайм. — Ей же лет всего ничего!

— Не такая уж мелкая. Вполне совершеннолетняя сумрачная шера. С сегодняшнего дня — шера категории прим с личным Источником.

— И ты ее ненавидишь, Роне шер Бастерхази.

— Да. Я ее ненавижу, — не стал отрицать очевидного Роне. — Из-за нее я... Я не хочу об этом говорить, Дюбрайн. Просто поверь, у меня есть основания ее ненавидеть.

— Она не поделилась, и ты обиделся?

Бастерхази вздрогнул и отвел взгляд.

— Дайм, прошу тебя. Поговорим об этом завтра, когда ты все вспомнишь. Я не хочу, чтобы ты обвинил меня в том, что я искажил факты в свою пользу и пытался тебя в чем-то убедить, пока ты беззащитен.

— Как все сложно-то... Бастерхази, послушай меня. Услышь, ага?

— Я слышу, Дюбрайн.

— Я люблю тебя. Что бы ни случилось. Как бы это ни было неправильно, что бы кто об этом ни думал. Я люблю тебя, и ты нужен мне. Живым. Рядом. Вместе.

— А ты нужен мне, Дюбрайн. Живым и в здравом рассудке. Это важнее, чем единение. Важнее, чем моя жизнь. Важнее всего. Может быть, завтра я пожалею о том, что второй раз отказал тебе, но сейчас я не могу иначе. Если ты сойдешь с ума, как это было со светлыми во времена Черного Бунта, я сойду с ума вместе с тобой. И кто тогда нас остановит, а, Магбезопасность?

— Злые боги, какой же ты зануда, Бастерхази! Ладно. Завтра. Ты обещал!

— Я клянусь тебе, Дюбрайн, больше я не откажу тебе. Никогда. Все, что ты пожелаешь, по первому твоему слову. Видят Двоединые.

Дайм ошарашенно покачал головой, впитывая кожей отзвуки Света и Тьмы, услышавших и принявших все, что им предназначалось.

— Ты сумасшедший, Роне. Давать такие клятвы!

— Я доверяю тебе, Дайм. Лучше поздно, чем никогда, правда же?

— Правда. Что ж... раз ты обещал, идем наконец-то в город. Надеюсь, за пятнадцать лет гномы не поменяли меню. Я тоже хочу сегодняшний день как есть. Для нас двоих.

— Спасибо, мой свет, — улыбнулся Роне.

А Дайму показалось, что седины в его волосах стало меньше. И правильно. Нечего чувствовать себя стариком. Восемьдесят лет для шера-дуо — юность.

И вообще. Один день счастья — это же совсем немного. Ничего страшного за этот день не случится. А завтра... Вот доживем — тогда и будем думать. Завтра.

Глава 29. Эта горькая победа

5-й день каштана, Риль Суардис, Шуалейда шера Суардис.

— Их величество желают видеть ваше высочество за завтраком, — торжественно сообщил барон Уго. — Завтрак начнется в девять утра.

Что ж. В дрожащей тишине башни Заката, новых покоев Шуалейды, даже барон Уго был кстати.

— Благодарю, барон. Я буду.

Барон сдержанно поклонился, ничем не выказав любопытства. Старый зануда. Ему же интересно до жжения в одном месте, но нет. Ни слова в простоте.

— Светлого утра, ваше высочество, — сказал барон и ушел.

Шу опять осталась одна. Даже Морковка, глупое животное, не пошла с ней в башню Заката. Да что там, рысь остановилась посреди галереи, уперлась всеми четырьмя лапами и гнусно заорала, мол, ни за что! Вот ведь! Кровь давно уже впиталась, от нее и следа не осталось, а зверюга почуяла. И сбежала обратно к Каю.

Брат тоже не решился пока зайти в Линзу, и Энрике его поддержал. Сказал, через пару дней, когда потоки стабилизируются, а слухи улягутся. В смысле — придворные убедятся, что Шуалейда не отрастила вторую голову, крылья и змеиный хвост, а также что она не изменила меню и не станет требовать по невинному юноше на завтрак.

Мракобесие! Вот откуда в цивилизованной стране эти ужасные суеверия? Ладно, вчера весь дворец трясло, и всю ночь башня Заката полыхала, словно в ней застряло солнце. И феи опять летали по всему дворцу и радостно орали славу Суардисам. То есть лично Шуалейде Суардис. Даже порывались короновать ее венком из трав и листьев. Пьяные засранцы. Орали нецензурно, летали криво и постоянно падали в декольте дамам, причем исключительно феи мужского пола.

Но в общем и целом... Да ничего же ужасного не произошло! И ничего такого уже необыкновенного. Ни тебе затмения, ни знамения. Просто одна юная принцесса инициировала Линзу...

...и потеряла сердце.

Оно билось. Исправно перегоняло кровь. Но Шуалейда его не чувствовала. Там, в груди, была пустота. И даже мамина колыбельная эту пустоту не заполнила. Впрочем, это и хорошо. Ведь мама пришла в последний раз. Хранительница Линзы выполнила свою задачу, и ей пора отправляться в Светлые Сады, а там и на перерождение.

— Надеюсь, в следующей жизни вы с папой будете счастливы. Я люблю тебя, мама, — сказала Шуалейда на прощание.

Правду.

Но как-то... Без сердца оно получилось не так. Да и ладно. Все лучше, чем биться в истерике и спрашивать: зачем, мама? Зачем ты не пустила в Линзу Роне и Дайма? Может быть, если бы они смогли инициировать Линзу вместе, Роне бы не превратился в чудовище, а Дайм бы не оставил Шу ради своего темного любовника?

Глупые, бесполезные вопросы. Тем более Шу знала ответы. Темный шер — всегда темный шер. Он чудовище по сути своей, и что Шуалейда считала его другим, ее ошибка. Просто он хорошо притворялся. И стал бы самим собой рано или поздно. Но лучше рано. Пока он не успел отравить Шуалейду своей тьмой и она не стала такой же.

Она не станет такой же. Никогда. Она — не чудовище. И ей вовсе не хочется никого убить. Ей вообще ничего не хочется.

К завтраку она пришла вовремя. Строго за минуту до явления принца Люкреса и за две — до явления отца. Кай с друзьями и Ристана с каким-то новым фаворитом уже были на месте. А вот светлый и темный шеры явились вместе с кронпринцем.

По счастью, общаться с ними было не обязательно. Достаточно оказалось поприветствовать своего недожениха. Который, судя по предвкушающей улыбке, рассчитывал стать женихом прямо сегодня.

Зря.

Ристана тоже зря строила глазки полковнику Дюбрайну и темному шеру Бастерхази. Оба, невозмутимые и при полном параде, вежливо ей улыбались, но в их взглядах не было ни капли интереса.

А вот во взглядах на Шу — был. Темный шер изучал ее, словно редкую и отвратительную букашку. А светлый... Он пытался ей что-то сказать. Мысленно. Но Шу не позволила. Ее блоки, усиленные Линзой, оказались для полковника МБ непроницаемы.

Потому что слушать его лживые оправдания она не станет. И «голос разума» тоже. Он вчера ясно показал, кто ему важнее. Даже не так. Что любовь к темному шеру ему важнее и Шуалейды, и собственной присяги. По закону то, что вчера сделал шер Бастерхази, — государственная измена. Покушение на члена королевской семьи с целью поработить волю, ментальное воздействие высшего уровня. Трибунал, показательная казнь.

Если Магбезопасность выполняет свои обязанности.

Но полпред Конвента при своих регалиях, а не в оковах. Явился на королевский завтрак, словно...

Нет. Нет! Шу не будет думать о нем. Для нее нет больше Роне. Только темный шер Бастерхази, полпред Конвента и чудовищное порождение Ургаша.

Отгородившись ото всех прозрачной стеной, едва пропускающей звуки, но непроницаемой для эмоций, Шу бездумно отвечала на реплики отца и Люкреса. Что-то вежливое. Что-то о погоде. Что-то о вчерашнем возмущении стихий. К сожалению, слово «Линза» все же прозвучало, и Шуалейда не хотела даже гадать, сам Люкрес догадался или ему кто-то подсказал. К примеру, полпред Конвента.

— Вам лучше спросить у Магбезопасности, мой принц. У меня недостаточно опыта и образования, чтобы рассуждать о таких сложных материях.

— Однако достаточно того и другого, чтобы инициировать Линзу, не так ли, любовь моя? Право, вы восхищаете меня!

— Вы имеете в виду, вас восхищает моя сила, мой принц?

— И ваша сила, любовь моя. Вы станете прекрасной императрицей.

— Ваше императорское высочество мне льстит.

— О, ни в коем случае. Однако почему вы не сказали о Линзе, любовь моя? Я бы мог помочь вам. Линза — это серьезное испытание, тем более для такой юной и нежной девицы.

— Потому что это моя Линза, ваше императорское высочество. Она не любит посторонних. Вы могли бы пострадать.

— Так мило с вашей стороны беспокоиться о моем благополучии, любовь моя.

— Это мой долг, как верноподданной империи, — кивнула Шу.

Даже сквозь прозрачную стену она видела, как бесится кронпринц. О, если бы он мог, то отрастил бы и зубастую пасть, и драконьи крылья, и когтистые лапы. Все, чтобы сцапать Шуалейду вместе с Линзой. Сцапать и сожрать. Какая досада, что не может и что они не столкнулись около Линзы с шером Бастерхази. Шу бы посмотрела, как они перегрызут друг другу глотки. То есть враг врагу.

Мерзко. Отвратительно. Все, собравшиеся за королевским столом, смотрят на нее как на фигуру в шатрандже. Важную фигуру. Ключевую. Даже отец...

Нет, все же к отцу она несправедлива. Он смотрит на нее с любовью и беспокойством. А вчера он велел придворным придержать языки. Вот и сейчас он дипломатично перевел тему. Впрочем, недалеко.

— Самое время вручить нашей дочери Цветную грамоту, благородные шеры. Уверен, вы уже все подготовили.

— Без аттестации? — ревниво уточнил Люкрес.

— Аттестацию ее высочество прошла вчера, — ровно сказал полковник Дюбрайн. — Остались чистые формальности. С позволения вашего величества... Шер Бастерхази, прошу вас.

Шуалейда перевела взгляд на темного шера. Отметила, что выглядит он ужасно. Постарел, поседел, словно иссох. Что ж, жаль — не сдох. А вот своему вульгарному черно-алому плащу не изменил.

Пока он зачитывал постановление аттестационной комиссии в лице полпреда Конвента и полковника Магбезопасности, Шу рассматривала сидящих за столом. Отца — довольного ее второй сумрачной категорией, но обеспокоенного душевным состоянием. Не поверил вчера, что все хорошо. Зря. С ней в самом деле все хорошо. Она стала взрослой и сильной. Настоящей Суардис.

Кай тоже беспокоился о ней. Но больше радовался, что с Линзой все получилось так легко и гладко. Разумеется, ему Шу не рассказала о том, что Бастерхази пытался наложить на Линзу и саму Шуалейду свою жадную черную лапу. Ведь у него не вышло, а брат и так переволновался.

Рассказала она, и то без лишних подробностей, только Герашанам. Бален проявила несвойственный ей такт и даже не сказала «я же предупреждала». Впрочем, этого и не требовалось. Шуалейда и сама осознала, какой доверчивой дурой она была. Ключевое слово — была. В прошедшем времени. Больше не будет. Она — принцесса крови, сумрачная шера и страшная колдунья. Хорошо, что все в это верят. Особенно Ристана.

Вот лицом сестры Шу откровенно любовалась. Такой смеси зависти и бессильной ярости пополам с предвкушением мести Шу еще не встречала. Пожалуй, если бы ее можно было выделить, как летучий экстракт, и запаковать в колбу — Шу бы это сделала, чтобы доставать и отпивать по глоточку в особенно темные зимние вечера. Как эликсир. Как противоядие.

Канцлеру Сальепусу, герцогу Альгредо и прочим вельможам, удостоенным чести сидеть за одним столом с королем, досталось лишь по короткому взгляду. Ничего особо интересного. Ничего нового. Немного страха и сомнений, чуть больше расчета и гордости за родную Валанту.

А вот на полковника Дюбрайна она смотрела куда дольше. Наверное... наверное, непозволительно долго. Если бы мнение Люкреса все еще имело для нее значение. Но это уже прошло. Сейчас Люкрес не сможет ничего сделать ни ей, ни ее семье. Силенок не хватит. Шуалейда может взять его за шкуру и вышвырнуть из Валанты вместе со всей его свитой и гвардией. Даже с конями и обозом. И он это знает. Прекрасное чувство — уверенность в собственных силах.

Лучше, чем глупая, иррациональная надежда. Может быть, стоило выслушать Дайма? Может быть, все совсем не так, как казалось, и Дайм все еще любит ее? Он так смотрит... будто ему больно... будто ему важно — как она посмотрит на него.

Ширхаб! Да что с ней? Она забыла, что видела вчера своими глазами?

Но ведь она видела не только Дайма в объятиях Роне. Она видела и его кровь на полу. Кровь обоих шеро. Может быть, все не так?..

— ...вторая категория. От имени Конвента поздравляю вас, шера Суардис, — закончил наконец Бастерхази и пустил Цветную грамоту по воздуху в руки Шуалейде.

Все собравшиеся заплодировали.

А она встала, мило улыбнулась и поблагодарила. Как положено правильной юной шере.

О Линзе не было сказано ни слова. И правильно. Линза — это личное дело, даже интимное, в официальных подтверждениях не нуждающееся.

Если бы не ненависть темного шера! Сейчас она ощущалась, даже несмотря на щиты. Хотя... почему бы и нет? Силы много не бывает!

Еще раз улыбнувшись, теперь уже адресно шеру Бастерхази, Шуалейда опустила щиты и впитала его ненависть. Острую, пряную, обжигающую и терпкую. Как кровь. Как темная кровь с огненным даром.

«Прекратите немедленно!» — мысленный приказ полковника Дюбрайна заставил ее вздрогнуть.

В его тоне не было ни капли любви. Ни к кому. Зато очень много усталости и горечи.

«Вы что-то хотели мне сказать, полковник?»

«Да. И сейчас хочу. Ты позволишь мне зайти к тебе в башню?»

«Разумеется. Я же не могу отказать Магбезопасности».

«Шу. Пожалуйста. Не злись на меня. Давай поговорим обо всем чуть позже. Надо закончить этот фарс со сватовством».

«Да не проблема, Дайм. Я прямо сейчас скажу, что не собираюсь замуж, и пусть уезжает в свою Метрополию».

«Не так резко, прошу тебя. Он взбесится».

Шу лишь пожала плечами. Ну, взбесится. Он в любом случае взбесится, ведь и Линза, и принцесса ему не достались. Дипломатические уловки не помогут против фактов.

Дайм шер Дюбрайн. То же утро, чуть раньше.

Дайм проснулся резко, не помня своих снов — зато отлично помня все остальное. С собственных полутора лет и до сегодняшней полуночи, когда они с Роне уснули, усталые и счастливые. Вместе.

Роне все еще спал. Хмурился во сне, кутался в одеяло и тянулся к Дайму. Не телом, нет. Сутью. Тысячи тончайших ниточек-корней, проросших друг в друга. Тьма — в свет. Свет — в тьму. Изумительно красиво и страшно в своей правильности и невозможности.

Дайм никогда не думал, что ему придется возненавидеть собственную память. Он не знал, что ему хочется забыть сильнее — единственный день ничем не омраченного счастья с предателем или же последние пятнадцать лет целиком. А еще он ненавидел собственную способность к беспристрастному анализу. За то, что анализ четко показывал: полковник Дюбрайн — непростительно наивный идеалист и конченный идиот. Знал же, с кем связывается. Прекрасно знал. И тем не менее доверился Бастерхази в надежде, что тот не использует тайну печати против Дайма.

Что ж. Доверчивые идиоты долго не живут. И то, что Бастерхази каким-то чудом удалось Дайма вытащить из Светлых Садов вчера, вовсе не гарантия того, что он не повторит удачный опыт завтра. Когда их интересы снова разойдутся. А они разойдутся, к Шельме не ходи.

О том, что будет тогда, думать не хотелось. Впрочем, особо и не пришлось. Как и объясняться.

Дайм просто поднялся с кровати, оделся, обернулся к Роне, шепнул:

— Прощай, мой темный шер, — и оборвал все тысячи нитей, веревок, канатов, натянутых нервов и вен, связавших их в одно целое... почти одно целое.

Но ведь почти — не считается, правда же?

Обрубать связь с еще спящим Роне было больнее, чем отрезать себе руку. Дайм точно это знал, приходилось как-то. Но доверять Бастерхази он больше не мог. Хотел бы. Больше всего на свете Дайм хотел бы поверить, что вчерашний день ему приснился, что Роне не продуло чердак, он не попытался подчинить Шуалейду и не сказал тех самых слов, смертельных для Дайма. Но таких высот самообмана полковник Дюбрайн еще не достиг.

— Я благодарен тебе, Бастерхази, за твой отказ. За оба отказа, — не глядя на бывшего возлюбленного, проснувшегося от той же боли разорванной по живому связи, сказал Дайм.

Чтобы не смотреть, ему пришлось отвернуться к окну. И все равно видел его — седину, морщинки, тени под глазами, заострившиеся смуглые скулы, истончившиеся губы и бездонную черноту глаз. Почти ощущал ладонями острое плечо, биение синей жилки на шее. Очень быстрое биение. Такое же, как у самого Дайма.

Их сердца все еще бились в такт.

— Не стоит, мой свет, — ответил темный шер идеально ровно. Ни намек на боль, сожаление или горе. Только мертвая тишина ментальных щитов. С обеих сторон. — Я не могу вернуть то, что уже сделано. Я просто хочу, чтобы ты знал: я сожалею, и мое обещание в силе.

Дайм невольно поморщился. Вчера Бастерхази дал весьма неосторожную и размытую клятву. Воспользоваться ею как оружием против него — раз плюнуть. И... честно говоря, очень хочется. Разом разрубить шисов узел. Избавиться от опасности для себя и для Шуалейды. Никогда больше не бояться удара в спину. Удара, который нет никакой возможности отразить.

Никогда больше не почувствовать божественную тьму, сливающуюся с его светом.

Никогда больше не увидеть доверчивой и счастливой улыбки, не услышать: мой свет, я люблю тебя.

Никогда не стать целым — потому что, раз ощутив это почти единение, невозможно его забыть.

Проклятье. Проклятье, какой же он идиот! Поставил на кон все — и проиграл.

— Я не использую его без необходимости, — так же ровно, не оборачиваясь к разворошенной

постели, пообещал Дайм. Скорее себе, чем Бастерхази.

— Я знаю, мой свет, — совсем тихо прозвучало за спиной.

Дайм знал, кожей чувствовал — Бастерхази хочет очень многое ему сказать. Объяснить. Оправдаться. Просить прощения. И знал — не станет. Потому что бесполезно. Роне переступил грань, за которой прощение возможно, а вот доверие — нет. Никогда.

Никогда.

Это слово Дайм ненавидел даже сильнее, чем собственную память и здравый рассудок.

Почти так же сильно, как лживое порождение Ургаша, темного шера Бастерхази.

Ненавидеть его — чуть-чуть менее опасно, чем есть себя-идиота заживо. Дает лишних полшанса выжить. Особенно если повезет... если повезло, и Шуалейда после инициации Линзы не стала темной. Могла. Должна была. На эмоциях, после предательства Роне...

В памяти мелькнула еще одна картинка — и Дайм не удержался, зажмурился и застонал сквозь зубы.

Все же он помнил не все. Момент, когда он был почти мертв, стерся из памяти, а минуты, когда оживал, помнились крайне смутно. И одна из этих минут...

Шуалейда. Она приходила в башню Рассвета. Она видела их с Роне.

Проклятье! Наверняка она подумала, что Дайм тоже ее предал. И ведь в чем-то она была права. Чтобы выжить, Дайм забыл все, что могло бы ему помешать. Забыл ее, свою любимую. Ту, ради кого пожертвовал жизнью. Парадокс.

— Дюбрайн? — спросили его тихо.

— Я ненавижу тебя, Бастерхази, — не оборачиваясь, устало сказал Дайм. — Ты... теперь мне придется убеждать Шуалейду, что я ей не враг. Что я не предал ее.

— Ничего, Дюбрайн. Покажешь ей, как героически встал на пути чудовища, и она тебя простит. Даже полюбит еще сильнее. Юные девы обожают, когда их спасают от чудовищ.

— Ты издеваешься, Бастерхази?

Дайм резко обернулся к темному шеру, давно покинувшему постель. Встретился взглядом с насмешливыми черными глазами. Оценил кипенно-белое жабо, элегантный камзол и вызывающий черно-алый плащ. И ментальные щиты. О да. Защита, достойная императорской сокровищницы.

— Разве я бы посмел издеваться над Магбезопасностью? Просто я не сомневаюсь в твоём выборе, Дюбрайн. И вчера не сомневался. Между темным шером с подмоченной репутацией и сумрачной наследницей короны любой нормальный шер выберет наследницу.

— Ты... — От обиды и несправедливости его слов Дайм на мгновение потерял дар речи.

— Да, Дюбрайн, я — дурак. Я сам упустил свой шанс. Был бы умнее пятнадцать лет назад, и все повернулось бы иначе. Никто не заставлял меня дожидаться, пока между нами встанет эта девчонка.

— Ты — дурак, Бастерхази. Она не вставала между нами. Это мы ее втянули, и без нее не было бы никаких «нас».

— Были бы, Дюбрайн. Мы — были бы. Если бы не она.

— У тебя на чердаке полный сквозняк, Бастерхази. Ты только послушай себя, а? Шер-менталист второй категории и восьми десятков лет от роду обвиняет едва совершеннолетнюю девочку в собственной паранойе и мерзком характере! Самому-то не смешно?

— Мне не смешно, Дюбрайн. Ты отдал жизнь ради нее. И сейчас... ты... — Внезапно Бастерхази осекся, полыхающая в его глазах ненависть погасла, сменилась болью и растерянностью. — Ты любишь ее, мой свет. Ты прощаешь ей все: и паранойю, и дурь, и что угодно. А мне... я... мне больно, Дайм. От меня оторвали половину, и эта половина меня ненавидит. — Роне безнадежно покачал головой. — Я не знаю, что мне сделать, чтобы ты простил меня.

— Ничего, Бастерхази. Если ты это умеешь — не вмешиваться.

— Умею, — криво усмехнулся темный шер.

— Тогда выполни мою просьбу, Бастерхази. Просьбу, это не имеет отношения к твоей клятве. Только твоя добрая воля.

— Что за просьба, мой свет?

— Исчезни из Суарда на пару месяцев. Чем раньше, тем лучше. Желательно прямо сегодня. Займись исследованиями чего-нибудь очень важного где-нибудь... знаешь, бывают глухие места, где даже Светлейший тебя не дозовется.

— Ты не будешь ли так добр объяснить зачем?

— А непонятно? Тебе и Шуалейде нужно остыть. Обоим. Все обдумать. А потом объясниться, не поубивав друг друга, и помириться. К тому же мне нужно время, чтобы уговорить Светлейшего освободить тебя от лишних клятв. Лучше, если в это время ни у кого не будет возможности тебя за них дернуть.

— Ты... тебе тоже нужно остыть?.. — В голосе Бастерхази прозвучала надежда, он шагнул к Дайму.

— А мне, Бастерхази, желательно для начала как-то выжить. Сегодня Шуалейда получит Цветную грамоту и откажет Люкресу, а я провалю поручение, данное императором. Вряд ли за это мне пожалуют орден.

— Свали на меня, мой свет. Чудовище под боком — это очень удобно.

Дайм поморщился.

— Не будь идиотом, Бастерхази. Тебя император попросту казнит, а мне это ни шиса не поможет. Поэтому императору я скажу правду и только правду.

— И правда заключается...

— В том, что надеяться на то, что шера-менталистка второй категории не распознает обмана, было крайне глупо. О чем я неоднократно предупреждал.

— Надеюсь, у тебя все получится, мой свет.

— Получится. Главное, попасть к императору раньше Люкреса. Впрочем... Стоит немедленно связаться со Светлейшим и доложить, насколько все серьезно с его болезнью. Мой бедный брат совсем сходит с ума. Пока есть шанс ему помочь, надо им воспользоваться.

— Серьезно есть шанс помочь?

— Надеюсь. Знаешь, лет двадцать-тридцать назад Люка был вполне вменяемым. На него сильно повлияла Саламандра. Она так и не простила мне, что место полпреда в Валанте прошло мимо.

— Тебе?.. — Бастерхази искренне удивился.

Дайм лишь пожал плечами.

— Она переоценивала мое влияние на Светлейшего. Он иногда прислушивается к моему мнению, но только если оно не противоречит его планам.

— Так вы обсуждали мое назначение заранее.

— Само собой. Не то чтобы непременно на пост полпреда в Валанте, скорее, теоретически. Я вообще-то думал о Чесландии, там полпреды меняются регулярно, да и к темным там более лояльны... Бастерхази, хватит. Что было — то прошло и не вернется.

— Ты простишь меня, мой свет. Я сделаю что угодно, чтобы ты простил меня.

— Думаю, нам пора заняться делом. Его императорское высочество проснулись и жаждут объяснений.

— Можешь доверить это мне, а пока связаться с Конвентом.

— Очень любезное предложение, мой темный шер, — поклонился Дайм. — Я им воспользуюсь, но не отсюда.

— Как тебе будет угодно, мой светлый шер. — Роне поклонился в ответ.

Дайм успел пройти половину дороги до своих покоев, когда его перехватил один из гвардейцев

Люкреса с требованием немедленно явиться к его высочеству. Пришлось отложить разговор с учителем. Ненадолго. Совсем ненадолго.

Отбрехаться от вопросов Люкреса тоже оказалось несложно. Правда, пришлось подтвердить, что он не ошибся — и вчерашние фейерверки в самом деле были следствием инициации Линзы. Потому и они с Бастерхази не смогли явиться вчера. Обеспечивали безопасность королевской семьи Валанты и самого Люкреса.

— У нее получилось? О боги, Линза! Линза! Дамиен, как же я тебя люблю, брат мой! Линза! — Люкрес с горящими от предвкушения глазами обнял Дайма и закружил по спальне. — Я знал, я знал, что на тебя можно положиться! Добрые боги, жена с Линзой! Мы с тобой возродим силу Браинонов! Дамиен, я уже люблю ее! О прекрасная Шуалейда, моя мечта!

— Безусловно прекрасная, брат мой. Позвольте помочь вам одеться.

— Я сам! Сам, да! Я могу... шис, надо чаще практиковаться... — От ничтожного усилия Люкрес вспотел, но по крайней мере справился с задачей. — Вчерашний выброс силы был таким... как лучшее вино! Дамиен, но почему она не сказала мне? Почему ты сам не сказал мне, ты же знал!

— Чтобы тебя, мой возлюбленный брат, не осенила идея сунуться в смертельно опасное место. Посмотри на шера Бастерхази, чего ему стоили всеобщий покой и безопасность.

— А тебе, брат мой? Ты выглядишь свежим и бодрым... Нет, ты не прав. Ничего бы со мной не случилось. Ведь ты рядом, Дамиен!

— Вот поэтому ты жив, здоров и полон сил, Люка, что я рядом и забочусь о тебе.

— Зануда. Ну, улыбнись же, Дамиен! Сегодня — прекрасный день! Я женюсь на Шуалейде, ты — на Ристане, и мы оба вернемся в Метрополию счастливыми семейными людьми. Кстати, у меня есть для тебя подарок. Тебе понравится!

— Подарок?

— Конечно. К свадьбе. Ты же мой любимый брат!

— Ты интригуешь меня, Люка.

— Да-да. Интригую. Наслаждайся предвкушением и маленькой местью за твое занудство. Я тоже тебе ни слова ни скажу, пока... — Люкрес радостно подмигнул своему отражению в зеркале. — Пока... ладно, я не такой жестокий, как ты. Получишь свой подарок сегодня. Сразу после помолвки. Нашей! Дамиен! Я женюсь на лучшей девушке империи! Знаешь, я понял вчера — я люблю ее! Все эти фрейлины, герцогини и прочие бездарные кокетки ни динга не стоят рядом с моей Шуалейдой! Она чудесна! Она великолепна! О боги, какая будет императрица! Знаешь, нехорошо так говорить о покойных, но ты был прав, а Саламандра — нет. Мне не нужны все эти глупые ритуалы, опасные эксперименты и прочая дрянь! Мне нужна лишь она, моя прекрасная Шуалейда! Лея, я буду звать ее Лея. Так нежно звучит, правда же, Дамиен?

— Несомненно, Люка. Только прошу тебя, будь сегодня к ней снисходителен. Ей всего шестнадцать, она вчера инициировала Линзу, у нее эмоциональное потрясение.

— Шестнадцать, это же прелестно! Я вылеплю из нее идеал! Юная дева... мм... никаких глупых идей в голове...

— Люка, она сегодня может быть не совсем адекватна. Прошу тебя, помни — она юна и воспитана в глуши.

— Ерунда, — отмахнулся Люкрес. — Лея — совершенство! Что мы стоим? Дамиен! Бастерхази! Идемте, друзья мои, сегодня самый счастливый день моей жизни!.. Бастерхази, скажи-ка мне, друг мой, ты же хорошо разбираешься в Линзах?

— В Линзах никто не разбирается достаточно хорошо, сир, но я владею некоторыми данными.

— Твоя скромность неуместна, друг мой. — Люкрес похлопал Бастерхази по плечу. — Так скажи мне, ведь хозяин Линзы может открыть доступ к ней возлюбленному?

— Несомненно, сир.

— Для этого требуются какие-то специальные ритуалы?

— Только ясно и четко выраженное желание, идущее от сердца, сир.

— Чудесно! Просто чудесно!

Дайму очень хотелось отправить его одного. Сказаться занятым, придумать страшную катастрофу где-то на границе с Тмерла-Хен, такую страшную, что без полковника МБ мир немедленно рухнет. И нет, это не было трусостью. Лишь четким пониманием того, что катастрофа неизбежна — прямо тут, в Риль Суардисе. В парадной столовой. Не далее чем в ближайший час.

И что-то подсказывало Дайму, что предотвратить он ее не сможет, хоть наизнанку вывернется.

Потому что он уже сделал свою ставку — и проиграл. Судьбе, дери ее семь екаев.

Глава 30. Ость и узел

Ночь накануне новолуния, Найрисса. Себастьяно бие Морелле по прозвищу Стриж.

— Шельма, — шептал под нос Стриж, шаря по ящикам комода. — Какого дысса брату понадобилось у прохиндейки? Всему свету известно, что Шельма и есть Шельма, хоть сто раз назовись гадалкой. Навешает тины, недорого возьмет.

Сапоги и рубаха капитана оказались великоваты. Френч Стриж отбросил, осмотрев все карманы, швы и ничего интересного не найдя. Кошель, потяжелевший на дюжину империялов и несколько ожерелий и серег, повесил на пояс, рядом с капитанской же шпагой.

Следовало торопиться. Назначенный Риллахом срок — следующая полночь. А Стрижу надо не только найти брата, но и выяснить, что за шисовы руны и как их обойти. Жаль, до Ульриха не добраться. Добыть у местных гномов хоть крошку антирунной охры не стоило и мечтать. Если только сделать самому? Но время, время!

Стриж тихонько пробрался на кухню. Из комнаты служанки доносился храп с присвистом, на всем этаже не горело ни огонька. Стриж зажег огарок, съел кусок копченого окорока и хлеб. Запил водой из кувшина, оставив бутылку вина нетронутой.

«Корень асфодели, точеный глазной зуб медведя, настойка гульей сыти... Ладно, это все куплю в лавке. — Стриж перебирал баночки со специями в поисках шафрана и морской розы. — Но где добыть фейскую пыльцу? Шисов дысс!»

Водоросли и шафран нашлись, а кроме них нашлась настойка красного ореха. Размышляя, что сначала — наведаться к Шельме или взглянуть на руны, Стриж ножом обкорнал спутанные грязные волосы. Разделся донага, тщательно втер в кожу и волосы вязкую жидкость. Бледная кожа потемнела до смуглости портового грузчика, клочья волос заглубели и стали похожи на слипшиеся вороньи перья. Для полноты картины Стриж перепачкал и порвал в нескольких местах белоснежный батист капитанской рубахи и перевязал лоб полосой темного полотна, отрезанной от кухаркиного фартука.

Из дома Ниньи неслышно вышел изрядно опустившийся наемник с узелком на поясе и большим свертком в руке и, никем не замеченный, направился к центру города. Единственный раз он остановился на одной из бедных улочек, чтобы кинуть сверток с окровавленными тряпками и обрезками волос в кучу мусора. Наверняка утром муниципальный маг примчится искать убийцу капитана Лопеса, так не стоит облегчать ему работу. Копавшаяся в отбросах лисица отскочила, злобно тявкнула и, едва Стриж отошел на три шага, вернулась и снова чем-то зачавкала.

До площади Близнецов Стриж добрался без приключений. Даже ночные бродяги, голодные до бесстрашия и опасные, как крысы, лишь скользили по нему липкими взглядами и отворачивались. Всем известно, что с вольного наемника взять нечего, кроме куски стали под ребра.

Если по дороге у Стрижа еще теплилась надежда, что капитан приврал, то при взгляде на темный храм она растаяла. Алью Хисс окружала прозрачная стена высотой до половины шпиля. Что-то вроде бледной мерцающей дымки, которая текла, переливалась и свивалась в завораживающие узоры. Наверняка ее могли заметить лишь истинные шеры и мастера теней, а обычные граждане империи увидели бы лишь неровный круг, нарисованный мелом по булыжнику, и разбросанные вдоль него детские рисунки: солнышко с разновеликими лучами и вписанными в него закорючками. Одна из рун показалась Стрижу знакомой. Ключ единства сути. Остальные встречались в книгах Ульриха, но до их объяснения дело не дошло. Что в принципе не имело значения — что бы ни означала каждая руна по отдельности, вместе они были смертью для любого, кого коснулась благодать Ургаша.

Разумеется, кроме ловушки магической, городская стража позаботилась и о самой обыкновенной засаде. Обвешанные амулетами стражники бдели чуть не под каждым кустом. Правда, несмотря на амулеты, ни один из них не заметил окутанного пологом Тени Стрижа. При желании он мог бы передуть вояк, как цыплят, и позаимствовать их амулеты. Но толку-то? Солдатские амулеты скорее успокаивали самих солдат, чем приносили какую-то реальную пользу.

Полчаса наблюдения за стеной так и не подсказали Стрижу способа пройти в храм, кроме как стереть руны. Погружение в Тень почти до полной потери осознания себя тоже не помогло. Мерцающая стена никуда не делась, наоборот, чем глубже на тропы Ургаша уходил Стриж, тем плотнее и опаснее она казалась.

Еще одна смутная надежда — лишить руны силы, прервав их связь с начертавшими их светлыми шерями — тоже не оправдалась. Связей не было. Не только связей, а вообще никаких следов тех,

кто ставил барьер, словно светлые шеры чего-то опасались.

Оставалась только гномья охра. Надо как угодно добыть охру. И найти Шороха — он сам может не распознать ловушки, ведь он пока не заключил договора с Хиссом. До рассвета всего пара часов, как раз чтобы расспросить гадалку: то, чего Шельма не сказала страже, мастеру теней выложит на блюдечке.

Стриж кинул прощальный взгляд на призрачную громаду Алью Райны, словно взлетающую к ярким южным звездам, на темную глыбу Алью Хисс... и замер. Дверь храма открылась, на пороге показался Риллах Черный. Длинные седые волосы, просвеченные багровым огнем светильников, окружили его кровавым нимбом. Настоятель качнул головой, отрицая или запрещая. Стриж совершенно точно знал, что Риллах видит его и обращается к нему. Но что он хотел сказать? Спусти миг Риллах сердито махнул рукой, и порыв ветра толкнул Стрижа прочь.

Сибу шель Такаими, прозванная Шельмой.

Эта ночь для Сибу шель Такаими выдалась на редкость беспокойной. Сержант Букес с четверкой помощников, злые и трезвые, не спали сами и не давали спать ей. Даже не отпустили в заднюю комнату, заставили сидеть посередине гостиной, на виду. Всех клиентов стражи порядка распугали, но об этом Шельма не жалела. Гадать на торговые прибыли или верность будущей невестки, когда с каждого блестящего бока кастрюли, из каждой чашки, из каждой шлифованной бусины смотрит Бездна? Спрятаться бы. Только от судьбы не уйдешь, как ни завешивай окна.

— ...а он и говорит, скотина: ставлю золотой, что не пройдешь! Так что ты думаешь? Дурачок-то на империял и не глянул, а взял Рябого Хорхе за руку да спросил: «А ты-то сам, как войдешь, вернешься?» И повел к храму. — От переживаний в горле Букеса пересохло, и он привычно приник к кружке. Но тут же скривил продубленную морским ветром физиономию, глотнув вместо пива воду. — Тьфу, зуржье дерьмо!

Из-под бахромы цветной шали, прикрывающей лицо, Сибу были отлично видны испуганные и полные любопытства лица солдат. Ее и саму пробирала дрожь, стоило подумать о Рябом Хорхе. В отличие от солдат, она-то видела и знала, что произошло с пьяным плутом, хоть и не была на площади Близнцов. Она нигде не бывала, да и зачем? Даже в собственном доме, надежно огражденном от вторжения опасных случайностей, пряжа судеб переплелась так густо, что от духов прошлого и будущего было не протолкнуться. А уж если выйти наружу!

— ...прямо в Ургаш, говорю вам! Во, глянь! — Букес дернул себя за куцую косицу. — Седой, как есть седой! Никогда не боялся. Шис! Да что там. Плотник, скажи!

— Угу. Верно, — просипел низкорослый стражник с длинным серым рубцом на горле, поглаживая неизменный топорик. — Ты против Трехрогого вышел. Один.

Остальные трое, не такие закаленные ветераны, уважительно закивали, хоть и слышали историю о том, как Букес завалил на арене непобедимого быка по прозвищу Трехрогий, не меньше дюжины раз.

— А что видел-то? — не выдержал молодой солдат с раскосыми глазами и парами тонких косиц на висках, по моде морских пиратов.

Букес глянул на него исподлобья, хмыкнул.

— А ничего. Исчез Рябой. Шагнул за черту, и все, нет его. — Букес опустил взгляд, поковырял каблуком вязаный из лоскутов коврик и продолжил: — Страшно, когда не знаешь, откуда удар. С Трехрогим-то оно просто было. Быстрый и сильный зуржий сын, но все равно бык же, а с быком все понятно. А если против тебя незнамо что? Вот что ни говорите, а магия эта вся не для простого человека. Шеры вон жалуются, что Двоединые их лишили благословения, а может, оно все не так? Может, наоборот, без магии-то оно лучше будет? Просто и понятно. Честная сталь против честной стали, а не эти их закорючки.

Шельма под своей шалью вздохнула. Просто и понятно. Когда-то она тоже думала, что без дара все стало бы просто и понятно. Пока учитель Нье не показал, что это такое, жизнь без дара. Не слепота, не глухота. Хуже. Ровно как бродить среди бесплотных призраков вещей, людей, солнца и неба.

— Эй, Шельма, чего не спишь? Припомнила чего? — обернулся к ней Плотник.

Сибу не ответила, только закряхтела и свистнула носом, словно во сне.

— Оставь старуху, — проворчал Букес. — Пусть хоть она поспит.

— Чего за Шельму заступаешься? Или мешок золота тебе нагадала? — беззлобно просипел Плотник.

Бездумная подначка неожиданно сильно задела нити вероятности, тени затрепетали, заплакали, Ургахдохнул отчаянием. Тонкая, как отравленная шпилька, мальчишеская фигура двигалась пятном тьмы в золотом ореоле: Сибу видела отмеченного Хиссом и Райной лучше, чем наяву. Вот юноша выпрашивает уснувшего под гибискусами нищего, вот скользит вдоль стен, невидимый бессонному патрулю, вот просачивается в заднюю дверь. А вслед за ним, сквозь прожженную тьмой дыру, вливаются в некогда защищенный дом тени, прошлое и будущее танцуют свадебную микё, обмениваясь масками...

Этот клиент не спросит о деньгах и не заплатит деньгами. Он несет в уплату за предсказание смерть и он не уйдет просто так, как не уйдут просто так тени.

Сибу трясло. Холод и страх сковали ее, не позволяя ни бежать, ни кричать. Только видеть и думать, перебирать паутинки в извечных поисках той, что выведет пусть не к свету, хоть к жизни. Но нити рвались и таяли, стоило сыну Брата и Сестры коснуться их.

— Эй, Шельма! Да Шельма же! Что с тобой? — издалека звали незнакомые голоса. — Проснись, Шельма! Букес, что делать?

Беспокойные руки тормозили ее, обжигали, клочки чужих судеб вплетались в раздерганную ость предопределенности. Она не хотела видеть и слышать смерть, загораживалась обрывками паутины, но нити расплзались в ее руках, слишком тонкие, чтобы выдержать взгляд сразу обоих богов.

Словно ниоткуда раздалось хриплое карканье:

— Не смотри, эй! Не север, не запад. Не желай ни звезды, ни окружья, ни злата, ни меди. В алом терне упавшая цепь королевы, не играй с ней, забудь льда и пламени танцы. Сгинь! Исчезни! Погасни! Фонарь и веревка, чешуя, черепок, ость и узел...

Карканье перешло в хриплый шепот, и только когда последние слова упали в перепутанную пряжу, свивая ее в новый узор, Сибу поняла, почему молчат испуганные стражники. Снова Мертвый бог говорил ее голосом. Говорил с сыном Двуетных, что сейчас доставал из тайника в спальне фиал с фейской пылью, совал в карманы коробочки и баночки с настойками.

Смерть отступила. Вновь отступила, как первый раз, шестьдесят лет назад, когда восьмилетняя дочь купца с острова Умо забралась на мачту готового к отплытию отцовского корабля и кричала на всю пристань, сама не понимая, что и зачем кричит. Но отец ее не поплыл на том корабле и не попал в разразившийся ночью шторм. Зато на следующий день после того, как обломки корабля принес прилив, пришел Старейшина и велел шеену Такаими отдать дочь в общину Серых Дев. И маленькая Сибу сбежала. Она всего раз видела одну из Дев рядом со Старейшиной, и потом месяц не могла спать спокойно, все ей виделись пепельные, выжженные глаза на бесцветном лице Серой — на ее лице.

Сибу не стала просить родителей, чтобы ее оставили дома, потому что знала: бесполезно. Никто в Полуденной Марке не посмеет ослушаться приказа Старейшины, даже если он потребует голову наследника рода. Если же речь идет о девочке, годной лишь на продажу, отец и думать не станет о ее просьбах. А мать не заступится — ее дело кланяться и исполнять повеления супруга.

Тогда впервые Сибу пошла за самой красивой и яркой ниточкой, что потянулась от ее порога к кораблю чужестранцев. За ниточкой, обещающей жизнь, а не служение Старейшинам. Теперь же она сама пряла из паутинок нить, способную выдержать еще год или два — дальше Сибу не заглядывала, опасаясь повредить пряжу.

За те пять ударов сердца, что она глядела на растерянных стражников и призрак спасшего ее корабля, Ткач Теней забрал все необходимое и собрался покуситься на лишнее.

— Здесь! Он здесь! — закричала Шельма.

Стражники подскочили от неожиданности. Молодые потянулись к амулетам, двое ветеранов выхватили оружие и встали по обе стороны от Сибу.

— Где? Где, Шельма? Ну? — хрипнул Плотник.

— Северный ветер ответит страннику, восточный даст покой! — почти пропела Сибу звонким молодым голосом. — Высокий форт падет, шесть глаз паука ослепнут, глядя на закат! Лети, не приземляйся, стриж! Полдень! Узел и полдень!

Давно забытое веселье охватило Сибу шель Такаими. Сын двух богов ушел — ему не пришлось спрашивать, не пришлось убивать. Видение мертвого Букеса, Плотника и остальных стражников растаяло, затканное новыми нитями.

Сбросив пестрые покрывала, старуха с глазами девочки закружилась веретеном, наматывая пряжу, тонкую пряжу судеб, сплетая оборванные нити в новые узоры...

— Зуржье дерьмо! Она сошла с ума! Букес, да держи же!

— Оставь ее, Плотник. Пусть капитан Лопес сам разбирается, не наше это дело.

— Она спугнула хиссово отродье!

— И слава Светлой! Ты жив, чего тебе еще?

— У нас приказ!..

— ...удача!..

— ...снимите с меня эти тряпки...

— Срочно выпить...

Пять голосов слились в невнятный гул, зашумели прибором. Как когда-то давно, волны лизали сваи дома, пели колыбельную, рассказывали ведомые только им истории. Прошлое казалось будущим, а веретено пело в руках древней старухи, вторя забытой сказке о золотом драконе и злой колдунье.

Тьма отступила от дома Сибу шель Такаими, прозванной Шельмой, чтобы когда-нибудь вернуться. Но не сегодня.

Себастьяно бие Морелле, Стриж.

«Ость и узел, не запад, не север». Загадала старая Шельма загадок. Стриж был уверен, что гадалка сказала не только о том, как открыть тайник в спальне и найти Шороха. И, возможно, не только о том, как преодолеть рунный барьер. Но пока смысл ее речей ускользал, разве что направление? Не запад, не север. Не золото, не медь. Юг и восток — как раз площадь Близнецов. Наверное, Шельма говорила про серебряный шпиль Райны. Но что тогда значит «не желай ни звезды, ни окружья»? И какой узел? Ткачи не вяжут узлов, лишь режут лишние нити. Не зря же символ Гильдии — ножницы.

Сельский рынок только открылся: служанки и домохозяйки уже торговались с крестьянами за колбасы и сметану, лук и мед, но до рядов горшечников и корзинщиков оживление пока не добралось. Одиноким наемник выглядел среди груд ишачьей упряжи, плошек и расписных деревянных быков странно и чуждо.

— Охра? Да сколько угодно, — в предвкушении заработка расплылся в щербатой улыбке сухонький мужичок в беленой рубаше со следами киноvari на рукаве. — И сурик, и сурьма, и кармин, а вот еще отличные кисти, кончик беличьего хвоста!

Сам чем-то похожий на белку торговец совал Стрижу обернутые тряпицами баночки и коробочки, предлагая понюхать, пощупать и испробовать в деле. Его ничуть не смущал непривычный вид покупателя. В прищуренных глазах читалось: не наше дело, зачем безработному солдату удачи краски, наше дело — получить за товар полновесным серебром.

За полторы сестрицы Стриж купил сорок дингов охры, горшочек для приготовления смеси и ненужные киноvari, белила и кисть. Как положено бедному наемнику, он отчаянно торговался и призывал на голову жадного торговца гнев Вольного Ветра, покровителя солдат удачи.

«Ты должен быть тем, чем хочешь казаться. Настоящее искусство — не убить, а остаться живым», — этому Мастер Ткач учил приемных сыновей раньше, чем владению ножом и кастетом.

Напоследок, у выхода с рынка, Стриж купил у румяной молодухи кружку молока и полголовы козьего сыра. Кто ж знает, удастся ли еще подкрепиться, а день предстоит долгий. Он только поставил на прилавок пустую кружку и собрался расплатиться, как между лопаток укололо: опасность! Не выходя из образа свежевылупившегося из сельского забияки наемника, Стриж коснулся Тени. Силуэты трех стражников у самых ворот окрасились ало-агрессивным, остальной базарный люд остался бледно-серым, еще не тронутым ни злобой, ни страхом.

— Эй, вольный, иди-ка сюда! — приказал дубленый голос.

Стриж обернулся неторопливо и немного удивленно, как и положено добропорядочному гражданину империи, не замешанному ни в чем страшнее пары затяжек гоблиновой травки и трактирной драки.

— Ты, ты. Давай без дури, — распорядился усатый стражник, выразительно доставая из ножен клинок.

Опаловое сияние амулета на груди стражника тыкалось вокруг, словно вынюхивающий зарытую косточку щенок. До сих пор Стрижу не приходилось близко сталкиваться с Фонарем Истинного Света. Ими экипировали лейб-гвардию императора и королей, чтобы ни один мастер теней не смог незамеченным подобраться к высочайшей особе. Стоил такой невзрачный камушек примерно как императорская корона, требовал для изготовления шера-зеро и кусок рога единорога. Слава богам, ни один из шести имеющихся в Валанте Фонарей не попал в руки найрисских стражников, лишь скромное подобие. Но даже эта подделка, не способная ни остановить Руку Бога, ни вышвырнуть его с тропы Тени, ни почуять больше чем за пять шагов, стоила дорожке полного вооружения королевского гвардейца. И таких амулетов найрисской страже выдали наверняка не меньше нескольких дюжин.

Все это мелькнуло в голове Стрижа за миг, пока он поворачивался и окидывал взглядом сержанта и двух рядовых, что мелкими шагами расходились в стороны, держа подозрительного наемника на прицеле арбалетов. На испачканного красками мужичонку, зажимающего в кулаке три сестрицы и пытающегося затеряться в толпе, Стриж не стал тратить и взгляда.

— Чего вам, служивые? — с должной долей досады и почтения спросил Стриж.

— Сюда иди. Поговорим, — отозвался сержант, медленно наступая.

— Ну, поговорим. Чего надоть? — Стриж с улыбкой пожал плечами, показывая пустые ладони. — Можно за молоко-то заплатить?

— Два динга! — напористо напомнила молочница, посчитав кроме выпитой кружки молока так и лежащий на прилавке сыр.

— Два так два, красавица, — жизнерадостно усмехнулся Стриж. — Только заверни получше.

Очаровывая волоокую деваху, Стриж отмечал, как расслабляются руки стражников на спусковых крючках арбалетов, как облегченно вздыхает рыночный люд. Перед ними по-прежнему был безобидный, простоватый паренек.

Но где-то же Стриж ошибся? Ведь ни на миг не вышел из роли, да и торговец его не боялся, разве что случай и жадность. Но уж больно много случайностей. Хотя... Фонарь! Слабенький амулет сержанта среагировал на мастера теней. И Шельма говорила про фонарь. Значит, он идет в правильном направлении.

Медленно, чтобы не волновать стражу, Стриж достал из кармана штанов два медяка, положил на прилавок. Не обращая внимания на недоумение стражников — слишком уверенно и свободно ведет себя паренек — забрал сверток с сыром, подмигнул пышечке и обернулся к усатому.

— Ворон из Кардалоны к вашим услугам. Что от меня надо, сержант? — Стриж неторопливо направился к стражнику.

— Да так, формальности, — не убирая клинка, но уже не так настороженно отозвался усатый. — Наведаешься с нами к светлому шеру, представишься и пойдешь по своим делам. А то, глядишь, и работа подвернется.

— Работа — это дело хорошее, — шагая к стражнику и улыбаясь, ответил Стриж. — Говорят, городской страже неплохо платят, а, служивый?

Рыночный люд успокоился. Послышались смешки, шепотки, торговцы вспомнили о товаре и принялись зазывать покупателей. Стражники расслабились, самострелы в их руках опустились. Один усатый по-прежнему был настороже, но один стражник мастеру теней не опасен.

Вот и отлично. Пора лиять.

— Стоять! — заорал усатый.

Стрелки вскинули арбалеты, зашарили глазами по толпе, но поздно. Под покровом Тени Стриж скользнул по очереди к обоим, забрал оружие, бросил на землю: нечего стрелять посреди базара, тут люди! Затем — к сержанту, срезал с его шеи возмущенно потрескивающий амулет, швырнул на

брусчатку и раздавил каблуком.

«Убей», — нежно шепнула Тень, подталкивая Стрижа под руку. Но он лишь отобрал у сержанта клинок и отступил: хватит с вояк вывихнутых рук и выговора от начальства.

Стриж оглядел замерший рынок, принялся. Люди, деревья, дома растворились в тенях Ургаша, вдали мелькнул знакомый силуэт. Брат?

«Чужой! — пропел ледяной ветер. — Ты один мой слуга, только ты мой клинок!»

Стриж на миг почувствовал себя стрелой, выпущенной из лука: поразить цель, вот единственный смысл и радость. Легко и правильно служить Хиссу! Забыть ничтожный мир, отдать себя богу, стать рукой его, воплощением. Требование божества отдавалось горячей дрожью, обещало наслаждение силы и власти. Так просто и сладко отдаться, покориться. Ведь рука бога — почти сам бог. Такой простой выбор: бог или брат.

«Брат!» — Стриж вырвался из манящих объятий Ургаша, вывалился в привычный мир и со всех ног помчался туда, где померещился Шорох.

— Растяпы! Ишаки, мать вашу через колено! Упустили! — слышались за спиной сердитые крики сержанта.

Торговки визжали, торговцы ругались, ослы орали: позади базар ловил убийцу, радовался его побегу и не верил, что все живы.

Глава 31. Приглашение на казнь

5-й день каштана, Риль Суардис, Шуалейда.

— Прошу вас, прекрасная Шуалейда, стать моей супругой, — прозвучало под тихую мелодию скрипки.

Кто-то из присутствующих дам восторженно ахнул. Кто-то приготовился радостно аплодировать и кричать славу императорскому наследнику и его счастливой избраннице. Но большинство присутствующих в парадной столовой напряженно уставились на Шуалейду. Если бы не ментальные щиты, ее бы снесло лавиной страха, зависти и ненависти. Тонкие струйки радости и гордости за родную Валанту совсем растворились в этом мутном потоке.

Шу даже на миг захотелось принять предложение кронпринца. Просто ради того, чтобы посмотреть на результат. Особенно — на то, что отразится в черных, с алыми бликами глазах проклятого чудовища Бастерхази. Неужели он останется все таким же невозмутимо-каменным? Ни проблеска эмоций? И ментальные щиты не дрогнут?

Но она подавила глупый порыв. Ей плевать на Бастерхази. Но ей не плевать на собственное будущее и будущее своей семьи. Поэтому она будет милой и дипломатичной. Она не скажет Люкресу: я скорее выйду за дикого зурга, чем за тебя! О нет. Она будет очень милой. Так, что всех стошнит.

— О, ваше императорское высочество, ваше предложение так лестно! — В дрожащей тишине ее голос прозвучал резче, чем хотелось бы. Не получилось нежности и деликатности, как она ни старалась. — Но я слишком юна для столь ответственного шага...

С каждым ее словом губы кронпринца сжимались все крепче, взгляд холодел, а его аура блестела все острее и острее. А его надежда, смешанная с восторгом, жадным предвкушением и торжеством, таяла, сменяясь злостью.

Нет, не злостью. Бешенством.

Дайм был прав — кронпринц взбесился. Но очень старался этого не показать.

— Так доверьтесь опыту и мудрости вашего отца, ваше королевское высочество, — бархатный голос остался таким же бархатным, манящим и ласкающим слух, как и до ее не совсем отказа, — и своему сердцу. Двуетаинные благословят наш союз, а наш союз укрепит империю, не так ли, мой дорогой брат Тодор?

Целую секунду отец медлил с ответом, вглядываясь в Шу и словно спрашивая: ты действительно готова ему отказать?

«Да, папа, да! Я не выйду за него. Ни за что!» — подумала Шу, но оставила свои мысли при себе. Внутри ментальных щитов.

— Я уверен, что моя дочь с благословения Двуетаинных примет верное решение, возлюбленный брат мой Люкрес.

Отец склонил голову и осенил лоб малым окружьем. Все придворные последовали его примеру. Даже Шуалейда. Правда, скорее ради того, чтобы потянуть время. И, быть может, спросить совета у Дайма? Ведь Дайм не бросит ее, он обещал никогда не оставлять ее, что бы ни случилось! Может быть, он все же любит и ее тоже, не только проклятого Бастерхази?!

Она невольно глянула на Дайма, спрашивая: «Что мне сказать? Можно ли вообще отказать ему так, чтобы он не оскорбился? Я не умею дипломатию!»

Но ответа не получила. То есть, может быть, Дайм и пытался ей что-то сказать, но она же не убрала ментальные щиты. Потому что она — одна. Она не может по-настоящему довериться никому, даже Дайму. предавший однажды предаст снова.

Боги. Злые боги. Почему у нее такое чувство, словно все катится к катастрофе? Или это не ее чувство, или это — ощущения Дайма?.. Они все еще связаны? Она все еще любит его? Ширхаб нюхай эту всю дипломатию!

— Отвечай уже хоть что-нибудь, Шу, — прошипел Каetano, пихнув ее в бок.

Люкрес ждал. Бесился и ждал. И... кажется, он что-то сказал сидящему по правую руку от него Дайму. Что-то приказал. А Дайм покачал головой. Отказался. Что предсказуемо взбесило Люкреса еще сильнее.

Но... надо... надо сглотнуть, набраться храбрости и сказать:

— Я была бы счастлива стать супругой вашего прекрасного высочества. Поверьте, не было бы под луной шеры счастливее меня, если б я могла... — О боги, как много бестолковых слов. Как жалко она выглядит. Как не хочется продолжать! Но надо. Необходимо продолжать. Выкручиваться. Лгать. Изображать наивную дуручку. И плевать, что голос дрожит. Нет, так даже лучше, пусть дрожит. Нельзя поднять ширхабом нюханного Люкреса над столом и вышвырнуть из столовой через окно. Нельзя! — Но я не имею права рисковать, ваше высочество. Мой Источник... нестабилен. Вы сами видите. Я никак не могу покинуть его и подвергнуть риску мой родной город. И я не уверена, что мой дар не станет темным. Я не имею права рисковать вашим благополучием, возлюбленный мой принц. Мне так жаль... Вот если бы ваше высочество согласились подождать!

— Не волнуйтесь так, моя прекрасная Шуалейда. Я прошу вашего согласия на брак, но нам не обязательно торопиться.

— Правда? О, вы так добры, мой принц! Я знала, вы поймете... я... я так восхищаюсь вашей мудростью!

— А я — вашей предусмотрительностью, — уже почти искренне улыбнулся Люкрес.

Шу облегченно выдохнула. Кажется, получилось! Не отказать, но и не согласиться, а потянуть время. Ширхабова дипломатия! Как трудно она дается!

— О мой принц!

— Ваше согласие делает меня счастливейшим из смертных, — торжествующе заявил Люкрес, и придворные зааплодировали, закричали славу.

Согласие? Согласие?! Проклятье! Нет!..

— Нет!..

Все разом замолкли, обернулись к Шу. Удивленные, разочарованные, обнадеженные, ненавидящие и одобрительные взгляды сосредоточились на ней.

— Шуалейда, радость моя... — начал Люкрес, опять не позволяя своей злости прорваться наружу.

— Нет. Я не даю согласия, мой принц, — совершенно твердо сказала Шу, и ей внезапно полегчало. К ширхабу лысому дипломатию, не дано — значит не дано. — Суардисы всегда держат слово, потому что никогда не обещают того, что не силах исполнить. Я не смогу быть вам достойной супругой, как не смогу быть и королевой Валанты. Никогда. Поэтому я... Я отрекаюсь от своих прав на трон Валанты. В пользу моего брата Каетано. Видят Двуетиныне!

Шу закончила в мертвой тишине.

Вздрогнула от вспышки Света и Тьмы, принявших ее клятву.

Прямо посмотрела в глаза Люкресу.

И не увидела в них ничего человеческого. Словно в Ургаш заглянула.

Лишь через мгновение зазвенела кем-то оброненная ложечка, а какая-то дама нервно ахнула и тут же зажала себе рот рукой.

— Я не принимаю отказа, ваше высочество. Уверен, вы хорошенько подумаете, посоветуетесь и примете единственно верное решение. Завтра.

Это стальное «завтра» повисло над столом, словно набрякшая гроззовая туча. И словно первые, самые тяжелые капли дождя, простучали шаги. Прочь. Из столовой. Не оглядываясь. Один разгневанный принц в белом с золотом сюртуке, и два его спутника — в черном мундире МБ и черном старинном камзоле.

И нет, ее сердце не будет больше обрываться и падать только оттого, что ни один из них не обернулся.

А через мгновение поднялся и отец. Тяжело. Хмуро. И сквозь эту тяжелую хмарь улыбнулся Шуалейде. Не губами. Глазами.

«Ты все сделала правильно, дочка. Ты умница. Все будет хорошо», — говорили его глаза.

И Шу наконец-то вдохнула полной грудью.

Да. Она все сделала правильно. Нельзя играть в дипломатические игры с Люкресом. Он намного сильнее и опытнее в интригах, чем едва явившаяся в столицу девчонка. Ей еще учиться и учиться. Было бы только у кого.

Король покинул столовую, Кай с Шуалейдой вышли следом за ним, Ристана — вроде бы и вместе с ними, но все равно сама по себе. И только двери за ними закрылись, в столовой загудели, зашумели придворные, обсуждая скандал.

— Что ж, вам хотя бы хватило ума отказаться от короны, сестра моя, — прокричала Ристана, оглядывая Шуалейду с ног до головы. — Но самое лучшее, что вы можете сделать для Валанты — это исчезнуть вместе с вашей Линзой.

— Ристана, прекрати, — устало велел отец. — Ты могла бы поддержать сестру, поделиться опытом, научить...

— Смешно, ваше величество. Чему могу научить сумрачную шеру целой второй категории я, никому не интересная бездарность? Моя дорогая сестра лучше всех все знает! Советовать ей — что кормить уток жемчугами.

— Я сказал, прекрати, — нахмурился король. — Если тебе нечего сказать по делу, лучше помолчи.

— Как прикажете, ваше величество. — Ристана присела в нарочито глубоком реверансе. — Позвольте мне удалиться к вышиванию, раз я вашему величеству не нужна.

— Ступай. И вы тоже ступайте пока к себе. Я позову вас позже.

Шу с Каем поклонились отцу, проводили его, удаляющегося по галерее к своим покоям, настороженными взглядами и, только когда он скрылся за дверьми, переглянулись.

— Кай... — неуверенно начала Шу. — Я не знала, как еще.

— Все уже сделано, нет смысла жалеть.

— Я... я пойду к себе. Надо...

— Нет уж. Сегодня я не оставляю тебя одну, — покачал головой Кай и наконец-то обнял ее, прижал к себе. — Ты все сделала правильно. Хотя отказываться от короны было необязательно.

— Обязательно, — хмуро возразила Шу. — Мне не нужны претенденты на Валанту.

— А кто тебе нужен, Шу? Полковник Дюблайн?

— Нет. Мне никто не нужен, Кай. Никто, кроме тебя, — твердо сказал Шу.

И верила в то, что сказала, целых...

Целый час, пока в покои принца Каetano не явился посыльный от их императорского высочества. А вместе с ним — ощущение грозы, которая уже разразилась, и молнии, летящей напрямик ей в голову.

Лейтенант гвардии принца в белом с золотым кантом мундире остановился в шаге от порога, церемонно поклонился и начал:

— Их императорское высочество Люкрес шер Брайнон... — дальше следовало перечисление всех двенадцати титулов, до которых Шу не было никакого дела, — приглашает ваши королевские высочества почтить своим присутствием казнь государственного изменника.

— Казнь? — переспросила Шу, холодея и не желая верить ужасному подозрению.

— Какого еще изменника? — присоединился к ее вопросу Кай.

— Прошу прощения, ваши королевские высочества, я не знаю. Мероприятие состоится через четверть часа на плацу.

Лейтенант снова поклонился, Кай жестом разрешил ему удалиться, а Шу так и стояла — не шевелясь, не моргая — и пыталась заставить себя позвать Дайма. Просто чтобы убедиться: ее страх — глупость. Ну глупость же! С какой стати Дайму оказаться изменником? Нет, наверняка не он. Уж скорее Бастерхази! Хотя шиса с два Дайм бы позволил кому-то наказать темного шера по заслугам.... Нет, наверняка это кто-то совсем другой, кого Шу не знает.

«Дайм, — позвала она мысленно, — что там у вас происходит? Дайм!..»

Несколько секунд она ждала ответа, но не почувствовала ни эмоций, ни звуков, ничего, кроме пустоты. Словно ее зов провалился в глухой болотный туман.

Шу стало страшно. Может быть, потому что Дайм не стал бы ставить ментальные щиты? Или потому что эти щиты были не его? И даже не Бастерхази? У темного шера щиты — зеркало и огонь, они пахнут иначе. Не болотом и кровью.

— Шу, что с тобой? — Кай взял ее за руку, заглянул в глаза.

— Дайм не отвечает. Мне как-то не по себе.

— Наверное, занят, — пожал плечами брат. — Ты же не думаешь, что изменник — он!

— Нет, но... — Шу нахмурилась, до боли ясно вспомнив, как совсем недавно Люкрес уже обвинял Дайма в измене и смерти Саламандры. К сожалению, с полным на то основанием. — Я не знаю.

— Полковник Дюбрайн не может быть изменником. Он — сын императора, — уверенно сказал Кай. — Идем. Я не знаю, что именно задумал Люкрес, но скажу тебе точно: все затеяно ради того, чтобы ты согласилась на брак. Не поддавайся. Что бы ни случилось, не поддавайся ему.

— Спасибо, Кай, — выдохнула Шу, позволяя брату себя обнять. — Ты же будешь рядом, а значит — я справлюсь.

— Мы все будем с тобой. — Бален погладила Шу по плечу. — И не волнуйся, Люкрес не посмеет тронуть полковника Дюбрайна. Он же не совсем с ума сошел.

— А вот в этом я не уверена, — вздохнула Шу. — Мне кажется, он совсем. Того.

— Даже если он совсем того, полковник выкрутится, — поддержал жену Энрике. — Поэтому прошу тебя, будь сдержанна и осторожна. Что бы ты там ни увидела.

— Я буду осторожна, — пообещала Шу. — Осторожна, дипломатична... но если он тронет Дайма...

— Ты не дашь ему повода обвинить в измене тебя, — хмуро сказал Энрике. — Ты поняла, Шуалейда? Не вздумай применять силу. Ты так никого не спасешь, а вот беду на Валанту навлечешь.

Шу передернулась.

— Ненавижу политику.

— Не ты одна, — поддержал ее Кай и велел: — Идем. Еще не хватало опоздать.

Шуалейде крайне трудно было идти на ширхабом нюханный плац чинно, как положено царственной особе. Так трудно, что она плюнула на все предупреждения Энрике, схватила Кая за руку и шагнула через пространственный разлом. Ей было плевать, как у нее это получилось и что об этом подумают. Она не применяет силу против Люкреса. Ходить по своему дому так, как хочется, она имеет полное право.

Демонстрация получилась что надо. Разлом открылся прямо рядом с креслом, к которому шел Люкрес, и Шу могла целое мгновение наслаждаться его страхом.

Ей понравилось. Очень. А если бы Люкрес от страха сдох, то понравилось бы еще больше. И если он прочитал это в ее глазах — что ж, прекрасно. Лишь бы он не прочитал ее ужаса от того, что за его, Люкресовой, спиной не было полковника Дюбрайна. Только шер Бастерхази, намертво закрытый ментальным щитом, и неизменный лейтенант Диен. Ну и десяток шеро из свиты — их имен Шу не запомнила.

— Ваше императорское высочество, — пропела она ядовито и сделала реверанс. — Какое у вас странное представление о развлечениях. В Метрополии принято устраивать публичные казни перед обедом?

— Для вас, моя прелесть, можно и вместо обеда, — так же ядовито усмехнулся Люкрес и указал на соседнее кресло, чуть поскромнее собственного. Всего кресел было приготовлено пять, по числу членов королевских семей. — Прошу, присаживайтесь. Уверен, вам понравится. И вам, брат мой Каetano.

— Не уверен, что это понравится его величеству Тодору, — хмуро отозвался Кай. — Отец не одобряет публичные казни.

— Именно поэтому мероприятие состоится здесь, в узком кругу, а не на главной площади Суарда. Прошу, присаживайтесь, — велел Люкрес и с сияющей улыбкой обернулся к кому-то, выходящему из бокового подъезда. — О, вот и ваша прекрасная сестра!

Шу тоже обернулась, моля Светлую, чтобы Дайм оказался тут же, с Ристаной. Ведь он должен был просить ее руки... может быть... может быть, Шу просто не в курсе его плана? Пожалуйста, Светлая, пожалуйста!..

Знакомой молочно-лазурно-лиловой ауры, сияющей на полнеба, не было. Лишь крохотные взлески дара — фрейлины, пажи, какие-то придворные лизоблюды, сама Ристана. Но не Дайм.

— Какое необычное развлечение, мой принц. — Ристана тоже присела в реверансе. — А где же полковник Дюблайн?

— Скоро будет, моя дорогая сестра. Садитесь вот тут, рядом. Мы рады, что вы пришли скрасить нашу печаль в этот нелегкий час.

— Возможно, вашу печаль больше бы скрасило милосердие, ваше высочество? — вмешалась Шу, краем глаза наблюдающая за тем, как растет толпа придворных, и принципиально не глядя на уже возведенный посреди плаца эшафот с каким-то странным сооружением из столба и цепей.

— Мы милосердны, прекрасная Шуалейда. Милосердны и справедливы, как и должно истинным Брайнонам.

Шу очень захотелось зашипеть и вцепиться когтями в самодовольную физиономию, но она сдержалась. Она не имеет права устраивать скандал и заставлять отца и брата отвечать за собственную несдержанность. Опять же, может быть, она зря боится — и эшафот вовсе не для Дайма?

Она кинула короткий взгляд на Бастерхази, стоящего за креслом Люкреса. Тот был невозмутим, как камень. И так же холоден и непроницаем. Значит... значит — не Дайм? Ведь Бастерхази не позволил бы!..

— Я верю в ваше милосердие, мой принц, — как можно мягче сказала Шу. — Но кто же посмел замыслить дурное против империи? И что именно?

— Если это кто-то из подданных Валанты, то следует соблюсти законную процедуру, брат мой, — глядя на пустой эшафот, напомнил Каetano.

— Ну что вы, брат мой. Валанта встретила нас так приветливо и гостеприимно! Ваши подданные добры и законопослушны. Чего нельзя сказать о некоторых подданных империи. Тех, кому мы бесконечно доверяли. Кто должен был заботиться о нас, оберегать и поддерживать.

Шу невольно вцепилась в подлокотники кресла. Оберегать, доверять... так он мог бы сказать о Дайме!

— И кто же это, сир?

— Ничтожный червь, который не стоит вашей жалости, моя прелесть. Что ж, видимо, его величество Тодор не желает портить аппетит. Начнем же. Ведите приговоренного.

Голос Люкреса был тих, но слышен на весь плац. И в ответ на приказ дверь кордегардии распахнулась и выпустила двух имперских гвардейцев, ведущих «изменника». Босого, в черных штанах — от мундира МБ?! — и белоснежной сорочке. С мешком на голове. Руки его были скованы. И... он не был шером. Даже условной категории. Никакого дара, ни проблеска ауры!

Шу едва не потеряла сознание от облегчения. Это не Дайм! Спасибо тебе, Сестра, это не Дайм!..

— Прошу вас, сир, — совсем тихо попросила она. — Помилуйте этого человека.

— Не могу, моя прелесть. Право, не стоит плакать. Ну же, утрите слезы. Долг правителя — не только заботиться, но наказывать, когда это необходимо. Поверьте, мне это совершенно не нравится. Хотя... — Люкрес заговорщицки подался к Шуалейде, сжал ее руку и понизил голос. — Я уверен, некоторые моменты... вы же сумрачная, моя прелесть, вы понимаете... это бывает... пикантно. Чш-ш-ш, не спорьте. Вы — принцесса, вы по рождению выше всяких предрассудков. Не стесняйтесь своих чувств.

— Пикантно? Сир, вы же не думаете!.. — возмутилась Шу, но не успела договорить.

— Молчите, моя прелесть, и наслаждайтесь, — усмехнулся Люкрес, не отпуская ее руки, и тут же приказал: — Начинайте!

Незнакомца, лица которого Шу так и не видела, — но могла оценить широкие плечи, высокий рост и атлетическое сложение, — гвардейцы уже прикрепили к одному из столбов. За руки, подняв их так, что он был вынужден встать на цыпочки и прижаться к столбу.

Шу поморщилась: даже приготовления выглядели жестоко. И ей никак не могло это все нравиться! Она же не темная, чтобы упиваться чужой болью!

Словно в ответ на ее мысли Люкрес велел:

— Ступайте, Бастерхази, исполните свой долг... — и, криво усмехнувшись, добавил тише: — И получите удовольствие, друг мой.

— Но почему Бастерхази? И... разве не будет зачитан приговор?

А Люкрес обернулся к Шуалейде и громко заявил, нездорово блестя глазами:

— Его преступление — государственная измена, за это полагается смерть. Никто не смеет противиться Брайнонам, это подрывает сами устои империи. Не так ли, моя прелесть?

От многозначительной ухмылки Люкреса в животе у Шу похолодело. Она окинула быстрым взглядом плац, наполовину заполненный придворными. Окна дворца, из которых торчали любопытные лица слуг. И наконец задержала взгляд на Бастерхази. Он уже подошел к осужденному, избавился от камзола и плаща, оставшись в такой же белоснежной сорочке. Закатал рукава. Вынул из воздуха кнут.

Длинный, тяжелый, плетенный из кожи кнут с утолщенным кончиком. Таким гоняют быков на арене.

— Он красив, правда же, моя прелесть? — спросил Люкрес, проигнорировав отсутствие ответа на предыдущий вопрос, и сам же ответил: — Оба... оба они прекрасны. Даже жаль портить.

— Зачем мешок? Он же задохнется, — сказала Шу, до дрожи надеясь увидеть незнакомое лицо.

Ведь приговоренный — не шер, а значит, не Дайм...

— Хм... а вы правы! Так он задохнется раньше времени. Эй, Бастерхази!

— Да, сир? — Темный шер обернулся с каменным лицом.

— Дамы желают видеть, кого ты сейчас будешь наказывать.

— Да, сир. — Голос Бастерхази прозвучал ровно и безжизненно.

А Шу замерла, уговаривая себя не бояться. Держать себя в руках. Что бы ни случилось!

Мешок с головы приговоренного слетел, повинувшись жесту Бастерхази, и в тот же миг эшафот накрыл купол щита. От его острого, какого-то неестественного сверкания Шу на мгновение зажмурилась — и тут же послышался свист кнута и хриплый, полный боли выдох.

Два. Два выдоха, одновременно.

Шу вздрогнула, открыла глаза... и воздух застрял у нее в горле, словно ком сухой ядовитой травы, а все происходящее показалось кошмаром — вязким, нелогичным, неотвратимым... Проснуться бы...

— Дайм... — беззвучно прошептала она вмиг пересохшими губами. — Бастерхази, нет, не надо!..

Темный шер ее не услышал. Все с тем же ничего не выражающим лицом он замахнулся кнутом — и тот со страшным свистом упал на спину Дайма, рассек сорочку, кожу... брызнула кровь. Алые капли на белоснежном батисте. Сжатые губы. Играющие на скулах желваки. Сумасшедшее биение пульса в набухшей синей вене, уходящей вниз, в раскрытый ворот рубахи. Упрямо распахнутые бирюзовые глаза с расширенными зрачками.

И боль. Целый вихрь боли — острой, пряной, тошнотворно-сладкой, впивающейся в кожу, вливающейся в легкие вместе с воздухом.

— Прекратите... прекратите немедленно! — хрипло, как будто ее душат, прошептала Шуалейда и метнулась туда, на эшафот — всей сутью, всей волей и желанием...

Глава 32. О надежде и дипломатии

5-й день каштана, Риль Суардис, Шуалейда.

— Прекратите... прекратите немедленно! — хрипло, как будто ее душат, прошептала Шуалейда и метнулась туда, на эшафот — всей сутью, всей волей и желанием...

И ударилась о щит, разбиваясь в кровь... да нет же, какая кровь — если она по-прежнему сидит в кресле, вцепившись обеими руками в подлокотники, и поверх ее руки лежит ладонь сумасшедшего принца. Маньяка. Чудовища.

— Весьма пикантно, не так ли, моя дорогая? — с сытой улыбкой поинтересовался Люкрес.

— Остановите это! Сейчас же! — обернулась к нему Шу, сама не понимая, как еще не вцепилась ему в глотку.

— Казнь истинного шера, дорогая моя, крайне редкое событие, — не обращая внимания на ее слова, сказал Люкрес. — Смотрите внимательно, вам должно быть интересно. Обратите внимание на зеркальный барьер. — На очередном ударе Люкрес раздул ноздри и принялся, но тут же продолжил: — Его не сможет преодолеть даже шер-зеро. Специальная разработка Конвента времен Мертвого бунта. А как интересно действуют оковы, вы заметили, дорогая моя? Блокируют дар, но не эмоции. О... это... вкусно.

От свиста кнута Шу опять вздрогнула, а от последовавшей за ним волны боли замерла натянутой струной...

И едва не заплакала от бессилия и злости. Проклятый Люкрес был прав — вкусно. Боль и сила светлого шера, которыми он истекает вместе с кровью... Злые боги! За что? Почему так? Она не хочет, она не будет есть жизнь Дайма, его боль и унижение, его бессилие и отчаяние... Почему он не сопротивляется? Почему он позволил сделать это с собой? А Бастерхази? Как он может?! Он же любит Дайма, любит... и... убивает...

— Люка, прекратите это! — потребовала она, пытаясь вцепиться в руку кронпринца и натываясь на очередной барьер. Зеркальный. Непреодолимый даже для шера-зеро. — Люка, вы слышите меня? Остановите наказание! Сейчас же!

— Дорогая, не кричите, — поморщился Люкрес. — Это моветон — так кричать.

— Ну так услышите же меня наконец!

— Мы прекрасно вас слышим, дорогая. О, посмотрите, какое изящество! Этот замах... о, мы непременно возьмем... темного шера... себе...

Дыхание Люкреса участилось, зрачки расширились, и Шуалейда ощутила его возбуждение. Мутное. Грязное. Какое-то серое и болотное. Боги, какая мерзость! Еще хуже, чем ее собственный голод. Проклятый темный голод. Совсем как в Олойском ущелье!

— Я не стану на это смотреть! — Шу с трудом заставила себя отвести взгляд от новой алой полосы на спине Дайма. От его сорочки остались лишь лохмотья и рукава, все такие же белоснежные, но в алых брызгах. — Это отвратительно!

— Вы не правы, милая моя. Это прекрасно. Смерть завораживает.

И снова сумасшедший маньяк был прав. Дайм под кнутом был прекрасен. Его натянутое струной сильное тело, бугрящиеся мышцы плеч и бедер, сжатый болью рот... Свист кнута, брызги крови... Нет, нет, она не будет смотреть! Не будет пить его отчаяние, смешанное в пьянящий, искристый и терпкий коктейль... с наслаждением? С наслаждением темного шера Бастерхази? Их общим, на двоих... о боги, нет, что за чушь — это не может быть приятным, от этого невозможно возбуждаться!

— Он ваш брат. Как вы можете так поступать с братом?!

— Не брат, а ублюдок. Вы знаете, что такое ублюдок, моя прелесть? Его место — на конюшне. Ваш отец поступает совершенно верно, не позволяя ублюдкам осквернять свой дом.

— Мой отец не плодит бастардов и не превращает их в големов! — вскипела Шу. — И если бы у меня были еще братья, я бы любила их! Всех!

Люкрес рассмеялся.

— Вы слышали, дорогая моя Ристана? Какая прелестная детская непосредственность! Ваша сестра...

— Моя сестра права, сир, — неожиданно жестко ответила Ристана, до того сидевшая неподвижно, словно статуя, и обернулась к Люкресу. — Наш отец не плодил бастардов. Наш отец никому бы не позволил так обращаться со своим сыном. Думаю, что ни один из семи королей бы не позволил. И вряд ли они станут больше доверять своему императору после этого кровавого фарса.

— Фарса?! Вы забываетесь! — Люкрес гневно раздул ноздри.

— Это вы забыли, ваше императорское высочество, что вы — гость Суарда, а не завоеватель, — сказал до того молчавший Кай и поднялся. Следом за ним поднялись Ристана и Шуалейда. — Мы не желаем, чтобы сын императора умер в Валанте.

— Нам не нравится, что кровь Брайнонов пролита здесь, в нашем доме, — добавила Ристана.

— Мы не желаем больше видеть вас в Суарде, — едва сдерживая клокочущую ярость, сказала Шуалейда.

— Забирайте своих людей и убирайтесь немедленно! — припечатал Каетано и заорал на весь плац: — Шер Бастерхази, я приказываю вам остановиться!

На мгновение Шу показалось, что все получится. Темный шер обернулся к Каетано, на его лице впервые промелькнуло что-то человеческое, живое — и это была надежда... или, наоборот, разочарование? Но тут Люкрес рассмеялся и, не вставая с кресла, махнул рукой:

— Продолжайте, друг мой. Изменник умрет здесь и сейчас. А вы, дорогие мои подданные, можете не смотреть.

— Мы не ваши подданные, — набычился Каетано. — И если вы сейчас же не остановите это...

— Каетано, замолчи, — оборвала его Ристана и повернулась к Люкресу. — Продолжайте, ваше высочество. Смерть вашего одаренного брата от ваших рук — достаточное основание для Валанты, чтобы в Совете Семи Корон проголосовать за новый закон о престолонаследии. Уверена, ваш старший брат Анри станет куда лучшим императором, чем вы.

— Вот так, значит. Ай-ай-ай, а вы мне так нравились, прелестная Ристана. Пока молчали.

— Остановите это все. Немедленно! — потребовала Шуалейда.

— Иначе что? — с искренним любопытством спросил Люкрес и требовательно повел рукой: — И не заслоняйте нам вид. Шер Бастерхази, хватит ласкать ублюдка, это казнь, а не постельные игры! Я хочу слышать его крик!

— Да, сир.

Голос Бастерхази был идеально ровным, а вот эмоции... даже сквозь ментальные щиты просочились отзвуки злорадного предвкушения и жажды. Правда, что-то в них было еще, какой-то второй слой, но Шу было не до темного шера.

Обернувшись, Шу вздрогнула — так ужасно выглядел Дайм. Кровавое месиво вместо спины, раны на руках и на бедрах, прокушенная насквозь губа... Его жизнь утекала вместе с кровью и даром, скапливалась в углублениях эшафота, заполняла... колбы... колбы?! Злые боги, они не просто убивают истинных шеров — они забирают их кровь... их дар... словно на скотобойне...

Шу не поняла, почему перед глазами все покраснело, закружилось, завывало и откуда взялся ураган... Красный, как кровь, и синий, как небо, и белый, как снег, и черный, как пепел, и лиловый, как гроззовые молнии, — ураган выл, кричал, сметал все на своем пути, рвался в небо и звал, звал, звал...

— Да-айм! Дайм!

— Шу, перестань! Шу! Ты с ума сошла!.. Шуалейда, ширхаб тебя! Шу! Остановись же!.. — прорывались сквозь вой урагана знакомые голоса. — Убирайтесь отсюда! Все! Быстрее же, быстрее!

Голоса — и сумасшедший смех.

Ее рук касались знакомые руки, в ее дар вплетался чужой — и родной — дар. Они мешали — и она оттолкнула их всех, отшвырнула прочь, потому что все это было неважно и нереально, все, кроме единственного голоса, хриплого, сорванного, едва слышного:

— Шу, остановись!

— Дайм?

Она замерла, глядя в черные от боли глаза — замерла, застыла и замерзла, бессильно уронила руки.

Проклятый зеркальный барьер так и стоял вокруг эшафота. Прозрачный. Непроницаемый для урагана.

А кнут снова опускался на плечи светлого шера. Медленно-медленно, с нереально низким гудением, и воздух расходился от него неторопливыми волнами, на которых покачивались крупные красные капли...

Они летели к Шу — эти капли. Завораживающе медленно, деформируясь в полете, готовясь рассыпаться брызгами...

И рассыпались. По ее лицу и рукам, влипшим в проклятый барьер, прямо ей в глаза, снова заливая весь мир красным.

— Уходи. Прощу тебя. Уходи! — ворвался в ее уши отчаянный крик.

И тут же — другой, безумный, злобный и торжествующий:

— Молчать, Дюбрайн!

— Ты... я убью тебя! — Она развернулась в красном-красном мире, слыша позади себя боль и отчаяние, видя перед собой голодного упыря, нежить, проклятую нечисть.

— Шуалейда, нет! — раздался позади нее еще один крик. — Не нападай!

Такой же отчаянный, полный тьмы, боли и пламени... или уже пепла?

— Заткнись, Бастерхази! — приказал августейший упырь и встал ей навстречу.

Его окружал радужный пузырь — тонкий, невесомый. Непреодолимый для воющего на пустом плацу смерча из пепла, снега и молний. А позади проклятого принца, всего в шаге позади и внутри защитного кокона, стоял второй такой же. С тем же лицом. Еще один Брайнон, только голем. Светящееся мертвенно-зеленым чудовище, сейчас совсем не похожее на человека.

— Ну, давай, девочка моя, нападай, — ласково предложил Люкрес и ухмыльнулся. — Я убиваю твоего любовника, ты не можешь оставить это просто так. Правда же, моя прелесть? Моя злая гадючка. Моя бешеная мантикорочка. Кусайся, кусайся же!

Люкрес насмешливо протянул руку запястьем вверх, словно предлагая впиться в нее зубами.

— Остановитесь, Шуалейда Суардис, иначе я вынужден буду вас арестовать, — раздался из-за спины Люкреса призрачный, какой-то глухой и неестественно ровный голос.

— Диен, заткнись и не мешай!

Шуалейда чуть не засмеялась — так это было нереально, неправильно и невозможно. А то, что сделал голем, тем более невозможно. Светящаяся мертвенно-зеленым рука лейтенанта Диена накрыла искаженный ненавистью рот Люкреса, смяла его, запечатала. И все тот же призрачный голос сообщил:

— Прощу прощения, ваше императорское высочество. Вы провоцируете опасность, я защищаю вас самым эффективным образом. А вашему королевскому высочеству я рекомендую удалиться. Нападение на члена императорской фамилии карается смертью. Вы должны успокоиться и смириться. Закон империи обязателен к исполнению.

— Как мне остановить это? Как, Диен?! — спросила Шу, наплевав на логику и разум — у кошмара свои нелогичные законы.

— Полковник Дюбрайн не исполнил приказа императора. Он наказан за неповиновение.

— Какой приказ? Что мне сделать, Диен?!

— Уходите, ваше высочество. Вы не сможете остановить казнь.

— Я не уйду. Ни за что. Я... Диен, помоги мне! Это и твой брат тоже!

— Простите, я не могу нарушить закон. Приговор вынес его императорское высочество, только он

может его отменить.

— О боги... Люкрес! Ты, проклятый упырь! Что тебе нужно?

Стряхнув руку лейтенанта Диена, Люкрес криво ухмыльнулся и процедил:

— Я тебе это припомню, шисова деревяшка.

— Как будет угодно вашему высочеству, — равнодушно отозвался голем.

А Люкрес шагнул к Шуалейде и с нескрываемым наслаждением заявил:

— Дюбрайн умрет. Что бы ты ни сделала, проклятый ублюдок сдохнет! Сдохнет! Сдохнет! Ха!

— Что ж, раз тебе не нужно ничего — я уйду. Прощай, сумасшедший недоносок. Недошер, — выплюнула Шу и, резко развернувшись на каблуках, пошла прочь.

Оставляя за спиной умирающего Дайма. Ощущая каждый удар кнута собственной кожей. Умирая вместе с ним. И моля Светлую, чтобы шисов недоносок сдох от жадности. Прямо сейчас сдох. Подавился своим безумным смехом — и сдох, сдох, сдох!

Каждый шаг давался все труднее, боль в груди нарастала, казалось — это с нее заживо сдирают кожу вместе с плотью... Но Шу упрямо шла вперед, к шисовой двери. И с ужасом понимала, что упырь ее не остановит, что он окончательно сошел с ума. Боги, как же мерзко он смеется!

— Ладно, уговорила. Стой!

Шу вздрогнула, замерла на миг — готовая не то что остановиться, а бежать к Люкресу, умолять его хоть на коленях... и сделала еще один шаг. Прочь.

«Никогда не показывай, что переговоры нужны тебе больше, чем противнику».

Один из уроков Дайма. Еще тогда, когда они писали друг другу письма и он не подписывался. Это тоже было нарушением приказа императора? То, что он любит ее — государственная измена? Будь проклято такое государство!

— Да стой же, упрямая ты девчонка.

Не оборачиваясь, Шу показала Люкресу шисовы хвосты. На миг ей померещилось, что это не она, а Ристана. Что она стала Ристаной. Взрослой. Опытной. Самоуверенной. Сильной. Да. Пусть сейчас будет не Шуалейда, а Ристана. У нее бы получилось переиграть недоноска на его проклятом поле интриг, лжи и блефа!

А он снова засмеялся. Довольно. И, в несколько шагов догнав Шу, положил руку ей на плечо, развернул к себе.

— Ты моя прелесть. Такая упрямая! Такая злючка! Настоящая гюрза!

— Что тебе, недоносок? — Шу с прищуром посмотрела ему в глаза и томно склонила голову набок. Как Ристана.

— Тебя и Линзу. — Люкрес погладил ее по щеке, заставив внутренне передернуться, а внешне — взмахнуть ресницами, словно крыльями бабочки, и засветиться от сознания собственной красоты и совершенства. — Ты будешь отличной императрицей, Шуалейда Суардис.

— Шисов дысс тебе, а не я и Линза, — усмехнулась Шу ему в лицо.

— Тебя и Линзу, иначе ублюдок сдохнет. Ему немного осталось. Ударов десять.

— Убьешь Дюбрайна — попрощаешься с короной империи.

— Маленькая наивная змеючка. Ты совсем не умеешь играть в эти игры.

— Плевать. У тебя пять ударов до того, как ты потеряешь все, недоносок. Ты же понимаешь, что убить меня сейчас ты не можешь. А потом... Я ничего не забуду. Ни-че-го. Слово Суардис.

— У-ти ма-аленькая, у-ти ядови-итая. — Люкрес снова погладил ее по щеке. — Кажется, мы не успеваем договориться, — довольно сказал Люкрес одновременно со свистом кнута.

Шу вздрогнула, чуть не закричала от чужой — не чужой, а своей! — боли, но заставила себя саркастически усмехнуться и протянуть:

— Тогда тебе не по-вез-ло. Ты серьезно думал, что мне твой ублюдочный братец важнее

собственного благополучия?

— Ты слишком хорошая девочка, чтобы вот так просто бросить его, когда можешь спасти.

— Могу. Но на невыгодных условиях не буду. Осталось три удара, недоносок. Если разумного предложения не будет — я ухожу, — заявила она, внутренне вздрагивая от нового удара, но точно зная: именно так она и поступит. И точно зная, что и Люкрес об этом знает.

Еще один урок Дайма Дюбрайна: никогда не грозись тем, что не готова сделать.

Она готова. Ей будет невыносимо больно оставить Дайма умирать, но если она даст слабину, то не спасет его и его смерть окажется напрасной. Поэтому она уйдет. А потом отомстит Люкресу так, что он пожалеет, что на свет родился.

— Боги, как же ты прекрасна, Шуалейда! Если бы я знал раньше! — искренне восхитился сумасшедший маньяк. — А все он виноват. Ты понимаешь, что только ублюдок виноват в том, что мы с тобой так плохо знаем друг друга? Что ты полюбила не того брата. Недостойного.

— Один удар, — ровно, словно лейтенант Диен, напомнила она.

— Бастерхази, замри, шис тебя дери! — крикнул Люкрес и улыбнулся Шу, предложил ей руку. — Ну а теперь пойдем и поговорим, как взрослые разумные люди.

Руку Шу не приняла. Сделала вид, что не заметила. Никаких уступок в мелочах.

— Сними с него оковы, иначе он истечет кровью и мне станет неинтересно.

— Зачем он тебе, моя прелесть? Он — ублюдок, цепной пес и даже не мужчина. Ты же в этом убедилась. Он недостойн принцессы из рода Суардис.

— Я хочу этого пса себе.

— Хочешь... о боги... Шуалейда, прелесть моя, ну что же ты раньше не сказала? Неужели я бы тебе его не отдал? Для тебя — все что угодно. Хочешь, я велю повязать ему на хвост бантик и подарю тебе на свадьбу?

— Не хочу на свадьбу. Я хочу его сейчас. Живого и здорового.

— Сейчас никак не выйдет, моя сладкая.

— Ты так слаб, что не способен его вылечить? Или боишься его, полумертвого? И это — Брайнон? — скривилась Шу.

— О боги, ты даже не представляешь, как ты прекрасна... как песчаная гюрза... — Люкрес раздул ноздри и велел: — Поцелуй меня.

— Боюсь, лейтенант Диен будет против. Вдруг я ядовитая.

— Ты точно ядовитая. Самая ядовитая гюрза во всей империи. Просто еще маленькая.

— Не настолько маленькая, чтобы заслушаться твоей грубой лестью. Лечи Дюбрайна, мой милый хомячок.

— Не забывайся, Гюрза.

— С тобой — никогда, мой зайчик, — усмехнулась Шу, чувствуя необыкновенную легкость, словно она падает, падает... и воздушные потоки больше не держат ее... Плевать! Разобьется она или нет, но Дайма она спасет. — Если ты потянешь ширхаба за яйца еще полминуты, я лишусь ручного пса, а ты — имперского наследства и собственных яиц. Я тебе обещаю, котик.

— Бастерхази, стазис! — приказал Люкрес, и Шу едва не взвыла от отчаяния.

Но пересилила себя, запихнула обратно в образ... вряд ли Ристаны, скорее, предводительницы какой-нибудь варварской орды, и ухмыльнулась еще мерзостнее, отступила на шаг.

— Мне надоело кормить бычка сказками. Не хочешь...

— Хочу. Я же сказал, тебя в жены и Линзу, — прервал ее Люкрес. — Брайноны не размениваются на мелочи.

— Я не могу оставить Линзу, она нестабильна.

— Не оставляй. Поженимся, понесешь наследника, и развлекайся в Суарде как хочешь.

— То есть тебе нужен наследник-псих с неуправляемым даром. Такой, чтобы лет через шестнадцать избавился от тебя и сел на трон империи сам. Что ж. Я с удовольствием останусь молодой вдовой. Статус императрицы-матери меня устроит. Женюсь сегодня, милый, делаем наследника, а завтра ты едешь в Метрополию?

— Боги, какая же ты, моя прелестная Гюрза! — Глаза Люкреса загорелись восторгом и предвкушением, он схватил Шу за руку и куда-то потянул. — Женюсь! Сейчас же! А с наследником погодим. Лет двадцать... нет, сорок. Ты слишком юна, чтобы становиться императрицей-матерью. Идем, идем скорее в храм!

— Ты кое-что забыл, Брайнон. — Шу уперлась и вырвала свою руку. — Сними с Дюбрайна обвинения и оковы.

— О, в самом деле... Изменник и предатель. Ты любишь его, моя прелесть?

— Конечно. Он твой брат, и ты сам хотел, чтобы я любила его.

— Какая незадача. Тогда придется его убить, милая. Я не желаю, чтобы ты любила кого-то кроме меня.

— Тогда тебе придется убить всех подданных империи, милый. Потому что я люблю их всех без исключения. Начиная с нашего благословенного Двуетиды императора. Ты собираешься убить своего отца, милый?

— Ну что ты, я люблю моего отца, да живет он вечно.

— И я люблю нашего императора. Итак, снимай с Дюбрайна оковы и дай мне его исцелить.

— Увы, не могу. Он приговорен к смерти, потому что не выполнил приказ императора. Вот выполнит — тогда я смогу его помиловать.

— Люка, хватит водить меня вокруг пня. — Теперь уже Шу схватила принца за руку и потянула к эшафоту, где окровавленный Дайм так и висел на столбе, а Бастерхази стоял рядом и следил за Шулейдой нечитаемым взглядом. — Освободи Дюбрайна, если хочешь хоть что-то от меня получить.

— Так не выйдет, милая моя Гюрза, — светло и безумно улыбнулся Люкрес. — Сначала договор. Ты клянешься выйти за меня сегодня же, и я помилю Дюбрайна.

— Я... я поклянусь выйти за тебя тогда, когда ты этого захочешь, но после того как Дюбраин будет свободен. И если ты поклянешься никогда больше не обвинять его в измене и не причинять ему вреда. И Каetano. Никогда, слышишь?

— Слышу, моя прелесть, конечно же слышу. Но нам нужны свидетели нашего договора. Бастерхази, приведи его в чувство. Я хочу, чтобы ублюдок все видел, ощущал и осознавал, но молчал. И не подох.

— Да, сир.

Неестественное равнодушие в голосе темного шера резануло по нервам, буквально заорало: опасность, опасность!

— Что ты сделал с Бастерхази, что он такой покладистый?

— Я? Сделал? Ну что ты, моя радость. Бастерхази служит мне по собственной воле и радостью. Не так ли, мой темный шер?

— Да, сир, — склонил голову тот, снова намертво закованный в ментальные щиты.

Шу перевела взгляд на Дайма и едва подавила желание зажмуриться. Столько в его взгляде было отчаяния, боли и стыда, словно... словно он мог что-то сделать! Словно это ему, а не Бастерхази, продумало чердак, и весь их прекрасный план пошел ширхабу под хвост! А ведь сейчас они, все трое, могли бы быть шерами-зеро, свободными и счастливыми!

«Я убью тебя, Бастерхази. Слышишь, я убью тебя за то, что ты сделал с Даймом! С нами обоими!»

Бастерхази не ответил, даже не глянул на нее. И между ними по-прежнему мерцал зеркальный барьер. Что ж. Люкрес ей не доверят — и она не доверяет ему. Полная взаимность, будь она проклята.

— Ты снимешь с него оковы сейчас же, Люка. Иначе, видят Двуетиды, ты не получишь ничего.

— Договорились, моя прелесть. Итак. Ты клянешься выйти за меня замуж, как только я выражу такое желание. Клянешься родить мне наследника и никогда, ни при каких условиях не причинять мне вреда.

— Пока ты не нарушишь своих клятв, Брайнон.

— Идет. Я со своей стороны освобожу от оков и обвинений Дюбрайна сразу, как Двоединые примут наши клятвы. Также обещаю не причинять Дюбрайну вреда ни сейчас, ни позже. И не причинять вреда Каetano Суардису.

— Никому из Суардисов. Никогда.

— Никому из Суардисов, никогда, — повторил Люкрес. — Видишь, как легко со мной договориться, моя прелестная Гюрза. На этом все?

Все? О боги. Все... она выйдет замуж за чудовище. Возможно, прямо сегодня. Злые боги. Нет. Не думать об этом. Она должна спасти Дайма, а с Люкресом... в конце концов, он же ничего ей не сделает. Не сможет. Да. Надо это сказать, обязательно!

— Нет. Ты клянешься не причинять вреда мне. И мы оба — оставить трон империи одновременно. Если ты умрешь раньше, я сниму корону. Если я умру, то ты снимешь корону и передашь наследнику. Чтобы ты не боялся, что я захочу остаться молодой вдовой на троне.

— Что ж, это разумно, моя прелесть. Ты нравишься мне все больше и больше. Скрепим наш договор поцелуем?

Шу опять внутренне передернулась — и опять кинула взгляд на Дайма. Очень короткий. И очень виноватый. Но успела прочитать по искусанным, потрескавшимся губам: нет! Не клянись ему, никогда и ни в чем!

— Прости. Я не хочу, чтобы ты умер, Дюбрайн, — тихо сказала она и обернулась к Люкресу. — Да. Скрепим. Чего не сделаешь ради короны империи, не так ли?

— О нет, целую я тебя не ради короны, моя прелестная Гюрза. А потому что я тебя хочу.

— После свадьбы — получишь, — холодно пообещала она, страхась снова взглянуть на Дайма.

Ничего не ответив, Люкрес приблизился к ней, взял одной рукой за шею и поцеловал. Жадно, грубо проникая ей в рот языком, почти насилуя. Шу затошнило. От его запаха, от его вкуса, отдающего болотом и гнилью, так не похожего на Дайма. Она еле удержалась, чтобы в ответ не укусь Люкреса. Помогло удержать лишь то, что ощутить его кровь на языке она хотела еще меньше, чем терпеть поцелуй.

— Сладкая Лея, — усмехнулся Люкрес. — Ты будешь моей лучшей женой. Поверь, мы будем счастливы.

— Я обязательно буду счастлива, — зло скривила губы Шу. — Мы договорились. Видят Двоединые.

— Сделка. Видят Двоединые, — повторил Люкрес.

Короткая вспышка Света и Тьмы мигнула словно нехотя. А может быть, Шу просто уже слишком устала для ярких ощущений. И хорошо. Иначе бы ее сейчас стошнило от страха и омерзения.

Зато Люкресу явно было хорошо. Слишком хорошо. Подойдя к зеркальному барьеру, он громко, внятно сказал:

— Все обвинения с тебя сняты, полковник Дюбрайн. Бастерхази, уברי оковы.

— Слушаюсь, сир, — едва слышно ответил тот.

Бросил на едва держащуюся на ногах Шу нечитаемый, но совершенно точно не добрый и не благодарный взгляд, и освободил руки Дайма от цепей и наручников. Тут же блеснула светлая аура, истончившаяся, едва заметная, но все еще живая!

Шу покачнулась от облегчения. Она успела. Она смогла!..

Темный шер тем временем бережно уложил Дайма на помост израненной спиной вверх. На мгновение задержал ладонь на его плече, раздул ноздри — впитывая боль. Отошел на шаг.

А Шу, едва сдерживая слезы, бросилась к Дайму — помочь, исцелить, наполнить умирающее тело светом и жизнью... Ведь в нем дара почти не осталось, как и крови, он не сможет восстановиться сам!

И наткнулась на зеркальный барьер. Недоуменно оглянулась на Люкреса.

— Люка, в чем дело? — Голос дрожал, но ей уже было наплевать, что Люкрес видит ее слабость. Он уже получил свои клятвы, будь он проклят. — Убери барьер или прикажи... Бастерхази, убери барьер!

— Не Бастерхази его ставил, моя прелесть. — Ширхабом драный кронпринц с ухмылкой покачал головой. — Он не может.

— А кто?

— Дюбрайн. Ты же видишь, это светлая сила. Нельзя же быть такой глупенькой, Гюрза.

— Люка... — нахмурилась Шу, не отрывая ладоней от барьера. — Я не понимаю, зачем... что ты делаешь?

— Учю тебя, маленькая. Ты станешь императрицей. Ты должна понимать, как все это работает. — Он сделал неопределенный жест рукой и улыбнулся еще светлее.

— И как же это работает?

— Очень просто. Бастерхази, убери кровь, выйди из-за барьера и останься рядом.

Темный шер, кинув нечитаемый взгляд теперь уже на Дайма, воздушным потоком убрал с эшафота двенадцать полных волшебной крови колб и перешел мерцающую границу. Остановился в нескольких шагах поодаль.

— Видишь, выйти оттуда можно. А попасть внутрь — нельзя, пока барьер не снят.

— Вижу, — стараясь, чтобы голос не сорвался, ответила Шу. — Это странно.

— Ничего странного, барьер анизотропный. Я тебе потом покажу структуру. Что ты так удивляешься, маленькая? Или ты думаешь — если Двоединые обделили меня силой, то я неуч и тупица? Что качаешь головой, не веришь? Зря. Я мог бы преподавать в Магадемии, если бы мне пришла такая блажь. У меня три докторские диссертации. На одну больше, чем у моего дорогого друга Бастерхази, и на три — чем у моего ублюдочного братца. Чистого практика. — Люкрес презрительно скривился.

— Три докторские. Я восхищена. И мне очень интересно изучить структуру барьера. А теперь можно его снять?

— Нельзя, моя прелесть. Его может снять только тот, кто поставил. Либо барьер сам упадет с его смертью.

— Тогда... Дайм, сними барьер, — чувствуя себя так, словно провалилась из одного кошмара в другой, попросила Шу.

И почти не удивилась, когда Дайм одними губами ответил:

— Нет.

Опять — боль, вина, сожаление, горечь. Боги, да что же происходит?

— Почему? Скажи мне, трижды доктор Люка, почему Дюбрайн не может снять барьер, который он же и поставил?

— Потому что мой брат — цепной пес. Раб. Он делает только то, что я прикажу ему. Не так ли, Дюбрайн?

— Так, — через силу, словно слова жги ему горло, шепнул Дайм.

Шу неверяще зажмурилась и тихо-тихо попросила:

— Люка, пожалуйста, ты же обещал... никогда... ты клялся перед Двоедиными!

— Я всегда выполняю обещанное, моя прелесть. Я не причиню вреда ублюдку. Поэтому... иди сюда. Ко мне. Ты же моя невеста, не так ли?

— Так, — выдавила Шу, нехотя открывая глаза и чувствуя, как ее охватывает отчаяние.

Проклятый Люкрес переиграл ее. Переиграл всех.

— Я хочу, чтобы ты любила меня, моя девочка. Всем сердцем. И ради тебя я буду милосерден. Ты

будешь меня любить?

— Я... я постараюсь. Люка, пожалуйста! Он умирает! Пусты меня к нему!

— Потом, милая. Когда ты полюбишь меня. А пока... Полковник Дюблайн, убери барьер и убирайся сам с глаз моих... в Хмирну! Сейчас же. Не оборачиваясь. Не останавливаясь. Пока не пересечешь границу Хмирны, ни с кем не разговаривать и не пытаться связаться ни с МБ, ни с Конвентом. Приблизись к моей невесте меньше чем на десять локтей, или она к тебе — сдохнешь. Приказ ясен?

— Ясен, — почти беззвучно ответил Дайм. Одними губами, белыми. И так же тихо шепнул: — Прости, Шу.

— Он же умрет без целителя, Люка! Ты же не всерьез! Пожалуйста... я прошу тебя! — Едва преодолевая выворачивающую наизнанку тошноту, Шу обернулась к Люкресу, шагнула к нему. — Ты обещал быть милосердным!..

— Сир, я слушаюсь вас, — одновременно с ней подал голос Бастерхази.

На сей раз — не равнодушный и не пустой. Темный шер своим «я слушаюсь вас» напоминал и требовал. Платы.

— А, Бастерхази, — «вспомнил» о нем Люкрес. — Действительно, ты был послушен и заслуживаешь награды. Чуть позже, друг мой.

— Да, сир, — сказал Бастерхази, но прозвучало это как «нет, сир, сейчас же».

Если бы Шу могла, она бы восхитилась тем, как темный шер играет интонациями. И задумалась бы, почему его словарный запас сегодня ограничивается только «да, сир» и «слушаюсь, сир». Но какое значение имеет Бастерхази, когда Дайм умирает, а она ничего не может сделать?!

— Я милосерден, моя прелесть, — проигнорировав Бастерхази, Люкрес самодовольно улыбнулся Шуалейде. — Поэтому я поручаю шеру Бастерхази позаботиться об ублюдке. Забирай его...

— Люка! Не надо в Хмирну, прошу тебя! Люка!

— Надо, милая. Но так уж и быть, я позволю ему ехать завтра на рассвете... Стой, моя прелесть. Подойдешь к нему ближе или попробуешь лечить — убьешь его.

— Но... Люка, если не я...

— Прекрати лить слезы по ублюдку! Я и так слишком добр к нему! — нахмурился Люкрес. — Бастерхази, забирай Дюблайна сейчас же. И помни, моя невеста желает, чтобы ублюдок остался жив.

— Слушаюсь, сир.

Шу не успела ничего сказать, как плац озарила ало-фиолетовая вспышка, с треском открылся портал, и оба, Бастерхази и Дюблайн, исчезли.

А у Шу подкосились колени, закружилась голова — и она с трудом выдавила из себя:

— Ублюдок — это ты, Брайнон. Я сделаю все, что обещала, но ты об этом пожалеешь.

— Не думаю, моя прелесть. Не думаю. Ступай, готовься к нашей завтрашней свадьбе. Я хочу, чтобы моя невеста была ослепительна.

— Не ослепни сам, — прошипела Шуалейда, мечтая вцепиться ногтями и зубами в ненавистное лицо, разодрать его до крови, растоптать, уничтожить... и чувствуя, как в глазах закипают бессильные слезы, а она сама падает, падает...

— Я не отпускал тебя! — было последним, что она услышала перед тем, как ласковые стихийные потоки унесли ее куда-то... кажется — домой, в башню Заката... или сразу в Ургаш, неважно.

Совершенно неважно. Потому что Дайм... если Дайм умрет...

«Мы отомстим, мы отомстим, — пели призрачные голоса, укладывая Шуалейду в постель. — Наша месть будет прекрасна, изысканна и сладка!»

Глава 33. Взгляд бога

Все распоряжения бургомистра Найриссы шера Солер, сделанные со второго дня месяца каштана с. г., лишены силы. Гонорары светлым шерам Бланко, Кармона и Винсенте признаны выплаченными незаконно. Вышеозначенным шерам велено в трехдневный срок вернуть казенные средства и выплатить штраф за нарушение параграфа 17 Шерского Уложения от 901 г. до основания империи. Также вышеозначенные шеры лишены лицензии на государственную службу сроком на десять лет.

Смерть капитана Лопеса и незамужней Ниньи бие Стелья по результатам расследования признана убийством из ревности.

Стриж бие Морелле, Стриж, Новолуние, Найрисса.

Стриж вглядывался в ранних прохожих, в сумрак между домов и деревьев. Рука сама тянулась выхватить клинок, Тень стелилась под каждый шаг, манила силой и безопасностью, но Стриж держался, повторяя, как умну отрешения: «Шорох, брат мой».

Сгусток тьмы обрушился ниоткуда, вбил в Ургаш. Стриж не успел крикнуть «Стой, брат!», не успел даже подумать, как смерч боя завертел его. Мир вокруг застыл и замолк, двигались лишь двое соперников. Впервые Стриж бился с равным, впервые — без надежды на помощь и пощаду.

Он словно разделился на две части. Одна кружилась, прыгала, рассекала густой воздушный кисель шпагой и дагой, вертела обманные финты и направляла каждый удар — в смерть. «Хисс ждет, служу Хиссу!» А вторая в ужасе цеплялась за первую, отводила клинок и долбила в виски: «Это же твой брат! Остановись! Не смей!»

«Не мешай, убью!» — рыкнуло то, что было убийцей по имени Стриж, отбрасывая жалкую сентиментальность под ноги сопернику. Врагу. Жертве.

«Убью!» — отозвался эхом враг. Бывший друг. Бывший брат.

«Ни звезды, ни окружья... фонарь и веревка... ость и узел...» — зазвенел крик гадалки где-то давно и далеко, отозвался мгновенным пониманием: связь!

Себастьяно — отброшенная Рукой Бога за ненадобностью часть сознания — потянулся к своему отражению, захлестнул петлей шею себя-убийцы, из последних сил вытолкнул обоих из Тени в обычный мир. Вовремя: клинок почти достал горло брата. Рассерженная Тень зашипела, обожгла. Себастьяно ворвался сам в себя, вытесняя из тела безумное чудовище. Ослепительная боль, до рвоты, закружила его: прочь, ножницам Хисса не нужна душа!

Всего на миг он замешкался, но этого мига хватило Шороху, чтобы вывернуться и нанести удар. Тело отреагировало само. Сталь вжикнула по стали, шпаги зазвенели по булыжникам. Две даги замерли: у горла Шороха и под сердцем Стрижа. Пат, «мертвые любовники».

Не обращая внимания на разбегающихся в страхе прохожих, Стриж и Шорох застыли в смертельном объятии. Наконец Стриж смог увидеть брата: растрепанный, осунувшийся, с лихорадочно блестящими глазами, он походил на безумца.

— Шисов сын. — Шорох усмехнулся одним ртом. — Пойдем в Ургаш вместе?

— Не надо, брат. Остановись.

— Брат? — Шорох коротко засмеялся. — Ты убил моего брата и смеешь просить о пощаде? Нет уж. Сдохни.

Клинок Шороха чуть шевельнулся, на полпальца входя между ребер Стрижа. Почти не больно, только холодно.

«Ну же, — обжег шепот Тени. — Попроси меня, мальчик. Ты все равно уже мой. Но можешь еще немножко подышать и побегать!»

Стриж еле удержал руку, не позволяя даге даже оцарапать кожу брата.

— Остановись, Шорох, — тихо попросил Стриж. Он дрожал от напряжения, едва справляясь с собственным телом: сладкий запах крови щекотал ноздри, живот сводило голодным спазмом. — Посмотри на меня, ну?!

Шорох моргнул, прикусил губу, словно пытаясь избавиться от наваждения. Еще одна волна боли окатила Стрижа — дага Шороха шевельнулась. Черные глаза снова заволокло безумие...

— Брат, вернись! Прошу! — выдохнул Стриж.

«Убей! Убей!» — Порыв ветра взметнулся из-под ног, сыпанул в глаза обоим пыль и сухие травинки.

Шорох дрогнул, сомневаясь. Мгновение: Стриж извернулся, отдернулся, отвел дагу — острие чиркнуло по ребрам, но на такие мелочи он уже не обращал внимания — и ударил брата рукоятью в висок.

— Придурок, — прошипел он, поймав бесчувственное тело. — Шисов дысс.

Ощущение опасности усиливалось с каждым мгновением. Не нужно было быть провидцем, чтобы понимать: драка не осталась незамеченной. Ближайший патруль уже спешит за добычей, и на этот раз никто не будет требовать сложить оружие, обоих просто расстреляют из арбалетов. Или же придется снова нырять в Тень, а больше она их не выпустит.

На всякий случай он связал Шороху руки его же поясом, взвалил на плечо и устремился в ближайший темный проулок. Тащить здорового бугая было тяжело, порез на ребрах отчаянно болел и сочился кровью, зато патруль их до сих пор не увидел.

Стриж огляделся по сторонам в поисках мало-мальски пригодного места: еще минута-другая — и брат очнется. Как назло, потрепанные домишки стояли вплотную. Ни садика, ни подворотни, ничего! Только стены да окна-двери. Спину кололо опасностью, казалось, арбалетный болт уже летит в цель.

— Ой, дядя, а что это вы... ай! — послышался детский голос позади.

Обернувшись, Стриж встретился взглядом с двумя парами круглых от страха глаз. Девочка лет девяти, в простом платье и запачканном кровью и чешуей фартуке, застыла на пороге, зажимая рот сестренке — та едва доставала ей макушкой до подмышки. В руках малышка держала живую рыбешку, у ее ног шипел, выгнувшись дугой, тощий кот.

— Не надо... — беззвучно, одними побелевшими губами, попросила старшая девочка и попятилась в дом.

Рыбешка выскользнула из рук малышки, шлепнулась около кота. Тот ухватил ее, зарычал и забился под крыльцо.

Стриж в один прыжок оказался рядом, втолкнул детей в прихожую и ногой захлопнул дверь. Вдохнул застоявшийся запах рыбы, одним взглядом окинул беленые стены, разошедшиеся двери и рыбацкие куртки разных размеров на вешалке у входа.

— Братьев и отца нет? — как можно спокойнее спросил он.

Девочка покачала головой, потом мелко закивала — и заплакала. Молча, без всхлипов, все так же зажимая рот сестренке, чтобы не кричала.

Прислушавшись и убедившись, что кроме девочек никого в доме нет, Стриж велел показать кухню. Девочка кивнула дальше по коридору, но не сдвинулась с места.

— Иди вперед, — попросил Стриж. — И не бойся, я детей не ем. Видишь, брат болен. Ему надо помочь. Ты же поможешь, правда?

Он улыбнулся. И, как всегда, его улыбка подействовала: девочки перестали лить слезы, старшая робко улыбнулась в ответ.

— Лея, не будешь плакать? — развернув малышку к себе, спросила старшая.

Младшая серьезно покивала, покосившись на Стрижа. Старшая наконец отняла ладонь ото рта сестры, взяла ее за руку и пошла вперед. Не успели они добраться до кухни, как с улицы послышался цокот копыт, мужские голоса и стук дверных колотушек. Девочки обернулись в испуге.

Стриж приложил палец к губам и шепнул:

— Пожалуйста!

Старшая девочка перевела взгляд с него на дверь, потом на малышку и кивнула.

Опустив все еще бесчувственного брата на пол, Стриж прислушался. Сердце отчаянно стучало, мрак по углам коридора сгустился, потянулся к нему: «Иди ко мне, мальчик. Спрячу, укрою».

— Эй, есть кто дома? — раздалось из-за двери.

— Ма-а-ау! Шш-ш! — ответил кот, не желающий делиться рыбешкой.

— Шис, облезлая тварь! Пошел вон!

— Мр-рау! — возмутился кот.

— Гомес, не мешай коту жрать, — засмеялся другой стражник. — Этот зверь никого не пропустит.

— Смотри, укусит, сам облезешь, — подержал веселье третий.

— Отставить шуточки! — рявкнул начальник патруля. — Гомес, глянь в скобяной лавке.

Через несколько минут, долгих, как пытка, голоса стихли. Стриж уже не в силах был радоваться везению — ни один из жителей тупика их не заметил, а может, не захотел выдавать страже. Он снова подхватил Шороха на плечо, поморщившись от боли — позавчерашняя рана напомнила о себе.

— Дядя, почему кровь, ты рыбу чистил? А я не люблю рыбу чистить, она скользкая и прыгает. — Осмелевшая малышка подобралась и вертелась вокруг. — А почему дядя спит? Он вино пил? А почему у тебя глаза синие? Мама говорит, синие только у северных некромантов. Ты некромант?

— Лея, перестань. Простите, сиятельный шер, она маленькая.

— Да ничего, — Стриж улыбнулся. — Я не шер и не некромант, почтенная, а дядя спит, потому что головой стукнулся. А тебя как звать, хозяйшюка?

— Кончита, сиятельный. — Девочка потупилась. — Вы простите, у нас на кухне рыба, поэтому пахнет.

— Подумаешь, рыба. Был бы гуль, вот тогда! Или у вас акула по столу бегают?

Малышка засмеялась в голос, старшая потише, но обе уже и думать забыли, что милого и совсем нестрашного юношу надо бояться. С хихиканьем они отодвинули стул от большого стола, заваленного рыбой, чтобы Стриж мог посадить брата.

— А вас как звать? — порозовев, спросила Кончита.

— Себастьяно. — Убедившись, что Шорох все еще без сознания и надежно связан, Стриж стянул порезанную рубаху и взял из рук малышки кувшин с водой. — Лея это Мелейла?

— Шуалейда! Как принцесса-колдунья, — гордо заявила девочка. — Я когда вырасту, тоже пойду воевать зургов!

Шуалейда. Лея.

Стриж невольно улыбнулся странному, неуместному и прекрасному воспоминанию. Единственная почти-встреча. Почти-взгляд. И самое настоящее тепло где-то в груди, словно одно только имя согревает и лечит.

— Сама ты зург, — передразнила малышку старшая девочка и охнула, разглядев длинный свежий порез, задевший концом едва затянувшуюся рану. — Кто ж вас так, почтенный Себастьяно? Вот... — Кончита достала из сундучка под окном кусок ветхого чистого полотна. — Давайте перевяжу.

— Спасибо, милая. Но лучше я сам. А вы с Леей идите-ка пока к себе.

— Нет, я буду помогать! — упрямо пискнула Лея.

— Будешь, но потом.

Кончита ухватила сестру за руку и, не слушая протестов, повела прочь.

Едва девочки вышли, за спиной Стрижа послышалось:

— Еще две крепости пали. На мелочи размениваешься, соблазнил бы уж сразу принцессу!

— Опомнися, и года не прошло, тролль зеленый! — проворчал Стриж, пряча радостную улыбку, и, не глядя на брата, повернулся к полке с посудой.

— Точно. Придурок. Искал по всему городу сначала тебя, а потом того шиса, что тебя убил.

Неторопливо поставив на стол миску, Стриж налил в нее воду, макнул окровавленную рубаху и только тогда поднял взгляд на Шороха.

— Ну?

— Ну. Игла сказал, что тебя прирезал кто-то из местных. Соврал, шисов дысс.

Пожав плечами, Стриж принялся промывать и перевязывать рану, а затем полоскать некогда белый батист в порозовевшей воде.

— Ты меня развяжешь наконец? — не выдержал Шорох.

Стриж неторопливо отжал рубаху, натянул на себя. Обернулся к брату, глянул серьезно и печально:

— Опасных сумасшедших до прихода святых Милосердных Братьев предписывается держать вдали от людей, связанными надежно. Охлаждения для поливать водой колодезной. На речи льстивые и искусовые не поддаваться...

Видя округлившиеся глаза брата, Стриж рассмеялся.

— Шисов фигляр! — рассмеялся Шорох в ответ.

Следующие четверть часа Стриж готовил охру по рецепту Ульриха и слушал рассказ Шороха о бегстве от стражи, схватке с Иглой и поисках убийцы брата.

— Как я мог не поверить? Ты был ранен, за тобой охотилась вся стража и вся Гильдия!

— За тобой тоже, между прочим. И как ты собирался справиться с опытным ткачом? Что я, зря, что ли?..

— Какая разница как! — прервал его Шорох. — Справился бы. А нет так и нет. — Он замолчал на мгновение. — Почему я до сих пор жив, не понимаю.

— Ты уже сказал слова договора?

— Нет. Я же не был в храме.

Стриж отставил горшочек с остро пахнущей смесью, подошел к брату, сел рядом.

— Я тебе не рассказывал... Не перебивай! — велел он, видя, что Шорох собирается возмутиться. — Помнишь: «Раб в воле Твоей, перчатка на руке Твоей и проводник душ Твоих»? Так вот. Я не говорил этих слов. Я сказал «слуга». Если не боишься спорить с ним, попробуй. Но сам знаешь, это опасно.

— А служить ему безопасно, ага. Ткачи — самая мирная работа, — ухмыльнулся Шорох и тут же посерьезнел. — Мы и так нарушили сто правил. Еще одно ничего не изменит. Что-то мне уже не хочется проходить Посвящение. Шис. Пойти, что ли, в пекари?

— В трубочисты.

— А ты умеешь печь хлеб? И буши? — послышался звонкий голосок от двери.

Братья вздрогнули и обернулись. На пороге стояла, теребя фартук и сияя любопытными глазками, малышка Лея.

— А зачем тебе краски? А мне можно порисовать? Пожалуйста!

— Лея! Куда тебя понесло! Простите, светлые шеры, не уследила! Мы не будем вам мешать, правда! — затараторила запыхавшаяся Кончита, хватая сестренку за плечо и оттаскивая прочь. — Пойдем же, Лей!

— Чита! — возмущенно пискнула кроха. — Я хочу рисовать!

— Подожди, Кончита, — остановил ее Стриж и присел на корточки напротив малышки. — Любишь рисовать?

— Люблю! Только мама не покупает красок, а угольком не так красиво. Но я нарисовала стрекозу и солнышко, и рыбу. А ты мне дашь немножко краски? Вот этой, синей? У тебя же много!

— Конечно дам. Разве можно отказать такой милой девочке? И кисточку тоже дам. Только на чем ты будешь рисовать?

— А... на стене, она белая? — Поймав укоризненный взгляд сестры, она поправилась: — Я раскрашу свой горшочек для каши, мне папа подарил, это мой горшочек!

— Вот и хорошо. Держи. — Стриж выложил на край стола киноварь, белила и кисть. — Эти краски

готовы, а охра еще нет.

— Почему? Что ты с ней делаешь?

— Колдую!

Черные глазки расширились от восторга и любопытства.

— Ты колдун? Настоящий? Ой! А можешь наколдовать мне куклу?

— Настоящую куклу наколдовать нельзя, почтенная Лея. Но наколдовать монетку, чтобы купить куклу на базаре, я могу. Хочешь?

— Хочу! — Девочка запрыгала, позабыв пока даже про краски. — Да, наколдуй!

Состроив важную рожу, Стриж неразборчиво забормотал, нарисовал в воздухе несколько замысловатых фигур и хлопнул в ладоши. Из его рук упала серебрушка и зазвенела по полу. Лея тут же метнулась за ней, схватила...

— Чита! Вот она! Ой!..

Сидя на полу, малышка радостно разглядывала серебряный полуимпериал. А ее сестра переводила недоумевающий, испуганный взгляд с одного щедрого незнакомца на другого.

— Это мне, да? — Лея подняла глаза на Стрижа. — Все-все?

— Тебе, тебе. Иди рисуй, почтенная Лея. — Стриж потрепал ее по макушке и подмигнул Шороху. — А почтенная Кончита не накормит ли гостей?

— Непременно! Только... Простите, милостивые шеры, я... у нас лишь рыба и немного хлеба. — Девочка потупилась и спрятала руки под фартук. — Я могу сбежать в лавку.

— Не надо в лавку, — вмешался в разговор Шорох. — Мы с братом очень любим рыбу. Твои родители ведь не рассердятся, если ты нас накормишь?

— Что вы! Довольный гость — добрая удача, — она повторила слова отца, став на миг взрослой и серьезной.

— А когда они вернутся? — спросил Шорох.

— Мама придет к полудню, а папа с братьями вечером, — отозвалась Лея, уже успевшая окунуть кисточку в киноварь. — И в тринадцатый день мы пойдем на службу в Алью Райна. Там так красиво! А я нарисую солнышко, как в храме. Круглое.

— Почему бы вам не пойти на службу сегодня? — подсыпая в горшочек с охрой щепоть корня гулей сыти, невзначай спросил Стриж.

— Папа запрещает ходить одним, — покачала головой старшая девочка. — Вот если бы соседи пошли...

— Сегодня мы с братом пойдем к полуденной молитве, — так же равнодушно бросил Стриж.

Обе девочки с интересом и надеждой взглянули на него, но он промолчал, продолжая размешивать охру: шесть раз по солнцу и восемь против.

Рыбацкий обед был скуден: рыбный суп с просом и запеченный с травами сазан. На десерт девочка предложила светлым шерам чай из гибискуса — того, что цвел на заднем дворе, прямо под окнами — и крохотную плошку меда. Оба, не сговариваясь, заявили, что мед не любят, и лакомство досталось счастливой, перепачканной красками Лее. Кроме того, Лее и Кончите достались рассказы о колдунах, зургах, лесных духах, солдатах, музыкантах и светских дамах. И, конечно же, Стриж и Шорох раз двадцать упомянули о полуденной службе в Алью Райна, колокольных песнях, чудесных танцующих огнях над алтарем и диковинных рисунках на площади перед храмом.

— Лея, ну что ты ревешь, глупенькая? — Кончита прижала сестренку к себе. — Увидишь ты эти солнышки в конце недели.

— Завтра будет дождь, Чита! Папа сказал, шторм, а папа всегда точно знает. Я не увижу солнышек на камнях.

— Лея, не плачь. Хочешь, пойдем вместе? — Шорох сделал вид, что устыдился.

— С вами? — Глазки Кончиты радостно сверкнули, но тут же погасли. — Папа не велел.

— Почтенная хозяйюшка, вам ведь нельзя ходить одним. А с нами вас никто не тронет, — продолжал Шорох.

— Точно, пойдемте вместе! — спохватился Стриж. — Как же я не подумал! Ведь Лея может нарисовать такое же солнышко. И даже лучше.

— Чита, ну пожалуйста! — захныкала малышка. — Папа не будет ругаться, мы покажем ему мою монетку, — привела она неоспоримый довод.

— Благодарю, светлые шеры. — Кончита запнулась на миг, на лице ее промелькнул страх, затем понимание и под конец решимость. — Мы с радостью пойдем с вами.

— Вот и чудесно, — ласково улыбнулся Стриж. — А Лея может взять свои краски. Или нет, киноварь и белила ты оставь дома, а я тебе дам охры. Спорим, ты сумеешь нарисовать веселое солнышко? Даже волшебное! Ведь ты совсем как принцесса-колдунья.

Малышка глядела на него во все глаза, позабыв о том, что щечки ее все еще мокры от слез.

— Мои краски? — на всякий случай она притянула оба горшочка к себе и обняла рукой. — Ты даришь мне эти краски?

— Конечно, Лея, — кивнул Стриж. — У тебя так красиво получается. Может быть, ты раскрасишь и все остальные миски в доме, если мама с папой разрешат.

— И ты научишь меня рисовать волшебное солнышко? А что оно делает?

— Научит, Лея, — улыбнулся ей Шорох. — Солнышко приносит удачу и счастье.

— Тогда я нарисую такое солнышко тебе. — Малышка искоса глянула на Стрижа и потупилась. — Ты добрый... и красивый...

Повисла тишина. Лея смущенно ковыряла стол, Кончита вглядывалась в странных гостей, Стриж и Шорох просто сидели тихо, чтобы не спугнуть шанс.

— Бегом мыть руки и надевать чистое платье, Лея, — прервала молчание старшая девочка.

Малышка вскочила и помчалась прочь, прихватив баночки с красками.

В глазах Кончиты читался единственный вопрос: «Мы вернемся домой?»

— Не надо нас бояться, Кончита, — мягко сказал Стриж. — Мне нужно, чтобы Лея нарисовала единственный рисунок на площади. А потом вы пойдете в Алью Райна и скажете настоятелю Халлиру, что вас надо проводить домой.

— Я не боюсь. Вы совсем не такие, как о вас рассказывают, — серьезно отозвалась Кончита. — И папа говорил, что темные ткачи это не зло, а просто слуги Брата.

— Твой папа не совсем прав, Кончита, — покачал головой Шорох. — Ткачи — это зло, а Ургаш — тьма и отчаяние. Просто лучше зло, послушное закону Хисса, чем дикое и безумное, как стая голодных гулей.

— Но... — Девочка растерялась. — Вы не похожи на гулей!

— Не похожи. — Шорох усмехнулся. — Мы намного страшнее. И поэтому, когда стража будет тебя спрашивать о нас, ты им расскажешь все без утайки. Нам это не повредит, а твоей семье неприятности не нужны. Так ведь?

Девочка кивнула, не понимая, но и не решаясь противоречить.

— Братишка, не запугивай ребенка, — вмешался Стриж. — Почтенная Кончита и так будет вести себя хорошо, правда же?

Кончита закивала.

— Вот и умница, — улыбнулся ей Шорох. — Посмотришь службу, помолишься Светлой и на полчаса сделаешь вид, что мы твои соседи, друзья брата. Как, кстати, его зовут?

— Джеронимо. Рони бие Пунта, — тихонько отозвалась Кончита.

— Значит, приятели Рони с соседней улицы.

— Беги тоже надень чистое платье, Кончита, — велел Стриж.

Девочка кивнула и убежала, а Шорох вопросительно посмотрел на брата.

— Что за солнышки? — Он кивнул на остывающую в тряпице палочку гномьей охры. — И как ты уговорил Ульриха поделиться рецептом?

— Ну, мы поспорили. Он сказал, что никто кроме гномов не может, а я сделал.

Шорох хмыкнул.

— Ладно, потом расскажешь.

— Ты только не пытайся подойти к храму, пока Лея не затрет руны.

— Капитан Лопес сошел с ума. Такого попрания традиций гильдии не простит.

— Уже, — пробормотал Стриж.

— В смысле уже?

— Некого уже прощать. Шис, мне нужна другая рубаха. В этой стража прицепится. — Стриж просунул руку в прореху, потрогал заживающий рубец. — Чешется.

До площади Близнецов добрались без приключений. Стриж рассказывал Лее байки о волшебных солнышках, показывал на пальцах, как рисовать лучи и объяснял, что у настоящего волшебного солнышка вся серединка непременно должна быть закрашена. Шорох кивал со знающим видом и добавлял свои байки. Даже Кончита так заинтересовалась историями, что позабыла об опасениях. К тому же по дороге им попала лоточница с лентами, заколками, косынками и прочими девичьими радостями. И конечно же, Стриж тут же наколдовал для Леи и Кончиты еще одну монету.

Около храма уже собирался народ: послушать проповеди и притчи из Катренов Двуетности. Мамаши с детьми, подмастерья и старики, праздные шеры и нищие тихонько гомонили под зычный голос дюжего служки. Малышня уже приспособила нестирающиеся меловые линии и рисунки вокруг Алю Хисс к игре: дети бегали по линии, прыгали с руны на руну. Стриж усмехнулся про себя: «Никакого почтения к работе светлых шеров!»

Кончита и Лея тут же помчались к ним и включились в игру, а братья присоединились к жиденской толпе у дверей Алю Райна.

Стриж осмотрел площадь: две дюжины стражников притворялись мастеровыми, побирушками и даже влюбленными парочками. Вояки в платьях и чепцах выглядели презабавно.

— Вот вырядились, придурки. — Стриж пихнул в бок брата, указывая на трех «служанок», воркующих с двумя парнями близ дверей Алю Хисс.

Только недоумевающий взгляд Шороха навел его на интересную мысль. Похоже, стражники не такие уж придурки, и бургомистр Найриссы (или капитан Лопес, мягкой травы и сладкой воды забвения ему) расщедрился на личины. А сам Стриж, оказывается, видит сквозь морок. Крайне интересно, это дар Хисса всем своим слугам или только Стрижу? Потом, когда они с Шорохом вернутся домой мастерами теней, надо будет выяснить досконально. Если вернется.

— Стража в личине, — шепотом пояснил Стриж.

Шорох кивнул.

Хоть Стриж и делал уверенный вид — все равно, где дело касается магии, Шорох пока не поможет, — его одолевал страх. Слишком много случайностей, слишком многое зависит не от него. Он еще раз оглядел Алю Хисс в хищно мерцающей дымке заклинания: барельефы, изображающие демонов Ургаша, тонкие полуколонны, обвитые ядовитой омелой, узкие витражные окна на уровне второго этажа, плотно закрытые двери эбенового дерева. Даже миновав барьер, в храм не войти, пока настоятель Риллах не откроет дверей. А просто повредить круг и спрятаться до ночи в городе — рискованно. Слишком велика вероятность, что в ближайший же час светлые шеры Найриссы круг восстановят, а заодно откроют охоту на оставшихся подмастерьев. Единственный шанс спастись — Тень.

Стриж взглянул на брата, вспомнил туман безумия в его глазах.

«Проклятье! А в трубочисты уже поздно. Если только...»

Мелькнувшую мысль он даже не стал додумывать, а спрятал как можно дальше — чтобы Шорох не догадался. Объяснять каменнолобому троллю долго и бесполезно. Ну и шис с ним. Когда шагнет через круг, идти на попятный будет поздно.

— Как тебе красotka? Вон та, с зелеными лентами? — громко зашептал Стриж, кидая выразительные взгляды на пышногрудую няньку при мальчишке лет четырех. И, пока Шорох отвечал, добавил совсем тихо: — Пойдешь первым. Три шага и уходишь в Тень. Ждешь полуночи на окне слева.

— Нет. Только не Тень, — между шуточками, не забывая показательно разглядывать красotka, воспротивился Шорох.

— Не спорь. Вне Тени нас выловят в два счета. Продержимся, не бойся. Я спрячусь так, что ты меня не найдешь.

— ...спорим на сестрицу, она тебя пошлет? — продолжил на публику Шорох.

— Ха! Завтра же придет на мост Ласточек! — Стриж выразительно облизал взглядом выдающийся бюст няньки и слово случайно перевел взгляд меловые рисунки. — О, смотри, наша Лея опять рисует. Ну что за девчонка, на минуту от нее не отвернуться.

Сокрушаясь о тяжелой доле пестуна малолетних безобразниц, Стриж неторопливо пошел к детишкам. Им надоело прыгать, и маленькая Лея предложила новое развлечение: рисовать. Она раздала детям по кусочку охры и принялась показывать, как рисовать волшебные солнышки — прямо на ближайшем магическом знаке. Вдохновленные примером детишки тут же начали усовершенствовать руны. А Стриж с замиранием сердца смотрел, как барьер мигает, течет, меняет цвет, раскрывается прорехами...

«Ско-ро пол-день, ско-ро пол-день!» — зазвонили колокола Алью Райна.

— Дядя Стриж, — закричала Лея, увидев приближающегося Стрижа. — Смотри, я нарисовала солнышко! Правда, волшебное?

Над площадью мгновенно сгустилось напряжение. Взгляды стражников, как один, устремились к девочке: сработало странное имя вместе с упоминанием волшебного солнышка.

— Умница моя, — откликнулся Стриж и шепнул Шороху: — Бегом!

Но брат и не подумал ускорить шаг. Он по-прежнему шел вровень со Стрижом.

— Иди посмотри скорей! — продолжала Лея, размахивая огрызком драгоценной охры. — Все лучики ровные. А еще я нарисовала тебя!

— Быстро, придурок! — зашипел Стриж, толкнул Шороха и побежал сам.

Дальше все слилось в один ком: бегущие к ним стражники с арбалетами, испуганные крики из толпы, порскнувшие с дороги дети, визг и плач, свист ножей: стражники плевать хотели на жертвы среди горожан.

И круглые, несчастные глаза Леи, замершей на месте.

— Лея, беги! — закричала Кончита, бросаясь к сестре.

— Не надо! Не трогайте Стрижа, он хороший! — малышка отмерла и метнулась навстречу Стрижу.

Ему показалось, что время превратилось в кисель. И в этом киселе медленно, с сердитым шмелиным жужжанием летел болт. Летел правильно, на опережение — стрелок знал свое дело. Только он не учел одной маленькой девочки...

— Ле-я-а!

Панический вопль Кончиты слился с коротким проклятием прыгнувшего к малышке Стрижа:

— Шис!

Он оттолкнул Лею с траектории выстрела и упал на бок, сжимая успевший вонзиться в плечо болт. Рана отозвалась ослепительной болью. Стриж перекатился, вскочил, вырывая болт из руки, и метнул его в ближайшего стражника. Побежал зигзагами к храму. Успел краем глаза увидеть, как Кончита бросилась к упавшей, словно поломанная кукла, сестре, обняла и закрыла собой.

«Ско-ро пол-день!» — продолжали смеяться колокола.

«Скоро полдень!» — вторил топот стражи.

«Рука Моя, — приказала Бездна. — Покарай наглецов, презревших закон!»

Тень храма надвинулась, охватила Стрижа ледяными крыльями. Мир выцвел, в голове стало легко и пусто. Площадь заполнилась алыми силуэтами жертв. И на этот раз даже мысли не мелькнуло послушаться. Время игр и испытаний закончились. Он — Рука Хисса, он с радостью исполнит его волю.

Стриж почти успел настичь первого стражника, как его снова оглушил новый приказ.

— Остановитесь! Именем Равновесия! — два громовых голоса слились в один.

Стриж застыл, как подвешенная на нитках кукла, не в силах даже вздохнуть.

В отворившихся дверях храмов встали два брата-настоятеля. Между белым кругом и черной звездой в воздетых руках протянулась ослепительно-яркая радуга.

Толпа отзывалась слитным вздохом. Стражники замерли в недоумении.

— Именем Равновесия, — пронесся по площади бестелесный шепот, осветил все закоулки серым призрачным светом и пригасил солнечное сияние до сумерек.

Мир закружился, померк...

— Ле-я-а!

— Шис!

Стриж схватил Лею, упал вместе с ней, оттолкнул, вскочил, метнул болт, краем глаза увидел отворяющиеся двери Алю Хисс, бегущего к ним Шороха. Бросился к храму, уворачиваясь от свистящих болтов и ножей. Проскользнул мимо старика в черной рясе. Затормозил, обернулся, зажимая ладонью раненое плечо.

Вот он, узел в сотканном полотне: на залитой солнцем площади, в трех дюжинах шагов от храма, горожане и стражники окружают двух девочек. Старшая, с красными шелковыми лентами в косах, обнимает плачущую малышку, гладит по голове. Один из стражников говорит что-то Кончите, подает руку, помогая встать. Растрепанный беловолосый старик подхватывает на руки Лею, заговаривает с ней, машет рукой на стражника: мелькают черные, без белков, глаза. Лея показывает Слепому Нье кусочек гномьей охры, тот исчезает в рукаве третьего брата...

Никто из стражников не смотрел в сторону Алю Хисс, кроме одного, совсем молоденького, окруженного еле уловимым голубым сиянием дара. «Шерский бастард», — подумал Стриж под тихий скрип закрывающейся двери эбенового дерева. Риллах, не глядя на них с братом, прошел мимо, за алтарь. Черным пятном в красноватом свете витражей мелькнула ряса, стукнула дверь в пристройку, где живут служители храма. Шорох и Стриж остались в полумраке одни. До полуночи, когда Темный Хисс примет клятвы подмастерьев и сделает их своими новыми Руками, а гильдия Ткачей пополнится еще двумя мастерами теней.

Глава 34. Невеста Ургаша

6-й день каштана, Риль Суардис, Шуалейда.

— Торре, Суардис! Долгих лет! Слава нашей принцессе! Да правит император вечно! — восторженно орали горожане.

Светило солнце. Чирикали птицы. Благоухали каштаны.

— Чудесный день для свадьбы, моя прелесть. Улыбнись нашим подданным, — велел Люкрес, едущий по правую руку от Шуалейды. — Посмотри, как народ любит нас!

Растянув непослушные губы в улыбке, Шуалейда помахала горожанам, бросила новый пучок ленточек, и толпа заорала с новой силой. Под копыта лошадей снова полетели цветы, ароматные травы, зерна и медные монетки. А незамужние девицы — все, кто сумел протолкаться в первые ряды, — все пытались поймать хоть одну ленточку из тех, что «счастливая невеста» раскидывала вокруг себя.

Старое и романтическое поверье — вплести в косу ленту, которой коснулась невеста в день своей свадьбы, и встретишь суженого до исхода луны. Жаль, с Шуалейдой поверье уже не сработает, хоть увешайся ленточками. Суженого она встретила и потеряла, а сегодня выходит замуж за упыря с продутым чердаком, чтоб он мучительно сдох, этот упырь.

«Брат и Сестра, прошу вас, сделайте хоть что-нибудь! Остановите эту свадьбу!» — повторила Шу в тысячный раз.

И в тысячный раз Двуетинные не откликнулись. Торжественная процессия уже вступала на площадь перед двумя храмами. Нарядную, убранную цветами и флагами, запруженную разодетыми шерами и простыми горожанами. Казалось, на свадьбу обожаемой принцессы, победительницы зургов, надежды и гордости Валанты, собрался весь город. Даже бродячие кошки — и те пришли посмотреть на торжество...

Шу невольно улыбнулась, увидев пару крылатых котов, восседающих на карнизе крыши. Один кот был голубым в белую полосочку, второй — или вторая — желто-пятнистым, как леопард. А крылья у обоих были темно-синими, полупрозрачными, словно ночное небо над рекой...

Выше задрав подбородок, Шу сморгнула нечаянную слезу. Та ночь навсегда останется с ней. В ее памяти. В ее снах. Останется Остров Фей, сотворенный тремя влюбленными шерами. И Дайм когда-нибудь вернется. Обязательно вернется. Лучше — когда Шу научится играть в проклятые политические игры и сможет переиграть сумасшедшего упыря.

Она обязательно научится. И он еще тысячу раз пожалеет, что вынудил ее к браку. Она — Суардис, а Суардисы никогда не сдаются.

Шуалейда снова помахала рукой толпе и перевела взгляд на помост, возведенный между двумя храмами. Несмотря на устилающий его синий бархат и золотой символ Двуетинства, сияющий над креслами для почетных гостей, помост напоминал эшафот. И Шу невольно искала спрятанные в нем колбы — на сей раз для ее крови и ее дара. Ведь Люкресу не нужно от нее ничего больше. Только сила. Ему даже на ее отречение от прав на Валанту плевать. Он так и сказал сегодня, мол, это даже хорошо, что ты не унаследуешь Валанту, меньше мороки.

Валанта — и морока! Боги, какая же гнусная мерзость досталась Шуалейде в мужья!

— Слава! Слава! — продолжала надрываться толпа, глядя, как спешиваются Шуалейда и Люкрес, как поднимаются по застеленным синим бархатом ступеням.

— Если твой отец собирался меня оскорбить пренебрежением к императорским цветам, ему это не удалось, — едва слышно хмыкнул Люкрес. — И не удастся. Я не откажусь от тебя, моя прелесть. Ни за что.

— Не лопни от самодовольства, недоносок, — буркнула Шу, приседая перед отцом в почтительном реверансе.

Его величество Тодор, обряженный в парадную мантию, с земляничной короной на голове, величественно кивнул и встал. Поднял руку, призывая народ к тишине.

По идее, в этот момент на площадь должен был упасть полог тишины. Если бы полпред Конвента был на месте, а не пренебрегал своими обязанностями. Но темного шера Бастерхази никто не видел со вчерашнего дня, когда он забрал умирающего Дайма. Куда — неизвестно. Что он с Даймом

сделал — тоже. Шу могла лишь надеяться, что Бастерхази не сошел с ума окончательно. И что его любовь к Дайму была настоящей, а не еще одной ложью ради могущества.

Но темного шера не было, и тишину пришлось обеспечивать сразу нескольким шерам — канцлеру Сальепусу, трем шерам третьей категории из валантской аристократии, одному — из свиты Люкреса. Могла бы и Шуалейда, но не хотела. И просить ее никто не стал. Да и толку-то, со вчерашнего дня она ни с кем не разговаривала. Как сбежала к себе и заперлась в башне Заката, так и вышла лишь сегодня на собственное бракосочетание. Ну, если не считать короткого, всего в пару фраз, разговора с Энрике. Который сводился к двум вопросам: может ли Энрике как-то помочь Дайму? Нет? Жаль. А помешать свадьбе или подсказать что-нибудь Шуалейде? Нет? Нет, она не сердится. Энрике не за что просить прощения. Она сама дура и сама во всем виновата. Была бы умнее — иначе бы формулировала клятвы. Всего-то следовало пообещать выйти замуж за Люкреса не когда тот освободит Дайма от оков и обвинений, а когда Дайм будет свободен совсем. От клятв, печати верности, воли императора и чего угодно. И то, что она не догадывалась о власти Люкреса над Даймом — не оправдание.

Она ошиблась и заплатит за свои ошибки. А потом придумает, как освободить Дайма и отомстить обоим упырям, Люкресу и Бастерхази.

Обдумывая планы мести, она пропустила мимо ушей речь отца. Длинную, прочувствованную речь о единстве империи и прочая, прочая. Речь Люкреса, коротко пообещавшего народу Валанты мир и процветание под покровительством Брайнонов — тоже. Слишком ярко светило солнце, слишком весело щебетали птички, чтобы слушать всякую чушь.

— ...прими в дар обручальный браслет моей пра-прабабушки, супруги Роланда Святого, — пробилось к ней сквозь птичий щебет.

Опустив взгляд на открытую шкатулку, поданную Люкресом, Шу едва не зажмурилась от солнечного сияния. Полуденные лучи отразились от крупных, как орехи, бриллиантов, ослепили, выбили из глаз слезы.

Слишком ярко. Фальшиво. Опасно. Кажется, именно об этом артефакте предупреждал Дайм. А Люкрес ловок. Преподнес артефакт так, что без скандала не откажешься. Но она не и будет отказываться. Зачем?

— Благодарю, мой принц, — светло улыбнулась Шу и протянула левую руку, чтобы Люкрес сам надел ей артефакт.

Торжествующий блеск его глаз Шу проигнорировала. И его приказ: «Ты будешь любить меня больше жизни, Шуалейда Суардис!» — тоже. Все ее внимание было сосредоточено на артефакте, призванном подавить ее волю и сделать послушной куклой.

Второй раз за два дня. Сначала Бастерхази, теперь Брайнон. Интересно, будет ли третий раз? Кто? Когда?

Щелчок застежки прозвучал... всего лишь как щелчок застежки. А спрятанные в браслете потоки — тончайшего кружевного плетения, завораживающе прекрасные в своем злом совершенстве — развернулись, окутали Шуалейду невесомым огненно-лиловым покрывалом...

— Какая прелесть, — улыбнулась Шу, подняв взгляд на Люкреса. — Обязательно расскажешь мне, мой принц, как Саламандра делала этот артефакт. Чрезвычайно интересная структура. Даже жаль портить.

Все с той же светлой улыбкой Шу сдернула с себя кружевной морок, и он рассыпался тысячами искр, ослепительно ярких даже в свете полуденного южного солнца. Толпа выдохнула: какая красивая церемония! Как прекрасна наша принцесса! Двуетные благословили Валанту!

— Тебе идет, моя возлюбленная невеста, — не то разочарованно, не то восторженно сказал Люкрес и обернулся к двум братьям-настоятелям, Халлиру Белому и Риллаху Черному. — Начинайте, мы готовы сочетаться браком.

— Мы готовы, — подтвердила Шуалейда, собрав в кулак всю свою волю: нельзя позорно разрыдаться прямо здесь. Это не спасет ее от брака, но испортит людям праздник.

Следующие несколько минут, пока Халлир Белый задавал традиционные вопросы, а Люкрес и Шуалейда давали традиционные ответы, прошли как во сне. Дурном и кошмарном сне — под щебет птиц и благоухание каштанов.

— ...почему эти шеры не могут вступить в брак, говорите сейчас или не говорите никогда, — прозвучало над площадью Близнецов.

На мгновение все замерли — вот сейчас, через пару мгновений, свершится таинство брака, Двуетидные благословят союз любящих сердец...

Грохот копыт и крик: «Дорогу, именем императора!» — раздался над площадью Блинецов, словно грозовой раскат.

— Заканчивайте, светлый отец, — потребовал Люкрес. — Заканчивайте сейчас же!

Халлир Белый покачал головой, позволив себе едва заметную улыбку. А за его спиной Риллах Черный подмигнул Шуалейде. Подмигнул? Риллах Черный?!

А толпа на площади тем временем расступилась, пропуская кавалькаду всадников в черных плащах... то есть в черных — все, кроме первого. Его плащ развевался, словно драконьи крылья с огненным подбоем, и вокруг него стелилась тьма, плотная, острая, рассекающая время и пространство.

— Именем императора и Конвента, дорогу, — разнесся над площадью голос, похожий на гул пламени.

И тут же на ступени перед помостом прыгнули четверо: темный шер Бастерхази и еще трое... гвардейцев? Но явно не шеров — стихийной ауры не было ни у одного из них. Длинные черные плащи, глубокие капюшоны, запах болота и тления... умертвия? Злые боги, кого привел Бастерхази и что он собирается делать?!

— Как ты посмел помешать нам?! — с тихим бешенством спросил Люкрес и, шагнув навстречу Бастерхази, приказал: — Умри, ничтожество!

— Не сегодня, сир, — усмехнулся темный шер, кинул нечитаемый взгляд на Шуалейду и отступил в сторону, давая дорогу тем троим, что следовали за ним.

А они — не шеры и не умертвия — одновременно скинули капюшоны, открывая три одинаковых лица.

— Ант, Бри, Вент... — неверящим шепотом перечислил Люкрес, словно изучающий алфавит ребенок, и обернулся к собственной безмолвной тени в таком же, как у этих троих, мундире императорской лейб-гвардии. — Диен?..

— Светлого дня, ваше императорское высочество, — глухим, механическим голосом сказал один из големов. — Их всемогущество желает, чтобы вы немедленно проследовали с нами в Метрополию.

— Воля его всемогущества для меня закон, — неохотно склонил голову Люкрес. — Сейчас мы закончим, и я...

— Нет. Немедленно, — повторил голем.

— Его всемогущество приносит свои извинения вашему королевскому величеству, — другой голем поклонился королю Тодору, — и вашему королевскому высочеству, — второй поклон адресовался Шуалейде, — и просит отложить бракосочетание.

— Ни к чему откладывать, Шуалейда уже дала свое согласие! — возмутился Люкрес.

— Прошу, ваше императорское высочество, — первый голем указал на химеру, на которой приехал Бастерхази, и сделал шаг к Люкресу. — Его всемогущество заботится о вашем благе.

— Халлир, вашу ма... Я согласен, Шуалейда согласна, объявляйте уже нас мужем и женой!

— Церемония состоится, когда на то будет воля благословенного Двуетидными императора, — спокойно ответил настоятель Алью Райна, отступил к своему черному брату... и оба исчезли.

Вот так просто, без пространственных разломов и прочих фейерверков.

А голем, приблизившись вплотную к Люкресу, накинул на него свой плащ и бережно, словно больного ребенка, повел к оседланной химере. Остальные трое големов — и Диен в том числе — последовали за ним.

И только когда кавалькада закутанных в черное всадников покидала площадь Блинецов, Шу взглянула наконец-то на темного шера Бастерхази. Кажется, она зря считала его чудовищем. Чудовище не стало бы помогать ей. Надо... наверное, надо...

— Я благодарю вас, темный шер.

— Не меня, — холодно отозвался тот. — Я сделал это не ради тебя, безмозглая девчонка.

Шуалейда отшатнулась, чувствуя, как сердце опять падает, падает... Боги, когда уже она наконец поймет, что темный шер — это навсегда! Глупая, наивная дура, вот она кто.

— Я ненавижу тебя, Роне шер Бастерхази, — шепнула она непослушными губами.

— Взаимно, Шуалейда шера Суардис, — ухмыльнулся темный шер и отвернулся.

А она... что ж. Она научится жить с этим. И никогда, никогда не станет таким же темным чудовищем, как он.

Ни-ко-гда!

Интермедиа

5-й день каштана, Метрополия, Светлейший шер Парьен.

— Вы не можете оставить все как есть! Он ваш ученик и сын императора!

— Не орите на меня, темный шер. Я ценю ваше стремление к справедливости, но полковник Дюбрайн не может ослушаться императора.

— Не императора, а сбрендившего мерзавца! Светлейший, вы должны его остановить, а Дюбрайна вернуть в Метрополию.

— Я должен? Ваша наглость меня восхищает.

— Прошу прощения, Светлейший... Но если вы не вмешаетесь, кронпринц погибнет. — Темный шер Бастерхази, Паучья гордость и надежда, сделал смиренно-благостную морду, но глаз не опустил. — Я верно служу Конвенту и его всемогуществу, и моя присяга не позволяет мне оставить кронпринца без помощи.

— Ваша присяга, мальчик мой, позволила вам... Вам обоим, мелким идиотам, натворить дел! Не перебивать! — Парьен нахмурился. — Вы должны были доложить о сумасшествии кронпринца сразу. Немедленно! А не вертеть бездарные интриги!

— Я виноват, ваше светлейшество, — без капли раскаяния заявил Бастерхази. — И я пытаюсь исправить свою ошибку. Но и вы! Это вы позволили сделать из Дюбрайна цепного пса! Марионетку! Вы позволили ломать его!..

— Сколько страсти, — холодно усмехнулся Парьен. — Вы забыли, мой темный шер, что эмоциональные манипуляции — обоюдоострое оружие. Итак, вернемся к реальной ситуации. Из вашего лепета следует, что ваш гениальный план провалился. Почему? И не надо валить все на неопытную и эмоционально нестабильную девочку. Что натворили вы, два великовозрастных идиота?

Бастерхази снова гневно сверкнул очами, пытаясь испепелить Светлейшего прямо через зеркало связи. Правда, сквозь гнев ясно виделась его растерянность. Глупый мальчишка всерьез считал, что учитель Дюбрайна настолько некомпетентен, что не понимает собственного ученика? Или что Светлейший — копия Темнейшего и использует лишь один педагогический метод: бросание щенков в стремнину? Впрочем, откуда ему знать. Он-то ничего другого не видел.

А ведь сколько раз Парьен говорил этой упрямой узкоглазой колоде, что односторонний подход подведет в самый неподходящий момент! И вот он, результат. Вся тщательно спланированная операция почти пошла шису под хвост только потому, что Паук не научил своего паучонка доверять. И думать головой, а не поддаваться своему огню. Но ничего. Главное, что деткам не удалось друг друга угробить. Кстати, крайне интересный метод возвращения души... надо будет потом намекнуть Бастерхази, чтобы написал диссертацию по этой теме и непременно ее опубликовал. Потом. Когда эти два придурка наконец-то сделают то, что должны. Сами. Только сами. Двуетные не терпят шулерства в столь важных делах.

— Мы все сделали правильно. И если бы император не распорядился своим сыном, как рабом, и не подарил бы его кронпринцу...

— То есть вы не учли эту возможность в своих планах. Глупо, мой темный шер. При том, насколько полной информацией вы обладаете — это просто возмутительный просчет.

Бесстыжий темный наконец-то опустил глаза и кивнул:

— Вы правы. Мы непростительно ошиблись. Я непростительно ошибся.

— Только ли в этом?

— Нет. Нет, не только! Что вы хотите от меня услышать? Что я сожалею? Что я готов на все, чтобы спасти Дюбрайна?!

— Свою шкуру, темный шер, — покачал головой Парьен. — Насколько я вижу, Дюбрайн жив и умирать не собирается. Эту вы умудрились дать кронпринцу такие клятвы, что он волен распоряжаться вашей жизнью. Заигрались, темный шер. И теперь просите, чтобы я помог вам выпутаться.

— Я прошу вас, чтобы вы помогли выпутаться вашему ученику. По-вашему, то, что его отослали в

Хмирну, запретив даже говорить с кем-то, нормально? Что кронпринц едва не убил его, что шантажом вынудил принцессу дать согласие на брак — правильно?

— Все это — результат вашей непродуманной игры. И вашей, Бастерхази, ошибки. В которой вы так и не желаете признаться.

— Какое вам дело до моих прошлых ошибок, Светлейший? Нужно предотвратить брак Шуалейды и ссылку Дюбрайна. Вы хоть понимаете, что все это значит для него лично и каковы будут последствия для империи?!

— Лучше вас, темный шер. Что ж, я согласен с тем, что кронпринца следует лечить, и что его брак с Шуалейдой несвоевременен.

— И?

— Я доложу императору, а вам следует отправить его высочество Люкреса в Метрополию.

— Я бы с радостью, Светлейший, — саркастично поклонился Бастерхази. — Но вот беда, кронпринц волен распоряжаться моей жизнью. И я не нахожу ни одной причины, по которой он не прикажет мне умереть до того, как я исполню приказ Конвента.

— Мне следовало бы оставить вам самому выпутываться, темный шер. Но вот беда, я не разделяю принципов моего дорогого коллеги, вашего учителя. Так что я помогу вам.

— Вы поможете Конвенту сохранить хоть какое-то влияние в Валанте, Светлейший. Вряд ли вы найдете среди шеров-прим хоть одного желающего брать на себя ответственность за сумрачную колдунью с нестабильной психикой и Линзой. А шер-дуо с ней не справится.

Парьен усмехнулся и одобрительно кивнул.

— То есть вы подаете заявку на переаттестацию и желаете получить первую категорию, шер Бастерхази?

— Плевать я хотел на категории, ваше светлейшество. Я всего лишь выражаю согласие остаться в Валанте и продолжить свою службу на благо Конвента.

— Ваше неумение признавать свои ошибки и просить, шер Бастерхази, еще не раз подведет вас. Поэтому прислушайтесь к моему совету. Дружескому, мой мальчик. Сугубо дружескому. Освойте трудную науку — не бояться своей неправоты. Поверьте, ваша уязвимость в случае неправоты — лишь иллюзия, причем очень опасная для вас. Отказываясь смотреть на свои ошибки, вы теряете контроль над ситуацией. Невозможно исправить то, что вы не желаете видеть, невозможно ничего сделать с тем, в чем виноваты другие — потому что кто виноват, в руках того и контроль. Это же элементарно, мой мальчик, вы согласны?

— Благодарю за совет, светлейший шер, — склонил голову Бастерхази.

Парьен только вздохнул. Глупый, упрямый мальчишка. Совершенно не умеет доверять ни миру, ни себе самому. Все же Пауку следует пересмотреть методу воспитания. Парьен сегодня же ему это скажет. Сразу после беседы с императором. А пока...

— Поблагодарите потом, когда хоть раз ему последуете. А теперь, темный шер Бастерхази, я властью, данной мне Двуетиными, объявляю любые приказы, просьбы и пожелания его императорского высочества Люкреса не имеющими для вас силы. Вы свободны от любых клятв и обязательств перед его императорским высочеством, данных вами до сего момента.

— Благодарю, светлейший шер, — снова поклонился Бастерхази. — Будет ли какой-то документ, подтверждающий мое право препроводить его высочество в Метрополию?

— Нет. Будет кое-что иное. И вам не следует самому сопровождать его высочество в Метрополию, его высочеству не полезно ваше присутствие рядом.

— Без сомнения, мое присутствие только вредит его высочеству.

— Кто бы сомневался... Что ж. Я переговорю с императором, и он предоставит для его высочества других сопровождающих. Вам же надлежит встретить их и отвести к кронпринцу в подходящий момент.

— И какой же момент будет подходящим?

— О, я уверен, если вы подумаете, мальчик мой, вы и сами догадаетесь. Не так ли? — Парьен потешно улыбнулся темному шеру.

— Разумеется, светлейший шер, — предвкушающе раздув ноздри, сказал Бастерхази.

А Парьен кивнул сам себе и отчасти светлому шеру Дюбрайну, чье присутствие за спиной темного шера Бастерхази ощущал так же явно, как если бы они оба находились не в башне Рассвета, за тысячи лиг от Метрополии, а здесь же, в его кабинете в Магадемии.

«Ты справишься, Дайм. Я верю в тебя и помогу тебе. Главное, не теряй веру сам», — мысленно обратился к нему Парьен.

«Я постараюсь, учитель», — донесся до него едва ощутимый ответ.

«Не постараюсь, а сделаю! И раз уж тебе пришла пора познакомиться с Красным Драконом, получи от визита в Хмирну удовольствие».

«Хорошо, учитель. Я это сделаю».

«Вот теперь я тебя узнаю, Дайм».

— Вы не спрашиваете, где вам следует встретить эскорт кронпринца, темный шер?

— Я жду ваших указаний, Светлейший.

— Какое похвальное смирение, — хмыкнул Парьен. — Завтра в девять утра во дворе Магадемии.

— Но... как я окажусь в Метрополии так быстро, Светлейший?

— Уверен, вы что-нибудь придумаете, мой мальчик. Ведь на этот раз вам вовсе не обязательно прикидываться бессильной дубиной.

Сжав губы и снова пронзая Парьена гневным взглядом, Бастерхази кивнул. А Парьен, разорвав связь, усмехнулся. В конце концов, иногда Паук прав. От бросания щенят в стремнину есть своя польза. Должны же эти ленивые существа хоть как-то учиться плавать!